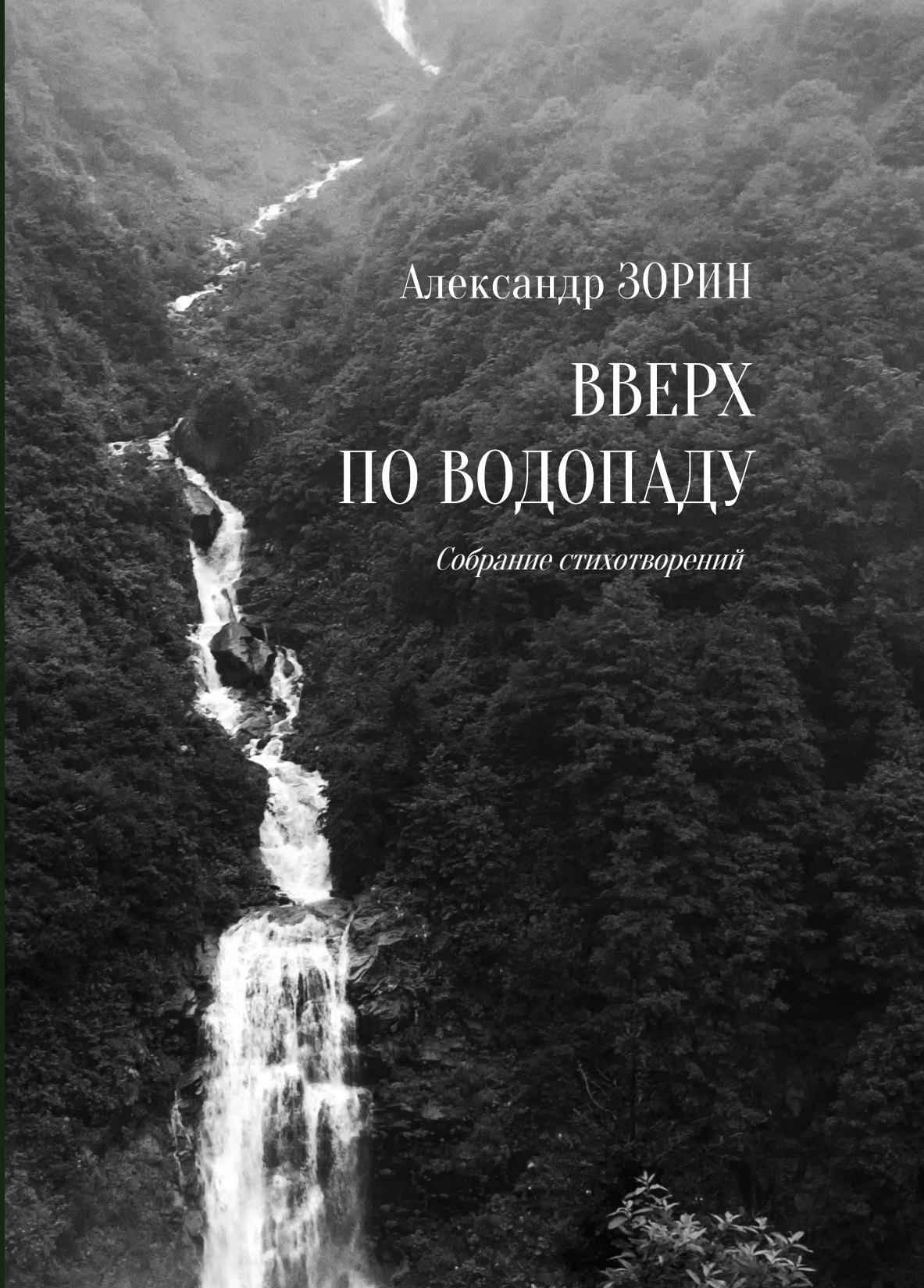

Александр ЗОРИН   ВВЕРХ ПО ВОДОПАДУ

Александр ЗОРИН
ВВЕРХ
ПО ВОДОПАДУ

Собрание стихотворений

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
КОЛЛЕКЦИЯ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

lulu

**Александр
ЗОРИН**

**ВВЕРХ
ПО ВОДОПАДУ**

Собрание стихотворений

**Lulu
Берлин
2025**

УДК 821.161.1'06(477)-31

3-86

Зорин Александр Иванович

3-86 Вверх по водопаду/Собрание стихотворений/А. Зорин.
Lulu. — Берлин, 2025 — 640 с.

ISBN 978-1-326-54852-0

В итоговую книгу А. Зорина «Вверх по водопаду» вошли стихотворения, написанные в разные годы.

«Поэзия Александра Зорина отстаивает возможность преобразования: отчаяния — в надежду, мрака — в проблеск света, греховности — в покаяние, грязи — в чистоту. Его стиху в равной степени свойственны как мощь подчас угловатого, огненного слова, так и пронзительная исповедальность глубокого личного чувства. Он, если хотите, одержим стремлением к истине и с усилиями, болью, промахами и озарениями всю свою творческую жизнь прокладывает к ней путь. Близо ли подошел он к ней в своем неустанном поиске или стоит лишь в середине пути — дело, как нам кажется, совсем не в этом. Он — без сомнения — видит впереди свет, и верит ему, и всей своей судьбой художника пробивается к нему, и зовет нас за собой».

Александр Нежный

УДК 821.161.1'06(477)-31

© Зорин А., 2025

© Lulu, 2025

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*(Интервью Александра Зорина Галине Калинкиной
для журнала «Этажи»)*

Г. К. Из вашего доклада на конференции, посвящённой Хосе-Мари Эскрива (2002 г.), мы узнаём начало вашей биографии. «Я родился в начале Второй мировой войны в Москве, в семье служащих: отец — художник, мать — учительница музыки и географии. Стихи начал писать в дошкольном возрасте, примерно тогда же, когда научился читать. Первыми моими текстами были газеты, постеленные на столах в детском саду вместо скатертей, и уличные вывески. Оторвёшь кусок газеты — и в мёртвый час, когда всех укладывают на послеобеденный сон, я не спал, а под одеялом, в щёлочку света, складывал буквы в слова».

А кто вас буквам-то учил?

А. З. Мама, на улице. Весь букварь перед глазами. «Аптека», «Булочная», «Вино». Буквы большие, да ещё озвученные родным голосом. Легко запоминались.

Г. К. Мама была вашим первым учителем. А кто вторым? Кто из писателей или ярких личностей оказал большое влияние?

А. З. Писателей было много, а из личностей — самой центральной — священник Александр Мень.

Если поставить его, свидетеля Христова, в центр моей жизни, то путь к центру для меня был весьма путаным и прерывистым. Я не уверен, впрочем, что центра достиг и достигну в оставшиеся земные сроки. Не уверен, всё ли мне открылось в личности этого человека, несомненно, повлиявшего на меня в жизни более, чем кто-либо.

Г. К. Но, судя по количеству звёздных названий в ваших стихах, центр пребывает где-то в небесных сферах.

А. З. Не совсем так. Иммануил Кант вывел как формулу: «Две вещи восхищают меня — это звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас». Это две составляющие одного целого. Человеческая цивилизация развивается, постигая их взаимозависимость. Но разрешите, начну издалека.

Учась в Литературном институте заочно (то есть, посещая лекции не в течение учебного года, а только на предэкзаменационных сессиях), я был предоставлен сам себе и постигал учебный курс хаотично. Приходилось где-то работать, выкраивая время на самостоятельные занятия. Работал я и сторожем, и дворником, и заправщиком электрокара на автобазе, и разнорабочим в Крымской обсерватории, и в многочисленных геологических экспедициях (после школы окончил геологический техникум). Из литературного заработка подкармливали переводы иноязычных поэтов, в основном эстонских. Словом, выбирал работу, оставлявшую необходимый досуг для чтения. И в эти счастливейшие досуги открывал для себя и русскую, и советскую, и зарубежную классику. Назову в приблизительной последовательности имена писателей, судьба которых была для меня не менее важной, чем их литература. Из русских писателей это Чехов, Лесков, Достоевский, Пушкин (!), Толстой, Есенин, Блок, Павел Васильев, Цветаева, Волошин, Бунин, Андрей Платонов, Заболоцкий... С Заболоцкого начался серьёзный интерес к астрономии. Он переписывался с Циолковским. Открыв для себя Циолковского, я погрузился в его жизнь и натурфилософские сочинения. После Циолковского — философ-утопист Николай Фёдоров, после Фёдорова — снова Толстой. Этот «матёрый человечище» казался мне тогда Иисусом Христом, неузнанно посетившим Землю во втором пришествии. Я ещё не касался Евангелия. А когда прикоснулся и многое переписал оттуда в толстую тетрадь, о Толстом уже так не думал.

Повторяю, писатели, которых я перечислил, важны были для меня и своим творчеством, и подвижнической жизнью. К ним можно добавить (в мои молодые годы) американца Генри Торо, француза Алена Бомбара... Торо поселился в 1845 году вдаль от цивилизации, на берегу лесного озера Уолден. Это был для меня заразительный пример пустынножительства, свободного от религиозных канонов. Многие годы (с мая по сентябрь—октябрь) я жил на хуторе в Латвии, на берегу Рижского залива. Хозяева, Аболтиньши, поселили меня в баньке, где я сочинял стихи, читал запоем Библию и блуждал по звёздному небу с помощью телескопа, который привёз туда из Москвы («И если бы...

купить бы телескоп! Уж не такая роскошь для поэта...»). Купил и привёз в Куйвижи. Учение Генри Торо и американских философов его круга, трансценденталистов, пленили меня романтической идеей: «Бог ближе к людям в лесах и горах, чем в городах».

Французский врач Ален Бомбар — в одиночку на шлюпке переплывший Атлантический океан, чтобы доказать людям, потерпевшим кораблекрушение, что они могут спастись, — тоже был заразительный пример. На рыболовецком траулере я ушёл в море, подрядившись простым матросом. Северные акватории в Атлантическом океане, доступные для российского флота, тогда ещё были промысловыми. Я испытал то, о чём мечтал: побывал в самом узилище стихий, когда шторма вздымали на гребень волны старенькое судёнышко и рушили его вниз. Волна стояла у меня перед глазами, как мутная стена, до которой, казалось, можно было дотянуться рукой. При этом была видна бездна, куда я проваливался вместе с палубой и со всей своей восторженностью. Вцепившись в поручни, в тот раз я не уходил с палубы, пока капитан не заметил меня из рубки и не прорычал по громкой связи, чтобы я убырался в каюту.

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъярённом океане
Средь грозных волн и бурной тьмы... —

эти рискованные порывы на грани безумия Пушкин считал, может быть, залогом бессмертия... С этим, пожалуй, не соглашусь. Да и Пушкин не уверен: «может быть...» «Но счастлив тот, кто среди волненья // Их обретать и ведать мог». Это правда, мгновенное счастье сопряжено с риском...

Здесь надо бы сказать, как попали ко мне эти книги. «За бортом по своей воле» Алена Бомбара купил мой отец. Выйдя из заключения после смерти Сталина и вернувшись в семью, он стал собирать библиотеку, которая спасла меня от улицы, от уголовного мира. В девятом классе я расстался с дворовыми дружками и каждый день до двух часов ночи просиживал за очередным томом. Еженощное уединение: кухонька в общей квартире, тусклая лампочка под потолком...

Уже учась в институте, я написал письмо Алену Бомбару. Точного адреса я не знал, но письмо дошло, что свидетельствовало о колоссальной популярности этого человека во Франции. Бомбар мне ответил. Он стал символом спасения гибнущего человечества. Теряя веру в Истинного Спасителя, люди теряют и волю к спасению. Позже он возглавил общество бывших чемпионов, бывших победителей на своём поприще, «сошедших со сцены». Их надломленная жизнь оказалась куда более опасной, чем та, когда они боролись за первенство. Нечто подобное испытал и Бомбар, одолевший Атлантический океан и столкнувшийся с океаном вражды и недоверия на суше.

А книгу Генри Торо «Уолден, или жизнь лесу» я купил на дальнем Севере. Мы с моим другом Евгением Винниковым провели зиму 1965–1966 года в Архангельской области, в приморской деревне Кушерека. И вот, возвращаясь, оказались в Онеге, районном городишке, зашли, разумеется, в книжный магазин. И там Женя ткнул меня носом в это сокровище. Сам бы я не заметил, имя американского философа мне ничего не говорило.

Евгений Соломонович Винников (настоящая фамилия Хаимов) одно время был моим просветителем, ревностным поводомёр в советских потёмках, и не только моим. Человек гениальных способностей, широко и памятно начитанный, он подавал надежды как молодой писатель. И был замечен известными мастерами слова: Львом Славным, Юлианом Семёновым... Стал печататься... Но главные свои вещи, остроконфликтного содержания, опубликовать не мог. Не это ли его подкосило?.. Писательство кончилось, началась беспорядочная жизнь, засасывающая в болото. Мне тогда казалось, что наша действительность не даёт возможности ему по-настоящему раскрыться. Что она мелковата для него, как затхлая лагуна для океанского лайнера с глубокой посадкой. Что он не плывёт, а стоит на месте, черпая по дну.

Отчасти так и было. Сколько подлинных талантов было загублено в нашем злонамеренном мелководье! Особенно среди тех, кто не услышал слова Спасителя: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16:33).

Г. К. Астрономия не уводила Вас от литературы, от вожделённого призвания поэта?

А. З. Напротив. По-своему разворачивала к центру. Наблюдение звёздного неба, притягательного для меня и сегодня, чтение популярной астрономической литературы, конечно же, ставили вопросы, на которые ищешь ответа. Как у меня в стихах тех лет: «Но кто мы, и откуда, и куда?..»

В Бюракане (Армения) в сентябре 1971 года собралась первая международная конференция, посвящённая проблемам связи с внеземными цивилизациями. Я участвовал в ней как страстный слушатель и читатель. В то время стали просачиваться в прессу статьи, заметки уфологического содержания. Соблазнительны были «сведения» о неопознанных летающих объектах, о пришельцах из иных миров. Братья по разуму в соседней галактике! Но от явлений космического масштаба меня всё-таки разворачивало к проблемам земным, реальным. А нет ли их ближе, братьев по разуму и по духу? Разве не могут быть братские отношения между людьми?

Этот вопрос мне задала моя мама, когда однажды мы с ней возвращались с какой-то лекции о космических пришельцах. Она была учительница. В молодости закончила Гнесинское музыкальное училище. Слушала лекции в Государственном институте музыкальной культуры, где методику фортепьянной игры читал Григорий Петрович Прокофьев, брат композитора. По окончании Гнесинки маму оставляли преподавать в училище и учиться дальше по классу композиции. Она любила импровизировать, сочиняя музыкальные пьесы. И в 1920-х годах зарабатывала деньги как известный тапёр на сеансах немого кино, оживляя своей музыкой беззвучные ленты. Послереволюционная жизнь диктовала свою жёсткую программу. И мама поступила учиться в педагогический институт и, закончив, преподавала географию в школе, а вечерами — музыку, ходила по домам к ученикам... чтоб не попасть фининспектору в лапы. Добрейший человек, она всегда бескорыстно помогала людям и не хотела верить, что наша судьба зависит от каких-то инопланетян...

И, как будто в ответ на эти вопросы, мне были посланы книги отца Александра Меня, распространяемые в «самиздате»: перепечатанные на машинке «Сын Человеческий» и первые тома его Истории религии «В поисках Пути, Истины и Жизни». Это была не просто вероучительная литература. Это были исторические повести, я бы назвал их поэмами. По чистоте и богатству русского языка, по безбрежности смыслового контекста эти книги, переведённые сегодня на десятки иностранных языков, являются русской классикой. Узнав, что автор их — православный священник, не откладывая, поехал я в Пушкино, в Новую Деревню, где в храме Сретенья Господня служил отец Александр Мень. Это был сентябрь 1975 года.

Если опустить некоторые предпосылки на пути к Истине (романтическое мировосприятие, звёздное небо, чтение Библии), встреча с Менем стала началом моего обращения. Я попал в братскую, культурную, творческую среду. Регулярное общение со священником, исповеди, зачастую в виде доверительной беседы, книги из его библиотеки, которыми отец Александр щедро делился. Делились и мы друг с другом зарубежными изданиями. А это была не только вероучительная литература, но и философская, и художественная, и историческая. С тех пор и до перестройки я восполнял своё образование исключительно литературой, приходившей из «тамиздата».

Община в Новой Деревне была для меня универсальной жизненной школой, о чём я попытался рассказать в книге об отце Александре «Ангел Чернорабочий».

Не оставляет мысль, что, проживи он хотя бы ещё лет 10–15 (его убили в 1990-м), Россия была бы другая! Её развитие пошло бы по другому курсу. Не случайно же сказано: «Много может усиленная молитва праведника» (Иак. 5:16). А беспримерная деятельность и сила молитвы отца Александра сказались не только на судьбах многих людей, но и на состоянии Русской Православной Церкви, жизнетворные процессы которой сегодня пока ещё едва заметны.

Не было дня, чтобы я не думал о двух людях: о маме, ушедшей в 2002 году, и о нём. Перечитываю, слушаю лекции,

проповеди. Он предчувствовал, что грядущий век чреват угрозой международного терроризма. Он говорил, что «мы стали свидетелями мировой гражданской войны всех “детей Адама”, терзающей его единое тело. Эта война не утихает ни в дни боевых действий, ни в дни “мира”. Террор и ненависть не знают перемирий». Мир стремительно меняется. Меняется и культурный фон в мире. Он считал, что должен меняться и язык Церкви в отношениях с миром. В 1989 году ему довелось выступать на симпозиуме в итальянском городе Бергамо. «Уверяю вас, — сказал он, — без нового религиозного ренессанса человечество способно погибнуть за очень короткий срок, потому что, овладев огромными разрушительными силами, потеряв нравственную ориентацию, потеряв то, что действительно питало корни культуры, человек пойдёт по пути самоубийства... Или мы возвратимся к звериному состоянию, вооружённые техникой, или вернёмся к тому, что дано нам изначально, именно к образу и подобию Божию».

Г. К. Вы были знакомы с А. А. Тарковским. Он рекомендовал Вас в Союз писателей. В статье о нём, о его поэтике Вы пишете о соприкосновении духовных и материальных начал.

А. З. Да, его поэзия как будто вещественно ощутима. Стиль соответствует личности — динамичной и целостной, как загадочная планета-океан из фильма Тарковского-младшего. Она сверхчувствительно реагирует на внешний мир, и зона контакта сплошь и рядом оказывается зоной конфликта. Но эта глубинная реакция вписывается в общее динамическое равновесие. Мелочи жизни гармонии не разрушают. Полярность ощущений заметна уже по словарю. У Тарковского возвышенная лексика уживается с низовым обиходом. Человек — связующее звено в мироздании, мост, соединивший два космоса: мириады инфузорий и мириады звёзд.

Кстати говоря, он увлекался астрономией. Татьяна Алексеевна, его супруга, рассказывала, что в их медовый месяц где-то на юге ночами он пропадал возле дома, разглядывая и изучая созвездия.

Впервые я приехал к нему в Голицыно познакомиться с поэтом и с его телескопом. Знал, что на даче у них — большой телескоп. Но, увы, телескоп понуро стоял в большой комнате не под раздвигающимся куполом, а под дощатым потолком.

Он мне подарил карту звёздного неба. Она по сей день висит у меня дома. В самый центр, в Полярную звёздочку, я прикрепил маленький крестик, распятие, как знак, соединяющий Небо и Землю.

Г. К. Не многим выпадает на жизненном пути такое количество встреч с незаурядными людьми. Уместно было бы перечислить здесь их имена. Это Лев Озеров, Лев Аннинский, Татьяна Бек, Владимир Леви, Зоя Масленикова, Александр Нежный, Лариса Миллер, Борис Крячко, Мариэтта Чудакова, Ольга Постникова... О всех в журнальном интервью, конечно, не скажешь, ну, хотя бы о некоторых.

А. З. С Аннинским были дружеские отношения с давних пор. Помню его биографию в «самиздате», которая тогда не могла быть опубликована. Честная, документальная проза. Я ему чуть ли не первому принёс свою книгу стихотворений о Циолковском, на которую он откликнулся подробным письмом. В его книге о Лескове «Лесковское ожерелье» содержалось многое из того, что во мне только брезжило. Что я и попытался выразить в рецензии «Нить лесковского ожерелья».

Однажды со своими дочками он приезжал ко мне в деревню на Валдай. На известный источник за водичкой «от глаз». Мама страдала глаукомой.

В начале 1970-х к нему попала на рецензию рукопись Бориса Юлиановича Крячко «Битые собаки». Он оценил её по достоинству, но как опытный литературный работник предложил убрать остроконфликтные места, чтобы можно было опубликовать её в журнале «Дружба народов». Автор не согласился. Сейчас эта повесть и другие произведения вошли в большой том «Избранного» Крячко (Издательство «Геликон», Петербург, 2020).

С Борисом Крячко меня связывала многолетняя трепетная дружба. Как писатель при жизни он был мало известен. Вот что пишет о нём в предисловии к этому тому Дмитрий Быков: «Про-

за Бориса Крячко — самый нужный витамин после долгой изнуряющей зимы. Его языковое богатство и фонтанирующее словотворчество сравнимо разве что с лесковским, он великий мастер в передаче чужой речи, а собственный его голос органичен и узнаваем, настолько уверен и гибок, что мало кого из современников можно поставить рядом с ним».

Владимир Львович Леви — обладатель множества талантов: учёный, писатель, поэт, композитор... Его книги, учебники по психологии, им самим иллюстрированные, — в одинаковой степени научные и художественные произведения. Мне кажется, они давно и широко популярны ещё и потому, что написаны художником.

Александр Нежный — оригинальный прозаик, мастер, потрясавший в перестроечные годы читающую Россию своей огненной публицистикой. А его роман «Там, где престол сатаны» многим открыл глаза не только на советскую Церковь. Это сага о несчастной России, плач о её трагической судьбе, предупреждающий, что и впереди — темно. Идеологи разных мастей топтались тогда — в постсоветскую оттепель — в поисках Русской идеи, чтобы направить страну по верному пути в светлое будущее. А Нежный в своей документальной прозе будущее связывает с настоящим. «Спешите делать добро» — девиз доктора Гааза был и остаётся в фокусе мировоззрения художника. Его роман «NIMBUS» о святом докторе да и вся его последующая проза обнажённо правдивы к мерзостям жизни, которыми изобилует наша действительность. Мы с ним и В. М. Серебряковым в начале двухтысячных создали просветительское общество «Древо Добра». Нашу культурную программу по стране (также в колонии и тюрьмы) несли профессиональные писатели, актёры, художники.

Поэзия Ольги Постниковой с давних пор мне близка и звучна. Впервые меня пленила её книга «Понтийская соль». Мотивы Античности пронизывают всю её поэзию и прозу. Но, действительно, о всех не расскажешь в краткой беседе. С каждым столько связано...

Г. К. Были у Вас перерывы в творчестве? Не в публикациях и изданиях, а именно в общении с Музой. Википедия указывает последним по хронологии Ваш сборник «Жертвоприношение Авраама», 1999 год...

А. З. Это неточность. После 1999 года у меня вышло три книги прозы и четыре сборника стихотворений. Последний — «Март отзывчивый. Март безутешный». Что же касается Музы, то у меня с ней прихотливые отношения. Известно, «служенье муз не терпит суеты»...

Г. К. И вместе с тем, Вы в докладе об Эскрива утверждаете, что повседневность свята. Где же тут святость, если обстоятельства так безжалостно теснят поэта?

А. З. Если считать, что твоя жизнь под покровом Всевышнего, значит, каждое её мгновение освящено. Эскрива говорит, что быть христианином не значит жить, как обыватель, и лишь в воскресенье на пару часов где-то возноситься духом. Быть христианином значит быть им всегда, повседневно, в самых обычных ситуациях и вещах. Повседневность значима и как-то отражается в творчестве.

Г. К. Вы говорите: «Христос пришёл к апостолам не в “сон золотой”, а застал их за работой. Их начальная школа — ручной труд. Христос тоже владел ремеслом. Плотскость мировосприятия. Познавать мир наощупь». Вам ведь тоже ручной труд знаком.

А. З. Да, апостолы были простыми людьми. Откровение Божие доступно и на этом уровне. Потом при общении с Ним сознание их развивалось, и они могли выразить, казалось бы, невыразимое. Поэт тоже чуть ли не физически ищет невыразимое. Перелопачивает, как Маяковский, «тысячи тонн словесной руды». По себе скажу: ощущая, лепишь слово руками... Жест — вспомогательный способ выражения речи. Замечали, как поэты читают с эстрады? Есенин весьма выразительно помогал себе правой рукой — вот-вот взлетит.

В нашем храме служил священник Георгий Чистяков — уникальный филолог, знаток древних литератур. Его проповедь, на-

сыщенная богатейшим содержанием, воспринималась ещё и как сценическое действо. Жест входил в её арсенал. Значение Евангельской истины он лепил у нас на глазах.

Поэт чувствует материал, осознаёт его на ощупь в те счастливые мгновения, когда сопряжён земной и духовной сущностям. Это не значит, что он должен вкалывать за токарным станком, «познавая жизнь». Меня, например, не приняли с первого раза в Литературный институт: не хватало производственного стажа. Книга стихотворений Арсения Тарковского, не владевшего ни сверлом, ни лопатой, называлась «Земле — земное». Материальный мир, пронизанный неведомой энергией, парит, каким бы весом и массой ни обладал.

Г. К. Художник как, может быть, никто сомневается в полезности своего труда, своего творчества, как никто бывает одинок и никем не услышан. Вы переживали подобное?

А. З. Разумеется. И всё-таки «цель творчества самоотдача, а не шумиха, не успех» (Пастернак). Опасно сравнивать себя с другими. Мандельштам предупреждал: «Не сравнивай, живущий несравним». Одиночество — преходящее состояние для мыслящего человека, если он находит поддержку Свыше.

Г. К. Несколько лет Вы при храме Космы и Дамиана занимались сбором книг и распространяли их по тюрьмам и сельским библиотекам. Какую пользу это принесло Вам как поэту?

А. З. Отрадно было знать, что кому-то это приносит пользу. Общество «Древо Добра» за три года распространило более 300 000 книг. Была среди них и религиозная литература, книги отца Александра Меня. Завязывались знакомства, переписка. С некоторыми бывшими сидельцами я переписываюсь до сих пор. А один из них, Алексей Гиришвич, стал профессиональным писателем. Он издаётся в Израиле.

Г. К. Подборки Ваших стихотворений печатались в журналах «Дружба народов», «Москва», «Юность», «Континент», «Новый мир», «Огонёк», «Знамя». Публикацию в каком из этих достойных изданий Вы могли бы назвать значимой, поворотной?

А. З. При советской власти я печатался крайне мало. А в конце 1980-х, когда цензура ослабла, посыпались публикации. Каж-

дая из них была подарком. Одну, пожалуй, запомнил особенно. «Новый мир», 1989 год, №7 открывался моей большой подборкой стихотворений, а следом шёл «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына. Первая часть. Что говорить, почётное соседство.

Г. К. Что Вы цените в поэтическом произведении?

А. З. Правду и красоту.

Г. К. Стихотворение — как письмо. Кому оно адресовано, конкретному человеку, человечеству, себе? Для кого Вы пишете?

А. З. Пишу, потому что не могу не писать. Думаю, что на необитаемом острове, не имея ни интернета, ни WhatsApp, всё равно бы писал.

Сентябрь, 2021

Из книги ЯБЛОНЕВЫЙ ДЕНЬ (1979)

СЛОВО РУССКОГО СЕВЕРА

Уж такой здесь обычай — каждого
словом ласковым одарят.
То «Сергеюшка», то «дороженька»,
то «погодушка» говорят.
— До свиданья, спасибо, хозяйюшка.
Может, чем-то обидел, прости.
— Полно, Алюшка, полно, Алюшка. —
И с порога: — Гости, гости... —
Хлещет вьюга сырыми хлопьями,
сучит белые кулаки.
Но слова остаются тёплыми,
словно варешки у щеки.
Здесь, где в пасмурные полгода
снег, да ветер, да гололёд,
небу внемлющая природа
слову оледенеть не даёт.

1962

* * *

Куролесит ветер снежный.
Вьюга — пьяная пора.
Ходит дым за мной, как леший,
вкруг весёлого костра.
Он в глаза, проклятый, перца
так и норовит сыпнуть.
Ни присесть, ни обогреться,
ни ладони протянуть.
Отойду. Ну что за диво!
Снег кусая, на меня
скачет огненная грива.
Скачет грива без коня.

Натерпелся бы я страха,
будь я робкий человек:
это красная рубаха
рукавами бьёт о снег.
Или в леденящих лапах
без надежды, без гроша
это бьётся на ухабах
чья-то жаркая душа!
И стоит поодаль странник,
дым — лица не разглядеть.
И подбрасывает стланик,
чтобы вечно ей гореть.

ТРАВЫ

Краснопёрые рули,
сабли, скрученные в трубки,
стрелы, струны, костыли
мощно лезут из земли,
словно фарш из мясорубки.

Шею обернул загар
грубоватый, из шагреня.
Жук тяжёлый, как жакан,
шмякнулся в лицо сирени.
Жизнь по-новому кипит
варевом в компостной яме.
Зелень хрупают, скрипит,
плавится под сапогами.
Явь блистающая, близь...
В травы падаю, как лист
прошлогодний. Окружили
скопом. В позвонки впились.
С капиллярами срослись
и насквозь прошли, прошили.

ГРОЗА

Гроза ломилась в окна.
Дождь хлестал.
Полосовал по стёклам и по крыше.
Бил по земле.
Глазами синих молний
выхватывала ночь из темноты
кусок стены,
мой стол,
стопу бумаги.
Гром хохотал, плеща и сатанея.
И меж обвалов грома,
жестоких, близких — руку протяни,
оправленная жестью
крыша пела.
Я у окна сидел.
Один. Без света.
Всем телом чувствуя:
там, в вышине,
крошась в куски,
неистовствует сила.
Расшвыривая факелы по небу,
по горизонту фосфором светясь.
Вдруг я увидел —
мимо, по дороге
бегут прямые голые деревья.
И было мне не боязно, а жутко
в своём дому, под сенью громоотвода.
1964

* * *

Жёлтых и синих цветов собираю.
Их я на белую скатерть поставлю.
Что же невесту к себе не зову?
Скоро и думать о ней перестану.

В душном орешнике, в тёмной траве
тянет лебяжий стебли купава.
Помню я, помню я всё о тебе,
без вести канула, но не пропала.

Жёлтых, таких же больших нарвала.
К синему свитеру стебли прижала.
Рыжие головы их обняла.
С ними мою, обнимая, смешала.

Горечь и страх миновали, прошли
широкошумным, прощающим ливнем.
Губы и руки мои обожгли
два эти яркие: жёлтый на синем.

Нет, ни за что я тебя не корил.
Ну, а грехи поделили мы равно.
Помню, что имя тебе подарил,
имя-то, имя какое — Купавна.

1965

ПОТУХАЮЩИЙ КОСТЁР

Рваным парусом повис
вдруг костёр... Спадает вниз,
неуверенный и ломкий.
Искромётный кипарис
в землю ввинчивается воронкой.
Толщи воздуха вдали
с птицей, медленно парящей,
и позёмка
потекли
в вакуум его гудящий.
Розовую пасть разинув,
пережёвывает он
ящички от мандаринов
и резиновый баллон.

И по зёрнышку сугроб
сглатывает долгим горлом.
Слышится шипенье, гомон,
хохот, хлюпанье взмахлѣб.
Ззззинь — калѣная струна
лопнула на тонкой деке.
В углях страсть оголена.
В углях — мгла.
Как в человеке,
преисподняя видна.
Вздрагивающие куски
пламенны и полновесны.
Невозможно отвести
взгляда
от роскошной бездны.

КОНЕЦ СЕЗОНА

Крадѣтся осень лисьими шагами
неслышно по ржавеющему мху.
Кружится ястребиными кругами.
И гнутыми бараньими рогами
стоит, как вечный факел, наверху.
Одела в домотканые ковры,
в холсты и шкуры берега Витима.
И берега, пушисты и пестры,
раскладывают редкие костры,
высокие и чистые — без дыма.
Подходит окончание работ
неторопливо, с шутками, с прохладцей.
И шум реки, её гремучих вод
напоминает часто вертолѣт,
в котором нам отсюда возвращаться.
Ждѣт дома кроме матери меня

сентябрь мой, по счёту двадцать пятый.
Уже совсем желта его броня.
Он из лесу выходит среди дня,
мятущимися листьями объятый.

1966

ИЗ ОКНА ПОЕЗДА ДАЛЬНОГО СЛЕДОВАНИЯ

Сырая заря на востоке.
Околицы. Нитка следов.
Заводы, бараки, помойки.
Облезлые шкуры снегов.

И реки... декабрь безумный
вскрыл вены. Разбухли поля.
Мелькнул полустанок «Лазурный».
В цементе и в ломе земля.

Морока — в вагоне толкаться
шесть дней. Полпланеты почти...
Но кажется — мчаться бы, мчаться!
Ни здесь и нигде не сойти.

* * *

Надо жить, вставай, светает.
Надо... Что и говорить...
Надо б Моцарта поставить.
Кофе крепкий заварить.
Надо жить в согласье, в доле,
в хоре, в горе, хоть убей.
По своей, по чьей-то воле.
Нет, ещё не по своей.
Не мудри. Наверно, надо,
коль родился. Принимай

всё как есть. Иди и взгляда
от земли не подымай.
Разве что — к холодным звёздам.
Надо бы — душевный жар
не мутить. Когда б не послан
издали, как в лузу шар.
Надо жить! Сдурел ты, что ли?..
Замыслы-то велики!
По своей, по Божьей воле,
поневоле, вопреки.

* * *

Карабкаться, сопротивляться...
За берег, за кусты цепляться,
за снег... пока водоворот
жгутом свинцовым не затянет,
прокрутит и поволочёт
по дну... Пока судьбой не станет.

Тогда — не разомкнётся рот...
А только б воздуху хватило —
в комок собраться. Тоже сила
нужна, чтобы по воле вод...
И вытолкнет — башкой об лёд.
А в полыню, в солнцеворот —
считай, фатально подфартило!

СРТР¹ «ЖУПАНОВО»

А ну, травы проворней лот,
не задавай вопросов.
Мы грамотный рабочий скот —
четыренадцать матросов.
Нет времени и для еды

---

¹ СРТР — средний рыболовный траулер-рефрижератор.

от разных проволочек.
Живей! Ещё до темноты
бондарить тыщу бочек.
Чтобы успеть ночной улов
загнать в них. И загоним.
Ведь ты здесь не за «будь здоров» —
на зарботке законном.
Эй, наверху там, не зевай!
Гони её по трапу!
Не бойся, крепче обнимай,
как обнимаешь бабу
И крючья ровной толщины
готовы для захватов.
И круто спины сплетены,
как будто из канатов.
Не вырывайся, дуралей,
Лаокоон, из тросов.
Чем примитивней, чем грубей,
тем более вынослив.
И ночью вкалывай и днём,
покамест не калека.
А отдохнём, когда умрём.
Не правда ли, коллега?!

КАРТА ЗВЁЗДНОГО НЕБА

Карта звёздного неба
здесь, на этом столе?!
Огурцы, корки хлеба,
рукавицы в смоле.
Банка с килькой; и гейзер
слов, душистых, как эль:
Альтаир, Бетельгейзе,
Фомальгаут, Ригель.
Нам бы это наречье
знать со школьной доски...

Бьёт из трюма навстречу
запах тухлой трески.
Якорь цепью скрежещет
по обшивке, свиреп.
Гейзер хлещет и хлещет:
Денебола, Арнеб.
Стоп. Шабашим работу.
Скоро ночь, перекур.
Встал по левому борту
одинокий Арктур.
Где бы, с кем бы я ни был,
сквозь любое окно
тяга тёмная к небу
призывает давно.
Не мои ли просторы —
Альтаир, Паруса?..
В звёзды, в ночь, как кингстоны,
отворяю глаза.

* * *

Лебёдка ржавая скрипит,
прокручивая трос на стыках.
Трал в воздухе.
От брызг, от слитков
серебряных глаза слепит.
И как безумные кричат
над нами чайки. Тащим дружно.
Под прессом собственного груза
хвосты и головы торчат.
Дождавшись часа своего,
тонн шесть болтается на кране.
Как мы
в автобусах, в метро,
в час пик зажатые дверями.
Но рушится под ноги свет
серебряный, трепещет пёстро.

Каких здесь только тварей нет,
достойных откровенья Босха!
Зрачки зияют в голове.
Безмолвны судороги, крики.
И, как поленья по траве,
разбросана треска по кильке.
Её прожорливые рты
уже захлопнуться не в силах.
Оттуда килечьи хвосты,
как изумлённые, застыли.
Преподавая новичку
наглядно общую науку:
треска — её, а мы — треску.
Всё как заведено — по кругу.

ЗАЛИВАЮ БОЧКИ ВОДОЙ

В полтыщи бочек на носу
порожных
солнце било.
И пахло влажно, как в лесу
от свежего распила.
Составленные в штабель, в ряд,
объятые ветрами,
они на разный лад гудят
голосниками в храме.
Карабкаясь с вала на вал,
съезжая плоским пузом,
плавбаза тащится в Лазвар,
заполненная грузом.
На бочках утвердись, парю
над палубой и выше.
Забортной тяжести струю
вбуравливаю в днище.
Ногами — намертво в края,
стою, упёршись в ветер.

Устойчивый, как никогда,
и в главном — как наметил.
И солнце с правой стороны
то спрячется,
то снова
на гребне розовой волны
подыметя багрово.

* * *

— Ушёл в море, жену поцеловал?

— ???

— А сосед разрешил?

Матросская шутка

Смугла, рыжеволоса,
открыта вся и всем.

Над койкой у матроса
изысканный гарем.
Там распласталось тело
в купальнике и без.
Глядит он обалдело
на чудо из чудес.
Ворочается, курит
и дышит, как насос.
Заполонил весь кубрик
её гигантский торс.
Кому нужна работа
и горб ломовика!
Чтобы глазеть на фото?
Любить — издалека?
Есть дом. Не дом, а мука.
Где он давно уж гость.
Есть не жена, а — сука.
И к ней остыла злость.
А ну их, в общем, в баню.
С подушкой отосплюсь.

Вот рейс отбарабаню
и на траве напьюсь.
И, как на дно колодца, —
в сон, в полузабытьё.

И к бёдрам прикачнётся.
И оживит её.

КОНВЕЙЕР. КИЛЬКА В БАНКАХ

Темнеет в Мишиных глазах.
А ночь светлеет.
У новичка — за взмахом взмах —
рука немеет.
Как встал в конвейерном кольце —
не разогнуться.
Зрачки на пляшущем лице
не шелохнутся.
Слепят, спрессованы в мечтах,
рубли и кроны.
Раскладчик Миша, как монах,
кладёт поклоны.
И пот на оголённом лбу
взбухает крупно.
И, как железом по стеклу,
визжит закрутка.
И бой десятка молотков
по каждой планке.
И килька бешено с лотков
струится в банки.
И запах, голову кружа, —
под дых ногами.
И рыбы красные глаза
под сапогами.
Но, покрывая этот шум
и грохот дробный,

из репродуктора в наш трюм,
как в мир загробный,
влетают из иных миров
пестро и праздно
на связке голубых шаров
фугаски джаза.
Эй, Миша, рыбы не жалея,
клади тучнее!
Пошла работа веселей,
и ритм точнее.
За сверхурочные — вдвойне
от всех надбавок.
Уж за полночь.
Даёшь стране
шесть тысяч банок!

СМЕРТЬ МАТЕРИ

Закрутило нас в полог тумана.
Хоть руби топорами его.
Что мы знаем о будущем? Мало.
А точнее, совсем ничего.
И для нас оно — этот же полог.
Но редет белёсая мгла.
— Что там, всё ещё дрыхнет технолог?
— У технолога мать умерла. —
Пил всю ночь он, закрывшись в каюте
от чужих утешительных слов.
Громыхали железками люди.
Без него принимали улов.
И всё так же звенела закрутка.
Шла с конвейера килька в броне.
И всё так же, до жалости жутко,
пела Пьяф на короткой волне.
Вот и сам он на палубу вышел.

Поздоровался, встал за лотком.
Вот и сам он команду услышал
и, как все, застучал молотком.
Разве что-нибудь где-то случилось?
Может, просто приснилось вчера?
Разве что-нибудь здесь изменилось
оттого, что она умерла?
День кончался.
Осталось немного:
сотня ящиков и — на матрас!
День как день.
И глядел одиноко
в щель заката оранжевый глаз.

ИОНА

Кит проглотил несчастного Иону
и погрузился с ним на глубину.
Иона сполз по горловому склону
в безмолвную и странную страну.

Вокруг в утробной горестной пучине
темнели трубы, пашни, города.
Там люди сонно жизнь свою владчили,
отравленную газами кита.

Три раза в день из общего затона,
куда сквозь люк просачивался свет,
им выдавалось по ведру планктона.
А недовольным — каловый брикет.

Они едва друг друга узнавали.
И, в ядовитый кутаясь туман,
сходились вместе... не подозревали,
что их несёт в объятьях океан.

Итак, в пространстве замкнутом и мгlistом
сидел пророк. Был щёлочкой вовне
лишь плод цивилизации — транзистор.
Печально без транзистора на дне.

О Боже мой, пошли мне сил! Покорно
принять твой гнев... Пошли мне, Боже, сил
не раствориться в животе... Иона
из чрева преисподней возопил.

Когда мне душу жернова мололи,
когда мне тиной забивало рот,
слепой — от унижения и боли —
я помнил: помощь от тебя придёт.

Хватил Иона в грудь Левиафана.
Почуял зверь в груди какой-то гул.
Боднул волну, дал в небо два фонтана
и дерзкого на волю отрыгнул.

ОН И ОНА

Как язычник — бесстрашен и весел,
я на баке стоял босиком.
Шваркнул острыми брызгами ветер
на брезент и в лицо, как песком.
Небо с запада медленно меркло.
Край малиновый
море всосал.
Горизонт, как магнитная стрелка,
потерявшая полюс, плясал.
Волны судно то ставили боком,
то, сбивая рули, волокли.
Но скорее, скорее — бинокль!
Уж не парус ли виден вдали?

По фарватеру нашему, ярко
польским флагом освещена,
шла бейдвинд, как по лезвию, яхта.
И на ней были Он и Она.
Были Он и Она.
За словами,
за невидимым взмахом руки,
за пределами — с вами я, с вами,
как бы ни были вы далеки.
Ближе ближнего — хоть ослепите.
А незримую нить не порвать.
Убегаем из ям общежитий,
чтоб сойтись на просторе опять.
Если прочные узы на свете
есть ещё для меня и для вас,
это — даль расстояний и ветер,
из которого жизнь родилась.
Кто вы, Он и Она, на безлюдье?
Современники по Земле.
Будьте живы и яростны.
Будьте
вместе с штормом бессмертны во мне.

1970

ПИСЬМО

Всё хорошо. Ни с кем я не знаком.
Пусть ваши дни вразлад и кувырком.
Пусть философски любят вас, конкретно...
Моя любовь, согласен, беспредметна.
Нет, нет, не так. Но сущность не в названии.
Как будто бы я с вами и не с вами.

Живу под небом пристальным давно.
Когда оно распахнуто, омыто,

всклянь по земле — за горизонт — разлито,
когда и на губах моих оно
вдруг отзовётся ясными словами,
тогда не с вами, слышите, не с вами.
Нельзя так жить и по волнам нестись.
Уже я знаю — резче разойтись
нам следует, увязнувшим по шею.
Да первый не умею, не умею.

* * *

Уже не птенец желторотый —
под нос кулаками сучить.
Работою, только работой
сердечную муку лечить.

Сломаю копье Дон Кихота.
Обидчики — нет им числа.
Работа, прямая работа
и Ноя когда-то спасла.

Лауру забудешь ты с Флорой —
с чистейшим соцветьем долин.
Есть некая область, в которой
единственно ты властелин.

Смиряющий силой чудесной,
а не обнажённым мечом.
И если ты труженик честный,
надёжно тогда защищён

от уличной склоки и быта.
И слава почти не нужна.
Работа есть наша защита.
Защита, пусть даже одна.

ЛЕТО В ТАЛЛИНЕ

Всё таллинское, эллинское лето
я просидел, как схимник, взаперти.
Переводил верлибрами поэта
случайного, но близкого почти.
Три раза в день спускался я в кофейню,
как в батискафе — в томную жару.
И кельнершу разглядывал, как фею.
И снова честно прятался в нору.
И было мне
до спазм сердечных грустно,
как не бывает грустно старикам.
Не только жертвы требует искусство...
Но яростно в подстрочники вникал.
В подстрочники ноктюрна о любимой.
Пока всю ночь пером своим скрипел,
в окне напротив
свет необоримый
открыто, незашторенно горел.
Там обнимались. Напролёт — часами.
Счастливые, у них секретов нет.
Поочерёдно яблоко кусали.
И не гасили, не гасили свет.
Я утешался: поступаясь в малом,
мы всё же не становимся бедней.
Ночную жизнь в аквариуме алом
не стоило бы сравнивать с моей.
И так всё лето.
Огненное око
всходило, зазывая и страша.
И, сам свои зашторивая окна,
я словно шёл по лезвию ножа.

ЧАСЫ В СТАРОМ ДОМЕ

I

Тишина как на дне океана.
Тишина тяжела, первозданна.
Древний нерукотворный сосуд.
Даже мыши её не грызут.

В метр стены — старинная кладка.
Век добротности, миропорядка.
Стол дубовый.
И бьёт родничок
на столе.
Это время течёт
из будильника... Камушки точит.
То молчит,
то журчит,
то грохочет.

II

Тишины родниковый колодец.
Мох на крыше. Часы на столе.
Чётким шагом стучит иноходец
по столу, по стене, по спине.
Сквозь сонату Бетховена — кратер —
слышно:
время клокочет на дне.
Время — в замкнутый слух детонатор.
Иноходец? Будильник в стене!
В тряпки спрятать его... Иль укрыться
самому в светоносный фантом.
Толку что!
Всё равно просочится,
горячо, как пятно под бинтом.

ТВОРЧЕСТВО

Стихи роятся гроздьями. Они
растут во мне, цепляясь друг за друга,
пока на стол в безоблачные дни
не лягут полновесно и упруго.

Не обольщаюсь, дар мой не велик.
Срывается и аритмично дышит.
И я уверен, что в какой-то миг
стихи себя невольно сами пишут.

Не ладится, не строится строка.
Страшит косматый чад черновика.
Качается, как хаос первозданный.
В нём серебрится замысел туманный.
Но нету сил уже или пока...

И вот тогда, намечена вчерне,
как будто лань при родах, выгибаясь,
строка трепещет, разрывает завязь,
и мечется, и помогает мне.

Не так ли и Творец? Не прописав детали,
лишь контур обозначивший вначале —
набросок наш, —
с него не сводит глаз.
И ждёт посильной помощи от нас.

ПЫТКА ХРАПОМ

Начинается бденье ночное.
О, когда б для стихов и поэм!
За прозрачной панельной стеною
мощно дрыхнет сосед Полифем.

Всё, что за день он съел в ресторане,
всё, что выпил вчера в чайхане,
грозной магмой клокочет в гортани
и пузырится где-то на дне.

Сотрясаясь под каменным храпом,
полки с книгами рушатся на пол,
и картины сползают с гвоздей.
Не с колом обожжённым, а с кляпом
подобрался б к нему Одиссей.

Так и вижу, как в люльке дивана
колыхается розовый тук.
Он встаёт, как все пьяницы, рано.
Он проснётся — заколет барана
и в себя опрокинет бурдюк.

ТЕТРАДЬ В ТРАВЕ

Несмятой горечью дышала
трава и дикие цветы.
В траве тетрадь моя лежала.
Светились чистые листы.

И солнце брызгами кропило.
И волны резало резцом.
Так душно и так сладко было
упасть в несмятую лицом.

На тёплой трепетной странице
паук, работая за двух,
из паутины небылицы
сплетал, наверное, для мух.

И тени чаек слишком косо
давно уж исписали лист.

Трещала сойка безголосо.
У моря лошади паслись.

Тетрадь моя росы пригубит.
Отяжелеет на земле.
И сами в ней стихи проступят
под жаркой лампой на столе.

СТИХИ О КАЗАНИ

Пускай январь наотмашь хлещет
колючим солнцем по глазам.
Меня от всех недугов лечит,
врачует древняя Казань.
И да простится мне, что новых
примет пока что не хочу.
В Казань на розвальнях дубовых,
как сын купецкий, прикачу.
Шибает в ноздри дух сивушный,
аж кони прядают назад.
Рогожный, лапотный, конюшный
из-под руки глядит посад.
А я, чубатый, шапку сдвину
и, думку думая одну,
остановлюсь. И вожжи кину,
и дверь в лабаз ногою пну.
Да чтоб не славили про сына,
как про отца, мол, тоже — скуп,
всем, кто здесь есть, вина досыта
и на баранки девкам рупь!
Займётся гул разгорячённый...
И разговор хмельён, бродяч...
А ну, чумазый татарчонок,
спляши и забирай калач!
Занятно мне в двадцатом веке
уйти в то время с головой.

И в том приезде человека
вдруг угадать характер свой.
И так случилось, что в Казани
снимали фильм.
Толпа цвела
кафтанами и картузами;
малиновыми зипунами
пылала площадь и плыла.
И вот в толпе, среди ярыжек —
ход времени необратим —
чубатый парень смехом брызжет,
тот, что на санках прикатил.
Купцы, опричники, калеки.
И он —
как будто подтверждал,
что жил такой в таком-то веке
и никогда не умирал.

1965

НОЧЬ В КРЫМУ

Киммерия...
В вольном ветре
трав горячее дыханье.
Толпы звёзд. Мерцанью их
вторят звонкие цикады.
Далеко внизу, на море
вытянулась цепь огней,
повторившая случайно
цепь созвездия Дракона.
Не найду никак, не вспомню...
Где же, где же этот дом,
где я днём договорился
о ночлеге? Там хозяйка,
босоногая Алина,

в выцветшем просторном платье
вышла, обдала, как ливнем,
синим взглядом из-под ресниц,
вымолвила — приходите...

Где же, где же этот дом?..

ОБЛАКО

Крутые, грубой лепки облака
застлали солнце клочьями седыми.
И кажется: взойти на них — нога
опрётся о незыблемость твердыни.

Взойти туда по крутизне стены.
И гордо жить, без мысли удержаться.
И свежестью надмирной глубины
умыть лицо и вволю надышаться.

Взойти туда превыше наших сил.
Смотри, на склоне облака корона
окалиной зарделась, и пронзил
Победоносец мерзкого Дракона.

И моря саблезубые валы
окрасились вдруг розовой пеной.
А облако, как монолит скалы,
стоит. Как сгусток жизни неразменной.

* * *

Ночью в саду бормотало, бубнило,
капало, хлопало, плюхалось с крыш.
Шумные шлюзы капель отворила.
Булькает в бочке глазастый голыш.

Тенькает тонко синицын звоночек —
динь-ди-ли-день или день-ди-ли-динь...
Длинные клювы задумчивых почек
пьют долгожданную сочную синь.

Лезет на ум несусветная ересь,
сея в душе позабытый разлад.
Строчки стихов со стола разлетелись
и суматошно на вишнях галдят.

СОСНЫ У МОРЯ

I

Какую по счёту из вёсен
мне с вами встречать повезло?..
Великое воинство сосен
вплотную к окну подошло.

Их медные шлемы и краги
то здесь загорятся, то там.
Замшелые пни и коряги
за ними ползут по пятам.

На круче, где ветер ярится,
где крутит и иглы сечёт,
сосна — золотая сестрица —
меня, как поклонника, ждёт.

Привязанности не передать мне...
Кому же её не понять!
Пред звонкою девственной статью
готов на коленях стоять.

До завтра, прощаюсь, до завтра...
Разъятая на два ствола,
она, как эолова арфа,
мне музыку в вены влила.

II

В сосновый лес, как в королевский трон,
вонзил алмазный гребень Орион.

Подножье коронованного трона
не ближе, чем созвездье Ориона.

Они друг в друге, спаянно близки,
со мной на расстоянии руки.

Не возгордитесь, пахарь, звездочёт.
Песок меж сосен стелется, течёт...

Подножие у трона разрушает.
И с вечностью мгновение сближает.

* * *

Конец эпидемии дачной,
жары и бессмысленных дней.
Стал воздух намного прозрачней
и море намного синей.
Поеду на тихую Слоку
и сумерек поздних дождусь.
Найду беспризорную лодку.
От берега оттолкнусь.
Куда? Да не знаю. Теченьем
куда-нибудь, может, прибьёт...
Меркурий на небе вечернем
появится и пропадёт.
Я в свитер залезу согреться,
колени к груди подтяну
и, как в досознание, в додетстве,
на дне этой лодки усну.

* * *

— Остановись, шофёр, остановись!
Ну, что тебе остановиться стоит! —
поднимаю руки крест-накрест над головой.

Прошло уже несколько часов и машин не меньше,
а я продвинулся всего на километр из 200,
которые должен сделать до вечера.
Это был самый беспечный день в моей жизни.
Останавливались, впрочем, малокилометровые машины.
Они везли меня пунктиром: по пять, десять километров.
Был даже один автобус, на котором я успел проехать
бесплатно одну остановку.
Машина первая. Рефрижератор. Курсирует линейно.
Докатил бы за три часа.
Но шофёр узнал, что у меня ни копейки, и высадил,
не отъезжая.
Машина вторая. Дребезжащий старенький «Москвичок».
— Залезай, — пригласил парень. Он сидел в одних плавках за рулём.
А к третьей я подошёл сам.
Она, блистательная, сияла во всю свою открытую
красивую пасть.
Хозяин возился в моторе.
— У меня покрышки новые, — донеслось из мотора, —
никого не сажаю: быстро сотрутся. —
Лязгнули железные челюсти ровно на пояснице.
И человек, ответивший мне, смешно задрогал ногами.
Так мне хотелось бы видеть этого циника, перекушенного пополам.
Но ничто не могло нарушить мощного спокойствия,
заправленного в меня на 200 километров.
Хорошо бы, конечно, добраться до места к вечеру...
Но если и не удастся — не беда.
Разве нельзя заночевать в одном из этих стогов?
Укутать рубашкой голову и забросать себя мягким сеном.

Но самое замечательное, что это был яблоневый день.
По обеим сторонам дороги теснились сады.
Они то дружно наседали на неё,
то разбредались редкой цепью на многие километры.
Всюду, где мне приходилось высаживаться, попадались яблони.
Я поднимал с земли спелые плоды,
клат их за пазуху, чтобы угостить доброго человека,
не оставившего меня на дороге.

Утром я подобрал палку
и при виде машины шёл, прихрамывая.
Подумают, что покалечил ногу, и остановятся.
Но скоро убедился, что подумавший так остановится и без палки,
и выбросил её.
Потому что у меня было много времени, здоровые ноги
и целый яблоневый день впереди.

* * *

Хозяйка принесла мне простокваши,
картошек с хлебом и сказала: «Это
за то, что ты мне сено перевёз».
Ну что ж, мой труд дневной вполне оплачен.
«Палдиес, — отвечаю ей, — спасибо».
И правда, много надо ли за труд,
чтоб жизнь во мне не умерла, но — пела!
Покуда руки у меня сильны
и плечи — тоже, только и надеюсь,
что ими заработать я на хлеб всегда смогу.
На хлеб и на дорогу.

Я сено за день перевернул.
В копну собрал под вечер и ушёл
от хутора подальше море слушать.

ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ

Струится сено ливнем золотым,
когда его на вилах поднимают.
Всё выше стог.
И женщины на нём
проворны, крепконоги, тяжелы.

А по двору, широкому, как площадь,
швыряясь сеном, падая, крича,
снуют русоволосые их дети.
Коричневые и так белые, что в сене
их, пострелят, не сразу различишь.
Вот прыгнула на землю Вилма.
Сток
от тела её крупного качнулся,
как бы вздохнул. У Вилмы грозный вид
и голос грозный.
(Что ж, на непослушных
детей бесполезно покричать.)
В руках её открытых, полных грабли,
земли касаясь, лёгкие, — летают.
Намокла кофта. Вздрагивает грудь
и глыбится, стеснённая, под кофтой.
Такая мать вспоит не одного.

Две девочки, которые постарше,
граблями тоже водят по земле.
Последние соринки собирают.
Серьёзные какие! Но глаза
их синевой лукавой выдают.

Гром громыхнул.

Проворней, Вилма, Айна!
Успеть бы до дождя.

* * *

Я к городскому грохоту привык,
к пронзительным гудкам автомобилей.
И вдруг сегодня мягкое «курлык»
мне журавли под ноги обронили.

И, не поняв, ещё не видя их,
как будто за плечо внезапно тронул
ладонью кто-то лёгкою — «курлык».
От их прикосновения я вздрогнул.
Стоял рассвет в берёзовом дыму,
в подпалинах садов и гроздьях алых.
Они летели тихо. Почему
им надо было, чтоб я увидел их?..

«Курлык»... и всё.
И крутим головой.
Прощай или до будущего года...
И небо захлебнулось синевой...
И как неразговорчива природа!

* * *

Упала ночь. Тяжёлая луна
над лесом поднялась.
Гудело море. Рвал ветер одинокие стога.
В одном из них, растрёпанном и мрачном,
решил заночевать я, но прибой
громоподобный спать мне не давал.

Катило море тёмные валы
по отмели и гулкой и протяжной.
Далёко табунились валуны.
И было небо низкое черно.
Где чайки пропадают в эту пору?..

Тогда разделся я и побежал
на длинный мол, укутанный валами.
Добрался до конца и, распрямившись,
прыгнул в глубину.

...Как редко нам дано
при жизни быть вот так нерасторжимым
с волной и с ветром. Ночью из воды
на берег я глядел глазами моря.

Потом был тёплый стог. Так из объятий
волн — да в объятья трав.

САРАЙ НА БЕРЕГУ МОРЯ

На четырёх камнях как на китах.
Обветренный и обогретый.
Из горбыля обтёсанного сбит.

Когда под вечер грузные суда
пройдут за мол и отрубят протяжно
и солнце красное на горизонте встанет,
бывает отовсюду виден он.
Единственный на берегу пустом,
где низкий вереск достаёт до неба.

Ну вот, ещё и доски не остыли,
к шершавым, тёплым прислонюсь щекой.
Как пахнут они водорослями, рыбой...
Ладонью их поглажу, отодвину
одну из них и в сумрак окунусь.

Свисают сети с балок. Лёгкий ветер
их выцветшие пряди шевелит.
В углу высоком свалены мережи.
Вон якорь у стены. А на полу
и тут и там белеют перья чаек.

Зелёный берег далеко открыт.
По краю моря, по черте заката
сюда, я вижу, девушка идёт.
Простоволосая, босая...

МАРГА

Добрая, пышная Марга молоко выносила,
фартуком белым мокрый кувшин обтерев.
Ясно и просто при этом она улыбалась.
Ясно и просто я улыбался в ответ.
Брал я тяжёлый кувшин и тут же на брёвнях
хлеб доставал и парным молоком запивал.
Маргины дети из окон за мной наблюдали —
русоволосых, нестриженных три головы.
Важно и грузно несла себя по двору Марга,
тяжесть земли плавно в бедро перелив.
Ноги босые ступали по гладким камням,
передвигали тяжёлое Маргино тело.
Так не спеша она и ко мне подходила
и обдавала хлынувшим взглядом всего.
Тёмные плечи её заслоняли полнеба.
На руки, словно младенца, кувшин поднимала
и приглашала — мол, что же ты, в дом заходи.
Были слова мои ей не понятны. Но смысл
слов непонятных она понимала прекрасно.
Как-то однажды помог я ей вычистить хлев.
Не женская это работа — возиться с навозом.
Всё же и в этой работе не я, она мне помогала.

Виджу залитую солнцем у красных сетей молодую рыбачку.
Лёгкий челнок в пальцах мелькает её.
«Здравствуй, — кричу я, — и до свидания, Марга!.. Я уезжаю...»
Я тебе русский яркий платок скоро пришлю.

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА

Перечёркивайте границы,
гуси-лебеди, в добрый час!
На земле моей вольной, птицы,
вы давно ли свободней нас?

Грызло море песок под кручей.
Похохатывало, оно
было проволокой колючей
от людей ли обнесено,
от скота иль чего другого...
Стыли дюны, взметая прах.
И тарацились бестолково
два прожектора на столбах.
И гудели столбы о чём-то.
И набухла заря тяжело
там, где рваную даль горизонта,
как по горлу, шипами свело.
Шевелилась трава в кювете.
По ту сторону, у воды,
как по эту, разгуливал ветер
и рассыпались птичьи следы.

* * *

Живу, прощаясь.
«Здравствуй» говорю,
а сам прощаюсь.
Навсегда. Со всеми.
Я понял это здесь ещё острее.
Где каждый день — на память, как подарок.
Бери, бери...
А то уйдёшь — не вспомнишь.
А как не вспомнить...
Лица рыбаков
древесные, корявые, сухие.

И ветром прокалённое одно
под рыжей кепкой.
Смотрит не мигая.
Вот выбранные сети на себе
несут — согнулись.
Вышли из воды. Идут,
песок ногами загребают.
Не вспомнишь...
А как девушку забыть?
Бегущую и вправду по волнам.
Там было мелко, и она, нагая,
по золоту луны, сбивая гребни,
бежала в темноту и мне кричала:
«Кто по тропе по лунной — тот поги-и-бне-ет...»
Прощаюсь потому,
что знаю ценность
и каждого лица и поцелуя.
Забыть и повторить их невозможно.
1966

МАРТ

Мчится, мчится, мчится лыжник
вдоль сугробов синих, рыжих.
Не сугробы — облака.
Как щенок без поводка.

Дайте вволю надышаться!
Высоко, светлым-светло!
Лёгким бы не разорваться...
Воздух острый как стекло.

Как дельфин, в снегах ныряет.
С горок скорость набирает.
По лыжне прямой-прямой
меж стволов... Куда ты, леший?!
Как слепой, ура!!! прозревший,
как вчера ещё хромой.

ГОЛУБИ В АПРЕЛЕ

Комочек, сизокрылый менестрель.
Клокочет, стонет, булькает апрель
под перьями ветхозаветной птахи.
Зобы им раздувает, как рубахи.
Угомонится, то опять крепчает.
И улицу, как на волне, качает.
Закрой глаза. И миллиарды лет
отбрось: Земля. Земли ещё и нет.
В котле межзвёздном, за Венерой где-то,
вскипает и пузырится планета.
Бурлит. Выталкивает из глубин
за словом слово с выдохом грудным.
За словом слово лопается, злится...
Оформится когда-то, оперится.
Апрельской сини в окна зачерпнёт.
И улицу, как на волне, качнёт.

* * *

Снова времени в обрез.
Снова сладость заточенья.
Сад звенит виолончельно,
пчёлами наполнен весь.

В тон ему или моей
песне — песенная залежь! —
несравненный соловей
пробует хрустальный клавиш.

За бессменные труды
миг роскошества дозволен.
В чёрном зеркале воды
мокнут облаков пуды.
Броситься, рассечь их кролем!

Господи, придай мне сил
сохранить хоть эту радость!
Никому чтобы не в тягость.
На своих чтобы ходил!

Быть беспомощным боюсь.
Потому и не сдаюсь.
Потому и миг сей сладок,
что единственный союз
самого с собою — краток.

СНЕГ В АПРЕЛЕ

Ну и метель из бела рукава!
На изумруд, на киноварь апреля.
Стояла вся последняя неделя
в отвесном солнце.
Брызнула трава.
Озолотив подножия дубов,
мать-мачеха рассыпала веснушки.
Уже вовсю горланя про любовь,
в канавах безобразные лягушки
справляли свадьбы.
Ожил человек.
Дом смастерил для беззаботной птицы.
Прибил повыше.
Но ударил снег
в лицо ему свинцовой рукавицей.
Куда ж ты снова ломишься, зима!
Куда с порога спихиваешь лето!
Сошла с орбиты или же с ума,
наверно, сумасбродная планета.
Опять дубы, как в пору давних вьюг,
стоят широколобы, неуклюжи...
На каждый шорох выбегаю. Вдруг
ты не приедешь, побоишься стужи...

* * *

Нищета dokonать не успеет.
Очень просто я с ней поступлю.
На последние двадцать копеек
у старухи фиалок куплю.

И спасенье себе обеспечу
тем, что, вовсе не метя в друзья,
подарю их идущей навстречу —
от цветов отказаться нельзя.

* * *

Рискованно с вещами
дружить. Их норы крут.
Присосками, клещами,
замками и крюками
на ключья разорвут.

Иная вещь капризна.
Иная тешит взгляд.
В нас древний дух вещизма,
тотема тайный яд.

С изящными, простыми,
с заморскими, с любыми
не бойтесь порывать.
Чтоб не сродниться с ними
и тоже вещью стать.

Пусть дальше пролетают
сквозь руки... В добрый путь!
А может, оседают
в лабазе чьём-нибудь...
Танагрскую вазу,
согласен, что не сразу,
но можно разлюбить.
А с книгами как быть?

Я сей громоздкий воз
храню — взлететь попытка!
И я к нему прирос,
как к панцирю улитка.

ЗВОНКИЕ СОГЛАСНЫЕ

Эти грубые «р»,
эти светлые твёрдые «л».
Два скрипичных ключа.
Два щита. Два копья,
если смел.
То плутают, колдуют, гудут глухари на току.
То — как в шоры,
как шпоры в бока, загоняют в строку.
Проскакать по-над кручей, по морю пройти,
если смел.
Ах, бездонные «н»,
непокорные «р»,
светлоликие «л»!
Неспроста коренной, самый родственный к вам интерес.

Потому
зримый смысл обретают слова,
прочный вес.
Торс атлета кольчуга тугая из них облекла.
Ахиллесовы латы литые прозрачней стекла.
Это русский,
славянский,
татарский язык
или чей?..
Два скрипичных ключа родниковых.
Горячий, горластый ручей.

НАЗАД К ПРИРОДЕ...

Душистой ветчины слоёный слиток
уписывает благородный дог.

Да, да, понятно, что харчей избыток...
А человек, понятно, одинок...

Ему с другими ладить не по силам.
Но всё равно он тянется к добру.
Он хочет в ванной плавать с крокодилом.
И будет счастлив... только с кенгуру.

Он удерёт на белом пароходе
куда угодно! Даже на тот свет.
Прочь от людей! Назад, назад к природе,
которую тиранил много лет.

И тайно вытрет слёзы умиления.
И сделается проще и сильней.
И у природы вымолит прощение,
встав на четыре лапы перед ней.

ВОРОНА

Александру Балину

Что ты каркаешь, ворона,
как динамик на столбе?
Очередь у телефона
улыбается тебе.

Швабра пепельно-седая.
Препотешно приседая
от натуги каждый ррраз...
Ноль внимания на нас.

А народ тебе внимает.
Сиротливо смотрит вдаль.
Кто там сверху нажимает
на скрипучую педаль?

В город под свинцовым сводом,
словно в колбу с углеродом,
впрыснули весенний ток.
И образовалась крона
вкруг столба. А в ней ворона,
грязно-пепельный цветок.

Ах ты, милая голуба!
Ну и пусть — картаво, грубо.
Но — живее нас, живых,
выросших на тротуаре,
ты мне знак о Божьем даре,
резкий, как удар под дых.

* * *

Сине-оранжево-белый мяч на волне.
Свёл и не размыкает руки наши давно.
Берег уже чуть виден. Пусть не виден совсем.
Берега нет, есть руки рядом твои.
В лоно волны кану...
Стоит надо мной
белое зарево ног. Острые два плавника.
Моря живейший пласт. Зелёная голубизна.
Ребристое, крепкое дно режут косые лучи.
Рядом две тени на дне — моя и твоя.
Брассом идти по дну, хищно вжимая живот.
Горсть золотого песку, вынырнув, протянуть.
Как земноводная тварь, море люблю.
Даже не знаю, кого больше из вас двоих.
Обнимет оно,
зацелует, бросит ещё, ещё меня от тебя
к себе
и снова к тебе, на острые два плавника.

* * *

Близка, с безуминкой в зрачках.
В них только заглянуть — утонешь.
Как ты мала в моих руках.
Вся уместилась на ладонях.
Но нас в тенётах темноты
не только близость породнила.
Куда бы ни уехал — ты.
О чём бы ни подумал — ты.
Все пустыри мои, сады
заполнила, заплонила.

РОД

I

Умер дед. В больнице сбор
в три. Родня. Венки звенящий.
Вижу братьев и сестёр
на похоронах, не чаще.

Господи ты Боже мой...
А росли одной семьёй.
Словно льдину разломало.
Кровь родная — разве мало?

Снег рождественский идёт.
На столах закуска ждёт.
День не будний, а суббота...
Из присутствующих кто-то
снова всех нас соберёт.

II

Безоблачно умирала
старуха. Слетелась родня.

Вон сколько сынов нарожала...
Сказала:
«Оденьте меня
потом в подвенечное платье...
в моё... я для этого дня
хранила...» Опешили братья.

Мамаша, наверно, того-с...
Уже отходя, уже где-то:
«Встречать меня выйдет Христос.
Хочу быть красиво одета».

Внучатое пацаньё...
Глазели, смекали своё.
Отцы их — угрюмо и крупно
стояли. Вкруг тельца её
все вместе — как стебли из клубня.

ДВОР

Пацанов боевая гурьба:
Дылда, Пудель, Панама и Лёшка.
Двор. И крест бельевого столба.
И за хвост заарканена кошка.
Извивается, хрипом орёт.
Но Панама привязывал крепко.
Из рогатки он здорово бьёт.
Попадает ей в голову метко.
Дылда бульдиком жажнет, и — крах!
И за новой! Никто с них не спросит.

Будто бы на гигантских шагах,
вкруг столба её так и заносит,
кувыркая на страшном витке.

Вдруг откуда-то вынырнул юрко
Лёха Маленький, ножик в руке.

Вечно Маленький строит придурка.
Полоснуть по верёвке и — прочь!
Сам-то ладно уж, кошка бы смылась!
Он животному жаждет помочь.
А животное в щёку вцепилось.

Детство, детство... Ты шире пруда
или свалки — не знало просторов.
Нас уже разделило тогда
на заступников и живодёров.

В ЯСЛЯХ

На полу детей орава,
словно кубики — вразброс.
Воспитательница Клава
смотрит влево,
смотрит вправо,
смотрит прямо,
как на палубе матрос.
Воспитательница Клава
начеку, с неё же спрос!
Смотрит влево,
смотрит вправо:
— Иванов, куда пополз?..

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Семёну Сорину

Лес, как мощный костёр, по-осеннему гулок и ясен.
Два глубоких глотка из него — и заходится дух.
Чуть колеблемый лист ослепительно падает наземь.
Где-то стадо пасёт, матерясь деловито, пастух.

Так и хочется верить, что сил вдохновенных — избыток...
Впереди сентябрей, потянувшихся в стаю, не счесть...
Книга неба раскрыта над нами, несвившийся свиток, —
значит, время вчитаться ещё и одуматься есть.

Ах, какой же простор на стеснённую землю пролился!
И предстала она, хоть на миг, золотой-золотой.
Счастлив я в этот день? Счастлив тот, кто ещё не родился.
Слава Богу за всё, как сказал осуждённый святой.

Вот и вышел закат и калиновый куст окровавил.
Свежим ветром махнул и изранил его в решето.
Краснопёрый закат и меня в стороне не оставил —
свил в прозрачных ветвях и во мне напоследок гнездо.

* * *

Ветер умолкнет, и дождь отлопочет,
и в тишине безмятежной слышать —
стены жилья обречённого точит
жук-древогрыз, новоявленный тать.

Начал он, кажется, с дивных оконниц.
Мало нам было мышей и мокриц.
Как музыкален его колоколец,
словно не жук он, а сказочный принц.

Пилит и пилит трудяга бессменный.
Роет и роет... Видать, овладел
прочно
своей деревянной вселенной.
То-то я здесь поселиться хотел.

Тикают часики не за стеною.
В толстой стене — в мирозданье длиною.
И направляют дуплистую ось
в стол, и в тетрадь, и в скамью подо мною.
И самого продырявят насквозь.

Впрочем, и хищникам надобно кушать.
Мне же под музыку их не дремать.
Он в этом доме затем, чтоб разрушить.
Я в этом мире затем, чтоб собрать

то, что тлетворным углам не подвластно,
что не развеять и в прах не стереть.
Пол не прогрызен ещё?.. И прекрасно!
Только успеть бы, только успеть...

БЕРЁЗА

День осенний душист от мороза.
Свежей опалью пышет, багрян.
На асфальт уронила берёза
золотистые стаи семян.

Боже, сколько их — в мокром кювете,
на дороге, в следах от колёс...
Как людей на озябшей планете
или в нашей галактике — звёзд.

Плотной ряской забили запруды
и усеяли ржавое дно, —
чтоб из этой безжизненной груды
хоть одно проросло, хоть одно.

Из книги КАМЕННЫЙ ЛИСТОПАД (1980)

ЧЕРЁМУХОВЫЕ ПОЕЗДА

Я белых веток наломаю.
Я не вернусь уже туда.
По юности летят, по маю
черёмуховые поезда.

Взметнувшись к потолку, по окнам,
по лицам хлещет и рябит.
Вагон черёмуховый мокрым
весёлым облаком набит.
Летел он, далью осиянный,
черёмухой рукоплескал.
Был ветер взбалмошный и пьяный.
И воздух крепок, как кристалл.
И мы с тобой уже не в лапах
судьбы, одолевавшей врозь.
И весь вагон на свет, на запах
просматривался насквозь.
И был отчётлив каждый шорох
и шёпот — грому вопреки.
И шум волос твоих тяжёлых,
и жест нечаянной руки,
очерчивающий желанье:
враз выплеснуть и навсегда —
перроны, залы ожидания
в черёмуховые поезда.

ДАЛЬНИЙ ПИКЕТ

Как никогда сегодня прям,
как никогда спокоен.

Иду по лесу с топором,
видны мои шаги.
Стояла буйная сосна,
а мы её — под корень.
Рос можжевельник молодой,
а мы его сожгли.

А лес в молчанье столбенел,
всё так же бесконечен.
Как будто бы и ничего
в нём не произошло.
Деревьев падающих путь
был коротко отмечен:
залп листьев
с дрогнувших ветвей
паденьем обожгло.

От просеки на пять шагов,
и — просеки не видно.
Косился, скалился топор
на белизну берёз.
А те стояли, как враспloh
застигнутые,
смирно,
готовые шагнуть к нему
без стонов и без слёз.

Так отрешённо умирать
и так покорно могут
лишь те, чья жизнь озарена
предчувствием одним:
их смерть не тронет никого.
В лесу стволы не дрогнут.
Не подойдут,
не обоймут,
лишь отшумят по ним.

Вот так когда-нибудь и мне
придётся закачаться.
Но если в мачтовом бору,
заслыша сосен хруст,
я оглянусь по сторонам —
не будет с кем прощаться,
то, не жалея ни о чём,
упасть не побоюсь.

* * *

Доживу остаток дней
и, наверное, уеду
в Кушереку — к снегу, к следу
зайцев, валенок, саней.

Где он, мой родной порог?
Женщина, с которой — свято?
Если жизнь моя распята
с детства на кресте дорог.

Утопает самолёт
в длинном шлейфе серебристом.
Солнце мячиком пушистым
к шёлковым ресницам льнёт.

Разомкни их, не молчи,
дивный день не омрачи.
Относись ко мне, как к сыну.
Со дна песчаного лучи
достаю и мну, как глину.

Так же, как в былых веках,
греки — весело и споро
прятавшие в кулаках
по куску гелиодора¹.

---

¹ Гелиодор (*греч.* дар солнца) — разновидность берилла, драгоценный камень золотистого цвета.

ФЕВРАЛЬ

В начале февраля,
в его дремучем теле,
в его холодной, дремлющей крови
заговорили долгие метели
о юности, о ветре, о любви.

Как дышит снегом белая равнина,
ещё не пробуждаясь ото сна!
Как слышится, почти неуловимо,
что где-то рядом дальняя весна.

Вдыхать и падать в белое смятенье!
В сердечных дел пустой круговорот!
Не понимая — смерть или рожденье
приходят в это время каждый год.

Снег припекло. И ахнула лавина...
И сбила с ног. И не найти примет.
И ветер... ветер...
Еле уловимо
со мною та, которой ещё нет.

* * *

В окнах тени полощутся.
С пола до потолка.

Бьёт луна-полуночица
звонким светом в снега.
Как начнёт по сугробам
с неба звёзды метать!
Но домам низколобым
из-под крыш не видать.
Погашу керосиновую,
из дома уйду.

И тропею лосиною
на закат побреду.
А под утро расколется
ночь. Замрёт не дыша.
Вот тогда и раскроется
веснотала душа.
О, как призрачно тихо,
как, прозрачно бледна,
тает лёгкая льдинка —
в тёплом небе луна.
Опекает дороги
и стоит на виду
здесь апрель тонконогий,
как лосёнок на льду.

* * *

У юности свежие,
омытые холодной росой глаза.

Остаться, уйти — всё едино.
Всё плохо... И выхода нет.
— Простите меня, Валентина.
Прощайте. — И вышел в рассвет.

Был час тот спасительно-ранний,
тот миг несказанный, когда
преступную горечь свиданий
смывало с него без следа.
Рассвет его гнал неспроста...
Как в пору надежд и скитаний.

Умылась зарёю звезда —
последняя талая льдинка.
Как в юности — вольно и дико, —
ещё не познавшей стыда.

* * *

Рука в руке,
и плещущий врзлёт
широкий ливень по дороге чёрной.
Рука в руке —
ещё нам целый год
идти с тобой по ней, по освещённой
летучим ливнем и моим стихом,
которым, может быть, за всё отвечу.
Рука в руке. Промокли. Босиком.
Машинам, проносящимся навстречу.
— Мальчишка мой! —
Любимая, в глуши
приморских плавней, в памяти притихшей,
уткнувшейся, как лодка в камыши, —
остался навсегда твоим мальчишкой.
Где горизонт в полнеба и в него
дорога окрылённая впадает
и где давным-давно уж — никого,
там и ищи. Всё там он пропадает,
мальчишка твой.

* * *

Ну разве можем мы друг другу,
да, да, всю жизнь принадлежать,
как звёзды — небу, травы — лугу,
цвести, светиться и дрожать?
Нет, нет, любимая, не можем
так нераздельно потому,
что травы ласковые тоже
не могут — лугу одному.
Колеблется ковыль развейный...
Как он землёй ни дорожит,
но людям, птицам или змеям
по-равному принадлежит.

То льётся по ветру, то бьётся...
Зимой и летом — всё равно
над ним то кто-нибудь нагнётся,
то дождь коснётся, то крыло.
И разница, наверно, в том лишь —
будь это ветер или нож, —
у одного в руках застонешь,
а у другого запоёшь.

В ладони долгие долины
легли доступные поля
для горьких запахов полыни,
для сладких звонов ковыля.

НЕНАСТЬЕ

Или ты явно сходишь с ума,
или дела окончательно плохи.
Душно. Осатаневшие блохи
спать не дают. Третий месяц письма
нету из дома. Сварит крупы
на день хозяйка, мрачная тётка.
Пол зашатался. Звякнули стёкла —
чешется боров об угол избы.

Дождь. Иронически со стены
щурятся эфемериды Плутона.
Так и ни слова нет от жены.
Нет у тебя ни жены и ни дома.

Только ведь что-нибудь всё-таки есть,
что окрыляет и к звёздам уносит!
Было бы видно их...
К чёрту всё бросить,
к маме приехать, супа поесть...

НА МОСТУ

Воздушные перила
моста. Скала. Карниз.
Шагнуть! Всегда так было.
Всегда тянуло вниз.

Смотреть на воду — пытка.
Взлететь бы... и легко
войти в неё, как нитка
в игольное ушко.

Особенно в открытом
море, с корабля...
Тянуло, как магнитом,
как никогда — земля.

* * *

Четыре мужика,
здоровых, как хребты
окрестных гор.
Заросшие щетиной в палец. И
на лето бриты головы. В тени
сидят, махрой пахучей полыхают.
На лицах их видны одни глаза.
Как горные ручьи видны на склонах,
а склоны затянуло рыжим мхом.
Один из них вчера убил барана.
От перевала шёл он целый день,
удерживая тушу на плечах,
в бахилы замурованный по пояс.
С горы спустился, речку перешёл
и крупно, тяжело, неторопливо
вдоль по ручью к палаткам зашагал.
Над ним клубилась туча комаров,
клубился пар от взмокшей, калкой робы,
где пот и кровь смешались на спине.

Баранья голова с открытыми глазами
покорно билась в такт его шагам.
Вот подошёл, свалил на землю мясо,
ведро с водой взял красными руками
и долго-долго пил не отрываясь.

Дощатый стол. И четверо вокруг.
Дымящиеся бурые куски
берут в ладони бурые. Лоснятся
горячим жиром губы и ладони.
Смешалось время, собралось в комок.
И в каменном зрачке палеолита
зажглось: огонь, собака, человек.

У этих четырёх
есть тоже верный пёс.
Он не скулит. Он ждёт достойно доли.
Они ему дадут в своей же миске.

Подумаешь, в тайге заразы нет.

ВРЕМЯ

У времени пределов нет —
ни с запада и ни с востока.
Горы базальтовый хребет
таращит каменное око.

Но мы не вечностью живём
и в добрый знак её не верим.
И отрывным календарём
свои шаги упрямо мерим.

Нас ещё рано хоронить
в мифических глубинах Леты.
Нам возраст свой легко сравнить
хотя бы с возрастом планеты.

Пределы времени смелей,
смелей отодвигать и дальше!
Так за безбрежием морей
земли не представляли раньше.

За пирс! За чёрный окоём!
Созвездье Лиры огибаю...

Мы — небожители. Живём
в пространстве,
по Земле ступая.

КАМЕННЫЙ ЛИСТОПАД

I

Сланцами нависли.
Падая, гремят
каменные листья —
древний листопад.

Время не дремало
миллионы лет,
в почву впрессовало
свой державный след.

Свет потусторонний
смотрит, как в глазок.
Весок на ладони
вечности кусок, —

склоны спеленала
листопадом дней,
и моё начало,
если есть, то — в ней.

Каменные листья —
древний листопад.
Нынешний пролился,
разметался — над...

Два листка, два брата
схожи как, близки
той, Бог весть когда-то...
и живой ольхи.

II

Тяжёлым листопадом мезозоя
рюкзак наполню и взвалю на плечи.
До лагеря уже рукой подать.

В каком созвездье, созревая, мы
проклюнулись? Какое было небо
над нашей колыбелью? Пели птицы
или не пели? Тенями носились
большие птицы с щучьими зубами.
Под глыбой бронтозавра прогибалась
земля. Когда сходились для любви,
рык или клёкот клокотал в их горле?

Ещё был цельным материк Гондвана¹.
В горячих, нежных лапищах ещё
его ласкал и холил Океан.

И так же, как сегодня, величаво
с нагих ветвей
прах отрясала
вечность.

---

¹ Гондвана — древний материк нашей планеты.

Тому назад сто миллионов лет...
Пустая цифра. Распрямить бы плечи,
в кровь стёртые... Разуюсь у костра.

Уже Юпитер встал над Ключевской.
Сто миллионов лет... и он оттуда
глядит... из тех глубин глядит... оттуда.

III. ЗЕМЛЯ ПОСЛЕ ЛЮДЕЙ

Кто знает — буруны или барханы
залижут те чудовищные раны,
которые мы выгрызли в тебе?..
В каком-нибудь неопалеолите
без нас ты будешь мчаться по орбите —
дробинка в пневматической трубе.

Кто сменит нас — медузы, осьминоги?..
Иль, не чета нам, человекобоги
оставят, может быть, плешивый шар,
как оставляют пахоту под пар?..

Я отпечатка времени руками
коснулся... И посыпалось, крошась...
Стопой листа оттиснуто на камне.
Глазастое и до и после нас.

И — после нас!
Мерцающая отдаленно
из самой гущи звёздного планктона.

1975

* * *

Мне стыдно, я не знаю, чья
там песня спозаранку льётся.
Раскалывается, в кольца вьётся.
Проснусь я, как на дне ручья.

— День добрый! — откликаюсь я.
День добрый, звонкий, молодой
берётся за работу рьяно.
Как здорово, что весь он мой,
что начинается он рано.
И мне сулит весёлый труд.
Недаром же он песней бредит
спросонок. И, кто знает, вдруг
в конце его
она приедет...

* * *

И. Х.

Когда б однажды тайно не вступился
Ты за меня,
не подал голос Свой,
подумать страшно, что тогда со мной
случилось бы:
повесился бы, спился...

Друзья сказали б: соскочить с витка
не удалось...
Семьи наверняка
я не имел бы радостней, чем эта.
Семьи, которую не защитишь,
быть может, от нужды или навета.
Но где теплом невидимого света
возле детей Ты по ночам стоишь.

* * *

Гидрогазоэлектроцентрали,
тепловая и прочая связь
обогреют и сблизят едва ли,
если вечность не сблизила нас.

Каждый с каждым таинственно спутан,
гарантийного блага вкусив.
Скоро нам безотказный компьютер
будет всем помогать, как Сизиф.

Трассы, линии, кабели, ветки,
вдаль стремясь параллельно,
сошлись
в каждом смертном, как будто в розетке,
в бесконечности пересеклись.

Так на необозримом экране
отражается каждый мой штрих,
продолжение имея за гранью
измерений и сроков земных.

ДАЛЁКИЙ ПРЕДОК

Ласкало солнце жаркое и жгло
его сухое бронзовое тело,
а ночью влажный ветер полоскал.
Вблизи огня спокойного
ночами
оттаивала тёмная душа.
Он по тропе ходил походкой зверя.
Пил из ручья, на руки припадая,
не глядя в отражение своё.
Олень горло камнем рассекал.
И кровь из горла — быстрая, живая —
в его горячую переливалась.

Так кровообращение земли
из самых недр разгорячённой магмой,
кипением рек, и соками растений,
и той, из горла, быстрой и живой, —
пульсируя, на нём не прерывалось...

* * *

Не сон, а дрёма, не могу уснуть.
Скребётся тощий дождик по соломе.
Пусть будет всё, как есть. О чём-нибудь
не спрашивай и не лови на слове.

Мы близкие. Как падающий снег
земле промёрзшей наконец-то близок.
Мне кажется, ты сильный человек.
И потому твой принимаю вызов,

чтоб встретиться в двухтысячном году.
И ни одной неделей не раньше.
В двухтысячном... У века на виду...
В двухтысячном... Ну, встретимся, а дальше?

Спи и не думай. Спи и — ни о чём.
На свежем сене безмятежно спишься.
Покуда утро вкрадчивым лучом
нас не найдёт, заставив примириться,
пускай тебе двухтысячный приснится.

* * *

Любимая...
Нет, нет, не ошибусь.
Любимая...
Какому бесу служим,
что наш с тобою временный союз
другим, таким же временным, разрушен?
Уехала... И хоть топись в тоске.
И море дышит осенью и мраком.
Уже едва заметны на песке
два имени с соединимым знаком.

ВЕТЕР

В сарае
от внезапного дождя
я спрятался.
Гром ударял о землю,
и капли торопливые по крыше,
как будто кто-то бегают по ней:
быть может, птица, а быть может, дождь.

Но вот...
Со стороны рыбацкого посёлка
две женщины — так быстро и легко,
что волосы летели за плечами,
голов касаясь.
Будто жадный ветер
вчерне лепил их образ на лету.

Остановились.
Стали раздеваться.
И — платье через голову.
Движенья
их были глубоки, напевны, и
линии их рук неповторимы.

О, женщина, прекрасна ты, как тайна,
прекрасна,
не разгадана пока.

Никто им не мешал.
Ни дождь, ни ветер,
который сам же их и сотворил.

* * *

Прощаюсь с книгой.
Замысел окреп.

Стал легче стих и горячей дыханье.
Прощаюсь, ненадолго бы... Стихами
уметь бы зарабатывать на хлеб.
Любимый труд подальше отложу...
Забыл? За всё любимое — расплата.
Наверное, кирка или лопата
опять должны помочь карандашу.
Повременю, размыслию кой о чём.
Но только б время душу не затмило.
И только б книга мне не изменила,
уже давно с которой обручён.
Решительно откладываю... Чтоб
вернуться в дюнах к ней на склоне лета.
И — если бы... купить бы телескоп...
Уж не такая роскошь для поэта.
Прощаюсь с книгой.
В самую страду.
Как закрома — открытая страница.
Наполниться бы ей, осуществиться
любимой книге с замыслом в ладу...
Там, в Куйвижи, у неба на виду.

ЭЛЕВАТОР В СТЕПИ

Степь обожжённая лежала.
И элеватор посреди.
Он из бетона и металла,
как в тигле, плавился в степи.
Из труб извилистых, креплений
кривых — сплошной трубоворот —
был этот ком переплетений
похож на вспоротый живот.
И голуби над ним летали.
Их было столько в том краю,
что сытые, в полнеба, стаи,
снижаясь, застили зарю.

На элеваторе огромном
ни тени и ни ветерка.
И крыша, крытая гудроном,
застыла, тучна и мягка.
Над крышей голуби кружились
в заботах буднично-простых.
На крышу голуби садились,
и яростные крылья их
вдруг начинали громко биться...
Но втягивала и жрала
тугая топь. Пока от птицы
не оставалось два крыла.
Два шелестящие бессилья
в безветрии и тишине.

В гудрон вмурованные крылья.
И мы с лопатами в зерне.

* * *

Горячий август выбелил ячмень.
Снуют и тарабарят перепёлки.
Позванивая тонко, целый день
метут по ветру русые метёлки.

Но упадёт тяжёлая роса.
Повалит стебли густо, как подрежет.
И в темноте седая полоса,
широкая, как Млечный Путь, забрезжит.

СТЕНА

I

Ушла. И время нас рассудит.
И смоем чей-нибудь позор.
Не я, не я — Вивальди будет
рыдать в концерте «ре минор».

И раньше музыка любила
сюда врываться, как сейчас.
А при тебе не слышно было.
Она с тобой не ужилась.
Пустая комната, и окна
распахнуты, и в них заря
осенняя дождём намокла.
Всё происшедшее — не зря.
Не стану я стреляться с горя.
И в пьянство не ударюсь, нет.
А принесу из коридора
свой запылившийся мольберт.
И, как и раньше, в мире целом
остаться с ним не побоюсь
совсем один. Забудусь делом.
Да не забудусь, а найдусь,
разброд свой преодолевая
в раздробленности городской.

И будет кот —
                                модель живая —
разгуливать по мастерской.

II

Этюды. Этюды. Этюды.
Всё — хлам, и не стоит жалеть.
Лишь тряпок промасленных груды.
Вот будут шикарно гореть!
Пустуют углы, антресоли.
В мешок и — на берег реки.
Зачем же писал? Чтоб мозоли
остались и лёгкость руки.
В тисках чтобы стиснут железных,
орудовал глаз, как резец.
Чтоб пепел от них, бесполезных,
достался земле, наконец.

III

Пустяк какой-нибудь — гадаю
и сомневаюсь без конца.
Я чувствую, что дар теряю,
что повторю судьбу отца.
Текущим днем заворожённый,
он мучился, что жизнь его
вся — замысел незавершённый.
Так и не сделал ничего.
Художник был по самой сути,
по виденью добра и зла.
За это и любили люди.
И он их — больше ремесла.
Война, больницы, лихолетье
не в счёт — когда художник в них.
В итоге же остались дети
среди начатых холстов и книг.
И преисполнен умиления
творец, и гордый оттого,
что лучшее его творенье —
дочь, повторившая его.

Стена. И холст пустой зловеще
предсказывает финал...

Вот и отец о крупной вещи,
о крупном полотне мечтал.

IV

Работу свою проклиною,
лелею, ногами топчу.
Кому это нужно? Не знаю.
Не знаю и знать не хочу.
Смотреть пантомиму, где позы
и лица. И краски мешать.

И это единственный воздух,
которым способен дышать.
А холст мой — всего лишь посредник.
Неважно: лелея, кляня...
Но каждый, как будто последний.
А завтра не будет меня.
И если не выскажусь чудом,
то все наблюдения мои,
накапливаясь под спудом,
однажды взорвут изнутри.

* * *

На кладбище осень
сырые могилы зажгла.
Люблю тебя очень.
Как ты никогда б не смогла.
Бессмысленно рваться.
Бессилен тебя удержать.
Водой между пальцев
уходишь. Не буду мешать.
Бредовые ночи
как угли на сене гашу.
Люблю тебя очень.
И лишь потому заглушу
в себе! Обожая,
могу отрицать всё равно.
Вершили пожары
на кладбище этом давно
державные клёны.
Смотри, как на ветре зашлись!
Багряный, калёный
клеймит тебе волосы лист.
Не зря (головую —
в колени твои. Твой — не весь!)
с тобою с живою
прощаюсь не где-то, а здесь.

НАД СТРОКОЙ ОВИДИЯ

Песни мои напיתה измлада
грудью своей золотая Эллада.

К певчему горлу копыа остриё.
Резкий решительный профиль её.

Пурпурный парус, смуглые лица.
Наглая, громкая речь финикийца.

Это они барахлом торговали.
Нежнолодыжную деву украли,

искру раздора: куском янтаря
сглазили и увели за моря.

Только придётся им, поздно ли, рано,
слышать победную флейту пеана.

Будут ещё, будут долго звенеть
стрелы о струны, лира и медь.

В том же, что негой прельстилась Эллада,
роль роковая Алкивиада.

Был он, как многие, истинный грек —
полуфилософ и полустратег.

Греция — юное тело литое.
Вдребезги детство моё золотое.

Мыс Атлантиды, риф Атлантиды.
Все победители будут побиты.

Скифская снежная-снежная мгла.
Сразу за детством старость пришла.

ФЛЕЙТА МАРСИЯ

Ты, что божественный лик исказила,
флейта, будь проклята! Жребий таков...
Если Афина тебя не простила,
если швырнула сюда с облаков.

Поднял сатир на змеином болоте
флейту. Понюхал. В руках повертел.
Дунул и замер. Понравилось вроде.
Звук, словно голубь в ладони, слетел.

И полился беспечальный...
В овраги,
в рощи, в предгорья, в объятья полей.
Зашевелились мохнатые маки.
Вылезли смоквы из мокрых ветвей.

Слушают. Ритма единого ради
тотчас платаны сгрудились вдали.
Дрогнули их богатырские стати.
Сдвинулись с места и кругом пошли.

Марсий знай щёки себе раздувает.
Славно свистит — никому не во вред.
Флейту лелеет и горя не знает.
Что ему сам Аполлон кифаред!

Вдруг — стушевался.
Вдруг — шаг осторожный.
Это — немедля свой голос явил
бог златокудрый в хламиде роскошной.
Тронул кифару — и дудку затмил.

— Или не ведал ты, варвар фригийский,
что поднимаешь?..
Отныне карать
всех, посягнувших на лавр Олимпийский!

С каждого заживо кожу содрать
так же, как с Марсия.
Трижды уверен
будь он в себе.
И со мной наперёд,
если теперь состязаться намерен,
пусть на земле без неё поживёт.

НАРЦИСС

Гнев твой, богиня любви, справедливый.
Женственный отрок расцвёл под оливой.

В длани спасительной, в благоволеньи
ты отказала ему. На колени

пал у ручья. И застыл без движенья.
И загляделся в своё отраженье.

Гнев твой, богиня, может, напрасен?
Ну посмотри, он и вправду прекрасен.

Весь на виду — ни румян и ни грима.
Смертная с ним ни одна не сравнима.

Жаль, красота неземная — помеха.
Нимфа влюблённая, бедная Эхо

не без изящества, не безобразна.
Только уж слишком порой неотвязна.

Разве менады, хлебнув из фиала,
могут постичь глубину идеала?

Пусть же они, длинногруды, дебелы,
любят бесстыдного сына Семелы.

Ветка оливы плющом перевита.
Как же забыл он тебя, Афродита?!

Каждую, что подступалась с любовью,
должен был сравнивать только с тобою.

Что красота его — миг утешенья!
Ветер подул и спугнул отраженье.

Страсть о земные пределы споткнулась
и на себе безысходно замкнулась.

Плачет Нарцисс, преисполненный муки.
Выгнулись амфорой белые руки.

* * *

Была ли, нет планета Фазтон?
Была и нет. Остался миф о том.

Не передать на языке базарном
о Гелиосе светозарном.

От Марса до Юпитера орбита
обломками дырявыми набита.

Болтаются в ней, чуть ли не химеры,
бесчисленные весты и цереры.

Куски железа, пыли завихренья
и черепообразные каменья.

Кружит шуга. Пошатываясь валко,
прокручивается бетономешалка.

Была ли, нет планета Фазтон?
Была ли, будет — выясним потом.

Была другая. Не во мгле кромешной,
а на Земле, да, на Земле безгрешной.

И как следы её исчезновенья
мы — весты, мы — цереры, мы — каменья.

И всякий раз, лишь метеор обронит
оттуда весть,
так сердце захолонет.

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Холёные свиньи на длинных ногах.
Копытца высокие на каблучках.

Стоят. Выжидают, не сонно глаза.
Вы кто? Вы, наверно, друзья Одиссея,

что так и не сбросили хамскую плоть?
Иль бесы, с которыми сладил Господь?

Смекают своё под щетинистым жиром.
Карий зрачок их буравит, как шилом.

Поди глубину того взгляда измерь...
Ну, кто вы? Одна из них торкнулась в дверь.

Учуяла запах горячей бурды.
Хозяйка орёт: «Чи куды! Чи куды!»

Стоят, голенастые, с окнами вровень,
бок о бок с замшелыми тушами брёвен.

Где каждый затёсанный грубо сучок
глядит из дупла, словно карий зрачок.

ПОЭТ

Когда он бежит по утреннему лугу, холодному от росы,
тень его бежит рядом около ног.

Когда они выбегают на влажную ленту песка,
тень становится крепче и прямее, как тень данайца.

Он бросается в море,
и целует его всем своим сильным

и плавным телом,
и рассекает сонную гладь.

Звенит и ударяет в берег

колокол залива,
и ветер обнимает его,
выходящего из воды.

Не зря ему даны руки молотобойца —
рубить и ворочать глыбу стихотворения,
чтобы оно стало лёгким, как бриз.

Когда он чувствует
каменную гряду слов,
встающих ему навстречу,
тогда мысли его собраны
и сон короток.

МЕТАНИЕ КОПЬЯ

Бросок и тень копья в трепещущем стихе.
Пружинистость песка и эластичность мышцы.
Удар волны тяжёл, как на шестой стопе.
И чайки — как мои незанятые мысли.

Мне нравится следить их медленный полёт.
Как линия его проста, но прихотлива!
Вдруг падает без брызг. Порой недостаёт —
подумаю — моим такого же порыва.

Подруга — дар судьбы — и муза, и сестра
не зря слились в чертах нечаянных Коринны.
Предплечия изгиб, кисть и уступ бедра,
с неповторимой нотою сравнимый.

Бросок и тень копья. Сноп взрытого песка.
Чтобы копье вернуть, бежит к далёкой цели
послушница моя. Дыханию стиха
предшествует всегда сухая лёгкость в теле.

* * *

Нас убаюкает с тобой
кукушка песней колыбельной...

Когда меж мною и травой
ты вытянешься тетивой,
простор обымет беспредельный —
оранжевый и голубой.

И ослепительная зыбь
внезапно и сладчайше ранит.
Как двух глубоководных рыб,
в небытие, назад утянет...

Тогда — среди седых громадин,
бурунов рыщущих и впадин,
над пенистой пустыней вод,
пульсирующих в ритме сердца,
я вижу — ясный нимб младенца.
Я вижу — человек плывёт...

Его захлёстывает, гонит
вдаль...
Выплывет или утонет?..

* * *

Но, что бы со мной ни случилось
на долгом, недолгом веку,
надеюсь на Божию милость,
пока восхищаться могу
и тем, как два пьяных грузина
цветы раздают у пивной,
и тем, как светло и призывно
раскроется ночь надо мной, —
серебряным воздухом льдисто
похрустывая и звеня.
И, словно аквалангиста,
созвездья обступят меня.
Роскошным хвостом помавая,
кружится над озером Кит
и, чуть не к лицу подплывая,
на чудо земное глядит.
А «чудо» рассеянно спички
просыпал, в траве не видать.
К последней спешит электричке,
тебя чтобы встретить.
Опять
с тобой высоко, озарённо...
Опять циклопический глаз
Юпитер в клешне Скорпиона
поднял и воззрился на нас.

БЕЛАЯ КНИГА

Снова запах антоновки стойкий.
Снова гроздь рябин на столе.
Может быть, и в любви мы жестоки?..
Но не вечно же помнить о зле.

Ведь от них, от рябиновых ягод,
от любимых стихов наугад
я, наверное, с августа — на год
переполненным сердцем богат.

Удивляться и жить не устану.
Дров холодных в камин положу.
Снегирей красногрудую стаю
я под окна свои приглашу.

Не шелохнется в хлопьях кустарник.
Синь сквозная за белым окном.
И опять — добровольный изгнанник —
в сотый раз пожалею о том,

что в сырую, угрюмую Ригу
хоть на несколько дней иль часов
не пошлешь эту белую книгу
неоглядных полей и лесов.

* * *

Ярость глупая. Беду
вновь сулишь. Как быть — не знаю.
Словно рыбина на льду,
жадно жабрами глотаю

острый воздух. Пиво пью
и отшучиваюсь грубо.
Снег заносит полынью.
Что же ты молчишь, подруга?

Судного письма не шлешь.
Мне б тогда хоть ясно стало,
что по-новому живёшь,
что любить меня устала.

И — судьба ли, не судьба —
легче колесить по свету,
если б знать, что и тебя,
и тебя, как прочих, нету.

БАБКА ЛЕНА

От сна восстав, коленопреклоненно
ползает по грядкам бабка Лена.

Задубели руки от мозолей.
Полный фартук набрала фасоли.

Стучают стручки, как лубяные.
Все подряд фасолины гнилые.

С виду вроде нет... Перетрясти —
да в кульки, да на базар снести.

И не то курортники смололи.
Червь-то, он ведь тоже из фасоли.

Села. Отдыхает на пригорке.
«Сколько лет вам?...» Скажет: «Две семёрки.

Пожила, мой сокол, в аккурат.
Штой-то лапы с вечера болят».

ЗЕРКАЛО В АБРАМЦЕВСКОМ МУЗЕЕ

Зыбкое зеркало над потемневшим паркетом
вдруг показалось мне дагерротипным портретом.

Каждый смотревший в него в нём остался навечно.
Век девятнадцатый рядом кружился беспечно.

Каждый распахан давно, обработан стерильно, фекально.
Но отражается всё в этом мире зеркально.

Парк за верандой, усыпанный хлопьями маков.
Бодрый Самарин, больной Хомяков, благодушный Аксаков.

Мамонтов с ними, он чем-то напуган, растерян.
Юный художник, который был где-то расстрелян.

Хоть свет выключай и редкие снимки печатай:
Репин хохочущий, Гоголь щеголеватый.

Гоголь возник, и все лица, как щёлоком, смыло.
Впрыгнули в зеркало уши свиные и рыла.

Нету границ между этим и тем непроявленным светом.
Нету границ... Машет Верочка белым букетом —

уж не в последний ли раз?.. — никогда не старея.
Гоголь возник — на пустом катафалке музея.

Тёмное зеркало будто закрыто рогожей.
Тьмы посетителей жмутся в холодной прихожей.

* * *

С ног сбивает ненависти ком.
Этот зверь во мне, но и в другом.
С ним сцепившись, с окаянным, с мерзким,
на его удар ударом зверским
чем попало — стулом, кулаком.

А назавтра стыдно так, что выть
хочется... прощения просить...
Так опустошительны паденья!
Застят свет позорные затменья.
Ими только бы не жить, не жить...

БРОШЕННАЯ ИЗБА

Дятел на крыше сидит.
Долотом деловито долбит.
Дому хребет расщепляет.
Гвозди на землю роняет.

Подхватывают скворцы
их расторопно и бойко.
Где-то, видать, у них стройка.
Ай да скворцы-молодцы!

А этот сидит в одиночку
и в крышу дубасит, как в бочку.

Кыш! Бестолковая птица!
Это тебе не сосна.
Сумрак сквозь дыры сочится.
Пряжу прядёт тишина.

Изредка торкнется в дверь
ветер... а может, и зверь...
И месяц блуждающим оком
в избу заглянет, как в кокон.

* * *

Заблудился. Надо было к логу
от болота взять ещё правей.
В сумерках наткнулся на дорогу.
Зашагал к деревне поскорей.
Вот уж слышно, как собака брешет,
вот и речка, и Кривой бугор.
Ни огня в деревне. Только блещет
Сириус
да светит скотный двор.

ОСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ

Облаком вымытый пруд
замер — пронзительно синий.
Тихо с соседней осины
красные листья текут.

С огненной головы
молодость облетает.
Алая лава листвы
в зимнее устье впадает.

Льётся из царственных рук
лиственницы
позолота.
Воздух, румян и упруг,
скованно лёг на болото.

Бабьего лета платки
треплются по косогорам.
Осень из-под руки
смотрит непомнящим взором.

АПРЕЛЬ

Спать не хочется. Юный рассвет
сыплет в окна мне алые розы.
Ровным заревом залитый след
под санями звенит, как из бронзы.

Шорох слышен. Мужик за селом
нагружает на розвальни сено.
И сливается с юным теплом
сладкий запах цветочного тлена.

ДОЛИНА В ГОРАХ

Долина, солнцем залитая всклень.
Цветок и камень вытянуты в тень.

Тень, затаённая в любом предмете,
подчёркивает форму и объём.

Нет ничего случайного на свете,
и тайный смысл присутствует во всём.

* * *

Восторженный и просветлённый,
в жизнь, как в любовницу, влюблённый,
поблизости светил ночных
не целовал я рук ничьих.

Ничьих не обнимал коленей.
Но всё тесней, проникновенней
связь с нею находил во всём,
над нею, спящей, вознесён.

Во всём — от мокрого бурьяна
до вздоха ночью за стеной...
Во всём, хотя она порой
казнила, как под солью рана.

Прошу тебя, глушить не смей
влюблённой детскости моей
хаосом, может быть, грядущим
и каждый день куском насущным.

Из книги
ВВЕРХ ПО ВОДОПАДУ (1989)

ГРОЗА УТРОМ

I

Вдруг абажуром ажурным
поле накрыло и лес.

Дождь с нарастающим шумом
шёл, как по рельсам экспресс.

Вот уж по шиферным крышам
шпарит. Как стрелочник, вышел
я с фонарём на крыльцо.
Обдало паром лицо.

В ливне металась берёза —
листья летели в овраг,
словно бежала с откоса
броситься под колёса,
да не решалась никак.

II

Разом отгрохотало
всюду — и прочь пронеслось.
Только берёза шептала
что-то... и сумрак глотала,
вся голубая от слёз.

1983

ВВЕРХ ПО ВОДОПАДУ

Смельчака запечатывают в бочку
и бросают в водопад.

*Реклама американского
туризма*

Ищу человека...

Диоген

I

В Ниагаре можно жить.
Раза в три себя сложить
и не вылезать из бочки.
Выждать время, не тужить —
львиный зев её — цветочки.

Главное, в азарт не впасть
ханжеского послушанья.
Чувствовать, стеснив дыханье:
есть и над стихией власть.

И, пространство фонарём
освещая, не во всём,
между прочим, слушать грека...
Благодарен будь судьбе,
ищущий в самом себе
поневоле человека.

II

Из тины, из руды
бурлящей, в столб воды
рыдающей — нет сладу —
к сверкающему граду!

В свинцовый столб воды.
И — силясь тьмы громаду
рассечь, на зов звезды —
вверх, вверх по водопаду.

1982

НА ПРЕДЕЛЕ

Рабочее место писателя —
его учёный кабинет.

Пушкин

I

Приучен я чуть свет —
и в будний день, и в праздник —
вставать... Мой кабинет
в муниципальный транспорт
вмонтирован... В пути
я место обретаю.
Бывает, обитаю
я в нём часов с пяти.
Ем, сплю, пишу статьи
и толстый том читаю.

Минутами в обрез
весь день завязан туго.
И невозможно без
дорожного досуга.

Без паузы... Она
вагонным побратимам,
нам, свыше подана —
не хлебом же единым!

Так что учись всерьёз
в толкучке и в болтанке
как заведённый... Нос
не вешай!
Всем — как в танке.

II

Бежать, лететь, ловить!
Хотя бы миг продлить

последний — на излёте!..
Нельзя, нельзя так жить —
безвылазно в цейтноте...
В почтенные лета..
Уж зубками — да, да —
не разгрызёшь орешки..
К тому же суета
одолевает в спешке
в любой..
Плеснув огня,
такой скандал закатит!
Нет больше у меня
сил... Не хватает дня!
И жизни — всей — не хватит.

III

Перебарывая тяготы рывками,
вверх по склону — на пределе, на аркане..
Миллиметр за миллиметром, пробиваясь
по грязи... Зараза, цепь на лысом скате
бесполезна! Посреди дорожных каверз
и оплошностей, настигших в результате
злой нервозности... За что и поплатился:
проколотся, покачнулся, покатился...

IV

Бассейн — моя вторая школа.
Забуду ли, как в водном поло
выкладываются мастера!
Кипит игра на грани фола.
Но мяч — невинней, чем виола.
Искусство больше чем игра.

Когда под сердцем остриё,
как место отыскать своё
в водовороте, в круговерти?

Жизнь зиждется на грани смерти —
вот статус действенный её!

А мне ли действие глагола
не знать, палящее сердца?..
Когда ещё оно — крамола,
ждёт отовсюду произвола.
Свисткам судейским нет конца.

Идёшь ли, падаешь в тумане
или в недружелюбном стане
ютишься, прикрывая тыл, —
удержишься, но лишь на грани
на самой — на пределе сил.

1987

* * *

На пустом урочище лесхоза,
посреди времянок и халуп,
красовалась стройная берёза.
Да попала и она на зуб.

По апрельской роздыми вершиной
мазанула шумно, и — конец.
Пень открылся — влажный и обширный,
словно стол, не сосчитать колец.

Бригадир, помешивая кашу,
наблюдал, оставил на огне..
подошёл, и взял топор, и чашу
золотую вырубил во пне.

И мгновенно стала наполняться
чаша соком сахарным, хмельным.
В самый раз таким опохмеляться.
Пей, начальник, и оставь другим.

Зябкими, латунными губами
к озеру припал, как прокусил
то, что к жизни смутными толчками
поднималось из последних сил.

1980

* * *

Сидя у печки в самом тёплом углу,
ржавым напильником — другого нет — затачиваю пилу.

Жизнь положил, чтоб нехитрую эту науку
знать назубок. Узнаю каждый зубчик по звуку.

Трудно двуручкой пилить одному сырую осину.
Надо бы всё ж приспособиться, к стойке приладить резину.

Длинное чёрное дерево мокнет возле навеса.
Еле вчера приволок из соседнего леса.

Стонет пила, звенит под нещадным железом, будто впервые.
Зубчики вы мои — остроклювые, тупорылые и кривые.

Долгая песня... На каждый уходит по году.
Пообтесались, понятно, пилят не воду...

1984

ПАВОДОК

Ослабились ржавые прутья
забора. К берёзе припал.
Тугие снега на лоскутья
отчаянный март разодрал.

Плывёт по низинке отлогой
убранство дубравы убогой...

Пустынная рябь впереди...
Путь к дому — кружную дорогой,
заоблачной... Так не пройти.

1976

* * *

Телеграфный столб
без проводов...
Чашками, как надо, оперённый,
просмолённый... В кипени цветов
полевых. Кругом простор зелёный —
ни дороги, ни других столбов.

Дятел не осмелится стучать
по оглобле голой. Не почешет
боров шкуру, и бобёр не срежет.
Век ему, безродному, торчать.

Кто ж его откомандировал
в глушь такую... Или сам восстал
из-под камня
на бугре прогревом?
Или ворон старый пролетал —
уронил перо на месте этом?

Дрёмный лес, яруги, да луга,
да болота, да гнилые гати...
Ты откуда, Чёрная Нога?
Как тебя, к примеру, величати?..

1980

ПОРТРЕТ ЖЕНЫ

Тáнюшка, жена моя,
вымыла окно.
Славная, желанная,
верная давно.

Будто стёкла вынула,
на подъём легка.
В избу небо хлынуло,
вплыли облака.

Заглянула рощица,
прячась в стороне.
Уж закат полощется,
плавится в окне.

К вечеру умаялась...
Ах, метнула взгляд —
птица вдруг ударилась
с лёту о закат.

Примагнитил бедную
отражённый свет.
Наводит столь вредную
чистоту не след...

Деток убаюкала.
Открестила их
от чудного пугала
и от взглядов злых.

Не дай Бог накликаю...
Села у стола
с неразлучной Книгою
Благо ночь — светла.

Новгородская область, 1981

ЛУГ ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Поля, Полюшка, ау-у-у-у...
Сердце больно сжалось.
На некошеном лугу
Поля потерялась.

Ей высокая трава
словно лес дремучий.
Сверху волчья голова
прячется за тучей.

Белой бабочкой мелькнёт
вдалеке косичка.
Ищет Полю, не найдёт
старшая сестричка.

А она под лопухом
спит — и горя мало.
Целый день махать сачком,
бедная, устала.

Волосы белее льна.
Тишина льняная.
Дети на лугу. Жена —
близкая, родная.

Где-то хрустнул вдруг сучок...
Встать или не стоит?..
Неминуемый сачок
нас вот-вот накроет.

1983

7 НОЯБРЯ

Лето отхлынуло и подарило окно на закат.
Сам я его пропилил в пятистенном закуте.
Пусть на деревню не смотрит и радуется взгляд.
И вечерами дозволит припасть, как к цикуте.

Пьёт бригадирша цикуту свою из горла.
Пьёт главмеханик по-чёрному — местный философ.
Наша пустынная местность себя изжила.
Господи, что-то здесь вырастет после колхозов?..

К нынешней, к этой, уж точно душа не лежит.
Всё раскурочено, выкорчевано с корнями.
В брошенном тракторе праздничный ветер свистит,
поле озимое дружно засеяв камнями.

1976

КАМЕННОЕ ЦАРСТВО

I

Много лет воевал на чужбине солдат.
Била пуля его и турецкий булат,
и холера трепала. А он — всё живой.
И задумал солдат воротиться домой.

Что здесь воду мутить! Только зря помирать.
Есть жена у меня. Чай, забыла, как звать.

Сапоги обменял, сухарей насушил
и домой по долам, по горам заспешил.

Год шагает... Неблизок родимый предел.
Сапоги износил и запасы приел.

Вот навстречу ему попадается ёж.
«Стой, служивый, куда-то ты босый идёшь?»

Говорит, до земли наклоняясь, солдат:
«Била пуля меня и турецкий булат,

и холера трепала. А я — всё живой.
Мне бы свидеться раз со своею женой.

Да на деток взглянуть, хоть одним бы глазком...
Не слышал ли чего ты о крае моём?..»

Отвечает ему рассудительный ёж:
«Край, который ты ищешь, — найти-то найдёшь,

миновать его трудно. Узнаешь навряд.
Там не люди живут — истуканы стоят.

Видно, бес их учил. Ладно б, выучил впрок...
Вот тебе эта пара свинцовых сапог.

Как войдёшь в отчий дом, не зевай, молодец.
Надевай поскорее на ноги свинец.

И ни с места не двинься, вокруг не смотри,
а три дня и три ночи молитву твори.

Знаешь Божью молитву, солдат?» — «Как не знать!»
«Ну и с Богом... Бери же могучую кладь».

Ох, и вправду грузна... Еле спрятал в мешке.
А пошёл-полетел, словно был налегке.

II

Верно сказывал ёж. Онемел стольный град.
Люди-камни. Таращат глаза и молчат.

Кто пел, кто мечтал, кто спал, кто курил —
всяк на разный манер одиноко застыл.

Этот с книжкой в руке, этот с ложкой во рту.
Тараканы снуют, как с плиты на плиту,

с лба прямого к соседу на скошенный лоб.
Ветер дунул — прошёл по осинам озноб.

Обронила иголку мохнатая ель
на тюльпан. И оттуда попятился шмель.

Птицы кружатся, рыба играет в реке.
И на каждом шагу истукан в столбняке

затаился... «Встречали мы всяких в войну», —
отмахнулся солдат. И увидел жену.

Неподвижная, Марфа лежала ничком.
Шею, волосы запорошило песком.

«Али в землю вросла, али двинуться лень...»
Под щекою застынули слёзы-ремень.

И, как в кузнице, бухало сердце в груди.
«Марфа, ты ли?» Похожа. Её бигуди.

Дверь солдат отворил и ступил на порог.
Тотчас вынул он пару заветных сапог.

Ноги в них поместил и как вкопанный встал.
И взялся за молитву, которую знал.

III

Но не тут-то было...
Хлопнуло, завыло,
охнуло в углу.
Это вражья сила
высунула рыла
и вострит пилу.

Голых девок в избу
натолкалось — визгу!
И откуль взялись...
Статные, живые...
Ах вы озорные,
брысь!

В сердце бьют навывлет.
Божье слово пият.

Не распилишь, врёшь!
Лишь молитвой смелой
град окаменелый —
сказано — спасёшь.

Лишь молитвой правой —
всех, кому лукавый
залепил уста.
Ишь, садит напасти!
Так и рвут на части.
Нет на них креста.

Сжал солдатик очи
и три дня, три ночи
«Отчую» читал,
сплошь — за фразой фразу.
Из сапог ни разу
ног не вынимал.

Кабы только вынул,
тут бы опрокинул
бес в тартарары.
Явно или скрыто
в каждом сердце — битва.
Бейтесь до поры...

IV

Вражью силу в себе одолел молодец.
И людей отмолил, оживил наконец.
Марфа первая в избу пустую вошла
и глазам не поверила: «Ой, не ждала!»

Да и ждать-то когда, коль спала в лебеде?..
Разыскала детишек — валялись кто где.

И в согласии полном, другим не в укор,
стали жить-поживать. И живут до сих пор.

1977

Из цикла «ГОД ОРУЭЛЛА»

* * *

Отпустите под честное слово.
Я писать ничего такого
впредь не буду. Бумаги сожгу,
в коих много «порочащих сплетен,
измышлений, угодных врагу...»
Отпустите, молчащий не вреден.
Отпустите отца к своим детям.

Чтобы с ними под крышей одной
ждать покорно грядущих событий.
Просто слышать их голос родной.
Просто рядом стоять т и ш и н о й.
Воспитать всё равно не дадите.

Вот вам честное слово поэта,
для которого песня уж спета, —
гвозди делайте, гните в дугу,
мысль, любую, по спектру проверьте,
обещаю — умолкнуть до смерти.
А потом — обещать не могу.

1980

ДОМ НА МАЛОЙ ОСТРОУМОВСКОЙ

Брызнул будильник. Следом за ним
заголосили один за другим.

Дверь проскрипела петлей дрянной.
Стронулся с места корабль дневной.

По полу гулко пятки стучат.
Мать матерится. Дети кричат.

Музыка. Кашель. Бодрая речь:
«Глубже дышите. На спину лечь!»

В верхней квартире оригинал
слушает утром старинный хорал.

Двиганье стульев, топанье ног,
храп из свистулк. Слоёный пирог,

в рот заколачиваемый дверями.
И не с повидлом пирог, а с гвоздями.

1964

В ВЕЯНЬЕ ТИХОГО ВЕТРА

В веянье тихого ветра
времени новый отсчёт.
Ивы плакучая ветка
цветом каштана цветёт.

Сдавленные веками,
в кладке — неслыханный клад —
обыкновенные камни
заговорят.

В веянье тихого ветра
щепку опустишь в ручей —
вдруг почковаться несметно
станут кристаллы на ней.

Жизни позорную прозу
руша, латая, кроя,
друзу, прозрачную розу
вынешь из бездны ручья.

В веянье тихого ветра
мы не в себя влюблены.

Необъяснимого света
волосы у жены.

Разве нас с ней повенчали
молнии в море тоски?
Не было света в начале.
Не было этой строки.

В веянье тихого ветра,
только его одного,
явится всё незаметно
из ничего.

1981

УМИРАЮЩИЙ БЛОК

Рояль развалила секира.
Растаяла лунная лира.
Раскатан по брёвнышку дом —
печальное чудо ампира.
Всё в прошлом. На дне. Подо льдом.

Безумие этого мира
наводит на мысли о том...
Где нет ни врага, ни кумира...

1977

РОДСТВЕННИКИ

Большие плечи, ранние седины.
В глазах и глубже — светлая зола
чуть теплится. Сидят вокруг стола
мои родные, кровные руины.
Их лица из потрескавшейся глины

и нержавеющей блестящие рты
настолько незлобивы и просты,
что плакать хочется, собрав на именины
остатки молодости и тщеты.

Сказать друг другу нечего. Молчим.
Нет, есть, нет, есть чего сказать мне им!
Рождённый дважды вовсе не стареет,
глубинно обновляясь день за днём.
Хотя состав телесный и на нём,
до времени ветшая, тяжелеет.
Мы все изменимся, не все умрём.

Спохватываюсь... Говорить об этом
уместно ли?.. Сплочённая родня
поглощена обильным винегретом,
как, впрочем, и родившийся поэтом
их плоть от плоти, кость от кости — я.
1983

ВОСХОД ВЕНЕРЫ

Тому, кто книг о небе не читал,
словарь земли — сплошные опечатки.
С геологами я его листал
лет десять — от Хибин и до Камчатки.
От «поля» к «полю» маятник стучал,
и молодость намыливала пятки.

Она так грубо затыкала рот
вопросами, один другого спорней,
что я бы спился. Если бы не тот
Венеры знак: восход и разворот
ко мне. И увела из преисподней.

Якутия. Река Ниргилиндже.
Последний лагерь в Огненном каньоне.
Последние маршруты.
На ладони
колючий снег.
И смута на душе.

Я помню эту ночь. Как раз совпал
конец сезона с чьим-то днём рожденья.
В купели красной, в отблесках купал
нас всех костёр, когда вокруг собрал.
И в кружки спирт бежал без промедленья.

Как в линзу, мир вошёл в квадрат стола.
И я его разглядывал вплотную.
А между тем бессвязно речь плыла
и пьяная перелилась в блатную.

Ну, а когда зачинщики бузы
осатанело за ножи схватились,
я видел, как над нами две слезы
по небу отступившему скатились.
Похрустывал под сапогом песок.
Постой, товарищ, отдохнул бы малость...
И эхо разъярённое металось
во тьме Архея.

Трогала висок,
дрожала и заглядывала в лица
звезда — ещё тогда не назвалась.

Как будто бы искала среди нас
кого-то
и боялась ошибиться.

Моя о небе первая страница.

1977

ПОХОРОНЫ ФИРЫ

Великого не сотворили
обряда. Как вещь закопали.
Рыдает Абрам на могиле —
забрали, забрали, забрали...

В диаспоре тает основа...
Чего там — весь этнос и логос
вместило шершавое слово,
которое переживёт нас.

Забрали. Под утро. Мы спали...
Отца... Из постели забрали...
В театре, на Рижском вокзале,
в подъезде — забрали, забрали...

К соседу — светило науки! —
пришли, из-под койки достали
железными крючьями, суки...

Абрам прошагал до Берлина
войну, и кусок крепдешина
он Фире привёз — не до жира...

Работал как вол, думал мало.
Таких, не забравши, сжевала
жевательная машина.

И вот словно поршнем прошибло,
о всех, погребённых в завале,
оттуда, из вечности — хрипло:
забрали, забрали...

1980

* * *

Я поминальник свой в дорогу
всегда беру. Вон сколько их,
имён и близких, и родных...
Пока ещё в нём, слава Богу,
усопших меньше, чем живых.

Дыханье вечности допишет
страницу прожитого дня.
Меня те и другие слышат...
Живые, — слышите меня?

1988

* * *

Марку Лисянскому

Внебрачное наследие ГУЛАГа,
дитя единокровное — общага.
Раскрыла пасть на трассе Усть-Илима.
Как ни крути, а не проехать мимо.

Гром и литавры бесконечной стройки.
Целинные былинные края.
Фанерной стенкой стиснутые койки.
Одна из них, из десяти, моя.

А на соседней, с Панькой Волосатой,
живёт подросток
из породы статуй,
сильногомуч и абсолютно лыс.

Столовая и туалет дощатый
в замёрзшей луже, в наледях слились.
Пристанище для обнаглевших крыс.

О, разве всем ниспослано терпенье
идти на свет сквозь мерзость запустенья!
И где он есть, тот благодатный свет,
когда кругом, как я, такие ж люди?..
Простым словам о святости, о чуде
поверил бы я в девятнадцать лет?..

1977

В ПОИСКАХ ИСЧЕЗНУВШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ, или КАТАЛОГ РУССКИХ КНИГ, ИЗДАНЫХ ЗА РУБЕЖОМ

За десять долларов получите по почте
вы то, за что мы здесь получим пятерик.
Крамольный каталог — всего лишь горстка почвы
той самой... Затонул великий материк.

Ревнителю основ и доблести старинной
не дали размолоть себя на площадях,
умея отстоять свой д а р непримиримый
и в громкой смене вех, и в окаянных днях.

Нырнуть на глубину — друзей подвергнуть риску.
Заветный манускрипт, как амфору со дна,
достать бы... Повезло тому аквалангисту,
который прочитал прямые письма.

Когда-нибудь — когда? — потоп, конечно, схлынет
и обнажит рельеф хлебнувших горя гор...
Чьи склоны и луга бескрайние обнимет
оставшийся от нас аллювиальный сор.

1980

ОРАНЖЕВАЯ ПАЛАТКА

Кочует в море трав,
покачивается сладко

наш верный батискаф —
оранжевая палатка.

На протяжении лет
немалых, слава Богу,
какой нас нежил свет!
Не снилось и Ван Гог.

От взгляда моего
зажмурившись, бессильна,
ты пряталась в него,
как в дольку апельсина.

За гранью теневой,
на стороне окольной —
пушисто-золотой,
раскованно-спокойный.

Очнись, оставь другим
мечтать о вечном лете...
Но из его глубин
и мы, и наши дети.

* * *

Большие черепахи были истреблены
первооткрывателями новых земель.
Ими набивали трюмы, как живыми консервами.

Детская энциклопедия

Куда они плывут, головорезы,
решительные наши господа?
Зачем здесь тьма и скользкие железы?
И сколько нас напихано сюда?

Как ни смиряйся мудро или кротко,
а всё же отвратителен их смех.
Опять визжит ужасная лебёдка.
Опять кого-то подняли наверх.

У капитана громкие идеи
про Новый Свет, про лучезарный век...
Дались ему морщинистые шеи
за долгий путь изъезженных калек.

Охота спать от качки постоянной.
Охота спать... Пока ещё цела.
Мешает крыса. Глаз её стеклянный
сверлит острей алмазного сверла.

Пускай войдёт в нас скрытая зараза.
Пускай её смакуют с чесноком.
Им отрыгнётся лакомое мясо
на этом свете и на свете том.

Открыли остров, хлещут ром из бочек.
Открыли новых два — вошли в азарт.
Орут «ура!», по головам грохочут
ботфортами и лупят из ламбард.

Чего нам ждать в неведение и страхе?
Весь мир для нас — окованный кубарь.
Ведь мы ещё не люди — черепахи,
стенающая, мучимая тварь.

1977

* * *

Как трудно больному бороться с собой!
Среди психопатов — остаться здоровым.
Как трудно быть неиссякаемо новым
в улыбке, в строке и всегда за строкой...
Как долго ты будешь, врагом завербован,
мычать или биться об лёд головой?!

Покуда единство меж делом и словом
не выгнется вольтовой дугой...

Владеющий словом — владеет собой.
1985

МАТЬ И СЫН

Он обуян гордынею? Едва ли...
Увы, не всем понятная, видна
в нём сила, что в былые времена
достоинством обычным называли.

Не каждому, конечно, сват и брат
он — жертва поголовного братанья.
Вот только нервы иногда шалят.
И далеко до самообладанья,

которым, непонятно как, сильна
его седая мама... И не близко
до всепрощения её. Она
учительница в прошлом, атеистка.

Когда её не раз терзала моль
начальственная — хищников хватало
и покрупнее... Попросту сжимала
до боли кулаки. И эта боль
извне пришедшую одолевала.

Не любит вспоминать о пустяках
былых... Зароется в газетной кипе...
Так в чём секрет: в зажатых кулаках?
В потерянной культуре? В генотипе?

1988

ВОСПОМИНАНИЕ О ДРУГЕ-ПОЭТЕ

Покойник утопал в цветах.
Минуты две казённый Бах
над ним, блистая, окружился,
и гроб в пучину погрузился.

Он имя славное имел.
Любил, обманывался, пел.
Не завоёвывал престижа.
И вот как береста сгорел.
Образовалась полость, ниша.

Незанятая пустота.
Как будто на краю моста
из близкой глубины сквозило,
куда б меня ни относило.

Ей брошенным дуплом зиять
сначала,
воя в непогоду.
Но время будет засорять
её всё больше год от году.
Иную сразу заметёт...
Уже — в природе нет пустот —
их отголосок реже, тише...

И наши именные ниши
Бог вытряхнет в конце времён,
когда сойдёт на землю Он.
И новой плотью, словно соты,
заполнит прежние пустоты.

1980

* * *

О чём душа весь день скорбит?..
В замоте, в тягостном молчанье,
как будто в обмороке спит.
Отколготится, отболит
и просыпается — ночами
в глубоком сне... Хоть так побыть
с собою... А когда ж ей жить?!

И вот не тени на стене,
а чувства, что лежат на дне,
колеблются, со дна всплывают...
Ей кажется, она летает
и бодрствует во сне.

Лишь в сновидениях ночных
присутствует. Наречьем смутным
кому-нибудь на кухне утром
взахлёб рассказывает их...

И, занятая разговором,
вновь оживёт на полчаса.
Внутри обращённые глаза
невидящим закрыты взором.
Так в доме, смерть гостит в котором —
косит из тёмного угла, —
завешивают зеркала.

1984

ОДА МОИМ БАШМАКАМ

Ну вот и перезимовали мы с вами,
шитые по швам, перешитые,
импортной ваксой пропитанные насквозь.
Даже каши не просите, скороходы мои глинобитные.
Километров четырёхста с осени отмахали, небось...

По тупиковым проспектам, по лестницам и коридорам,
куда невзначай закатывался мой заработанный грош
и где отпечатывался красноречивым укором
шинный след ваших рельефных подошв.

Обувь интеллигента — легче удержаться на склоне...
Холодоваты, конечно, и грубоваты на вид...
Впрочем, ноги не зябнут при таком марафоне.
Истинный интеллигент на месте ведь не стоит.

Марина Ивановна Цветаева, вернувшаяся из Парижа,
драгоценную грязь соскабливала с башмаков
и прятала в чистый платок... Для моих же
понадобится мно-о-о-о-го чистых платков.

Потому я свои башмаки оставляю у трапа —
на всякий случай... Не очень-то
с парижанами и знаком...
Перезимовали, родимые... Вон уже мошь из-за шкапа...
А летом за городом я предпочитаю ходить босиком.
1984

В НОВОМ РАЙОНЕ

Иной масштаб. Иные перекрёстки
и площади. Дома стерильно-плоски.
Так непривычен и пустынен вид
не по-московски правильных кварталов,
когда фольга осенняя звенит
о цоколь циклопических кристаллов.

Под стать домам акселераты-дети.
Не то что их отцы, в барачной клетке
родившиеся... Впрочем, плоть от плоти...
Закупоренные в иной масштаб.

Я помню, домик наш на повороте
желтел, под арку всунутый, как шкаф.
На костылях, урод среди уродин.
Урок архитектуры не бесплоден.
Пилястры чердаков и подворотен.
Обшарпанные, как обшлага, подъезды.
Фасады клубов — грозны и помпезны.
Забор на танцплощадочном плацу —
запомнился, как плёткой по лицу.

Пожаловал. Встал, как струна, протяжный,
холёный, двадцатисемиэтажный
троянский конь.

1979

ШКОЛЬНЫЙ УЧЕБНИК ИСТОРИИ

Ночами на кухне читал и готовил уроки.
История — та ещё кухня! Все войны — житейские склоки.

Подлоги, погромы. Урвать у России, у Польши.
Всё те же приёмы. Грызётся народу побольше.

Поближе бы к морю, к плите... Или святость престижа
внушить повсеместно. Бранятся. Позорят бесстыже.

В кастрюли плюют... И пошло... И пошла круговая!
Что совесть, что жертвы! Когда уж война мировая!

Когда две владычицы мечутся в пене и злобе,
отмщенье лелея, — виновны в падении обе.

Нет мира, нет мира в душе. На земле и подавно.
А был ли когда-нибудь?... Разве что в дни до Адама...

Когда унимался народ трудовой и батальный,
убогая кухня моей становилась читальной.

Замки на шкафах. Восемь счётчиков — чёрных и алых.
Ночные прозренья. Арена жратвы и скандалов.

1970

ДЕТСКАЯ

Среди земного ада,
среди ночных теней
пускай горит лампада
в комнате у детей.

Высокий знак святыни.
Когда их сон глубок,
посматривает за ними
малиновый глазок.

Бабушкино наследство.
Бог даст, горит не зря.
И ты под нею с детства
росла — не то что я...

Над полкой неказистой,
среди игрушек, книг
да устоит Пречистый
незамутнённый лик.

1980

* * *

Я эту зиму, случай спас,
провёл как за глухой стеною.
В который раз, в который раз
судьба распорядилась мною!
Вот здесь и будешь сторожить...
Вот будка и объект за нею...
Ты, видно, не умеешь жить,
а грамотный...
— Да, не умею.

Вот будка и объект за ней.
А из столовой на объекте
старуха-дворник для свиней
таскала по ночам обедки.
Она брала огромный ковш
и над котлами колдовала.
Оттуда кости доставала
и предлагала мне: «Не хошь?»
Мохнатые, как валуны,

мослы обсасывала громко.
И тень её до полстены
на кухне горбилась огромно.

Там было всё-таки тепло.
Теплей, чем в будке и в подвале.
В помойке крысы шуровали,
и время медленно текло.

А минет ночь — я забывал
про все мытарства, лишь ступал
на вольный воздух за ограду.
Не шутки ради называл
стипендией
свою зарплату.
Ведь оставалось на себя
два дня последующих полных...

Снег утренний кружил, слепя,
и сухо вспыхивал, как порох.

1970

* * *

Очередные трудности...
Всё, что читалось в юности,
всё надо перечитывать.
Голодным сердцем впитывать,
цедить глазами зрящими
азы образования.
За гранью выживания
провал образованщины,
балдения базарного...
Всё надо метить заново.
Но времени взять столько-то
где ж мужу подневольному?..
В пыль молодость размолота,

шла по пути окольному.
А всё ж поспела к празднику
Святого Воскресения.
С чего начать? С терпения.
Открыть Христову азбуку.

1988

КАК НАСТИГАЮТ СТИХИ

Стихи осалили — и дальше.
Коснулись, а тебе водить...
Их первое тепло хранить
от порчи времени и фальши.

В столпотворенье, на морозе
стоградусном, в дурацкой позе,
сквозь сон невнятный, в темноте,
в блокноте или на листе
газетном, хоть на целлюлозе,
оставить бы намёки — те.

Намётки самые живые.
Успел — и можно дальше вскачь.
Нырять в тучи грозовые
и в лужи... Закусив калач
или кирпич... Ну-ну, не плачь.

Когда ж на свет им появиться
приспичит, не кричу «ура!».
Ещё не знаю, не пора,
что выпало: перо жар-птицы
или, топорща завитушки,
цыплячье — из моей подушки.

1980

* * *

Клянусь, не привязан
я к модным лабазам,
к друзьям-звероловам...
Я сам не за мясом
охочусь — за словом.

За смутным, невнятным
комком сыромятным,
птенцом желторотым —
по нашим проклятым
житейским болотам,
по нашим высотам.

По ведьминым ямам,
по выжженным плешам,
за красочным самым,
за наиточнейшим.

На клёкот откликнусь!
Добыча бесценна.
О, веская слитность
руки и прицела.

1987

ИЗДАННАЯ КНИГА

Здесь книги нет. Есть тень
от книги. Набекрень
и кое-как слепили
куски... Чем не мишень!
Пристрелянно лупили
по ней редактора.
Да, даже по остатку!
Тень. На дыре дыра,
вокруг и сплошь — в десятку.

Иной пророк сравним
с шутком полунемым,
чей рот замазан тестом
иносказательным.
Пора — открытым текстом!
Пора. Открылось миру:
князь мира с е г о — гол.
И пусть он счёты свёл
со мной — с любим, — чью лиру
уже не спрятать в стол.
1986

* * *

Поэт работает дворником.
А дворник служит поэтом.
Он занят собственным сборником,
а поэт — общественным туалетом.

Тот и другой стараются,
упираются честь по чести.
И как это называется,
когда всяк не на своём месте?..

Когда не своим приходится
делом добывать монету?..
Называется безработица,
которой у нас нету...

Реальность тире утопия.
Поэт права не качает.
Два раза в месяц пособие
по «безработице» получает

за то, что, асфальт отскрёбывая,
встаёт каждый день до свету...
У него здесь место особое:
место, которого нету...

1981

СТАРАЯ ФРЕСКА

В. М. Василенко

По нашим временам привычная картина:
честь идолу воздай и власти не перечь.
Трёх отроков нашли. Трёх братьев. Три — едино.
Связали и пинком — в бушующую печь.

Необозрима печь. Вольготно и просторно
внутри огню плясать и пожирать дрова.
Крошатся цепи гор, и плавятся озёра,
и судорожно в них летит с ветвей листва.

И люди в темноте как факелы пылают.
Под сводами печи ползут или парят.
Глаза им застит дым, огонь из губ глотают.
Стеклобетонный дом огнём как сноп объят.

Шурует кочергой холуй Веельзевула.
Устал смолу и жир запихивать в жерло.
Из отдалённых сфер — прохладую пахнуло
на юношей живых... Рососою обнесло.

В бушующем гнезде все трое невинны.
Кого благодарят согласные уста?
Кому посвящены возвышенные гимны,
рождённые в плену, на острие костра?..

Всё раскалённей гул...
Сей мир в распыле грозном
тем, кто не от с е г о, — волос не опалит.
Из глубины веков, их голосом опознан,
и вторит их словам, и о своём гудит.

1979

ЗАВЕТЫ АВВАКУМА

Не верь! Не бойся! Не проси!
Сия премудрость на Руси
сияет в мрачные години,
подбадривает пугливый ум.
«Не клянчи, — рыкнет Аввакум, —
у подлой власти, у блядины!»

Не скит сколачивать в бору,
а в самом полыме, в миру
будь — книгочей ты или плотник,
с их публикой настороже...
Жить на пожарище — уже
по нашим временам есть подвиг.

1980

Из цикла «РУСЬ ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ»

ИНОСТРАНЦЫ В УСПЕНСКОМ СОБОРЕ

I

Живописной пёстрою толпой
иностранцы перед солеёй
встали — братья вроде бы по вере —
к алтарю, ну, чуть ли не спиной...
Нас разглядывают, как в вольере,
из внимательного далека...

— Ничего нельзя наверняка
знать об этих русских... Неудобны
при контакте... И на всё способны...
Непонятно, что у них в сердцах

потаённых — кротость или страх?..
Их премьер заводит с нами шашни..
Перестройка, гласность — ничего
не понятно... Но скорей всего —
перестройка Вавилонской башни..
1988

II

Зря они всё же пестрят,
схожие с труппой эстрадной.
Вдруг из толпы этой взгляд —
братский, живой, нестандартный.

Вместо протянутых рук —
раз дотянуться не можем —
будто спасательный круг
с палубы лайнера брошен,

родственный искони
по неизбывной причине —
вы не одни, не одни,
русские, бьётесь в пучине!

Вот бы кому новостей
высыпать... Но запестрило,
но закрутило гостей
и евхаристией смыло.

1988

* * *

Вкушая тараканий мор,
пьём чай на кухне. Разговор
о том, о сём обыкновенный
течёт... о возрасте Вселенной,
о том, что с некоторых пор
мы хлеб едим канцерогенный.

Опасен крымский виноград.
Опасен джем из красных яблок.
Опасно всё... И в почве яд,
и в воздухе, и в мыслях дряблых.

А гость мой, кажется, шутник.
На воле вырос... Не привык
жить в атмосфере ядовитой.
Бедняга, к форточке открытой,
как к выхлопной трубе, преник.

Обложены со всех сторон.

Не до последних ли времён
дошли мы, ощутив усталость?..
Одно, последнее осталось —
у Бога помощи просить.
Довериться единой воле
Того, Кто в силах защитить
от зла и злаковое поле,
и нас..
Случайное застолье
попросим же благословить...

1979

ДОННЫЙ РЕАЛИЗМ

Из моего окна видна помойка.
Ну, редко кто, в неё не заглянув,
проходит мимо...
То журавль свой клюв
вонзит, то юркнет мышка-землеройка.
А то тюки разворошит жираф...
Интеллигентно в стопку отобрав
журналы, полку, вышедший из моды
сапог — на случай слякотной погоды
хорош вполне... а может, так, в архив...

Благодаря изъяну иль недугу
себе покой, наверно, заслужив,
вещь будет снова мыкаться по кругу...

Не так ли и душа всю жизнь томится
иная — выжата, разорена...
С другими в кучу свалена она.
Вдруг на неё какая-нибудь птица
положит глаз — глядишь, и пригодится.

1981

ИЗ ДЕТСТВА

Там, за кремлёвскими стенами,
за рафинадными зубцами,
из пряников возведена
гора. На ней портрет с усами —
великий вождь. В тебя глазами
прищурился. Пошёл он на...
А здесь, в полуподвальной яме
рождённая, мечта одна
не оставляет пацана —
найти бы кошелёк с деньгами...

Всё найденное не впрок,
как и ворованное — тщетно
его учили... Незаметно
он чуть не в каждый коробок
вникает, ученик несносный,
выуживая из-под ног
и спичечный, и папиросный.

И раз, по щучьему веленью,
по неотступному хотенью,
под Новый год судьба послала
ему и брату сто рублей.

Сто — цельной пачкой — снегирей
в снегу лежат — хватай скорей!
Вот где душа возликовала!
Где сказка обернулась былью,
овеянная снежной пылью.

Чтоб за стеной не слышать пьянку,
он в книгу окунёт лицо —
там, где про скатерть-самобранку,
про чудодейное кольцо.
Ему чудес с лихвой хватило...
Ещё прибавлю, правды для:
сияла лампа Аладдина
из пряничного кремля.
Из проруби вещала щука,
набрасывая тень на плетень,
что сказка сбудется — порука
приманчивая по сей день.

1982

* * *

Фортуны карусель слепая
блефует. Брат мой одичал.
Рычит, мяучит по ночам
и вскрикивает, засыпая.

А выглядит почтенным мужем.
Не обжирается на ужин.
Не пьёт и вроде бы здоров,
не курит, с шахматами дружен,
обыгрывает мастеров.

И правда, прелесть-то какая!
Как снег под пятками визжит,
когда он, плавками сверкая,
к замёрзшей проруби бежит!

Во сне врачует нас покой...
А он — уже немолодой —
сплошь судорога, шрам на шраме!
Таких отчитывают в храме,
кропят крещенскою водой.

Сумятицу душевной боли
ещё возможно соскresti,
когда бы сам по доброй воле
сказал он: «Господи, прости!»

1985

* * *

Отец троих детей. Они, как груши, виснут
на нём. Молчит, угрюм. Пьёт в кухне чай спитой.
В оцепенении...
Как будто бы притиснут
он заживо к земле могильною плитой.

Да разве кто-нибудь останется счастливым,
насильственным себя смиреньем изнузив?..
Земная нищета, тщета — сквозит разрывом...
В оцепенении
незримо зреет взрыв.

1986

ДИКТОРУ БЫЛЫХ ВРЕМЁН

Ухоженный холуй рассказывает басни,
которые сложил не дедушка Крылов...
Я думаю о неминуемой казни.
Её достоин говорить слов.
Я думаю, что он один из первых
ответчиков, восславивших тюрьму.
Пустыни глаз обращены к нему,
и слепнут дети от фальшивых перлов.

Ну, откажись, прожжённый лицедей..
Ведь если каждый, становясь смелей,
себя к элементарному принудит —
прислушается к совести своей,
у лжи не будет рупора. Не будет.
Когда вещает чёрная дыра,
подумаю: а моего пера
неистовство
не уличить в соблазне?..
А то и я достоин той же казни.

1974

* * *

Вертлявый юноша боготворит театр.
Ведёт подругу в дорогой партер.
Довольно перспективный кавалер
ей мысли берedit, как секс-вибратор.

Он независим, но до славы лют.
Он искренне играет в либералы.
И пишет прозу, ту, что издают
охотно комсомольские журналы.

Увы, запомнить взгляд его нельзя.
Плывут в философическом тумане
защитые ресницами глаза,
как на скупых портретах Модильяни.

Как я хочу
жить на земле, землёй!..
Преображая вечной новизной
ушедший день — и радостный и хмурый.

Как не хочу я жить литературой,
встречаться с ним у кассы выплатной.

1977

ТРЕТЬЯКОВКА. ЗАЛ ИКОН

В ликах икон под стеклом отражаются лица.
Хочется перекреститься.

Галстуком пионерским занята ученица.
Охорашивается бесцеремонно светская львица,
рота солдат на которую жадно косится...

Что ж тут такого... И в храме косились, бывало.
Лик Одигитрии — чище не сыщешь зеркала.

Яблоку негде упасть — столько народу...
Нет, всех не спишешь на моду...
Смотрят, как в воду
с берега, чувствуя свет за стеклом, за веками.
Сбоку встают. Восхищаются. Машут руками.

Владимирская Богоматерь здесь сохранится
лучше, чем где-нибудь...
Хочется перекреститься.

Толпа, напирая, полощется в раме, роится.
Царица небесная, Матушка,
Византийская наша Царица.

1985

ХРАНИТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ

Горят, как золото в кивоте,
тома старинные. Они
в культурных семьях нынче в моде.
Весь «Современник» в переплёте.
И Брем, и Гофман, и Парни.

Не эту ль книжицу в Лицее
сам Пушкин некогда читал?..

Ах, выроните, ах, поскорее
вернуть её на пьедестал.

Коллекция роскошных Библий.
Взгляните-ка, прелюбопытный
новейший экземпляр с Дали.
Взглянули. Далее пошли.

На спинках кресел купидоны.
И от полу до потолка
эмаль, оружие, иконы.
И взгляд жены, как взгляд Горгоны.
И в перстне тонкая рука.

Брокгауза клавиатура...
Мечта моих школярских снов.
И полный Даль, в котором слов
ненужных царская цензура
не находила. Гостю рад,
открыл хозяин наугад
на слове «жопа». И при этом,
блистая вольным этикетом,
к нему пословиц длинный ряд
прочёл изысканным фальцетом.

1976

* * *

Жизнь, как видим, не остановилась.
Уж давно советская насквозь.
Божья Мать в кухне притулилась.
В горнице ей места не нашлось.

У печи старуха суетится.
Ставит тесто. Гостю говорит:
«Дочь моя меньшая — фельшерица
и держать иконы не велит.

Вот помру, тогда хучь выносите
вместе с гробом... а покуль не дам...»
Топчут куры белый хлеб в корыте
и снуют бесстрашно по ногам.
Снег лисицей ластится у двери.
Печь дымит, и образ не видать.
Божья Матерь прячется в пещере
вместе с Сыном. Ей не привыкать.

1978

УТРО

В гремящей разболтанности утреннего трамвая
понуру стоим, не успев от постелей остыть.
Печальная девочка, куклу к груди прижимая,
сказала дремавшему дяде, отцу, может быть:
— А бабушка Клава снова станет живая,
когда все воскреснут...
Снова нас будет любить...

1980

БЕРЕГ МАКЛАЯ

Ищу что поесть, ищу что поесть...
За день набегаюсь, вымокну весь...
С кочки на кочку — заботы житейские.
Голову вниз и — ворон не считай.
Аборигены новогвинейские
рыщут. Дивится Миклухо-Маклай.

Некогда за нуждою присесть...
Ищу что поесть, ищу что поесть,
ищу что... работой любой не побрезгав...
Где вы достали колбасных обрезков?
Где, где вы взяли? А там ещё есть?

Цепкий и жилистый папуас.
Щупы на месте опущенных глаз.
Рот приоткрыт, чтоб в лазурные дали
мимо пернатые не пролетали.

«Что это за непонятные пассы
и странный обычай делать запасы?» —
вслух размышляет приезжий этнограф,
пряча галеты от взглядов недобрых.

Следом и дети мелкой побегожкой...
Дружно бросаются за сыроежкой.
Спрячут, кричат: у-ла-лай, у-ла-лай!!!
И не пытайся, учёный Маклай,
влезть в нашу шкуру и мысли прочесть...
Днём с фонарём,
ночью с огнём
ищу что поесть,
ищу, что поесть,
ищу, что поесть,
ищу что поесть,
ищу что...

1978

* * *

Что посеешь — не твоё.
Не твоё и то, что смелешь.
Коммунальное жильё
вечно с кем-нибудь да делишь.

То с соседом за стеной,
то на кухне с тараканом.
То в гостинице дрянной
с храпуном, смертельно пьяным.

То — этаж над магазином —
с целым выводком крысиным.
Из углов они глядят,

словно вытурить хотят
и занять твою жилплощадь.

То с соседом, то с клопом,
то, в самом себе плутая —
область-то необжитая, —
с приживальщиком-рабом.
Прячется во тьме кромешной
раб греха, твой друг сердешный.

1980

МАТРЁШКА

Сергею Ермолаеву

Неохватная с боков,
выросла до облаков.
Ширится и громоздится
в толстых щупальцах граница.
В ней ужалась потесней
зона лагерная. В ней
БУР поставлен специальный.
Карцер в нём, как гроб хрустальный,
весь просвеченный в глазок.
В гробе — узник, одинок.
И ни койки, ни окошка.
Но — не кончилась матрёшка
этим эском изначальным.
В животе её глобальном,
бодрый сохраняя вид,
своротить способный горы,
узник в узнике сидит —
тесная душа. В которой
плотно запечатан мглой
страх — Кощеевой иглой.

1980

* * *

Белый-белый сумасшедший дом.
Каменный квадрат двора высоко
зашнурован проволокой. В нём
санитара бдительное око.

Сто больных гуляют за стеной.
Коротают время до обеда.
Есть среди гуляющих больной
безнадёжный: мания побега.

Был он знаменитый акробат,
три сальто и винт работал с крупа.
Но однажды промахнулся глупо...
Се ля ви, никто не виноват.

Не такой уж сладкою была,
видно, роль эксцентрика и мима,
что в него, в несчастного, вошла
тяга прочь от всех необоримо.

Как ни караульте, всё равно
увернётся — цепкий и поджарый.
По стене, как ящерица... Но
вдруг повис на проволоке ржавой.

Бедный-бедный, сильный человек...
Смотрит виновато и послушно.
Он среди законченных калек
выступает слишком прямодушно.

Удержит... Что делать с дураком,
вылечить которого непросто?..

К воле, к воле встретится ли в ком
столько затаённого упорства?!

1976

ЖЕНЩИНА

По грудь в чешуйчатой волне
плывёт — у зверя на спине,
из Азии — издалека...
Собой смыкая берега...

На ослепительный песок
соскальзывает — со спины бросок,
чтоб рядышком — озноб от плеч —
устало и покорно лечь.

И волосы её прольются
на луг, где лошади пасутся.

Вся в золоте моя жена
лежит — детьми окружена.
Вся в жемчуге шипучих брызг...
Когда бежит — девчачий визг
и гомон катятся вдогон.
На пляже ни души кругом.

Рай от райцентра далеко.
Мотив с сюжетом Жерико
вынашивается в этом лоне:
у моря женщины и кони.

1986

ЮНОСТЬ

Полдень в истоме.
Спят камыши.
Озеро. Кроме
нас — ни души.
Вёсла ослабли.
Лодка плывёт.
Солнце по капле
пьёт нас и пьёт.

Звонкая юность —
сила и стать.
И никому нас
там не видать.

Прикосновение
к тайне святой.
Дни сотворения.
Этот — шестой.

В сонной пустыне
расплавленных вод
ломанных линий
всплеск и полёт.

1970

* * *

Нет, нет, я был несправедлив,
когда ни в чём не видел смысла.
Я музыку забыл, порыв,
захлёстывающий бескорыстно.

Бог знает сколько ещё мне
перетерпеть на этом свете.
Но музыка — как свет в окне.
А мы — её больные дети.

1966

* * *

Греция — сон нескончаемый... Разве я,
алчный свидетель, оставить решусь
время и город, в котором Аспазия
тайно венчала верховный союз?

Ложe цветами усыпано. Лилии
в пене волос, как на лоне реки.

Пеплоса мягкие, вольные линии
вторят плескучему взмаху руки.

Видимо, так сочетался в согласии
с жизнью естественный идеал,
что непреклонность прекрасной Аспазии
Фидий Афине невольно придал.

Камня достойно лишь вечное, главное —
то, что, наверное, скрыто от глаз.
В греческом мраморе истина явлена,
та, что как эхо скитается в нас.

Мера — исток благоденствия в Аттике.
Мера, отступники, самая суть.
Ритм у запястья, кольца Галактики —
мера: к безмерному
единственный путь.

1967

* * *

I

О, никогда так не дышалось
стеснённо... Видно, от трудов
земных... Сгоняя семь потов,
накапливается усталость.

Раздрызг от дачных электричек,
от глупых, безуспешных стычек
за место — в пользу стариков.
И от свинцовых рюкзаков
с продуктами. Связь не распалась
времён, коих закон суров...
И мама с сумками таскалась
всю жизнь... Сведённых уст усталость,

отцеженная в сетях
житейских, в площадных страстях,
на дно осела и осталась
там плотно, как мышьяк в костях.

1983

II

Всем труженикам исполать!
Побойся мизантропом стать,
жующий горький хлеб обиды...
Оно, конечно, не акриды
и дикий мёд... Но — исполать
всем труженикам! И, выдавший виды,
о чуде можешь ли не знать?
Всё обнимает благодать —
и скорбь, и боль, и пестициды.

1986

* * *

Как, ютясь под нависшим обвалом,
научиться действительно жить?
Не бежать, не пластаться по скалам...
Неизменно довольствуясь малым,
как за малое благодарить?

За цветы подмосковного лета,
за возможность читать до рассвета,
когда дети уснут — мал мала...
За приют проходного угла...
И, наверно, за то, что комета
нашу Землю ещё не сожгла.

Как в преддверии катастрофы
воздвигать нерушимые строфы,

не блуждая в мечтах, не кляня
вероломной судьбы повороты...
Зная только — у каждого дня
есть свои коренные заботы.

Вот и заговорили, запели
благодарные струны капли...
Научиться бы и в конуре,
пусть продутой насквозь — в цитадели! —
набираться отваги в апреле,
защищаться от вьюг в декабре.

1983

* * *

Что происходит на борту
авиалайнера, который
с шасси — единственной опорой —
никак не сладит на лету,
не высвободит... В ледяном поту
уже теряет высоту...

Что там — в затянутой петле?
Что с ними там — ещё в тепле
родном?.. С пылинки глаз не сводит
Вселенная... Что происходит?
То, что и с нами, на земле.

1980

РУБКА ЛЕСА

Ах, как весело целует,
как отчаянно звенит!
На лихом коне гарцует —
щепки брызгами в зенит.

Дерзким посвистом рассеет
пересвистыванье птах!
Брага, буйное веселье,
низвергающее в прах.

Вслушиваются поляны.
Белозубы и востры,
вкруг стволов дремуче пьяных
пляшут, пляшут топоры.

1964

ПРИЗНАНИЕ

Если стихов не пишу — не люблю.
Возненавидьте, под поезд бросайтесь.
Глухо. Каких ещё вам доказательств?
Я вам с три короба наговорю.

Я обещаю, как друг или брат,
часто звонить, на концертах встречаться...
Ужас какой: обещать и ручаться —
если стихи безнадёжно молчат.

Наиточнейший сигнал: ни гу-гу.
Ну, в чём я виновен? И что я могу?
Если чарующий ключ иссякает...
Если один только он высекает
незаменимую искру-строку.

Всё остальное — базарить слова.
Чувства, вышколенные в привычку,
будут шипеть, как сырые дрова —
рифму подсунешь под них или спичку.

1970

* * *

Стой, время, не греми!
Наскучил поединок.
Он спьяну, чёрт возьми,
грохочущий будильник
хватил об пол... Чудак...
Ну, разве тише стало?!
В самом же точно так
в нём время грохотало.

1968

ДЕРЕВЬЯ

Когда-то в ласковых зелёных лапах
здесь копошились выводки грачат.
Ну, а, сегодня, небо расцарапав,
культи короткопалые торчат.
Лишь оттенив лазоревое утро,
они, в апрельском зазеркалье луж,
как будто наши двойники, как будто
рентгеновские снимки наших душ.

1964

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВЕНЕРЫ

Из пены волн рождённая, видна
на горизонте синяя планета.

Её дыханьем молодость полна,
как паруса бегущего корвета.

И за кормой струится тонкий след.
И наверху прокалывает снасти
её дрожащий изумлённый свет,
пульсирующий, как у запястья.

Толпится в ступе тёмная вода —
в необозримом лунном океане.
Но кто мы? И откуда? И куда?
И как её пронзительно мерцанье...

1968

ДОМ ПРЕСТАРЕЛЫХ

В завалах буйной зелени, в глуши
высоких лип и тополей высоких
укрылись стены, башни и бойницы,
и в гуще веток — клацканье ворон.
Старинный замок Эдольский... А ныне
дом престарелых. Тесный двор мощён
прохладным камнем. Выщерблены своды.
И отовсюду, словно на песок
из недр глубоких, шевеля глазами,
на солнце выползают старики.
Живая ветошь: блузы, щёки, пальцы,
вцепившиеся в край скамьи.
На галерее сушатся матрасы.
На галерее, где когда-то в полночь
бесстыдный граф Шарлотту обнимал.

Что ж, старость, узнаю твои уроки!..

Но как, скажи, от самых полных лет,
от смелых лет, от молодости гордой
достоинство сберечь?..
Чтоб защищаться,
когда придёшь ты... Если ты придёшь...

1969

* * *

Грядущее не за горами.
За скобками — всей суммой вне.

Оно как рыба на лине.
А мы повёрху — в тине, в хламе.
И в нас черты его вчерне.

В даль вглядываясь, лбы расплющим
об лёд стекла. Живу грядущим.
Вчера сегодняшним. Примет,
однако, и в помине нет,
ради которых жил. Прогнозы
всё врут. Одни метаморфозы.

А жизнь летит. И скорый снег
сулят октябрьские морозы.
Был или не был человек?

Уронит голову, как знать,
он на подушку ли, на плахе.
Как Ахиллесу черепахи,
желанной жизни не догнать.

Но неослабно, день за днём,
решительным поводомьрём
с ним безответная надежда:
ещё всё б у д е т. Жизнь безбрежна.

Ступая смело за черту,
он и в последнее мгновенье
с ней, с ней, несбывшейся, чему
ни имени, ни воплощенья
не знал он здесь.

1976

Из книги ГНЕЗДО (1989)

* * *

— Беспечные птахи, чем заняты вы
в преддверии майского грома?
— Мы строим гнездо из пожухлой травы
под крышей надёжного дома.

Я тоже постукиваю топором...
Готова последняя скрепа.
И если не выдохнусь, выстрою дом
под аркой закатного неба.

Продутая грозной метелью земля,
икринка, пристанище духа,
вся светится — слеплена из горбыля,
дресвы и гагачьего пуха.

Гнездо посреди опалённых планет
к теплу животворному жмётся.
Ему ещё сколько отпущено лет
висеть под стропилами солнца?..

И наша Галактика, Млечный наш Путь,
пролитый на доли и веси,
есть тоже гнездо — попросторнее чуть, —
которое видим в разрезе.

1982

* * *

Течёт на землю золото берёз.
Морозным поцелуем их оплавил

сентябрь — охотник до метаморфоз.
Боярышнику губы окровавил.
И тот как лань метнулся под откос,
роняя грозди, — на траве оставил
лишь тень свою...

Так жизни половина
моя — вторая —
тает день и ночь.
И тянет вниз опавшая лавина.
И я лишь горблюсь, как под ливнем глина,
себя напрасно сиюсь превозмочь.

1983

МАМА ОСЕНЬЮ

Как силуэт, заштрихованный в школьной тетради,
замерла мама моя в проливном листопаде.

Он косо и плотно штрихует, стеной зависает.
И взгляд её долгий
срезает,
                    срезает,
                            срезает...

Касается золото седины, горит под ногами.
Рембрандтовская нищета в позолоченной раме.

Уже очертанья фигуры её не конкретны.
Зелёная блуза и чёботы еле приметны.

Полощется по рукам парниковая плёнка.
Заваливаются стволы... закручивает воронка

ликующего листопада... события, лица, приметы...
И внучкин испуганный голос: «Бабушка, где ты?..»

1983

* * *

Соблазн раствориться во всём.
Впитаться в песок, в чернозём...
По властному зову природы,
который далёк от свободы.

К любому застолью прильнуть
и в дыме его утонуть.
Соседи так ласково-грубы
друг с другом... Призывные губы
узнать, как с обрыва нырнуть.

А после, пропившись в трубу,
со всеми рассорясь в итоге,
вдруг ночью очнуться в тревоге.
Проснуться впотьмах, как в гробу.

Спадут беспокойные воды
в расселины хрупкой породы,
вскипая и совесть глуша.
И будет до смерти душа
топтаться в преддверье свободы.

1976

* * *

Сыт и одет... Чего недостаёт?
И в ремесле уже не первый навык.
Чужая слава спать мне не даёт.
Ворочает, как чурку, с боку на бок.

Эх, здорово несёт её в зенит!
А здесь сиди помалкивай в канаве.
Грызёт, не по-хорошему пьянит
похожая на зависть
страсть к растрове.

Куда же из канавы? В балаган!
Свои полжизни доблестно отбегав...
И лишь на миг один — спадёт туман,
и встанет осиянный Иоанн:
«Зачем она тебе от человеков?..»

1975

ЧИТАЯ ПЛАТОНОВА

I

Когда единой глыбой льда
сердца застынули, когда
нещадно отовсюду гнали
Психею — вестницу тепла,
приют изгнанница нашла
в работающем металле:
в чугунном кожухе, в котле
турбины, в аэрокрыле,
в ритмичной жёсткости вагонов.
В семье стандартов и шаблонов,
которые возьмут своё...
Там и почувствовал её
безрадостный Андрей Платонов.

II

Ситец бело-розовых берёз
разрывая, мчит на свет зелёный
без пути-дороги паровоз,
молодецким паром оперённый.
Из трубы букеты красных роз
падают на светлые поляны.
Машинист, как стёклышко тверёз,
выжимает рычаги и краны.

От железа рук не отрывает
и печальный долгий взгляд вперяет
в неизвестность: где ж та колея,
что была положена на шпалы?..

Буераки, топи, перевалы...
Брызжущая ржавчиной земля...

Вдруг над лесом облаков гряда
выросла — большая-пребольшая.
Машинист, умом соображая,
паровоз выруливать туда
стал... Нацелился и — взял с разгону.

И пошёл по облаку, по склону —
выше, выше, разводя пары,
погружаясь в звёздные миры.

1979

* * *

Готовиться жить — это значит
не жить... Только изо дня в день
лелеять голодную тень,
что на горизонте маячит.

О призрак грядущего дня!
Абстрактный прожорливый идол!
Уж наполовину меня
сожрал и со шлаками выдал.
Предшествует правде живой
предрасположение, предтеча.
Сей день и сей миг — узловой!
Сей замысел — главная встреча!

И если угодно, я тот,
кто пяди векам не уступит.

Во времени нету пустот.
Природа их тоже не любит.

Встающая в небе звезда
кому предвещает паденье?..
И здесь, и теперь, и всегда
бесценно любое мгновенье.

1980

ДЕТИ

И хорошо, что у нас с тобой поздние дети.
Раньше родились бы — бросили на произвол.
Ибо открылось Рождение в подлинном свете
только недавно — не помышляя о лете,
в лоне сугроба загадочный ирис расцвёл.

Из мыловарен детсадовских, умоплавил
школьных и прочих в семью возвращают сирот.
Остерегитесь, мадам, ваш партнёр инфантилен,
хоть по-сократовски лыс и длиннобород.

Было ль известно в панёву обёрнутой бабе,
грузно ступавшей позади своего живота,
что и брюхата она во вселенском масштабе,
и зачинала таинственный плод — навсегда.

Может быть, нам это стало сегодня известно...
Голую наледь царапает цепкий росток...
Не потому ли так поздно они, так чудесно посланы —
будто бы в свой предначертанный срок...

1980

ПЕСОЧНИЦА

Маленькие сверстницы,
ябедницы, модницы...

Как театр — с вешалки,
так и жизнь — с песочницы.

Крепится характера
становая жила:
«Не твоя, а Катина
кукла... а машина
Мишина... а Гришина
сломанная лыжина...
А здесь лапта положена
моя, а не Серёжина».

Разногласья мирные.
Спорщики невинные
Зайка с Петушком...
Ох, зачем же, милые,
да по глазам — песком!

Не пугайся, доченька,
боевых подруг.
Это же песочница —
твой начальный круг.

1982

* * *

Боятся тишины.
Панически боятся,
что вдруг обречены
наедине остаться
с самим собою... Ну,
хоть на часок закройтесь.
В пустую тишину
проваливаются, как в пропасть.
Вот мой сосед — вполне
здоров — дверь отпирает
и шарит по стене,
где радио... Включает

допрежь всего. Не свет
зажечь, разоблачиться
иль там помыться... нет,
скорее в сеть включиться.
Боятся тишины.
Как будто — стыд признаться —
лицом к лицу должны
с покойником остаться.
Не с тем ли, что в груди
лежит на дне на самом?
Заваленный, поди,
и грохотом и хламом.

* * *

Глаза — зеркало души, это правда.
Но есть и обратная связь.
Владея лицом, человек владеет собой.
И если, допустим, он падает в грязь —
падает не только лицом, но и душой.

Начнём с малого, смягчим выражение глаз.
Начнём с лица, напряжение — прочь! О, мудр Восток...
С чего-то ведь надо начать, чтобы душа поддалась,
поднялась над бездной неизбывных тревог.

ОХОТНИК

Лицо — большое гладкое пятно,
в котором ни кровиночки. Оно
как будто отформовано из воска.
Из-за плеча маячит дулом «тозка».

Он съел медведя за зиму. А мог
быть съеден им.
В тот самый день, в распадке...
Но грамм за граммом из дубовой кадки
медведь в него покорно перетёк
и на лице разнял, разгладил складки.

Игра, как говорится, стоит свеч...
А если бы в тот день не подфартило,
не выручила б честная картечь,
пришлось бы ему в мишку перетечь,
как где-нибудь на перекатах Нила
аборигену — в недра крокодила.

Кого б ни бросил случай на весы
противоборства — длится цикл единый:
охотник — зверь — песочные часы,
захлестнутые узкой горловиной.

МАШИНА

Уж не властен над собой
человек. Складной скобой
он вмонтирован в машину
над сиденьем. Шар земной
стал с копеечку, с кабину.
Вот он — солнечный, грибной,
под рукою, под ногой.

Ум, работающий днём
гладко, ночью спит рывками, —
блоком питания умудрён...
Крепко свинчен с рычагами,
сцеплен намертво с рулём.

Силы сонное сцепление.
Кто есть кто? Луч — продолжение
зрения, во тьму влача?
Или зрение — луча?

Кто кого влечёт по кругу,
мук не размыкая?... К другу
на weekend, на Рождество?
Он или она — его?

Он или она — его?..
По земле большой, безбрежной
властью силы центробежной
от себя от самого?..

* * *

Сухонькая, легче лоскутка,
примостясь на ящике картонном,
нищенка сидела у ларька
хлебного. Отплясывал со звоном
дождик неразменный. Серебро
сыпал на ладошку ей. Ныряли
люди энергичные в метро
и её почти не замечали.

Нынче всяк неподающий прав...
Возмущается: «Нашли работку!
Христа ради тянет за рукав,
вынь ему, пьянящему, на водку!
Я на стройке целый день ишачу,
как дурак, а старая карга,
сидя у метро, наверняка
жрёт икру и выстроила дачу...»

Пионеры пёстрою гурьбой
пробежали, бросив грошик медный.

Господи, и я перед тобой
не такой ли христарадник бедный?

Может, так же за рукав тяну,
вызывая у прохожих злобу...
Не понявший до конца вину
собственную...
Тайному вину
отворив бесплодную утробу.

1978

* * *

Со своей щедрой, хотя и не царской, ноги
богатый родственник мне подарил сапоги.
Меховые, на молнии... Я скорее в починку
снёс эту вполне выделки стоящую овчинку.
Зима на носу, что говорить...
Надо бы его, наверное, отблагодарить...
Жаль, не понимает искусства...

Помню, я испытал тогда восхитительное чувство
обладателя удобных прочных сапог,
ощутил себя независимым человеком,
к тому же модным: каблук в меру высок.
Встал, так сказать, на уровне с веком.

По улице по раздрызглой, бывало, идёшь,
достоинства не теряя, среди суеты и грома.
Снизу вполне защищённый щитами литых подошв.
Сухая ступня покоится там как дома.

Да, солидная обувь обязывает солидно ходить,
а то и держаться подале от всякой мелкой побежки.
Хочется жить без натуги, без спешки,
за мировыми событиями следить,
как следит за данными метеосводки
какой-нибудь обыкновенный, средней руки рантье...
Согласен, бытие определяет сознание, бытие...
И даже отражается на походе.

1983

ОЧЕРЕДЬ

Очередь — самое красноречивое свидетельство нашего неравенства,
когда все толкуют и думают об одном.

Мы во чреве её родились, в лабиринте её состаримся
и, где-нибудь, бессмертия дожидаясь, погрём.

Как ни горько свидетельствовать, как ни печально,
а её природная иерархия изначальна.
О чём вещает и голос из широких штанин:
«Свобода за демократией следует. Не путайте, гражданин!»
Очередь — это особый климат,
гибкие взаимоотношения.
Нанизанные, как баранки, на бесконечную нить,
мы впереди стоящим всяческое уважение
выказываем, стараясь и своего достоинства не уронить.
О, гирлянды кондитерских и прочих изделий,
украшившие мрачайшую из мистерий...
Пикеты, перегородки, за блокадой блокада...
И тем не менее — естественной очереди посреди
есть самая высокая инстанция, куда толкаться не надо.
Есть — у каждого в сердце.
Открой его и входи.

1981

СОВЕТЫ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЯ

Фонтан междометий
пора выключать
сантехникой. Дети,
учитесь молчать.

На вольном просторе,
на чуткой тропе.
В нахлынувшем горе,
в смятенье, в толпе.

Когда разорваться
от ярости грудь
готова — теряться
не должно ничуть

в бессмысленных спорах...
Для мелющих вздор
молчание — порох.
И — приговор.

1982

НАПУТСТВИЕ

Пока там суд да дело,
не оберёшься бед.
Пока решают смело —
поэт ты, не поэт...

Ты будь великодушен.
Тень славы не лови.
Будь истине послушен
и в гневе и в любви.

ПОЭТУ ГРИГОРИЮ ЗОБИНУ ПРИ ВРУЧЕНИИ ЕМУ ПЛОТНИЦКОГО ТОПОРА

За громогласным «Мно-о-гая лета!»,
поэт, прими подарок от поэта.
Традиции наперекор
не череп и не перстень, а топор.

Пусть, опершись на древко Архилоха,
прельщает мифом древняя эпоха.
Новейшая — велит поэту дом
на камне строить.
Самому притом.

Когда бы у тебя, интеллигента
потомственного, — денег пруд пруди...
А то ведь гонорары не ахти...
Не обойтись никак без инструмента.

В редакции с ним только не ходи.
Уж он, черту отслеживая гладко,
поможет отмахнуться от химер.
Кому-кому, а мастерская хватка
тебе нужна и точный глазомер.

Ещё я знаю, ты большой охотник
до обобщений. Это — не в укор.
У нас с тобой учитель общий — Плотник.
А потому держись. Держи топор.

1985

* * *

Под прилипчивой маской испуга
не узнать дорогого лица.
Научились бояться друг друга
и оглядываться без конца.

Недоверчивый, вкрадчивый холод
чёрным вороном всюду кружит.
Страх под кожу дрожащую вколот
или ампулой в задницу вшит.

Не обмолвится вколотый-вшитый.
За копейку продаст — не сморгнёт.
Не бывает же так, чтоб открытый
взор — и намертво сомкнутый рот.

Очи смелые выключает ворон —
воплощение тёмной судьбы..
Добрый молодец, силушки полон,
валит сослепу — звать Святогором —
вкруг себя вековые дубы.

1979

* * *

Сверхпроводимая наша среда.
Звукоулавливающие перегородки.
Ширмы дырявые, шоры-решётки,
в уши натолканная лабуда.

Там, где над пропастью шаткий настил,
облако в колокол бьёт то и дело.
Враг человеческий душу из тела
выпотрошил и по ветру пустил.

И миллионами гаснущих глаз
карстовая пустота зазяла.
Всасывающего такого провала
клетка грудная не знала до нас.

Но и пустыня чревата... И вот —
может быть, общая участь во благо —
вспыхнула вера. Могучая тяга
ей задохнуться уже не даёт.

В каждую щель кислородом сквозит.
В каждом страданье по свечечке тонкой.
Рядом совсем, за чугунной заслонкой,
страждущий пламенный голос гудит.

1986

* * *

Кого в лесу ночном
бояться, в чистом поле?..
Всё кувырком, вверх дном —
отвыкли жить на воле.

Когда вокруг простор,
в душе просторней тоже.

Но суеверный вздор
силён — мороз по коже.

Походишь по лесам,
подышишь вольной кроной,
почувствуешь, что сам
в себе закрепощённый.

Пугает темнота
в неведомом, в нелепом...
Чего бояться-то
под благосклонным небом,

когда со всех сторон
тебе, сияя, рады
и Лев, и Орион,
и Овен, и Плеяды.

* * *

Незамутнённые прелюды
Шопена — за мытьём посуды,
за стиркой, штопкой — на плечах
гора, — весь день не разгибаясь,
но с музыкой не расставаясь,
хоть так, хоть — с тряпкою в руках.

Спасибо же тебе, жена,
что утренняя тишина
наполнена бывает ею.
За солнце в матовом стекле,
зажжённое рукой твоею.
За эти астры на столе.

Не отмахнуться от мороки...
В очередях или в дороге

достанешь книгу, горстку строк
склюёшь... Хоть слово, хоть глоток...
О Боже, некогда читать!
И уж тем более внимать
без дела тихоструйной арфе...

Но если — вспомни-ка о Марфе —
ты тянешь, лучше не роптать.

Хоть полчаса, хоть пять минут
послушаем. Вот-вот придут
из школы дети, голосисты.
Пуškai с порога встретят их
глашатаи эпох иных —
английские вирджиналисты.

1984

* * *

«To be or not to be — that is the question» —
английский учит увлечённо дочь.
Звук точной речи — осязаем, вещен.
Как и вопрос, что мудрецом завещан,
в корыте ни в каком не растолочь.

Учить язык — быть в форме постоянной
и пешкой не стоять перед стеной.
Учи, дочурка! И делись со мной
его завидной мощью первозданной...
И помни, что, не зная иностранный,
не ценишь по достоинству родной.

ОТЕЦ СЕМЕЙСТВА В МАГАЗИНЕ «ФРУКТЫ — ОВОЩИ»

За морем телушка полушка, да рупь — перевоз.
На этикетке сияет свободолобивая Гана.

Купить или не купить — вот в чём вопрос...
Да не телятины, разумеется, — два банана.

Голопузые братья лопают их за обе щеки,
поплёвывают философически, с дерева не слезая.
...На картошку не хватит тогда... Пустяки,
куплю по банану детям. Продавщица, бросая

кулёк на весы — ого, тяжёлые, как антрацит, —
с напарницей переговаривается доверительным лаем.
А я думаю — в Гане картошка, наверное, дефицит.
Знали б, сколько мы её в поле по осени оставляем.

Эх, пустили бы меня в банановую республику хоть разок,
без всяких таможенных шмонов, как Афанасия Никитина.
Я бы картошки мешок — туда, а обратно — бананов мешок,
что для бюджета семейного было бы очень даже спасительно.

1982

ЖАЛОБА ОТЦА СЕМЕЙСТВА

Быта гиперреализм
вписан в воздух комковатый...
Костоломною кувалдой
бьёт без промаха, без брызг.

Бедная моя жена
вся в него погружена.
Да и я, как рыцарь бедный,
под кувалду лоб свой медный
подставляю — без затей.
Вырастить двоих детей,
не ворую что-то где-то,
нынче — мыслимо ли это?!

Или надо самому
всё уметь, иметь в дому...

Шить, сапожничать, скорняжить,
плавить сталь, чугуны варить,
прясть, бондарить — заводить
дома пахоту и пажить.

В ванной порося держать,
на балконе кур и уток.
Что ж кудахтать: «Жребий жуток!»
А зачем детей рожать!

Да, зачем детей рожать!
Косоротых короедов.
Хитрого плода отведав,
прихоть плоти ублажать?..

1979

КУНСТКАМЕРА

Со слона кузнечик.
Меньше мухи слон.
В колбе человечек —
сонный эмбрион.

На спирту замочен.
На ветру лужён.
Чем-то озабочен.
В думы погружён.

Слепенькие глазки
воинственно смежил.
Чтоб не видеть маски
всяческих страшил.

Комарики топчут.
Попискивает слон.
Лоб сократов морщит
взрослый эмбрион.

В церкви овцеволки
водят хоровод.
Вот сейчас он с полки
спрыгнет и войдёт

в ателье напротив,
в дом — через шоссе.
Фрак сошьёт по моде.
Станет, как и все,

забыв про недостаток,
с эмбрионшей жить.
Двух эмбрионяток
в детский сад водить.

1978

* * *

— Страж, сколько ночи?
— Приближается утро, но ещё ночь.
Исайя

Пленительный Орфей, безумец сладкогласный,
что приручал зверей и волны умирал,
не мог своей жены, фракиянки прекрасной,
от смерти уберечь и дважды потерял.

Обещано ему — погибшая воскреснет
тогда лишь, если сам не усомнится в том...
И, посланный с небес, быстрее мысли вестник
сошёл за ними в ад и осенил крылом.

Идут... Уже видна белеющая смутно
надежда впереди... Но страха превозмочь
сомнению не дано... Уже как будто утро,
но никого вокруг, а значит, ещё ночь.

В долине смерти нет свободы. Нити рвутся,
случайно или нет связавшие сердца!
Как верить, как любить и как не разминуться,
вплотную не узнав любимого лица!..

Взмахнул веслом Харон, и зыбкая пропала
надежда... Лира, пой, и буйствуй, и грусти...
Так, значит, ещё ночь и время не настало
друг друга навсегда, навечно обрести.

* * *

В. К.

Трудно поэту, которому в собственном доме
двух женщин строптивых приходится часто мирить:
жену молодую и всегда моложавую Музу.
По пустякам то и дело ссорятся — ад, а не дом.
Не уступают ни в чём, кипятятся, друг к другу ревнуют...
Мечется, мается между ними поэт.
Так рассуждает: жену беспощадное время
скоро состарит, шея в морщинах уже.

А Муза близка к небожителям. Муза — бессмертна.
Музу мою предательский тлен не возьмёт.
Пушкин сказал, что весь не умрёт, и не умер...
Может быть, и моя в веках сохранится строка...
Пусть хоть одна, я на многое не претендую.
Всё же неправ ты, скромный поэт, жену отдавая
в служанки Музе. И Пушкин тебе не пример.
Ибо в жене он нашёл наконец-то Мадонну,
Музу нашёл в человеке, свою Госпожу.
Он их не делил.

БЫТОПИСАТЕЛЬ

Что видит, то поёт:
деревья, клумбу, ноги,
гнездо, гусей полёт,
скульптуру при дороге.

Починенный шезлонг,
облупленные своды.
Играющих в пинг-понг,
жующих бутерброды.

Пусть полезно нам
знать про гнездо сорочье,
но взгляд по сторонам
растаскивает в клочья.

Вот в кадре голова
мелькнула, вот корова.
Сплошь полые слова
мятутся, как полова.

И не поймёт чужак,
всегда идущий мимо,
что видимое — знак,
а главное — незримо.

* * *

I

Все книги продам в чёрный день. Словари не продам.
Особенно Фасмера, Даля, Леона Дюфура...
Откуда бы знать мне, что из Вифлеема Бедлам
слепила, оставив нетронутым корень, культура.

Как будто монету, забытое слово отмыть,
случайно блеснувшее в высохшем русле клоаки...
И кесаря Августа профиль на ней различить,
и всякие прочие малоизвестные знаки.

Я слабость питаю к толковым, к любым словарям —
спасительным логиям в море безудержной чуши.
В хозяйстве моём наступил бы без них тарарам...
Поскольку стихи по природе стихиям не чужды.

II

О, не случайно словари
подорожали раза в три.
Взглянув на цену, выдаёшь
безадресно каскад проклятий...
Запутались, едрёна вошь!!!
За правду принимая ложь...
На рынке — монопольном сплошь —
сегодня дефицит понятий.

Окно в мой захолустный мир,
словарь синонимов... до дыр
залистанный... хорош на диво!
Читаю вместо детектива.

Вот «бить» — открылось наугад.
Синонимов длиннющий ряд:
драть, сечь — один другого хлеще.
Теперь «ласкать» открою — и
споткнулся... их всего два-три.
Не густо... Что ни говори,
сопоставление зловеще.

Книготорговцу не перечь,
поэт, прожжённому барыге.
Я не перечу. К ценной книге,
как Гаев, обращаю речь:
труднодоступный милый том!
Подорожание — симптом
мучительного процесса,
где уж намечен перелом,
где слово — детище ликбеза —
давно о стену бьётся лбом.
И поиск истины притом.

1980

* * *

На исходе двух тысячелетий
тот же дым и страх со всех сторон.
В каждом неудавшемся поэте
затаился пламенный Нерон.

Он на фоне пряничных балясин
или из голодного угла
наблюдает... Выжженный дотла,
взгляд несчастного взрывоопасен.

Мы живём в преддверии грозы,
если контуры греха размыты.
С дерзким лязгом ляжет на весы
лепта омрачённого пииты.

СОБЛАЗН

С пугалом подстрочника в обнимку
мастер превратился в невидимку.
Исполнитель оловянных нот,
виршей патентованных, сведённых
художественно в годовой доход...
Потому — нишкни, набивши рот!
Отдыхай в жевательных салонах.
Гекатомбы книг переведённых
выскоблили незрелый плод.

Свой же мозг рентабельно сжевав,
изнасиловав с десяток тропов,
пребывай холопом из холопов
ты, хотя бы на язык эзопов
не оставивший ни сил, ни прав.

* * *

Видели, как трактор летит по деревенской улице,
подбрасывая до облаков в дупель пьяного лихача?
Из-под самых колёс выпархивают курицы,
клохтая и клокоча.

Не так ли и планета наша, цивилизацией обихоженная,
увешанная аэрозольными смогами, украшенная мишурой,
похожа на
пыльный просёлок, по которому шпарит этот герой?..
Уступим ему дорогу — мы, городские жители...
Бегуны, моржи, скалолазы-любители,
дружно высыпавшие на всесоюзный пробег,
что-то уже учуяли, что-то увидели,
копаясь в пыли лабораторий и библиотек.

Как на батуте, доченьки, прыгайте на диване!
Я вам спортивный комплекс построю... Едва ли
духом окрепнете без него...
Не бойтесь расквасить нос...
Чтобы не сплеховали, учились, не уставали
и, может быть, успели бы вырваться из-под колёс...

* * *

Ангел-хранитель меня разбудил.
Неощутимо перстами коснулся.
Как я загадывал, так и проснулся.
Свет отдалённый на землю сходил.

Плыли размытые контуры крыш,
пятна деревьев, замшелые бани.
Тлел в разбредающем тумане
стог на лугу, как отстрелянный пыж.

Что это?.. Родина... Смутное дно...
Пятна, чуть брезжащие, в одно

спутывались и опять распадались.
Это рассасывались и растворялись
избы, затопленные давно.

И, не над каждой заметен трубой,
дым расплетался подводной травой.

ЯБЛОКО

Древо жизни излучает свет
возле моря, на холме высоком.
Наливаются весомым соком
золотые яблоки планет.

Парусом тугим вознесено
и парит в дыхании прибоя..
Вижу в кроне яблоко одно —
ссохшееся, рябое.

Кто в него впечатал коготки?
Высосали мякоть пауки?
Или чахнет, в завязи увянув?
Ясно различу материки,
впадины морей, родной реки
дно и складки бывших океанов.

В СЕЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Откуда в таком захолустье
под шлаком брошюр об искусстве,
под глыбами до потолка
чугунного Политиздата,
среди безъязыкого стада
том Анненского?.. Ни фига!..

Видать, не задаром семь вёрст
тащился сюда я по лужам.
В рюкзак его... Мохом оброс,
бедняга... Кому он здесь нужен?

Открыл. И, как парус, строка
над бездной отчаянно взмыла
и гордые мысли смутила.
И дрогнула тотчас рука.

Взывающий к совести звук.
Пусть мохом, пусть мыши, но — вдруг!
Вдруг чеховский Ванька наткнётся
вслепую,
прочтёт и очнётся?..
Иль страждущий, вроде меня..
Я в лампе прибавил огня.

Пуškai хоть один, хоть случайный
читатель, бежавший от чайной,
от скуки воскресного дня..
Иль кто-нибудь вроде меня...

1974

БОЛОТО

Рыжие кусты куги.
Ржавые пустые колки.
Торфяные бочаги —
неба чистого осколки.

Будто гору хрусталя
свадебного — под копыта.
Небом чёрная земля
будто бы насквозь пробита.

Там видны нездешних мест
заросли. Слепит осока.
Там восходит Южный Крест
глубоко и одиноко.

* * *

В полутёмном тамбуре вагона
в эту ночь на редкость просветлённо
думалось. Разверзся потолок
и стена нависнувшего леса.
Лязг и скрежет лунного железа
остудил спокойный холодок.
Ничего, что страшно в этом мире...
Мина разряжается на mine...
Страшновато жить, но ничего...
Чувствуя себя мишенью в тире,
убеждаешься, что верность лире
не от мира всё-таки сего...

ВОСПОМИНАНИЯ ЛИНГВИСТА

Мотивчиком пахнуло мутным
из близких сталинских времён.
Слепя трофейным перламутром,
осклабился аккордеон.

Как он смертельно в детство вбит...
Его растягивал, бывало,
сосед наш, бравый инвалид,
алкаш, каких на свете мало.

Мне леденец, братьям по стопке...
Мы жили в спичечной коробке.
Дав разгуляться костылю,
предупреждал он всех: — Спалю!

И правда, что от нас осталось?..
Когда семья уже распалась,
его забитая жена
перебралась в другой клоповник,
дочь застрелил чекист-любовник,
сын выбросился из окна.

Да впрочем, вместе или врозь,
не слаще ведь и нам жилось
под сладкий вальс «Осенний сон»..
С утра, в мажоре беспробудном,
слепя дешёвым перламутром,
наяривал аккордеон.

Моя младенческая пища
культурная... О первый страх
обещанного пепелища!
О слово тёмное «тощища»,
которого — увы и ах —
нет в иностранных словарях.
1978

* * *

Отец мой, подобно многим,
с фронта пришёл безногим,
точнее — приковылял.
Поскрипывал протез его липово,
и он от стыда великого
куда деваться, не знал.

Не мог он себе уродства
простить — явив благородство,
патриотизм, стало быть..
Позволительно ли калеке
костылять в новоявленной Мекке?
Решил он: в столице мира
негоже калеке жить.

У счастья сшибать огрызки...
Хорошо довоенные чистки
прополоскали мозги.
Не место личным обидам
в душе. Безобразным видом
негоже поганить Москвы.
Кому в грандиозной эпохе
нужны малохольные вздохи
и трёпаний сердца лоскут!
Пусть — кто уцелел под обстрелом,
прекрасны душою и телом,
бесслёзное счастье куют.

Так думал списавший на мыло
себя... Но потом отпустило...
Потом приосанился чуть...
И даже заметил Жар-птицу...
Когда наводнила столицу
уж новая мера и чудь.

* * *

Стрёкот машинки на чердаке
швейной, наверное, слуха не ранит.
Что-то домашнее, что не обманет,
есть в этом звуке, в том далеке,
бьющемся, будто синица в руке...
Стрёкот машинки на чердаке...

Есть в нём, с поправкою на монотонность,
всё же устойчивость, определённости
жизни, висящей на волоске...
Где и копеечка что-нибудь значит...
Где при портфеле и при пиджаке
вечно в дверях фининспектор маячит.

* * *

Несоразмерен искре Божьей фон
действительности
в лапах Люцифера.
Мой резкий стих уродливостью форм
воспитан, диссонансом интерьера.
(Образчик — коммунальная пещера.)

Печатью деформированных лиц.
Душ пустотою и нагромождением.
А также — обзаборенным растением
в пределах редких парков и больниц.
По жалкому подобию своему
меня лепила улица, плакатом
полнеба затенив. Ругаться матом
я выучился раньше, чем письму.

И потому, да, да, и потому
по тону — тяжела моя палитра...
Которая, наперекор всему,
не беспросветна, нет, но — монолитна.

Решёткою на кухне изрешечен,
сквозь белый свет проглядывал иной...
Уж если был мой возраст озорной
любовью ослепительной отмечен.
1975

ИМПРОВИЗАЦИЯ — СОЛО НА ТРУБЕ

(Детский праздник)

Олегу Степурко

Это не флейты младенческий лепет с фракийского берега
и не Армстронга прилив, где кипит африканская нега.
Это дорога в лесу подмосковном —
соло Олега.

Это дорога, вдохнувшая в Spiritual главную тему:
вырваться, выпутаться из сетей. Выйти сквозь стену.
Просека в пыльном лесу, но проложена не лесорубом.
Круглой поляной венчается, словно раструбом.
И никогда не кончается... За облака задевает.
Птица садится на клавишу. И антифонно вплетает
голос свой... Тему свою затевает.
Вытряхнуть горечь из мундштука! Фуга тревоги
будет беспримесной только на этой дороге,
в высь устремлённой... Смыкаются в фокусе
Альфа-Омега...
Соло Олега.
Угомонился лес и уснул. И дети уснули
с музыкою в обнимку, что прикорнула в бауле.
Импровизация кончилась... Кончилось лето...
Песенка спета...
Нет же! — губами согрета,
в необозримой природе
где-то осталась она, осталась же где-то...

* * *

I

Сентябрь в пруд макает кисти.
Высокой осени дворец
без суеты и без корысти
весь день, как истинный творец,
расписывает... За домами
роскошный вернисаж в саду.
Под заступом и под руками
крошится жирными комками
земля, покорная труду
и дышащая, как в духане
лаваш, как ситник на поду.

Земли тяжёлый сытный запах
покачивается на лапах,

принюхивается к лицу...
Плоть, обречённая концу,
нерасторжима с ним, с тяжёлым...

Уж не порхающим Эолом
коснётся он в последний раз
сведённых губ, не губ, не глаз
уже — и как это зовётся,
когда земля земли коснётся,
к простому тождеству стремясь...

II

По доскам весело грунт громыхнёт.
Накатит за слоем слой.
В холодные губы властно лизнёт
холод близкий, родной.

Последнее — не поцелуй на лоб
и не слезы ожог.
А этот обставший, как спелый сноп,
запах — итог, источник...

В ОКЕАНЕ

I

Стихия, набирая ярость,
корабль в щепки разнесла.
Но у меня в руках осталась
надежда... и кусок весла.

Отчаянная передряга.
К тому ж я не из тех пловцов,
штурмующих Босфор. Однако
не гибнуть же, в конце концов.

Держась за воздух хорошенько,
соскальзывая в мрак и склизь,
как передвижник Ярошенко,
я сделал вывод — всюду жизнь.

Которая игра без правил,
замечу в скобках... Скок да скок
на гребень с гребня... И помог
не случай. Парус я поставил
на вёртком донышке и правил
по звёздам ночью — на восток.

Когда вокруг всё зыбко-зыбко,
всё переменчиво на миг,
скорлупка утлая, улыбка
ниспосланы, как материк
седьмой...

Прочь, прочь акул отвадить!
Задраить чем попало течь,
чтобы нехитрый быт наладить
и свет немеркнуций зажечь.

И вот уже нас рядом двое..
Уж четверо... Не сводит глаз
жена с детишек, с звёздных трасс
я не свожу... И там — родное..
И ветер, зверствуя и воя,
не убаюкивает нас.

Накатывают крутые
валы — провалы роковые..
И хоть известно наперёд,
не выйдем из воды сухие,
трезвит свободная стихия.
И кажется — сил придаёт.

II

Ни денег он, ни славы не стяжает.
И, получив писательский диплом,
он всё равно шабашкой промышляет.
С семейным бытом запросто знаком,
детей привычно на горшок сажает,
по снегу учит бегать босиком,
воспитывая не под колпаком.

Свободный от подённого труда,
он сочиняет сказки иногда
для взрослых — увлекательно и смело.
И это нерентабельное дело
ему родня доверила всецело —
читательская, так сказать, среда.

Известно, что и рыбки из пруда
не выудить — без чистого искусства.
Он мастер — ас. Но океан глубок,
в котором кувыркается челнок —
его жилище, созданное впрок
по чертежам бессмертного Прокруста.

Так и живёт он, в общем, не один,
на красном поплавке. Толчки глубин
чудовищных невольно замечая
по чашке расплескавшегося чая.
И доживёт, быть может, до седин.

1979

«ТРОИЦА» РУБЛЁВА

Неуловимо в «Троице» Рублёва
движение вокруг жертвенника. Чаша —
намёк на евхаристию — стоит

на снежной скатерти: магнитный полюс,
слегка смещённый идеальный центр.

Такой же центр, как земная ось
для движущихся материков,
что были некогда единым целым —
неведомой Гондваной...

Форму сердца
имел гигантский протоматерик,
на части разделившийся...

И нам,
всё видящим сквозь тусклое стекло,
единое доступней в ипостасях,
в частях,
на время явленных... В конце
времен — они сомкнутся вновь.

То будет новая Земля... И моря,
как сказано у Иоанна,
уже не будет.

ФЛЕЙТА МАРСИЯ

I. ПАН И СИРИНГА

Стлалась по ветру, к песку припадала тростинка,
словно рвалась из нахрапистых лапищ Сиринга.
Нимфа, подобная девственнице Артемиде,
вздрыгнула и закипела от гнева — при виде
лешего, гревшегося в придорожном бурьяне,
к ней протянувшего крюкообразные длани.
О вездесущая их обезьянья порода!..
Жёлтые глазки, как вкраплины брызг из болота.
Полный колчан,

стрелу за стрелую,
нимфа послала туда
и — всё мимо

или насквозь пролетают — чудище неуязвимо.
И ужаснулась,
и лук свой швырнула под ноги
лешему!
О бессердечные боги!
Нет, невозможно в объятьях железных смириться!
Лучше исчезнуть, развеяться, развоплотиться!..
И под воду исчезла..
И вырос на этом
месте тростник серебристый, колеблемый ветром.
Он мне поведал историю, правдоподобную вроде,
как это было и будет всегда —
в равнодушной природе.

II. САТИР И НИМФА

(Надпись на вазе)

Где кипит в долине горной раскалённая река,
где купают облака
локоны и тростника
стан сгибается покорный,
там, сминая ропот вздорный,
залетит мой шмель проворный
в вашу чашечку цветка.

III. АФРОДИТА И ПАН

(Гравированный рисунок на этрусском зеркале, IV в. до н. э.)

Царственный пеплос упал с плеч Афродиты.
В кости азартно играет она, увлечена.
Невозмутимая, величественная жена —
с этим проказником из Дионисовой свиты.
Он с ногами на лавку взобрался. Беды
не миновать ей — попалась красавица в сети..
Профиль его плосконос.
Как две капли воды
с профилем Пушкина схож на загадочном автопортрете.

IV. КРЫЛЬЯ БАБОЧКИ

Вошла... А может быть, влетела...

Напротив женщина сидела.
Я отворачивался, как мог,
в усилиях, видимо, напрасных,
от ослепительных, прекрасных
античной правильностью ног.

И довертелся до мигрени,
начать не смея разговор...
Нет, не глаза её олени,
а чуть разъятые колени
смотрели на меня в упор.

Я чувствовал, что я бездарен,
дремуч, как керженский мужик.
И взгляд мой — по коленям вжик, —
наверно, был материален.

Как будто от толчка качнулись
они... И крепко в тот же миг,
как крылья бабочки, сомкнулись.

1976

* * *

Помоги, наставник мой,
утешитель неслучайный,
отстоять свечой венчальной
крепость заповеди седьмой.
Чувствую, во мне она
на песке возведена
и в любой момент готова
пасть... Хоть я не Казанова.

Экая приснится дичь...
Помоги сберечь, постичь
на границе тьмы и света
крепость вечного запрета.

ДАНЬ ПСАЛМАМ

Замедленным неповторимым взрывом
ночное небо встало над заливом.
Оно сместилось со времён потопа
всего чуть-чуть, тому свидетель Ной.
Оно спадало, рея надо мной,
в зеркальную воронку телескопа,
объятую предутренней росой.
Тревожные туманности дарила
то Дева,
то возвышенная Лира.

Я там впервые Библию открыл.
Настал, настал мой звёздный час, как видно...
И грянули во мне псалмы Давида
под плеск волны и аистовых крыл.

О псалмопевец, твой заряд мощнее
магнитных бурь и атомных турбин.
Настиг меня он из пращи Персея,
из метагалактических глубин.
Из сердца, что доверчиво раскрыто,
распахнуто за лес, за окоём...
Тогда я понял —
в небе есть защита,
и мы в кристальной крепости живём.

Рождался слух, и обострилось зрение.
И начинал я день с благодаренья —
к Тому взывал я, кто её воздвиг.
И чаек на косе пугал мой крик.

1975

* * *

— Не берите с собою ни хлеба, ни денег... —
Для того, чтоб, наверное, рук не связать...
Подвизаясь в отечественных пределах,
может, были бы рады, да нечего взять.
Кроме разве что одного фолианта
портативного... Путь же любому открыт:
это жить в меру совести, в меру таланта,
как подскажет Господь и нужда повелит.

ЗАКЛАДКА ФУНДАМЕНТА

I

В нашей местности горизонтальной
где-то затхлый затон прорвало.
И разлился душок инфернальный,
сладковатый, знакомый зело.

Заклубилась клыкастая пена.
Затуманилась близкая даль.
Но не буду я пленником тлена —
плоский пласт рассечёт вертикаль.

Рыть фундамент в пустыне, в болоте
очень даже привычно. Дитя
обожает копать на природе,
к коренной пробиваясь породе
и опалубку следом ведя.

В этой местности дом свой поставить
я хотел бы — с крыльцом на восток.
Чтобы бранные силы поправить,
чтобы с Музой дружить — не лукавить.

Чтобы вместе грядущее славить,
о котором глаголал пророк.
Да не сможет мне горло расплавить
ядовитых поветрий глоток.

О, загадочного Иеремии
дальновидные знаки немые
и призывы к возвратной поре:
дом столбить на земле беспризорной,
на родной, как чистилище чёрной —
на болотине, на пустыре.

II

Хрупкая калина на ветру пылает.
По утрам в траншее от листа красно.
Заступ мой проворный камушки считает,
щупает гнилое, глинистое дно.

Дни стоят сухие, будто по заказу...
Ай да чудо-тачка, детище моё!..
Как-никак, подмога! Сколотил — и сразу
покатилось дело. Плохо без неё.

Никого в округе. Вдруг в порыве резком
красных листьев — двое; вот кому я рад:
Сергий Преподобный с Александром Невским.
Эти не оставят, эти подсобят.

НАПАРНИК

Лёне Василенко

Блок стекловаты распластывая на чердаке,
в поте лица бритвенный воздух вдыхая,
думаю я о целёхоньком четвертаке,
что заработаю за день — цена неплохая.

Ночью, пардон, отхаркаюсь и отдышусь.
Спать завалюсь на прохладные чистые доски...
Ну, а куда эту слепящую гнусь
лучше не видеть и не зажигать переноски.

С дочками, может быть, скоро пойду в зоопарк.
Их покатаю на пони, куплю по конфете...
Без респиратора ползать здесь — дело табак.
Но не печалься... Есть справедливость на свете.

Если семья настоящая, а не вертеп,
дети одеты и сыты, значит — богатый.
Или забыл, что обещано: есть будешь хлеб
в поте лица своего...
Заедать стекловатой...

ДОРОЖНЫЕ ЗАБОТЫ

Жду транспортных часов,
балдею на работе.
Со мной опять Лесков
в дорожном переплёте.

Лесков ещё у нас,
по сути, не прочитан.
Любой его рассказ
не исчерпашь бытом.

Жду часа пик... Сей муж
для кухонь и для спален
не сочинял. К тому ж
отменно актуален.

Намаешься, когда
забудешь книгу дома...
Ох, засосёт среда!
Ох, одолеет дрёма!

Нельзя лицо терять
в дороге, стоя пешкой!
Скорей достань тетрадь,
пиши письмо, не мешкай!

Ведь есть же кто-то, есть,
кому письмо как весть
с войны... хоть пару строчек...
Он болен иль грустит...
И он тебе простит
твой прыгающий почерк.

* * *

Просыпается, цепью гремя,
день. Включает горячую воду.
Заедая газетой зевоту,
едем или идём на работу,
доминошные фишки, — стоймя.

Этой ранней, невинной порой
раздражённых не видно ухмылок.
Все мы — целенаправленный строй.
Не толкаясь, равняясь в затылок,
кто куда: в магазин, к проходной.

Или в царский дворец, ко крыльцу...
Но — лишь стоит словцом по лицу
мазануть, рядом фишке — отпрянуть,
справедливой обиды не спрятать,
зацепиться, царапнуть пыльцу —
и пошло и поехало падать...

И размётывать по сторонам.
В каждом ярость клокочет, как в топке.

Не стихает до вечера срам.
Едем, путаясь в транспортной «пробке»,
в доминошной железной коробке
мы вповалку уже по домам.

1975

* * *

Бывает волна неудач бесконечной
и так перехлёстывает через край,
что, кажется, может спасти первый встречный,
хоть падай любому на грудь и рыдай.
И вдруг замечаешь, барахтаясь в луже
ничтожных обид, смехотворных утрат,
что он как и ты, что ему ещё хуже.
Он сам бы тебе исповедаться рад...

* * *

Я помню: бедность — не порок. Она,
ютясь в развалинах, не враг хоромам.
Конечно, если не уязвлена
разгорячённым классовым синдромом.

Конечно, грустно заработать шиш
за опусы, которыми грешишь.
И пребывать в завистниках отпетых,
когда ты с тайной горечью глядишь
на господина в лаковых штиблетах.

Конечно, грустно, что ни говори,
не получить заслуженный «Гран-при».
И детям и жене не из Пальмиры
златой, а из какой-нибудь Твери
привезть копеечные сувениры.

Позорно забываюсь и ропщу:
по силам ли нескладный воз тащу!

Давно пора бы собственной-то песне
на горло наступить! И соцзаказ
отмолотить — без всяких выкрутас...
Ведь пишут же...
И мы бы с мели слезли...

Но — ремесло не только инструмент.
И не видать мне лакомый патент
на жительство безбедное. Призвание
определяет каждый шаг. Нужда
кому — награда, а кому — беда.
А мне, беспамятному, испытанье.
1983

* * *

Дабы не путать низ
с верхом, а сахар с перцем,
заповедей максимализм
принимаю всем сердцем.

Проверенная модель —
обыкновенное чудо,
на достижимую цель
нацеленная отсюда,

от сих, от земных, пяти
чувств — с никакими правами.
Здесь только два пути:
с Иродом или с волхвами.

* * *

В яму Ярославского вокзала
из фрамуги залетает снег.
Как сосна в краю лесоповала,
рухнул на колени человек.

В угол, в пол заплёванный уткнулся,
слёзы громко комкая в груди.
Странный зов под потолок рванулся:
«Боже правый! Где ты? Защити!»

Может, в нём, в отчаявшемся, вера
родилась, преодолая тлен...
Два мордатых милиционера
подняли несчастного с колен.
— Пьяный, что ли, или спятил малость?.. —
Он стоял, не отстраняя рук.
И в лице спокойном отражалось
то, чего не видел он вокруг.
1976

МЕЧТА ПОЭТА

Кнопку нажал — и мешок на спине.
Эта работа, пожалуй, по мне.

Перетаскал, не гимнастики ради,
в жизни я множество всяческой клади.

Дул против ветра, писал не в струю.
И по сию пору на этом стою.

Грузчики славный народ, между прочим...
Нет ли, узнаю, вакансий в молочном,

или в продмаге, или в «Вине»...
Кнопку нажал — и мешок на спине.
1980

НА ДОПРОСЕ

Ты не орудие сатаны, ты — сатана.
Ты, вездесущий, хитёр — многоок, многорук.

Дети растут крепыши, не стареет жена.
Совесь, наверно, чиста, не познавшая мук...

Нервы — стальные канаты: свалишь слона.
Мои послабее, я знаю. Язык закушу.
Ты не орудие сатаны, ты — сатана.
Только об этом я тебе, друг, не скажу.

Брови сомкнув, как с экрана глядишь, красавец.
Рядом с тобой Банионис любой — срамота.
Русые кудри вздымают алмазный венец,
что на терновый бесстыдно похож неспроста.

Ни на йоту не веря друг другу, поговорим.
Ты не темнишь, открыто, по-наглому врешь.

Если орудие сатаны — значит, слившийся с ним,
как с занесённой рукою сливается нож.

1978

* * *

Душа пустынна и темна..
Как этот беспризорный берег,
осколками изъязвлена
стеклянной тары. Тишина
вблизи станицы Новый Терек.
Где ставит на сеvрюгу сети
добытчивый абориген,
давно и сам попавший в плен —
у рыбнадзора на примете.
Где проволокой колючей
турбазный огорожен пляж,
тем самым делая пейзаж
ещё печальней и пахучей.
Всё это — банки под ногами
консервные, словам сродни

бессмысленным, рояль в вигваме
раздрызганный... Гюрза в тени
ступенек... Мухи в паутине...
Всё это — дикий лик пустыни,
пустой потерянной души —
миротворящей благостыни
не знающей, хоть кол теши...

1975

НАБЛЮДЕНИЕ НАТУРФИЛОСОФА

Хочешь жить — изволь служить
тем, которые стяжают.
Страшно правду говорить —
за неё в тюрьму сажают.

Если честно за столом
письменным творишь, как дышишь,
значит, собственным пером
приговор себе подпишешь.

Что ж чугунный столб кусать,
помышляя о поблажках!..
А попробуй написать
о былинках, о букашках...

Там экзотика своя
и трагедии типичны.
Те же дебри бытия
так же сюрреалистичны.

1975

НЕЗАСЛУЖЕННЫЙ ОТДЫХ

Я от диагнозов зловещих
сбежал — ещё не на погост...

Позорно сплю, позорно прост,
после обеда, как помещик.
И мясо ем в Великий пост.

Распухнув от такой житухи,
нанизываю вкусы, слухи
я на шампур большого дня.

Жужжа, и жаля, и звеня,
слетают мысли на меня —
сплошь нечестивые, как мухи.

СТРАДАЮЩИЙ НАРЦИСС

I

Тщеславия тайный порок...
Ну отблеск хотя бы, глоток
признания... Мимо жар-птица
взмывает... Закручен в клубок
всяк жаждущий славой упиться.

Чей брат отдалённый Нарцисс
был явлен в сиянии Крита
из цельного мрамора, из
естественного монолита.

А нынче не тот монолит.
Душа оболочку разъела.
И стал повелителен стыд.
И совесть в грехе наболела.

Не в каменном сердце разлад
скрежещет, не варварский взгляд
плутает и рыщет удачи...

Той самой обидой богат,
которая гордости паче.

II

Но зависти тайный порок
бывает тщеславия тоньше.
Страдальцу порой невдомёк,
что он в равной мере игрок
и сам же игрушка, не больше.
Из флоры запутанной той же
вплетает он плющ и вьюнок
в красивый терновый венок.

III

О нет, на правовом суде
концы с концами не свести.
Глухая ненависть к себе
сродни самовлюблённости.

Никак не склеится двойник,
с собой не справится никак...
Проклятие — то глянет лик
из зеркала, то зыркнет мрак.

Закатится его звезда,
распарывая небосклон.
Зациклен на себе, всегда
воинственен и ущемлён.

И, опершись на копьё,
не побывавшее в бою,
он в отражение своё
заглядывается, как в полынью.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ АВРААМА

(Рембрандт)

Непостижима жертва Авраама.
Когда упал послушливо и прямо,
как деревце на ворох сушняка,
невинный отпрыск, поднялась впервые
рассечь навечно узы родовые
отцовская рука.

Умело сердце грубого халдея
и сострадать, и высоко любить.
Но в нём была и преданность — святее
земли и крови, не могла не быть.

Там, у истоков Ветхого Завета,
расшевелив походные шатры,
уже дышало семя Назарета
и в тучных почвах зрело до поры.

Не зря же он с родимых пастбищ снялся...
Уклада векового кольца
разняв, рука наткнулась на лицо,
как на кусок поверженного мяса.

И пусть тысячелетия прошли
с тех пор... В сравненье с возрастом Земли
мы юноши... В сердцах всё та же лава...
Не римское и никакое право
не объяснит страдающей любви.
Всё то же нынче, доченьки мои,
в любой семье, — хоть и не так кроваво.

ГОРШЕЧНИК

В долблёной бочке мокнут желваки
и глыбины голубоватой глины.

Вдоль чистых стен уложены в лотки
тяжёлые, как спелый плод, горшки,
воздушные, как кружева, кувшины.

Горшечник стар, но огненно усат.
Топырит фартук и сверкает глазом.
Гончарные изделия звенят —
лишь ногтем тронь —
под стать коринфским вазам.

Вращается, ремню послушен, круг.
Ком плотной пыли шею выгибает.
Сосуд скудельный лёгкость обретает.
В нём скоро смысл проявится и звук.
Движения неторопливых рук...
Ладонь следит, лелеет, подправляет...
Сминает развалившийся сосуд.
Горшечник стар, но до работы лют:
сминает в ком и вновь на круг бросает.

Земля и есть его рабочий круг,
где нам из тлена вечно рваться, мучась.
Такая же нас ожидает участь —
исполниться иль развалиться вдруг.

* * *

На самом у дороги
опорном из столбов,
на кряжистой треноге —
сведённых проводов,

как струн, едва касаясь —
не отпугнул никто, —
свил осторожный аист
просторное гнездо.

Запрет, наверно, сладок
всем жителям земли.

Заметив непорядок,
электрики пришли.

В пустую бочку будто
потыкали шестом.
И сбросили оттуда.
И разошлись на том.

А он опять построил
весною, там же, впрок...
Бедняга не усвоил
такой простой урок.

В конце дороги тихой,
где светится восход,
стоит он с аистихой
и никого не ждёт.

ЗНАКОМАЯ АКТРИСА

Податливая раковина губ
притягивает. Властные повадки
пленительны. Взгляд молодой мулатки
неотразимо чувственен и груб.

И близок... Ближе Страшного суда...
Играет роль без страха и стыда
на высоте шекспировских трагедий.
Напомнив мне, что в близости всегда
есть третий — неродившийся, есть третий...

* * *

Почему грохочущее море,
с тишиною вероломно споря,
душу не гнетёт, не ранит слух?
Почему, свистя и воя, вьюга —

вздрагивает хлипкая фрамуга —
стелет за окном лебяжий пух?
Почему она так сладко воет?..
Почему твой сон не беспокоит
на заре горланный петух?..
Благодатны запахи и звуки,
да и краски — облака-фелуки —
к югу беспрепятственно плывут..
Но уже возня в аэропорте,
ритм в так называемом комфорте
сеют в воздухе нервный зуд..
Раствориться, деться бы куда?!
Чувствуешь себя тупей барана,
если у соседей фортепьяно
или в кухне капает вода...

* * *

Погоди от сумы и тюрьмы
зарекаться — дурная примета..
Неизменно смущает умы
одинокое дело поэта.

Скажут — жил на земле имярек,
подвизался на звёздных орбитах
посреди знаменитых коллег
и подвижников незнаменитых.

И хотя в эмпириях витал
иногда, — относительно д у б а
всё же ратных надежд не питал.
Дело главное почитал
не пустяшным, но — личным сугубо.

Грош ему, бедолаге, цена.
Тошен собственный вид на бессмертье,
если б вызволить из круговерти
дети не помогли и жена.

1980

РАЗГОВОР С МЕФИСТОФЕЛЕМ

(Полушутка)

I

Я жил в тайге, и в море плавал,
и поднимался на Эльбрус.
Но всё равно, товарищ Дьявол,
я вас решительно боюсь.

Я за себя боюсь ручаться.
Порой нельзя не восхищаться
игрой ума, огнём острот...
Но вы, известный лгун и мот,
способны перевоплощаться
до прелести
в свой антипод.

Видать, ещё я не испытан
всерьёз ни в море, ни в тайге.
От ваших штук невдалеке,
с пелёнок вскормлен и воспитан
на порошковом молоке,

которым до сих пор питаюсь...
И потому с трудом пытаюсь
в себе, в толпе вас различить.
И тем спасаюсь, может быть...

II

Но ваши игрища зловещи.
Боюсь, в ристалищном пылу
вы и меня возьмёте в клещи,
к груди приставите пилу.

Молюсь тогда я как умею
о мужестве. В угоду змею
чтоб не назвал я светом тьму,
чтоб всё отдал, всё, что имею,
в долг взятое... И жизнь саму.

Когда, в плену у мёртвых клавиш,
в архив мой профиль и анфас
уйдут, а может, в унитаз,
тогда, наверное, товарищ,
бояться перестану вас.

1981

ПАДШИЙ АНГЕЛ

Ведомый, как лань на закланье,
он сник и замкнулся, угрюм.
Прелюдия прелюбодеянья
пленила младенческий ум.

Стаккато... Начальные ноты
в мороз распахнули окно.
И снова он узник «свободы»,
похеренной, думал, давно.

Безумен Эрот, свой трезубец
вонзая в альковную тьму.
Безумец, безумец, безумец,
кто грудь подставляет ему!

Да полно... Не слишком ли строго
судил и дубиной махал?!
Подспудная в сердце тревога
готовила верный обвал.

И точно, кто грешника грязью
обмазывал — спутался с ним.
Стращавший египетской казнью
сам ею в итоге казним.

Кто каждому в тайной гордыне
вещал про великий искуc,
попался и сам на мякине...
Мотай же, бедняга, на ус.

* * *

Наседает на пятки
груз потерянных лет.
Нет приметливой хватки,
цепкой памяти нет.
Сей изъян из изъянов
бренного естества
испокон у иванов,
что не помнят родства.

То ль отец его пропил,
то ли сам не нашёл.
Как в могилу, меж рёбер
вбит осиновый кол.

И на зов благодати
откликается струп.
Жалкий лепет дитяти
с не улыбчивых губ.

Лишь порою забрезжит
перекатное дно.
Может, сердце удержит,
что уму не дано?..

1983

ТЕАТР АБСУРДА

Давали пьесу Беккета. Абсурд,
шокируя, все связи перепутал.
Кто ждёт кого? И кто есть кто? Вопросы
толклись, как пыль в прозрачной голове
начальника культсектора, который
свой кумпол отвинтил и незаметно
на подлокотник рядышком пристроил.
Но пьеса кончилась... Иная началась
драматургия: раздевалка, дождь...
На скверике у обелиска
два вечные огня... Зачем же два?..
Который час? На улице часы
разное показывают время.
На красный свет машины мчатся. Люди-
сомнамбулы бредут на красный свет.
И те же неотступные вопросы —
что делать? Кто есть кто? И кто кого?
Подъезд. Звонок в стене. А двери — нет.
Замуровали, значит, дверь... Звонить два раза.

1978

ААРОН ПЕРЕД ТОЛПОЙ

Ваятель, изваяй быка.
Воздвигни бога в стане.
Чтоб видели наверняка:
бог неизменно с нами.

Поставь копытами на луг.
Негоже прятать лица.
Хотим мы песни петь вокруг,
открыто веселиться.

Возьми весь золотой запас —
не избежать разброда, —
расплавь. Но изваяй для нас.
Воздвигни для народа.

И ты, прославленный поэт,
знаток народных сказов,
из наших чаяний и бед,
из золотых запасов,

растравливающих сердца, —
вынь сладкозвучного тельца,
как мякоть из лангуста.
Отныне бог — искусство!

Дерзай, художник!.. Моисей
с ума давно уж сходит.
Всё бредит скинией своей,
с Синяя глаз не сводит.

Он проповедует Закон.
А мы — красу Вселенной.
Не отпирайся, Аарон,
ваятель несравненный.

Яви святое мастерство
нам — на коленях просим!
А нет — тебя же самого
сейчас в плавильню бросим.

УРОКИ АНАКСАГОРА

Продышала звезда в облаках слюдяное оконце.
Вавилон, и Египет, и Греция стали видней.

Что мне спорить с Клеоном на площади?
Пусть он заткнётся!
Вон звезда в облаках...

Лучше с нею останусь я, с ней!
Кто б я ни был: счастливый стратег или отпрыск пелтаста,
свет её изначальный

во мне,
сквозь меня
и за мной.

Как бы там ни дробилось, ни замыкалось пространство,
между нами — пролёт, между нами тоннель по прямой.
Пусть беснуется чернь. В тине сточных канав нерестится.
Обращённого к небу узнают и вырвут глаза.
Но тогда голос неба во мне, как нектар в алабастре, стусится.
Голос неба во мне и за мной. И творит чудеса.
Мы — посев на Земле. Благодатно зелёное лоно.
И отечество наше с акрополя не обозреть.
Мы — посев на Земле.
Мне плевать на угрозы Клеона —
выгнать, мол, из Афин! Не велеть ему в небо глядеть!
Этот пир демагогов протянется долго едва ли.
А покуда, Сократ, не хотел бы в иные края?
Разве я потерял? Афины меня потеряли.
Не упрямясь, Сократ. Что им жертва и совесть твоя!

1974

29 ЯНВАРЯ 1837

Гадают до сих пор: «Из-за чего
он дрался всё же?..»
Исполнилась земная жизнь его
на смертном ложе.

Исполнилась, когда уже не мстил,
но примирился
с убийцами. Детей перекрестил.
И с ней простился.

Свершившегося не перечеркнуть!..
Оно кометой
прожгло короткий олимпийский путь
к вершине этой,

откуда новый начался подъём.
«Ну, подними же, —
сказал он Далю, — ну, пойдём, пойдём
по полкам, выше...»

О, легче сытой и обутой стать,
чем научиться
России бедной Пушкина читать —
слова провидца.

От истины не отвести удар —
да сплошь улики!
Страдание и совершенный дар
равновелики.

Не перестал тот день кровоточить.
Веленьем сердца
нам завещавший: и поэта чтить,
и страстотерпца.

* * *

Меж молотом и наковальней..
Чем утончённей, чем хрустальней
светильник —
с антикварной полки, —
тем звонче и острей осколки.

Меж молотом и наковальней
привычный грохот погребальный.
Поют, рычат, таращат зенки.
Но не у всех азарт батальный.
И не у всех дрожат коленки
меж молотом и наковальней.

Есть — призванные из глубины.
Теснимы, но не стеснены...
Отчаяньем прижаты к стенке,
отчаиваться не вольны.
Они — из века в век гонимы,
но не оставлены. Давно
низложены как будто, но
не погибают, но — хранимы
в той ситуации банальной
меж молотом и наковальней.
1983

НА МОГИЛЕ ВЫСОЦКОГО

Цветы, цветы... И в стужу пламеня,
кропят надгробье русского Орфея.

Когда он пел, о, стену пробивал,
когда стихом пробойно-хрипловатым,
гитарою как будто автоматом
орудуя и сотрясая зал,

до сердца доставая без ножа, —
тогда, готова плакать и смеяться,
вжималась в кресло грешная душа
у каждого — куда же ей деваться?..

Все выходы и входы затворив,
по кругу гнал, по кругу, окаянный
возница... Нерва струнного надрыв
такой знакомый и такой желанный...

Отчаянно кричащий об одном,
лишь об одном — по кругу, сатанея...
На языке родном полублатном...
Взвивался несбиваемым огнём
протуберанец полуиудея.

Теперь остыв, среди цветов стоит.
Наивным сплетням бронзово внимает.
Ему импровизации читает
свои какой-то чокнутый пиит.
В них тот же нерв и тот же хриплый звон.
Не кайф словить сюда приходит он,
а к корешу, которого пришили...
Роднее нет... На чьей-нибудь могиле
уснёт, «тройного» засосав флакон.

Спит тёмная земля и за холмом
и под холмом. Спит богатырским сном.
Очнётся же, прикосновеньем духа
разбужена, в неведение святом...
Опять глоток глотнуть сведённым ртом,
глоток грозы — отчаянно и глухо.

* * *

В результате мутаций, миграций и всяческих рационализаций
селекционеров-новаторов
распространилась новая порода людей-аллигаторов.
В то время как их собратья четвероногие вырождаются
(в Африке, говорят, уже разводят на фермах),
аллигаторы-люди, спариваясь, переплетаются
в кланы
и занимают места в общественных сферах.
Любопытно наблюдать за ними в момент экстаза,
стоя невидимо у главной дороги,
как они бросаются за куском мяса,
рвут его друг у друга,
пожирая себя в итоге.
Они, конечно, водились и раньше.
Но сейчас их стало неизмеримо больше —
желающих отыгаться в патриотическом раже
на какой-нибудь гейше, а лучше — на мойше.

Как же быть?.. В закон джунглей уверовать?..
Дудки!!!
Хотя, судя по хозяйственной сводке,
вряд ли теперь их будут отстреливать:
обувь давно перешла на заменители
и синтетические подмётки.

ЗНАКОМЫЙ ГОЛОС

Помилуйте, я авантюр не ищу,
ущерб наносящих престижу.
Я верю, и знаю, и трепещу...
А зная — сильней ненавижу.

Не выпущу и не упущу своего,
хотя бы примазавшись к чуду...
Где двое иль трое во имя Его
сойдутся, — я тоже там буду.

* * *

На себя смотреть со стороны
стоит ли?.. Мы так удалены
от себя же от самих бываем,
что в портрете сходства не узнаем.

Дух незримо каждое мгновенье
нас освобождает от коры.
Медленно свершается рожденье
в неолит из панцирной юры.

Всё ещё наследуя характер
низменный, почуя новый зов,
потянулся к небу птеродактиль
из болот и родовых лесов.

Вытолкнула тайная причина
ящеров из тёплой западни,
где, лениво плавая, они
вдруг постигли — зыбкая пучина
стала аду существу сродни.

И сейчас растёт такой же мох
исполинский и чертополох.
Но ещё сознание не привыкло
к поступи естественного цикла
и геологических эпох.
Потому и тщится ненароком
зыркнуть на себя сторонним оком.

Пристально я в зеркало взглянул.
Зеркало — как не повесить в доме!..
Ничего там не увидел, кроме
воспалённых глаз и птичьих скул.

ОПЫТ ДОКТОРА МОУДИ

Я умер, но я живой.
Такое мне не впервой —
наблюдать за собственным телом.
Беспомощное оно..
И это я знал давно —
до функции сведено
рациональным пределом.

Когда, отродясь слаба,
трескается скорлупа,
не обязательно личность
распадается вместе с ней.
Бывает — плотней, полней
становится. Панцирем дней
отмеренных не ограничась.

Взгляд сверху на себя слегка
вознесён, но не с облака
взгляд... Но — блаженно-трезвый.
Распластана плоть на столе
под скальпелем. Или в котле
разварена, как филе.
Или раздавлена бездной.

Пальцем не шевельнуть.
Ещё бы разок толкнуть
кровь по зашлакованным трубам!..
Так что обманчива стать...
Живущему не привыкать
видеть себя
беспамятным трупом.

* * *

Да будем ревностны!
К словам
благословенным не остынем.
Не отдавать святыни псам
и жемчуга не сыпать свиньям
в корыта — схрупают, как жмых.
Глашатая в навоз затопчут.
Да будем трезво видеть их..
Включая тех, что в нас самих
урчат и о земном хлопочут.
1981

* * *

Творчество или семья!..
Вечная альтернатива.

Горькие слёзы лия,
жаловался справедливо

отец многодетный: «Моя
участь не творца, а комдива...»
Вечная альтернатива.
Что же, в итоге, важней?
Праведник, трудясь неустанно,
может, и спасает детей...
Но — не напишет романа.

Может, и так... Но, своей
не пересилив тревоги,
нам ли судить, что важней,
и говорить об итоге?

ХУТОР В КУЙВИЖИ

Морю, простёртому синей стеною над нами,
крикнем — СПАСИБО!
С длинноволосыми сумрачными валунами морю —
СПАСИБО!
Пустынному пляжу, распластанному в истоме великой, —
СПАСИБО!
Лесу, усеянному земляникой,
старому хутору в дюнах, доброй улыбчивой Айне,
морю, и небу, и нас обнимающей тайне
(ёжик шуршит деловито в смётанном сене...
Ночью рассыпаны по двору шорохи, тени...),
неумолкаемой тайне, доченьки, встав на колени —
СПАСИБО! СПАСИБО! СПАСИБО!..

АСТРОЛОГ

Взрыв... и стен как не бывало.
И вокруг земля горит.
Нет, не бомба в дом попала,
а из чёрного прогала пущенный метеорит
в телескоп.

Обязан чуду,
я, от мира отрешён,
в ту злосчастную минуту
просто за карандашом
потянулся... Справедливо
или нет — остался жив?
Лишь на миг от объектива
взгляд упорный отвратив.
В пыль распались связи, звенья...
Связывало столько лет
их магнитное сцепленье...
Что это — месть, наважденье,
фантастический сюжет?
Обухом в переплетенье
замыслов, надежд, побед...
Знать, оптическое зренье
излучало некий свет...
Свет ничтожного накала,
притянувший глыбу зла.
И блуждающая кара,
как в канал, в него вошла.
Как в нацеленное дуло,
что осталось за спиной.
А меня взрывной волной
высветило и отшвырнуло
на руки
семьи родной.

* * *

Когда же я избавлюсь от долгов, —
их волочить и малую толику
мучительно... Отдам Литфонду, Зику —
собрату моему, терпеть готов
который до скончания веков.

Когда остаток краткого пути,
дай Бог, пройду, нуждою не стреножен, —
я и тогда ещё останусь должен
по вексельам, по всем по десяти,
Тому, чей дар во мне не подытожен.

* * *

В нашем огромном дворе по Ленинскому проспекту
бродят крысы, как овцы, пугая малых детей.
И начальник ДЭЗа, уточняющий смету
по раскорчёвке деревьев, Карабаса-Барабаса лютей.

Орудует по инструкции лихой представитель народа.
Десятка два тополей за день уже положил.
Ну чем, скажите, не мелкомасштабный нарком Ягода?
Тоже верой и правдой служил.

Деревце под моим окном осталось, трепещущее беззащитно.
Из-за него я, помнится, и поселился-то здесь.
Надо, чтоб из окна хотя бы деревце было видно,
уж если небо замуровала кирпично-блочная смесь.

Разгуливают по двору... Я не выдержал, возле детсада
запустил в них булыжником, орудием пролетариата...
Таких матерущих вряд ли возьмёшь на испуг.
Лениво посторонились
и скользнули одна за другой
в распахнутый люк.

1983

* * *

Ариадне Ардашниковой

Товарняк, бурым углем гружённый, —
вот словарь мой. Далёк перегон.

Что ж поделаешь, рядом со школой
ошивался тюремный жаргон.
Как горбун от рожденья — к увечью,
я к нему с малолетства привык,
потому что обыденной речью
стал озлобленный дикий язык.
Он чертёжной линейкой дубасил
по башкам, на уроках вопил.
Он прозрачное детство окрасил
и характер во многом сложил.
В курных избах Владимиру Далю
не случалось, поди, почерпнуть
вероломство и хитрость шакалью,
шалашовок слезливую муть.
Слово грохало маршальской жестью,
застревало в колосьях эмблем.
И, покрытое мясом и шерстью,
стало плотью... и больше ничем.

Но не зря же, измыканный горем,
на лице проявляется лик.
Вдруг да жребий мой не безглаголен?..
Товарняк не упрётся в тупик!
Если вспомнить в спасительный миг,
что и горсти евангельских зёрен
были брошены в грубый язык.

* * *

В соседнем дворе жил художник. Ходил он в синем берете,
явно игнорируя кепку — привычный головной убор.
Чего ему не прощали... Мы, идейные дети,
преследовали, как шпиона, расстреливали в упор.

Пока наши отцы-инвалиды соображали насчёт поллитры
или чекушки (с утра, известное дело, первый вопрос), —
агент японской разведки, щупальца заокеанской гидры
невозмутимо из булочной батоны в авоське нёс.

Мы, Павликом Морозовым продраенные пионеры,
крались, ползли, выслеживали по инерции, не по злобё...
И, помнится, доверяли нам чуткие милиционеры:
требовали у него документы — имел всегда при себе.
Бывает, весьма откровенно попутчик разговорится
в купе — об искусстве, о жизни: некому душу излить...
Невольно уже настораживаешься: чегой-то он не боится?..
Не искусствовед ли он в штатском?..
Всё может быть...

1982

ДВА ПОСВЯЩЕНИЯ

Александру Меню

I. ФОТОСНИМОК 40-Х ГОДОВ

Вот детских лиц стена.
Фон беспощадно-чёрный.
Оштукатурена
угрюмостью сплочённой.

Провалы глаз и ртов
застыли для порядка.
Сороковых годов
обугленная кладка.

На гребне ли, на дне
тех катастроф, кто знает,
возведена... В стене
слепой
окно сияет.

Возвышенно светясь...
Малыш... Его улыбка

из бездны поднялась,
как золотая рыбка.

Острижен и одет как все.
Во взгляде взрослом
восторг!
Нездешний свет
через него ниспослан.

Булыгами зажат,
в камнедробильню годен.
Чему, чему он рад?!
Он — ангельски свободен.

А за окном зима...
И бед сулит немало.
В нём луч,
который тьма
доселе не объяла.

II. СВЕЧА

Он вышел проводить нас до калитки,
а проводил за лес...
Черным-черна
стояла ночь вплотную, как стена.
И на развёрнутом на звёздном свитке
надмирные мерцали письмена.

Высвечивала его свеча
из тьмы — сарай, груды кирпича,
мостки, канаву, месиво дороги,
буксующей сквозь времена и сроки,
немыслимое на себе влача.

Он пошутил: а дальше вас направит
вон та звезда, сияет далеко...
И в знак того, что вниз свечу не ставят,
над головою поднял — высоко.

* * *

О вечная гордыня Вавилона!
Язык распался, как во время оно.
Лишь вспыхивает в рудиментах, в квантах,
в архаике толковых фолиантов.

И вот уж говорящие друг друга
не понимают. Напуская мрак,
шарахаются сами от испуга.
Шептали «друг», а получилось «враг».

Семантика ушла, как Атлантида,
на дно веков. Стал популярен жест —
красноречивой мимикой гибрида —
в дни митингов и горестных торжеств.

Родная речь клокочет, мчит рекою...
Мой собеседник, в воздухе рукою
выписывая лихо антраша,
спросил: «Душа? А что это такое?
Ты говоришь, у каждого душа?..»

Без словаря не объяснюсь на русском.
И уточнить не постесняюсь вновь
в беседе с образованным моллюском —
что понимать под термином «любовь».

К истокам слова ревностный паломник,
люблю я закопаться в закрома.
О Даля золотой четырёхтомник!
О Фасмера бесценные тома!

В семье, в гостях у тёщи, в трибунале,
увы, договориться нам едва ли...
И даже вряд ли одолеть букварь...
Пока не вспомним: ЧТО БЫЛО В НАЧАЛЕ?
Пока, как Моисеевы скрижали,
не соберёт нас подлинный словарь.
1980

ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ

I

Примета, может, самая
разительная: если
стол захламлён, душа моя
пуста и не на месте.

Свидетельствует письменный
рабочий стол бесспорно,
что наконец-то чисто в ней,
покойно и просторно.

II

Накопилось бумаг! Будто в лавке
барахольщика — чеки, клочки
с адресами, какие-то справки,
ежегодники, черновики.

Просмотреть и — в корзину, не медля!
Если волю давать пустякам,
заарканят — за петлею петля,
загрызут — за капканом капкан.

Пуд набрался, не меньше, да с гаком...
И, поглядывая на пустой

стол, себя представляешь Гераклом,
завершающим подвиг шестой.

* * *

Вино молодое в потёмках до времени бродит...
Ибо проходит образ мира сего, проходит,

как новоявленная Цирцея по сухумскому пляжу,
доверив себя на мгновение юному пажу.
Юность мелькнула... Молодость, зрелость проходит...
В зеркале правду не ищет, глаза в тёмный угол отводит.

Эллинский мускульный звон прозвенел и растаял
там, где следы на песке и я когда-то оставил.

Вечно маячил, как свет от далёкой звезды,
на обложке «Гантельной гимнастики» эталон красоты.

Это она была в самое сердце прицельно и больно.
Это пред нею поэт благоговел богомольно...

Это она, беспощадная, длится, куражится, рвётся...
Ибо проходит образ мира сего... проходит...
А что остаётся?..

ПОЗДНИЙ СВЕТ

О, продираясь сквозь повадки крысьи
обыкновенные — захват, заглот,
любовь — итог невыносимой жизни,
извечных тягот долгожданный плод.

Не беглые плескучие зарницы,
с ума сводившие во цвете лет

под дудку фавна или чаровницы, —
а этот поздний повседневный свет.

Сквозь сети облетающего сада
Венера, расточительно светла,
восходит...
Не задаток, а награда
за жажду чуда, преданности, лада,
за всё — нет, нет, в семейном смысле — свято-
отеческие малые дела.

* * *

Чуть тронул шмель басовую струну
в шиповнике густом,
и долго-долго струна гудела.
Плотный круглый звук,
блуждая, плыл в галактике, объятай
миллионом пышных солнц.
И вдруг пропал.

Малиновка как будто ножик точит:
чив-чив, чив-чив... чего-то там хлопочет...

Из пня, валяющегося под забором
и толстого как чушка, на котором
рубили лапник, устремился вбок
упрямый стреловидный стебелёк.
Из пня, заткнувшего дыру в заборе...
В корявое искромсанное тело
берёзовое семечко влетело.
Отзимовало, и пустило корни,
и гонит сок вечнозелёной кроне.

Под сенью дуба на сухой земле
поленница сияет как подсолнух.

И кувыркаются в кудрявом небе
стрижи — стригут воздушное руно.
Мир чист и переливчат, как созвучье.
Чтобы его понять и полюбить мне,
о — без метафоры не обойтись...

РАЗГОВОР ПО МЕЖДУГОРОДНЕМУ

Шум космического океана
и помех неизменно-земных
собирает, как в фокус, мембрана.
Чудо — всплыл из глубин голубых
мамин голос — отчётливо тих.
Сын! Сынуля мой!!!
Спазм перехватит
горло... И раскалится металл...
Стыдно, Господи Боже! Накатит
безутешных раскаяний шквал...

Вот всегда так: читаем ли список
поминальный — затёртый листок,
или ждём телефонный звонок —
вдруг до боли окажется близок,
кто в сей миг безоглядно далёк...

* * *

Увы, где толсто, там и тонко.
Разрыв — в узле.
Уж остаётся жить недолго
здесь, на земле.

Желать, не потакая тыщам
причин, улик,
чтоб каждый день сверкал, очищен.
И каждый миг.

Надежд высоких не оставить.
И малых тож.
Дом утеплить, забор поправить.
Поправит кто ж?..

Стихи, рождённые в цейтнотах,
перебелить.
Быть может, кто-нибудь прочтёт их...
Всё может быть.

И, примирившись с лихолетьем,
о, неспроста,
СВЯТОЕ — передать бы детям
из уст в уста.

* * *

Безумное — рядом:
в толпе, в омрачённом лице.
В лесу — с автоматом,
с табльдотом в кремлёвском дворце.

Оно за порогом
настигнет и с лёту, и вплавь.
Безумьем, как смогом,
пронизана грозная явь

и ночью и денно,
и тысячелетия назад.
Под своды Эдема
вселился давно зоосад.

Но страшно не это.
Подумаешь, лай или вой...
А то, что вдруг, света
не взвидя и власть над собой

теряя... — распадом
всеобщим приплюснут к стене.
Безумное — рядом.
Я знаю... да, да... И во мне.

* * *

I

Век на исходе... И мой
тоже... Отовсюду домой
тянет. Трудом вдохновенным
оклика не заглушу
шубертовского... Прошу
Господа о сокровенном.
Мне б исхитриться писать
в городе. Высь осязать
в омуте... Мне б исхитриться...
Знаю, отступит гора.
День предстоящий — с утра
чист, как в тетради страница.

Есть в эпицентре войны
верных четыре стены —
найтишайшая область.
Где совместимы миры,
дети покуда малы...
А повзрослеют — что Бог даст.

II

Любимые мои! Когда земная
жизнь оборвётся, чуть ли не вчерне
намеченная... Шуберта Седьмая
симфония — да отзовётся мне...

Она святой не потеснит Псалтири.
Ниспосланную, находил как дар
её не раз в бушующем эфире
над затаённой бездною Бомбар.

С её высот, как с океанских гребней,
на миг — иная открывалась даль,
когда не знал я помощи целебней
и подступала смутная печаль.

Но импульс был мажорный — до начала,
до наших дней творенья, до семьи.
Так вспомните, чтобы она звучала
после всего... Любимые мои...

Из книги ДОРОГА НОЧЬЮ (1998)

ПРЕМЬЕРА

Театр ассамблеей блещет.
Вся в ожидании трепещет
Европа. Старый, Новый Свет —
глядит в бинокль и в лорнет.

Ждут. Шёпот. Ропот бесполезный
ползёт по бархату. Видна
лишь кумачовая стена —
недвижный занавес железный.

Но стук, но бряк, но крик сквозь плот-
ный занавес — идей оплот —
свидетельствует несомненно
почтенной публике, что сцена
предстать готовится вот-вот.

А там — давно всю идёт
невиданного размаха
трагедия. Топор и плаха —
не реквизит. Ум вопиёт.
И страхом перекошен рот.

А публика всё ждёт и ждёт...

Театр тонет в гуле, в гаме...
Оскорблена, стучит ногами
галёрка — справедливость где ж!..
Вдруг свет померк...
О, свет в бедламе...

Разодралась завеса в храме
искусств. Образовалась брешь.
В которую пахнул широко
крутой раскосый ветер с востока.

Бинокли повскакали с мест,
настроены на катастрофу,
и видят — роковой разрез —
кто телеграфный столб, кто крест
и холм, похожий на Голгофу.

1986

ДЕСАНТ

Рождественская метель
раскачивает колыбель,
баюкает безответно
на ладонях Адвента.
Оттуда, где вечный свет,
на площадь — темнее нет —
спускается неприметно.
Покачивается на стропах ветра.

Христос, золотой голыш,
я вижу, как Ты паришь
над крышами, над горбатым
пустынно-гордым Арбатом.

В колодец, в раструб двора
спускаешься... Детвора
детсадовская — тут как тут.
Ловят Твой парашют.

В чудовищный водоворот
событий — в разлад, в разброд
тотальных систем и вер,
в клюв каркающего СССР.

В родимый наш ха́ос, ха́бс
вступает младенец Христос.
Сверкает над крышами хрупко
Рождественская скорлупка.

1977

* * *

В широком русле литургии
взмывающие в небеса,
летят сплочённые, тугие,
под полной верой паруса.

Внутри всесильного потока
не устоять, не утерпеть.
Святая радость — славить Бога.
И не шептать о том, но — петь!

Пой, царь природы! Оттого
ты безголосый стал и хмурый,
что вытоптал исток всего
в себе — под человечесьей шкурой
молящееся существо,
поющее хвалу на пире
и на эоловом ветру.
Настроенное по псалтири
и на волну, и на ветлу.
Мычащее и в нищем мире
хоть на гребёнке, но — хвалу.

Когда от чаши свет струится,
когда вокруг родные лица
и радостные, может быть...
Тогда призывней зов молиться,
и петь, и славить, и любить.

1976

ПАЙКА

Мы все, кто здесь, из одного барака.

Где чья-то тень под сенью полумрака
буханку делит поровну одну.
И, сглатывая тощую слюну,
я тоже там, последний доходяга,
к законной пайке руку протяну.

Она продлит меня на день, быть может...
Помедленнее, бережней жевать...
Она, трёхсотграммовая, поможет
на гору тачку скользкую толкать.

Мы все...
Об этом помнишь поневоле...
Но светлый храм, но ясные хоры!
Аукаются звёздные миры
в их антифонном строе. На престоле
сияют освящённые дары.

В оконце — сине-розовое сплошь —
стучится май ладошкою зелёной.
И хорошо, что рядом молодёжь...
И кажется — и сам я просветлённый...
И хлеб, Господен хлеб пресуществлённый
на чёрный тот как будто не похож.

1978

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Доченька, Господь с тобой.
В мире подлость и разбой
Божью благодать затмили.
Как же тебе в этом мире
выжить, выстоять одной!..

Если явится за мной
смерть или запрут солдаты
за тюремною стеной, —
не останешься одна ты,
доченька, — Господь с тобой.

В нашей ли стране, в любой...
В кабале, в дыре безвестной,
над прельстительною бездной
помни, доченька, с тобой
Бог.

А если это помнишь,
кто-нибудь всегда на помощь
поспешит... с кем Дух Святой
так же, так же, как с тобой.

1979

5 СЕНТЯБРЯ

5 сентября 1918 года вышел
декрет «О красном терроре»

Россия в крови по колено
терзала себя дерзновенно,
испуганно скалясь на тень.
Не будем лелеять обиду.
Отслужим по ней панихиду
мы в столь достопамятный день.

По всем убиенным, невинным,
затянутым в голод и мор,
по чьим измочаленным спинам
гулял и гуляет террор.

Трёхсотмиллионная жертва...
За что и откуда?.. Прожекта

шального — конкретный итог?
Иль сполох проклятого года...
Иль в дремлющих генах народа
её отдалённый исток...

Откуда бы ни было — Молох,
орудуя в весях и долах,
запутался в местности сей...
Как некогда стрелы монголов
увязли в кольчугах князей.
Запутался тяжело и прочно.
Обильно удобрена почва.
Всевидающий Сеятель, — сей!
1977

АЗБУКА

Пусть учатся дети читать по складам
Священной истории: Е-ва, А-дам.

Пусть знают, что Библия, библиотека —
однокоренные слова... Человека,
да будет известно им — Бог сотворил
на помощь Себе совершенным созданием.
А змей хитроумный его совратил.
Что связано грехопадение со знанием,
которое может быть и во зло
использовано... Дух сомнения корыстен...
Пусть это с открытием азбучных истин
войдёт в них,
как в нас очень поздно вошло.
1980

ПРИКАЗ ИРОДА

Искать! Перетрясти подряд
все детские сады и ясли!

Натыкать гвозди вдоль оград,
умножить стражу во сто крат —
и днём чтоб фонари не гасли, —
скорбь детям
заронить во взгляд
и в молоко кормилиц — яд!

Не мешкать! Школу прочесать
и улицу... На свист бросать
в любую подворотню
мою блатную сотню.

Навряд ли выберется Он,
сей царь народов и времён,
из проволоки колючей
да из невидимых препон...
Следить на всякий случай.

1979

МЕТАСТАЗЫ

За что ж ему такая кара?
Ждать неминуемого удара —
в открытую, из-за угла.
Очнувшись в эпицентре зла,
отчаянно врубить сирену...
Всей кожей чувствуя: игла
спецслужб
нащупывает вену...

Затравленному как помочь,
чей путь мучителен и горек
в замкнувшемся пространстве?... Дочь
вдруг вздрогнула на чей-то окрик
испуганно, как он, точь-в-точь.

1982

* * *

Без юмора в Совдепии родной
наверняка бы я и дня не выжил.
Однако не скучаю по парижам
и смело в магазинчик овощной
с ним захожу. Рабочий, грудь вперёд,
толкает клеть с морковкой аргентинской.
Хозяйки за спиною исполинской
текут впритык. «Посторонись, народ!»

И в сторону отпрыгивает. Вмиг
клеть облепляют хваткие хозяйки.
И гнутся прутья, и слетают гайки,
и коготь обнажается и клык.
И стон стоит стеной, и визг, и крик.

Пока они там роют и курочат,
рабочие и продавцы гогочут.

Да, что и говорить — жестокий век..
Без юмора не обойтись любому.
Кто б ни был ты — москвич или чучмек..
Прочь отсечённый, страждет человек
по овощу, по корешку родному.

1980

РЕПРОДУКТОР

Гимн кувалдой в голову с утра
пунктуально поднимал ребёнка.
Символ детства — радиодыра,
чёрная орущая воронка.

Сколько маршей из неё рвалось!
Бодро шли по этажам московским

неразлучные — хвостом за хвост
зацепившись, — Блантер с Матусовским.

И Нечаев с Бунчиковым тож...
Пробудив лирические токи...
А и правда голос-то хорош!
А у мамы на аркане вошь
в кошельке. И допоздна уроки.

Рано продувные соловьи
«Аленький цветочек» расклевали.
Что же вы, домашние мои,
вилку из сети не вырывали?!

Так вот и лилось, как из ведра,
в лютую детсадовскую стужу.
И росла, росла, росла, росла, росла гора
ледяная.
И сковала душу...
1977

ЖЕСТ ШЕСТИДЕСЯТЫХ...

Скатерть, полная бутылок.
Папиросный дым. Обмылок
лысины. Свинцовый бок
лососины. Хищно-пылок
взгляд наотмашь, взгляд-ожог.
Белые колонны ног.
Сердце вдруг тоскою сжалось.
Ничего не оставалось —
скатерть за края поднять,
крепко в узел завязать...
Всё давно перемешалось...

И под мат со всех сторон
подтащить к окну и вон
выбросить... На миг очнуться
и блаженно улыбнуться.

1972

ПОЛКОВНИК ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Сказал он, изящной вилочкой тыкая
в севярюжью закуску, уже малость навеселе:
«Я за русскую литературу спокоен.
Она всё та же — великая.
Только — у меня в столе».

1977

ДРУГ СЕМЬИ

(Притча о телефоне)

Тишайший из друзей
контактами пронизан.
Законно на моей
жилплощади прописан.
В инстанциях скрепя
с Нечистым форму сделки,
он чувствует себя
вполне в своей тарелке.
Бесперебойно пост
наладил, как — не знаю.
Хотя частенько хвост
ему я прижимаю
розеткой... Ох, — охоч
до новостей, трудяга...
На стрёме день и ночь
«святых» идей во благо.
Внимает, входит в раж,
посапывает глухо.

Мой неподкупный страж —
недремлющее ухо.
Но чу... в мембране гул.
Меняет, значит, плёнку.
И кто б ему проткнул
ушную перепонку!

1979

У ПОЧТОВОГО ЯЩИКА

Стоящей, настоящей
опоры всюду ищу.
Письмо опуская в ящик,
мысленно перекрещу.

Письмо опуская в кратер,
фиговый конспиратор,
в кратер, а не в астрал!
Только б его перлюстратор
какой-нибудь не затерял.

1981

ПЛАКАТ

От Прибалтики до Камчатки
яма — со штабелями взрывчатки.

Насыпь голая. Топкая глина.
Доска почёта пламенных лет.
На ней анфас сознательного селянина
и романтический силуэт
писателя Александра Грина.

От Прибалтики до Камчатки
пылят строительные площадки.
Чем выше строят, тем погружаются ниже.
Десятые этажи уже захлёбываются в жёлтой жиже.

Экскаваторы вонзают клыки
в грунт. Отбойные молотки
гнутся, бьются в истерике.
Плечо к плечу молодые кадровики
докопаются вот-вот до Америки.

Чубы по ветру. Гордая грудь
давит на заступ упрямо.
Глаза — в которые больно взглянуть:
ЯМА

Отец мой вкалывает среди них,
брат, молодая мама...
Сердце — большое — одно на троих:
ЯМА

А по бокам океан мировой
ластится, лапой скребётся.
Заглядывает белопенной волной,
куда ему падать придётся.

Осыпается насыпь. Из-под руки
смотрят, как за пределы галактики,
туда, где посверкивают огоньки —
первые водопадики.

И у всех на виду
огромный мужик лежит.
Пьяный — зарос цветами.
Под сапогом его Рига дрожит,
а под головой — цунами.

1978

* * *

Типичный тамиздат, —
вы про стихи сказали.

Ну, что ж... Я их навряд
прочту в Колонном зале.

Сердец не распалишь
в том Колизее... дустом
присыпанных, то бишь
дозволенным искусством.

Нужды как будто нет
бежать за славой шаткой.
Как полагал поэт,
важнее быть тетрадкой

в иные времена,
чем книжкой — не так ли? —
отцеженной до дна
сквозь фильтровые пакли.

Видать, дела плохи
у нашей дамы кроткой,
коль платит за стихи
психушкой да решёткой.

По крохам тамиздат
созиждут, по останкам...
Но — верю: в стольный град
вернётся бумерангом.

1982

КЛУБ КИНОПУТЕШЕСТВИЙ

Сегодня пригласит по телеку
нас дядя в Южную Америку.
А завтра тем же самым способом
по Нидерландам, по Австралии

походим, к папуасам розовым
заглянем, к тем, что гениталии
не прячут — потому, как водится,
у них нужда и безработица.

Итак, по венам, копенгагенам,
по странам мизерным и крупным
ведомы басом респектабельным,
проследуем путём доступным.

Но где же был Харон наш? Сторожем
почётным у господ работал,
летали «Маринер» и «Вояджер»
когда?!

Весь мир за их полётом
следил, вникая в весть веков...
Вы поступили некультурно,
от нас, от кинопутешественников,
скрыв кольца смутного Сатурна
и красные пустыни Марса.
Похоже, вы там озверели...

Уж эдакого бы маразма
вам не простил Скиапарелли...

Ну что ж, посмотрим в цвете радужном
хотя бы на Помпей останки...

Скорей, дочурки, сядем рядышком
да поплотней в нашем поправдашнем
мире — в закупоренной консервной банке.

1981

У ПРИЁМНИКА

I

Пещерный человек к транзистору приник.
Он не читает философских книг.

Он как и все. Он хочет тоже выжить.
Он хочет правду о себе услышать.
Он рыщет щупом в адской пустоте.
Там треск и тарабарщина везде.
Там музыка, как будто жарят ведьму,
расходится кругами по воде.
Зигзаг волны его охлещет плетью.

Но притаился где-то в уголке
там разговор на русском языке.
Пульсирует, как у запястья жилка.
Смелей, смелей...
Пока его глушилка
не перешибла.
Многое видал
за свой-то век. Туфта ему знакома.
Он телевизор вытащил из дома
прочь на помойку, продавать не стал.
Противоречья не в его натуре.
К транзистору припал, как к амбразуре.
1976

II

О, здесь бы и проявиться
терпению... Пафос провидца
раздавлен, и попорана честь.
Но — парусом выгнулась месть.
О, всё бы им воду толочь
в кастрюле, науськав свирепо
глушилки. Не зрелищ и хлеба
ты ищешь в голодную ночь.
Однако, до правды охоч,
и сам свирепеешь нелепо.

Шарахнуть бы об пол, об стену
несчастную «Спидолу», смять...

Твой комплекс конвульсий под стать
не праведнику, а супермену.
Терпенье удвой. И антенну
тогда увеличишь раз в пять.

Терпенье копи. Не займёшь
нигде... Дальновидная ложь
ожоги присыпала солью...
Цена без него тебе — грош.
А за полночь слушай хоть вволю...
Железный-то занавес молью
потравлен и светится сплошь.
1983

ПЕРВОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

Критическому реализму обучался не в школе я.
Когда мне было лет пять, не более,
я уже знал, каким способом рождаются дети.
И был удивлён,
что делают это все люди на свете.
«И Сталин тоже?» — спросил я у старших братьев,
от их ответа прямолинейного чуть ли с ума не спятив.
Сталин был для меня небожителем, райскою птицей,
что парила в майском небе ночном над столицей.
Вседержителем, улыбающимся с плаката.
И вдруг, как и все, ложится в постель?..
Нет, не нравился мне такой вселенский бордель!
И Сталина я перенёс в персоны нон грата.
Он ещё отовсюду прищуривался — в своей усатой красе, —
путь мой в школу прослеживал с каждого здания.
Но не мог я простить, не укладывалось в сознание:
Сталин и — тоже... как все!..

Вот с какой чудовищной неприличности
началось для меня развенчание культа личности.
1979

* * *

То было в юности, в начале...
И мы гитарами бренчали
на чердаках... Ловили кайф...
В бесплодной юности убогой,
когда прицел морали строгой
равнял Евангелие с «Майн кампф».

Но, строгую мораль похерив,
я прочь из школы удирал
в Сокольники, в семью деревьев,
в какой-нибудь читальный зал...
А то, надыбав трёхрублёвку,
с утра смывался в Третьяковку.

И там бродил, как бродят дети
в саду — среди огромных роз.
Где явственно при жёлтом свете
к толпящемуся на паркете
народу — явится Христос.

И где, в раздумья погружённый,
сидит, закатом обожжённый,
устав от пошлости людской,
как представлял Его Крамской.

Мораль бредовую похерив,
поведали впервые мне
о вечном небе на земле
Ге, Нестеров, Поленов, Рерих...

Дабы о многом догадаться...
Я бедной школы не кляню.
Два-три музея на страну...
Всё ж было мне куда податься.

1986

ЭТЮДНИК

I. РАЙЦЕНТР

Пивнушка — «Пчёлка».

Овощной магазин — «Репка».

На площади два фанерных щита.

На одном — зелёными буквами — «Их разыскивает милиция»: убийца, неплательщик алиментов, бандит. Приметы, фотографии. Другой — Доска почёта. Тяжёлые застывшие лица.

Убрать текст — и не различишь, которых из них
разыскивает милиция...

II

Носятся, как на коньках.

Курыт, любят впопыхах.

От полочки до полочки
пашут. Как из авторучки,
утренний асфальт в плевках.

III

Господи, прости меня стократ...

Иногда мой беспощадный взгляд
встречным отражается зеркально
и дробится... Зло материально.
Мысли нечестивые смердят.

IV. СУД

— Вы гражданку судите напрасно.

Никакой она вам не злодей.

Если не украл у государства,
украдёшь у собственных детей.

V. СОСЕД

Мне жаль соседа-алкаша.
Пьёт, безответная душа...

Он отравился политурой,
как я когда-то лжекультурой...
«Необходимо, — врач изрёк, —
дренаж устроить организму.
Разочков пять поставить клизму
и выпить рвотный порошок.
Он молодой ещё, окрепнет...
А впрочем... может быть... ослепнет...»

1978

БРАТЬЯ

I

Мы разные в одной семье.
Уж так от Каина ведётся.
Найдёт ли веру на земле
Христос — у всех, когда вернётся?
Что логика!.. Она скудна
твои сомнения развеять...
Когда нам равная дана
свобода — верить и не верить.

II. Сорокалетие

Сорок лет, сорок тесных колец.
Сорок — символ: канун иль конец?

Сорок лет я, блуждая в пустыне,
манной кашей питался. Святыне

Моисеевой не доверял.
Из-под палки за ней ковылял.

Край обещанный, обетованный...
Распростёрт не под крышей стеклянной

и не за пограничным столбом,
а за тучами — в сердце моём.

Сорок лет кувыркаться в тумане.
В каждом возрасте время на грани.

Но в преддверии поздних годин
грань острее и выбор один.

Или да — значит, жизнь не обуза.
Значит, слышать призыв Иисуса¹

и ступить за опасный предел,
на который с откоса глядел.

Или нет — пропадай всё на свете...
И когда-нибудь взрослые дети

вспомнят стёсанный посох отца,
да испуг, да исход без конца...

III

Вот и конец... всё туманнее над головою пятно
зыбкого света. Всё глубже — по дебрям, по кручам.
Жёсткий закон гравитации тянет на дно,
ежели к шее кирпич натуральный прикручен,
если в паденье балдеть и тоски не избыть,

---

¹ Иисус Навин, обозревающий с горы Землю обетованную (Числа, гл. 13).

дымом досужим минутных затей задохнуться.
Только коснувшийся вечности, жаждущий жить
в вечности
сможет от дна оттолкнуться
с камнем на шее. Давлению толщ вопреки.
Тьму прободав, пустоту, пестроту краснопёрок.
И, рассекая кочующих птиц косяки, —
сможет прорваться, пятнадцать ему иль под сорок.

Бездна бездонна... И нету незыблемых мест
в ней для опоры. Но жаждущий вечности — знает:
тяжкая ноша вдруг преображается в крест,
тянется ластой стопа, и крыло вырастает.

IV

Что толку пялить в ночь глаза? Лишь портить зренье.
Бессилие помочь — на грани преступления.
Когда я сам тонул (слепой щенок в ведёрке),
спиною по скале скребнуло, как по тёрке.

И, голову мозга, тащило дальше, к ракам —
на выступе скалы мой брат стоял и плакал.
А он плохой пловец, и, если б нервы сдали,
мы в Лету бы тогда бок о бок зашагали.

Но облизнулась смерть. Сходила на попятный.
Беспомощность его и ужас так понятны
сегодня мне. Затем, что душу мутят...
Я вижу, как его шарахает и крутит
в тисках стихий. Дом на песке — размыли.
А я кричу, кричу — помочь не в силе.

Всё, Господи, Тебе возможно... Брата
храни, спаси, как спас меня когда-то.

V

Долог у Господа путь и тяжёл.
Дом Ему твой на пути повстречался.
Он терпеливо стучался, стучался.
Не достучался
и дальше ушёл...

1979

* * *

Сталин встал на ветровом стекле.
Тягачи, свирепые КАМАЗы
с грохотом проносят по земле
оспину неистребимой язвы.

Позабыл беспмятный народ —
пропил память или же отбили, —
мало вразумляли нас, гноили,
в джезказганы загнанных, как скот.
Или, отродясь ослеплены,
Божество мы ищем в позументе?
Позабыли, как он полстраны
заживо замуровал в цементе.

А водитель — молод, белозуб.
Чёрной лапой поправляет чуб
конопляный — из-под шапки пляшет...
Знал бы он, дурила, что за труп
над кабиной поднял, жизнелюб!..
Да и кто ему о том расскажет?..

Огрызнётся парень: «Чёрта с два!
Ну, сажали, ну, верёвки вили,
а зато при Бате воровства

не было такого, да и пили,
говорят, поменьше... Нет, нужна
власть... чтобы которая сильна...
Кой-чему тогда и нас научит...»

Ох ты, Русь, родная сторона!
Тёмная могутная спина
просит палок...
Просит и получит.

1979

ПОТОМКАМ

То, что мы, прячась, читали когда-то
на папиросных листках «самиздата»,
правдой насущной, как хлебом, делясь;
что вызывало сомнения, толки, —
будет стоять у вас просто на полке,
будет — хотя бы как Герцен сейчас.

Пусть народится из плебса элита.
Пусть заведёт прописного пиита,
дабы сердитому гласу внимать.
Только бы не повторился сначала
бред Октября. Да и сил у нас мало...
Сколько же можно терять и терять!

Но среди ваших доступных изданий,
разных реформ, окрылённых дерзаний,
наверняка проливающих свет
на мирозданье, — найдётся ли Слову
обетованному, миру Христову
место найдётся? Иль всё ещё нет...

1979

БЛАГОВЕСТ

I. ПО ДОРОГЕ В ЦЕРКОВЬ

— Сын пьёт?
— Пьёт... Ладно бы просто пил, — бьёт...
Нет, живёт не со мной...
Как-то возвращаюсь домой,
колдыбаюсь о костыли,
ноги как не свои.
Еле-еле залезла на третий этаж.
Гляжу — дверь настежь, выпотрошен трельяж
и комод... уж в сундуке шурует.
У чужих не ворует...
Можно у матери, у родной...
Я — за соседями... А он-то, дурак шальной,
как начал меня гвоздить чем попало...
Я не кричу — молчу,
боюсь, каб его милиция не забрала.
А то ведь потом придёт — убьёт.
Три дня не вставала, не пила, не ела.
Лицо, как чугун, почернело.
Это он, ирод, в отца. Отец тоже бил,
хоть и не пил.
Война прибрала...
Прости мою душу грешную, Бога молила...
А этого не берёт ни тюрьма, ни могила...
За него, за синюшника, Царицу небесную не прошу,
только вот — второй крест на шее ношу...
За него — за изверга моего.

Идёт. Постукивает посошком.
Окаменел в душе обиды ком.
Но в Церкви забывается обида.
Да, в Церкви той, благообразной с вида,
что так же измордована, забита,
как и она, сыновним кулаком.

1984

II. МАРФА

Это убогая Марфа звонит.
Малые колокола навзрыд
заходятся. Главный колокол строго
сдерживает их,
будто подаёт совет.
Это слипшиеся уста наконец отворяет рассвет.
Руку её узнаю издалёка —
единственную —
правой у Марфы нет.
Самая бойкая среди старух расторопных,
по храму летает, как ангел с подбитым крылом.
А давно ли врачи, искромсав её и заштопав,
списали в утиль, в инвалидный дом...
Однако вот прижилась. Точнее сказать, воскресла.
Подвизается алтарницей
из последних оставшихся жил.
Оглашает округу, Христова невеста,
благо, райисполком разрешил.
Тянутся к ранней
жакеты, платки и косынки.
Молодость — искалечила, старость — превозмогла.
Может быть, и по ним, упавшим над пропастью,
как по качающейся жердинке,
вера к нам перешла.
1987

III

Когда уж явно на пороге
смерть и вот-вот перешагнёт,
любой подумает о Боге.
А кто-нибудь и в храм придёт.

И в крестном знаменье к спасенью
сама поднимется рука.

Оставшаяся от растленья
душа острее, чем фольга,
трепещет...

Весть о блудном сыне
коснётся в поздней благостыне
торговок бывших и марух.
Убожественней, чем в России,
и набожнее нет старух.

Раскаянье их неизбывно
и мне понятно, как своё.
Кто там снаружи непрерывно
трясёт убежище моё?..
И ветками гребёт по крыше...

Не на пороге смерть — поближе.
Как в зеркало смотрюсь в неё.

1981

* * *

Как, наверное, с Мамаем битва
прадедам была,
так мне — молитва.

Мысли мельтешат, как мошкара.
И слова беспомощны..
С утра
в лес пойду пылающий... Осина
мне протянет руку из костра,
лопоча бессвязно и бессильно.
О, как скорбно лебеди кричат
на холмах отеческого берега,
там, где оком выпуклым бочаг
смотрит в душу — в омут человека.
Холодно и тихо на земле
на родимой...

Углями в золе
шевелиятся города и веси.
На рассвете позднем, на заре,
Господи, уста мои отверзи...
1976

РУССКАЯ ПЕЧЬ

В избе, давно холодной, как во льду,
мерцает печь. Прожилины металла
в ней проржавели. Счастье лепетало
когда-то здесь, ликуя на свету.
(Не оттого ли за окном светало?..)
И рыбники томились на поду.

Топлёный жир трещал на сковородке,
отставленной на угли далеко.
И через край бежало молоко
и вспучивалось корочкой в махотке.
Осиротел незащищённый кров,
охотников случайных привечая.
Внесу вязанку отсыревших дров.
Трубу открою. Высыплется стая
оттуда чёрных мёртвых воробьев.

А к вечеру, колдуя над вязанкой
и сосчитавши спички в коробке,
увиджу: затенённая лежанкой,
нора зияет — в чёрном закутке.
Да здесь ходов нарыто, как в песке.

И всюду, словно от мелкашки пули,
помёт крысиный. Лишь очаг задули,
они мгновенно заняли свой пост.
В простреленном пространстве гроздь гнёзд.

Я всё же затоплю, куда деваться...
Дым будет долго кольцами свиваться
и в избу выползать, как из ноздрей.
Но наконец прямое пламя встанет,
затрепетав... По смятой «Правде» прынет...
И вот уже и эта печь — скорей
посуше дров! —
и эта тянет, тянет...
1980

* * *

Когда увидите мерзость запустения...
на святом месте...

Мф. 24, 15

Долгая тень от берёзы
ложится на луг.
Время покоса, но косы
отбились от рук.

Или проворные руки
отбились от кос.
Дудки взошли на излуке.
Лог бузиною зарос.

Птичьего щебета грозди
в тёмных кустах над водой.
На захламлённом погосте
столбики со звездой.

Чудом спасённые липы
в усадьбе — из прошлого взмах...
Звероподобные типы
в ватниках и сапогах.

Мерзость и запустение?..
Но и ромашковый дым
в долгую пору цветения.
Было ли место святым?..
1977

* * *

На куполе разграбленного храма
взметнулась роща — шумная, как море.
Как море, что Содома и Гоморры
не пощадило. Цепкая ольха
опутала запястье капители.
Когтит берёза стену, раздирает
глазницы окон... Хищный молодняк
не вырубить, не выкорчевать из камня.

От года к году шире и черней
взбухают вены трещин. А вокруг
сырого остова тучнеют избы.

В них радио и телепровода
гнилую кровь качают.
В них торчат
из окон бельма голубых экранов.

Под шиферной ширококостной крышей
шумит всё та же роща. Матереет.
Невидимые щупальца её
рыхлят, рыхлят, рыхлят как купол мозг.
И трещины взбухают... И плодится
всё больше в них — от года к году больше —
дебилов и невротиков.
Остались
твёрды
лишь своды августовской ночи.
Лик Волопаса... И Арктур под ним
мерцает, как лампада... И сквозь вечность
звонарь безрукий бóталом стучит.
1977

* * *

Чтобы не бояться чёрной кошки,
чтобы не плевать через плечо,

не стучать по деревянной ножке
или по чему-нибудь ещё.

Чтобы насморк, или там проказу,
или, страшно выговорить, СПИД
не приписывать дурному глазу —
он, дурной, конечно же, не спит,

в темноте оттачивая бритву,
счёты с каждым силится свести,
но не может помешать молитву
Иисусову произнести... —

Так молись же!
Хоть сто раз мишенью
избран для предательских кустов...
И почувствуешь тогда — готов
ко всему: к победе, к пораженью...

1989

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

В нашей булочной очередь за куличами.
Очередь как очередь.
Кто-то всегда норовит пролезть вперёд, кто-то не пускает.
Из непускающих — старуха: боевая, крикливая.
Тому, кто лезет без очереди, припечатывает:
«По морде бы тебе этим куличом!»

А в хвосте мирный разговор:
— Я второй раз стою. Хорошие куличи. Уже один съела.
Маслом намажешь, колбаски сверху — с чаем хорошо.

1978

* * *

На сервелате отточив клыки,
бросаются поэты, как волки,

теряя головы, — на стаю стая.
Дуэлям благородным вопреки...
Дуэлям?! Друг у друга госпайки
чуть не из пищевода выдирая.
«Что делать, — говорят, — такая лайф!»
Хозяева в бронированной ложе,
за ними наблюдая,
ловят кайф —
застывшие регланные вельможи.
И в то же время лезут вон из кожи.
Чем на своих искусников похожи.

Мне эти изоморфные миры
напомнили китайские шары.
Один в другом отточены детально...
Где некая техническая тайна,
пожалуй, любопытна —
до поры...

1980

* * *

Фантастическим образом,
спешкой обуреваем,
не беги за автобусом,
не беги за трамваем.

В лица тыкая литером
побойчее пронырам,
не срывайся за лидером,
не гонись за кумиром.

С фантастическим рвением —
не отстану, хоть тресну —
чешешь в ногу со временем
мимо времени — в бездну.

Но порой разлетаются
от бегущего тучи.
Бег и Бог сочетаются
не в одном лишь созвучье.

Бег, на святость нацеленный,
бег апостольской вести,
чьи посланцы рассеяны
не топтаться на месте.

И кому — чуть медлительный —
вторит звон с колоколен.
Только бег их спасительный
неустанно спокоен.

1979

* * *

Приятель мой,
номенклатурною льготой
отмечен, снимает с довольствия пенки.
Жалеет меня,
каждодневной заботой
пришпиленного, как бабочка к стенке.

О, что мне ещё предстоит — шампиньоны
выращивать, разводить ли ондатру?..
А может, порвав вековые препоны,
отчалить куда-нибудь, хоть на Суматру...
Из этой полуазиатской купели...
Язык — для поэта Отечество. Веский
его аргумент в неуступчивом деле.
Не думаю, чтоб на любой параллели
был нужен мой русский, мой русско-советский.
Прости меня, Господи... Мусора кучу
всю жизнь разгребаю, наверное, слепо...
За то, что, следя мимолётную тучу,
жду милостей от безучастного неба.

1985

* * *

Слова Божья не приемля,
мы как будто вниз живём.
Пережёвывая землю,
утучняем чернозём.

Всё равно — румян и сдобен
или явное гнильё,
плод земли — земле подобен.
Вышел и ушёл в неё.

Вновь завязывать личины,
быть взлелеянным тучней
в новом лоне мочевины,
в слое калиевых солей.

Слова Божьего не зная,
мы — от правды далеки —
просто вертикаль сквозная,
скользкие дождевики,

по которым гнейс сучает...
Сгрызли, разрыхлили чтоб...
Нас не череп отличает
и не позвоночный столб.

Но — телесного покрова
свойство: полностью впитать
Откровенье. Светом Слова
пропитаться: Словом стать.
1977

Из цикла «ЗАПОВЕДИ БОЖИИ»

I

На каждом углу истукан белолицый
мне путь указывает простёртой десницей.

Какой он смешной — пиджачок на отлёте,
в белёсых подтёках и птичьём помёте.

Где, точно не помню, в Казани, в Калуге
по плечи ему разукрасили руки
кровою краской. Однажды проснулись
граждáне в том городе и ужаснулись.

Вернул он, грабастая тенью полмира,
нам заповедь: НЕ СОТВОРИТЕ КУМИРА.

И я её тоже в сомненье бесплодном
забыл бы, заспал бы, заел бутербродом...

Запутался бы, ужасаясь привычно...
Когда бы не женщина-шизофреничка,
отчаянная героиня, в тоске
повесившаяся на истуканьей руке.

1977

II

Много чего можно изъять
предписанием высочайшего декрета:
из алфавита, например, букву «ять»,
фамильное серебро из буфета.
Бумаги из письменного стола,
оклад с иконы. Потирy, колокола...

Но главное — будущего залог, —
проявляя к тому особое рвение,
выбросить из широкого употребления
слово Бог.
А также из художественной литературы,
обслуживающей нужды чопорной клиентуры.

Что ж, поищем для себя пользу и в этом...
Всякое предписание с совестью согласуя,
не станем пренебрегать неслучайным запретом,
не будем произносить имя Господа всуе.

1979

III

Люблю Отчизну я...

Лермонтов

Почитай отца твоего и мать твою,
Чтобы продлились дни твои на земле.

Пятая заповедь. Исход 20,12

Не княжеских кровей, не чистому арийцу,
за что же мне любить тебя, детоубийцу?!

За то, что зачала в безумии и гневѣ?
Потом глотала яд, травила плод во чреве,

по-чёрному пила, на сына злость копила,
чем попадя его, приبلудного, лупила —

и пикнуть не посмей — живой я или мёртвый...
Вон из дому гнала — за что? Да сдался дом твой...

Не хуже мне жилось и в тёмной подворотне,
когда и сам уже в день пропивал по сотне.

В итоге же, катком по мостовой размазав,
асфальтом залила — враз! И без метастазов...

Нет, счёты не свожу, на атомы разъятый...
Но чту, хотел бы чтить, по заповеди пятой...

1986

РУССКИЕ ПОЭТЫ

Ты, мать моя, зеваешь, как радар.
Перебулась из лаптей в штиблеты.
С яичницею спутать Божий дар
нам не впервой. Великие поэты
за пазухой сгорели. Не урок...
Как будто рок лопатой замахнулся
на Третьяковского.
Пушкин вдруг крутнулся...
И не последний, нет, голодный Блок
от общего корыта отшатнулся.

Такого Леля зельем опоила
и приспала. Такого бунтаря
былинного агиткой охмурила...
Сестра моя, пророчица Марина,
нырнула в петлю, мать благодаря...

Кто выстрелил Васильеву в затылок
в тюрьме — Дантес или сопливый мент?
Кто Пастернаку в рот набил опилок?
Кто нам повелевает жрать цемент?!

Ты, матушка... Разлей на посошок.
Пророк в моём отечестве — мешок
на голову, небось, не трепыхнётся...
Голубушка, лубянки не спасут.
И ждёт тебя давно не Стенькин суд,
а суд иной. И всё тогда зачтётся.

Бежать? Куда ж? Неистребимый ток
роднит поэтов, самых соловьиных.
Томится в антрацитовых глубинах
твоих и мой клокочущий глоток.

Люблю тебя? Наверное, люблю,
когда его горячий рокот слышу.
Безумная, ещё ты во хмелю
от крови их.
Люблю и ненавижу.

1972

* * *

С молитвой заснуть и проснуться
с молитвой. И днём прикоснуться
к её откровению не раз.
Конечно же, не напоказ.

Заснуть и проснуться с молитвой...
Как будто бы дверь в монолитной
стене, распирающей грудь,
замкнуть и опять отомкнуть.

1979

ПРОГУЛКА ПО ГОРОДУ

Я не только свидетель распада,
но и завязи новой, иной.
Чтобы дать описание ада,
глубоко опускаться не надо.
Он же рядом, пойдёте со мной.

Вот напротив в ухоженной раме
бороды
молодое лицо —
шевелит голубыми клешнями.
Вот на рыбьем меху пальтецо
не спеша рядом с ним проплывает.
И внезапно и громко зевает.

Вот кассирша сидит, как в карете.
Но её головы головня
гневно тлеет... метнула огня
мрачный ком,
и в руках у меня
молоко закипело в пакете.

Вот знакомый пивной автомат.
Здесь, и правда, так много знакомых.
Все у Босха встречались подряд.
Что вы, что вы... Я тоже там, над
луною, в клубке насекомых...

Но послушаем, что говорит
нам философ, приличный на вид.
О, он, кажется, великоросс!
О, он, кажется, очень подрос...
«Я Россию люблю... но, признаться,
развезло её вдрызг после гроз...
Я бы нынешнюю отнёс
к категории вязких субстанций...»

О, подальше от них, от смутьянов,
от мыслителей-политиканов.
Словом, редкость, чтоб мимо лица
удалось вам пройти, не отпрянув.
Между прочим, у истуканов
ледяная акуля ленца.

И так далее, до без конца...

Но не зря я о завязи новой
перед нашей прогулкой суровой
намекнул. Пробуждается дух!
В полумраке душевных клетух

пробуждается. Верю я свято.
Райских красок ещё маловато,
чтобы мне это выразить вслух.

1978

* * *

Отпущены цены на хлеб
и прочие блага... Окреп
предзимний бестопливный холод.
Маячит обещанный голод.
Отнюдь не похерен совдеп.

И силишься — страх за детей —
держаться далёкой орбиты,
устав от пустых новостей,
особенно сверху, где битвы
всё те же и смена властей.

Воистину вовлечены
в предгрозы гражданской войны,
в заглот немоты арестантской.
И если бы только гражданской.

Когда уж рванёт наш фугас,
развалит все земли и воды.
Об чём разумеют народы,
страшатся которые нас.

Страшилище-родина, ты
хранишь вековые черты
затем, чтобы дети твои же
уверились — присно и днесь:
ты здесь, на земле, и не здесь.
Любовь неизменная — выше.

1993

* * *

О, жгучее тавро
на всём — житейской битвы.
От дома до метро
есть время для молитвы.

Когда не встать никак
с утра перед иконой,
в душе бывает мрак
сильней, чем законный.

Но в случае таком
и вариант возможен.
Не для того ли дом
поодаль расположен —

чтобы в себя успеть
прийти, хоть на мгновенье...
На небо посмотреть.
Спросить благословенья.
1989

* * *

Толковище, тусовка, базар...
От газет невозможно отлипнуть.
Дай-то Бог нам теперь не погибнуть
на пиру на твоём, Балтасар...

Смысл предвестия ясен и наг.
Оголённое слово жестоко.
Но смурное и смутное око
прочитать может эдак и так.

В вечном хаосе,
в суетный миг,

в мельтешне торгашей на панели
правду искренней нонпарели
поверяю я Книгою книг.

1990

ЭПИТАФИЯ НОЧИ

Явилась, как персона грата,
в рванине красного заката
ночь — феерически истлеть.
О, только бы не озвереть
в её обугленных объятых,
в беснующихся очередях,
на митингах, на площадях,
где мечутся сто тысяч братьев.

Возможно преступить везде
достоинство — ступил полшага...
В роскошестве и в нищете...
Припомним близкого ГУЛАГа
наказ: кусочничать не сметь!
Не сметь оставленные миски
вылизывать! Даря огрызки,
таких приманивает смерть.

Мужайся, щедрая душа,
поблизости вселенской дыбы...
Будь счастлива, другим служа...
Чтоб, испытав судеб изгибы,
они тебя найти смогли бы.

1991

ЗОЛОТОЕ РУНО

Романтик в надёжный кумач завернул
часы, оснащённые миной.

Ход грозной истории стрелки сомкнул.
Семнадцатый год заведённо рванул
Чернобылем...
Чёрной лавиной
сошёл на потомков поток лучевой
и грады и веси накрыл с головой.

Зашкаливает изотопное дно —
всё вместе: природа, культура.
На листьях невидимой пыли полно.
В траве, в волосах...
Золотое руно,
сия смертоносная шкура,
растянутая меж ядовитых морей,
зовётся несчастной страной моей.

И будет ли ветром попутным Ясон
когда-нибудь в эти края занесён?..
1988

* * *

Да что там семнадцатый, что там
чудовищный тридцать седьмой!
Пред ядерной близкой зимой,
быть может, пред финишем... вот он:
чреватый неслыханным взлётом
заслуженной кары земной.

Но сходен погибельный час,
мгновенный ли, постепенный...
И смерть да любого из нас
равняется смерти Вселенной.

Час от часу, видно, не легче...
Когда нерестилище бурь

на наши обрушится плечи,
небесная брызнет лазурь...
Все прошлые бури — предтечи.

Да нет же — единый посев!
Одну исповедуют клятву
и, в разное время созрев,
наследуют общую жатву.

Пора испытаний грядёт
извечно — над миром простёртым.
Но, может быть, здесь и вот-вот
такое нас времечко ждёт —
живой позавидует мёртвым.

1989

ПЕРЕД ОКНОМ

Там тяжёлая лапа
ночи — давит в окно.
Здесь — зажжённая лампа.
Здесь не очень темно.

В близком зеркале чёрном
свет знакомый и цвет.
Сдвиг в рисунке нечётком.
Смутен автопортрет.

Тот, чьи впалые очи
зрят оттуда, жесточе,
чем в действительности.
Нет, от зеркала ночи
лучше взгляд отвести.

1991

ШУЛЬЖЕНКО

Шульженко была как отдушина
в смрадное время.

Из разговора

Душа, как пинжак, отутюжена
у титулованных прощелыг.
Им искусство — отдушина,
лирический всхлип и рык.

Бравурным шармом овееяна,
в лопатках страсть затая,
поскрипывает портупеина —
«О, голубка моя...»

Что там «Валенки», «Бублики»!..
Изголодавшейся публике
дозволено впасть в транс —
в наш краснознамённый романс.

Или в реабилитированное танго
(тогда говорили тангó).
Взволнованно капитан 1-го ранга
танцует его.

Та пластинка ещё не заезжена..
Советский бонтон.
Томление голоса нежного,
идейно выдержанного притом.

«Я холодна...» О, оголённость вздоха!
Вы, Клавдия Иванна, — эпоха,
припудренная кирпичом
толчёным и Лебедем-Кумачом.

Как грузовик, нагружена
эмоциями — эпоха-судьба.
Говорите, отдушина?
А может, выхлопная труба?..

1985

ПРАВДА

О, замысел сводит с ума
и просится в стихотворенье!
Не мешкай же, правда сама
разбег ему даст и паренье.

Вдохнёт в рядовые слова
движение смысла и лада.
Она беспрестанно нова —
избитая старая правда.

Понятно, поэт не святой...
И всё-таки в век свой короткий
будь верен ей до запятой,
как истине — мученик кроткий.

1985

* * *

И в малом деле быть, а не казаться —
отступит враг.
Идти сквозь ночь, идти, не огрызаться
на лай собак.

Уже и дети вырастут большие,
и внуки тож...
В свои стихи влюблённый, как в чужие,
не пропадёшь.

1988

* * *

Волна рифмуется с волною.
Накатывает, держит строй.
Как будто рифмою двойною
свободный держится прибой.
Любой размер ему не тесен.
Шипя, ложится на песок
простор овидиевых песен
и пушкинских шипучих строк.

1984

* * *

Очереди на дне котлована,
стынувшие у магазинных углов,
похожи на тучи клопов
в щелях
выброшенного на помойку дивана.
Он в детстве моём давно опочил в огне.
Слеплен был из досок и пружинного хруста.
Ох, неужели и помирать в этой стране,
накушавшейся до отвала приворотного дуста?
Что спасёт нас — обложенных со всех сторон
терриконами шлака?
Долгожданные, со времён Антанты, войска ООН
или Церковь,
выкарабкивающаяся из мрака?..
Поздно на зеркало да и на рожу пенять,
когда уже капитально поехала крыша.
Нет, отечественным законом её не поднять,
который как дышло...

1989

* * *

Великие свершились перемены.
Ход веществу неудержимый дан.

И полиэтиленовый стакан,
и полихлорвиниловые стены,
и даже поролоновый диван
меня вполне устраивают. В гены
уж входит пенополиуретан.

Мир вещества на уровне молекул
раздвинулся. Но и духовный мир
не знал таких вампиров и громил...
Неслыханным завякал и замекал
их языком, шагая в ногу с веком.

Любое нечто не стереть в ничто.
Японцы — даром что не нашей веры —
уже нейтрализуют полимеры,
застрявшие, как в горле кость. Зато
не увеличивается ли решето
ранимой отовсюду атмосферы?..

Зря ломится в пространство духа робот...
Ну, а с вампирами-то как быть,
вцепившимися в свой косматый догмат?..
Ведь их не растолочь, не растопить —
они же в сердце!.. Выход есть: и з б ы т ь.
И здесь уж нам японцы не помогут.

1988

ДОРОГА НОЧЬЮ

Кромешная темень у речки,
где полуразрушенный мост.
Гнилушек болотные свечки,
холодные блики берёз.
Куда меня леший занёс?..
Ещё до растопленной печки
мне топать четырнадцать вёрст

по глине раскисшей, по лужам...
Я их обхожу кое-как...
В любой бочажок, буерак
насыпало небо жемчужин —
мой путеводительный знак.
1988

ДЕТСКИЕ ИГРЫ

ЗАВТРА НАЧИНАЕТСЯ СЕЙЧАС.
Детям эта истина знакома.
Их не зря воспитывают дома
без иллюзий и трескучих фраз,
но, однако же, не без прикрас...

За которыми их мать следит...
Если сморит сон, вполглаза спит.
Если бодрствует — тысячеоко.
Мудрый Аргус за спиной стоит,
помогает ей — по воле рока.

За оврагом — элевсинский луг.
Дачная дощатая обитель.
Кто в кустах натягивает лук —
купидон ли, ангел ли хранитель?

Миф, бытуя с правдой пополам,
прорастёт, как вишенная крона,
в небеса — аукаясь стозвонно...
Царственно идёт по облакам
добрый пастырь в тоге Аполлона.

Для детей ещё не пробил час
отделить реальность от прикрас,
тьму загадочную от света...
Повторяет мать в который раз —

ЗАВТРА НАЧИНАЕТСЯ СЕЙЧАС...

Как и царство доброе, не где-то
за морями синими, а — в нас.

1989

СЕМЬЯ

Шаг за шагом продвигаются по дну,
крепко за руки держась, аборигены,
населяющие донную страну,
чья история темна, как кровь из вены.

Малых сих солоноватая купель
с головою поглощает от рожденья.
Но имеет преимущество: отсель
есть единственный лишь выход — восхождение.

С Божьей помощью одолевают склон...
Вне сомнения, в виду границы дальней
стал синее и сиреневее он.
А вначале был чернильно-инфернальный.

Мать, отец и двое девочек — семья.
Осторожно — по завещанному следу,
шаг за шагом — за пределы, за края.
Миллиметр за миллиметром ближе к свету...

1990

* * *

Успокойся, родная! Разве ты свой талант закопала,
если этих малюток, что заживо погребены,
ты откапываешь, не разгибая спины?..
Ногти пусть на красивых руках обломала...
Раньше робкий талант своевольничал,
тлел вполнакала,
а теперь он созрел, в гору вкатывая валуны.

Ты своё воплотишь. Благодатные замыслы бродят
от рожденья в тебе и с годами не лягут на дно.
Ты как должно себя сохранишь всё равно.
Ты уже обрела, что другие вовек не находят.
Ведь когда уповаешь на чудо, оно происходит,
не бездействуешь если —
приходит, приходит оно.
1989

Из цикла «МАТЬ И СЫН»

I. МАМА У ТЕЛЕВИЗОРА

Носом клюёт, вздрагивает спросонок.
Беспомощный детский профиль: уснувший ребёнок.
Безвольное тельце в углу допотопного,
переплывшего Лету дивана.
А из экрана —
пафос двадцатых годов, грохот тридцатых!
Домны, знамёна, колонны красных курсантов,
щетина штыков, всеобуч, субботники, стройки...
Тупорылый, самый большой по тем временам
самолёт «Максим Горький»,
который, кстати, тогда же и грохнулся над Москвою
вместе с рабочими знатными и детьми. Слава герою!
Слава папанинцам!
Мама, очнувшись —
храм, не Христа ли Спасителя, дружно взрывают?..
«Там моя юность, — говорит она с горечью, —
ты этого не понимаешь...»
И опять засыпает.
1985

II

Не возлежала с бульварным бестселлером, думками
окружена...
По дороге, бескрайне разлившейся,
мама покорно тащилась с авоськами, с сумками...

С сумкой очередной симбиозно сроднившаяся.
Стало быть, нечего праздно болтаться руке...
Вдруг да чего-то, да где-то, в каком-то ларьке
выбросят к празднику... Мимо счастливого случая
как же без сумки!..
Не помню её налегке.
Так и подтруниваю до сих пор: Homo sapiens сумчатая...
Впрочем, сражён рикошетом своей же насмешкою.
Лямка всё та же вгрызается в спину поникшую...
Стал, может, с возрастом смахивать больше на рикшу я,
ибо давно породнился с колёсной тележкой,
руку мою увеличившею и продлившею.
Техника жизнь облегчает, особенно дачную...
Той же дорогой размытой, местами дорога чуть видная,
тяжко влачится в действительность менее мрачную
следом за сумчатым
парно-тележно-копытное.

1987

СМЕНА ФАМИЛИЙ

Махнули железной метлой,
копнули могильной лопатой,
культурный разрушили слой,
насыпав повыше, горой
слой глинистый, комковатый.

Обрубки корней или злак,
который комком придавило,
глубокий извели мрак...
Но нечего сетовать — так,
видать, Провидению было
удовно... Горланить горазд,
лёг сверху, подмяв без усилий
все прочие — низменный пласт.
Не выдумает и фантаст
таких троглодитских фамилий,

себя оправдавших не раз.
Начальник стройтреста Каюк.
Майор опергруппы Огузков.
Поскрёбышев, Хват, Кровопусков,
Тупицын, Балдин, Саранюк.

О, Господи! Несть им числа...
И вот из гнилого угла
на выгодный пост свой, на выпас
ещё один Выползов выполз.

1989

* * *

Прилавки пусты, и понуры витрины,
и очереди от зари до зари —
обуглены страхом голодной години.
Пора, в самом деле, сушить сухари.

Уже и чесночина не по карману
целительная... На вопросы «как жить?»
прикидываю...
Кровоточащую рану
отчаяньем только бы не ворошить.

Взвинтилась цена отработанной сцены.
Разваливается бутафорный уклад,
под коим сияют устои нетленны.
На пиршестве Духа — доступные цены.
И каждый, кто к ним приобщился, — богат.

Не просто продутые ветром кувшины
скудельные — стон живота своего...
Не только земными законами живы:
законами вечности — прежде всего.

И быть по сему. Перед зевом зевоты
той очереди — от зари до зари.
У каждого дня — не забудем! — заботы
свои. На сегодня — сушить сухари.
1989

СЛУШАЯ РУССКИЙ РОМАНС

К вечеру всё спится...
Фет

Сейчас всё другое, другое...
О, вам не могло, господа,
причудиться даже такое...
В бесхитростном сердце — благое
намерение — без боя —
уводит известно куда.

Из заводов прекраснодушных,
из меланхолических снов
невнятного зову послушных
отчества верных сынов.

Гулялось российскому лиху
вольготно — тоска, брат, тоска!..
В гитарную неразбериху
цыганская въелась лузга.

При вас никому пентаграмма
лба не заклеимила ещё.
И образ грядущего хама
был только угадан общо
в возвышенных интересах,
сгоревших на первом огне.
Сейчас всё другое...
И в «Бесах»
наш жребий начертан вчерне.
1988

ТРИПТИХ

I. СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

С нас — пристальная, багровая
луна не сводила глаз.
Скорость была бедовая:
километров сто двадцать в час.

Ночью да по нашим дорогам
рискованно, как-никак.
Всякая гонка боком
выходит. Российский тракт
с тех самых времён радищевских
тянется по сей день
меж вздыбленных, циклопических
потёмкинских деревень.

Машину чуя, как зверя
родного — вскормлена с рук,
ни в Бога, ни в чёрта не веря,
на газ нажимал мой друг.

Рассказывал, веселился —
побалагурить не прочь —
про то, что счастливо женился,
про то, что в рубашке родился,
про отличницу-дочь.
Я слушал его и — молился.
Непрестанно молился,
помню, в ту ночь.

И вот у самого дома,
где каждая кочка знакома,
шагом уже едем, всё —
приехали... Переднее колесо

без шума — без грома
откатывается...

Мирно, как колобок...
Осторожно на правый бок
заваливается,
как в замедленной съёмке
машина... Видно, соломки
кто-то здесь постелил...

Вечером друг разлил
за здоровье по стаканам.
— Итак, значит, жить пока нам!
Я ж тебе говорил,
я человек везучий...

Он искренне благодарил
Его Величество Случай.
А я —
Того, Кому молитву творил.

II. ОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ

(Рассказ благочестивого человека)

Какая, прости меня, к лешему, тайна!
В автобусе, как говорится, случайно

они познакомились. Спелись, сошлись.
На Север за длинным рублём подались.

А там не попляшешь: туманы да выюга...
Поцапались и потеряли друг друга
без всяких разводных судов и затей.
И то хорошо, не имели детей.

Что ищут несчастные, то и находят.
Их случай случает и случай разводит,

который прекраснее жертвенных уз.
Какой, прости Господи, брачный союз!

Откуда — опора, откуда — терпенье
без благословенья?!
Без благословенья!..

III. НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

(Времён Гражданской войны)

В Святыню метил, а в себя попал.
Бывают же, однако, совпадения...
Приспичило солдатику... Искал
недолго он мужское заведение.
И, думая, что оное нашёл,
в разрушенную церковку зашёл.
Что надо сделал и — пальнул по фрескам.
Победа бушевала в сердце дерзком.
А пуля, купол очертивши, в лоб
ему вонзилась. Поразмыслил чтоб
солдатик бедный, на другом уж свете,
зачем бывают совпадения эти.

1988

ПАССАЖИР

(Картинка в духе Зощенко)

Что нужно пассажиру?
Его со всех сторон
сжимает, как пружину
разгневанный вагон.

— Ишь, отрастил бородку!
— Тебе бы, друг, пешком...

— Куда ж ты прёшь в серёдку
с телегой, с рюкзаком?!!

Что пассажиру нужно?
А ничего не нужно.
Всё хорошо и так.
Он снимет добродушно
с плеч каменный рюкзак.

Под лавкою пристроит —
«Чуток подвиньтесь, please...»
И «Огонёк» откроет.
И выключится из

вагонного оркестра...
Антракт. Конфликтов нет.
А есть под солнцем место
и проездной билет.

И всяк из нас — повинный,
познавший лиха фунт.
И за окном — былинный,
застроенный, пустынный, —
безбрежный наш ЛАГПУНКТ.

1989

* * *

*«Пограничник» — человек, находящийся
на грани умопомешательства.*

Из наблюдений психиатра

Наша история славная впишется в пару страничек:
народ-богоносец,
народ-богоборец,
народ-пограничник.

1989

ИВАНУ БУНИНУ

Да и сам народ будет впоследствии валить всё на другого —
на соседа и на еврея: «Что ж я? Что Илья, то и я. Это нас
жиды на всё это дело подбили».

Бунин. «Окаянные дни»

Выстроились окаянные дни
сплошь в окаянные годы.
Мы ли не выкормыши искони
этой свирепой свободы!

Смрадом которой и вас обожгло...
Грибообразною тенью
облако вспухло... А в гены вошло
в нашем уже поколенье.

Можем ли мы, в коммунальных углах
скопом взращённые, сбродом,
без колебаний отринувши страх
Божий, — считаться народом?..

Нет, но останется горстка, щепоть
верных над огненным краем...
Что сохранил от России Господь,
мы лишь тогда и узнаем.

1988

ПОЭТ — СОЛДАТАМ

(В годы оккупации Афганистана)

Духовная прародина славян,
о, Индия, твой холодок арийский
нам ударяет в грудь, как в барабан.
Что Балтика! Что Тихий океан
и море Чёрное! Даёшь Индийский!

В Афганистане пуля горячей,
чем, скажем, в Польше, и — не любят пленных...
Но — мать Индия! Как басмачей,
мы переучим этих правоверных,
подстерегающих за каждым пнём...

Душите их табуном и огнём.
Не оставляйте чистого источника
ни одного...
А следом мы придем
их классику переводить с подстрочника.
1985

ХВАЛА ЕЖЕДНЕВНИКУ

О, мой вместительный грессбух
и срочных дел приказчик.
За год служения разбух,
стал как помойный ящик.

Фамилий, записей каскад,
всегда доступных глазу.
Что было два-три дня назад,
увы, не вспомнишь сразу.

Ну, не загадка ли — зачем
звонить какой-то Задов
мне должен?... Чей-то адрес... Член
чего Расул Гамзатов?!

Страница так испещрена,
так тяжела, наверно,
что, в воду брошена, она
пойдёт ко дну мгновенно.

Жизнь складывается из всего
мелькающего. Мчатся

земные будни. Без него
сквозь дебри не продаться.

Сквозь неизбывный вечный хлам,
кичащийся значеньем.
Где красным выделено — ХРАМ —
под каждым воскресеньем.

1987

МАЛЕНЬКИЕ РАДОСТИ

Удачливая примета:
с утра сэкономлен пятак.
Зелёный зрачок турникета
в метро пропустил за так.

Защита, а не коварство.
К тому ж из числа утех.
Ощеренную пасть государства
перехитрить не грех.

Брякает, звякает трезво
автомат, нацеленный в мир.
Требует кесарь кесарево —
свой законный статир.

Но осечку даёт пружина
и подбадривает озорно
до нитки уже давно
обобранного пассажира.

1986

* * *

Вольнолюбивых иностранцев
толпа — под сводами метро.

Беспечно, весело, пестро
идут себе, как будто с танцев.

Цветами радуги вагон,
усыпанный, благоухает.
Поодаль и вблизи порхает
духов нежнейших махаон.

И в этом цветнике — семья
притихшая, из наших граждан.
Не обозначаешь, на каждом
печать иного бытия.

Сей очевидный антипод,
отпавший от семьи народов,
невольнo отразивший гнёт
помпезных мозаичных сводов, —
на свалке атомных отходов,
в геенне огненной растёт.

1992

* * *

День короток... Чуть ли не треть
расходуется на дорогу...
В которой на лица смотреть
бывает опасно, ей Богу.

Читают, стоят или спят,
кантуясь со смены на смену.
О лица тяжёлые взгляд
сотрётся, как ластик об стену.

Китайская эта стена —
несчастливая горькая кладка.
Насмотришься за день... Она,
всосав, растворит без остатка.

Стесались, сломались, сплелись
мы все — из единого ж теста...

Глаза опусти и молись —
о близких. Здесь самое место.

1989

ПРИМЕТА ВРЕМЕНИ

Могильщик честно послужить готов.
Сложил умело толстый сноп цветов,
прицелился, не разгибая спину,
и заступом отсёк наполовину.
И запихнул в рассыпшуюся глину
коротыши,
примяв её с боков.
«Целее будут», — молвил простодушно.
И принял налитый стакан послушно.

1986

* * *

Тщеславных мыслей вдалеке
живу... Ничто не отравляет...
Хотя их яд в крови гуляет
и сказывается в языке.

В сентябрьском лесу глухом
земная благодать разлита.
Нейтрализую яд глотком
горчайшей осени. Стихом
живительным царя Давида.
И молоком, и молоком.

1973

МЕЧТЫ НАСЕКОМОГО

Ишачит муравей.
Бывает, чуть не плачет
на каторге своей...
Своей — вот и ишачит.

Корягу тащит в дом,
еловую иголку.
Колотит молотком,
уж, верно, не без толку.

Достал фанеры воз,
и тёс, и утеплитель.
Он навсегда тверёз.
Он — мудрый земножитель.

Не в пенных облаках —
пылит промеж обочин.
Весь — по уши — в долгах,
чем крайне озабочен.

В себе, закончив дом,
мечтает разобратся.
Рассчитывает в нём
очнуться, отдышаться.

В иную ипостась
переродиться тотчас...
И долго-долго всласть
читать, сосредоточась.

1991

САДОВОДЧЕСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО «ДРУЖБА»

Рядом со мною справа
живёт полковник госбезопасности,
большой поддавала.
По воскресеньям у него дым коромыслом,
магнитофон, гости в семейных трусах
разгуливают по участку.

Рядом со мною слева
тоже полковник,
тоже гебешник,
эксперт по снабжению. Лекарствами
снабжает кремлёвку и спецбольницы.
Мордатый, весёлый, отхаркивается громко —
так, что стекло дребезжит у меня на терраске.
Сзади, по диагонали, — поселился
искусствовед в штатском.
Милые бедные Вайнеры
отчалили в свои палестины,
продали спешно свою халупу.
Искусствовед
тут же выстроил замок.

Как это я угодил в такую малину?..
Чего удивляться? Одноклеточные размножаются быстро.
Здесь их не было раньше.
Раньше на этой земле копошились
учителя Сокольнического района.
Все они давно на том свете...

Им-то я и посвящаю
грустное стихотворение в прозе,
рифма его не в силах облагодзвучить...

1989

ПОСЁЛОК ДАЧНОГО ТИПА, или ОТДЕЛОЧНЫЕ РАБОТЫ В СОПРОВОЖДЕНИИ МОЦАРТА

Чем я беднее короля Гишпанского,
к примеру... или принца Орлеанского?..
Построил замок, развожу цветы.
Кипит рябина, как бокал шампанского.
Шипуче в ней орудуют дрозды.

Такая лакомая да обильная —
к морозам, обещают, затяжным.
Дрозды вспорхнут. И тишина могильная
обстанет дачи саваном сквозным.

Под голыми обглоданными кронами
прикрытую строекми картонными,
поверженную нищете видать.
Известно, никакими миллионами
здесь, на земле, её не залатать.

Освоивший науку конопатчика,
хитрейшую из прикладных наук,
не выпускаю молотка из рук.
И то зубодробительно, то вкрадчиво
тук-тук, стучу по брёвнышку, тук-тук.

И да простит мне Моцарт очарованный,
чей ясный дух не ропщет, а парит,
что, к стуку окаянному прикованный,
я слушаю его, не избалованный
подлунною свободой...
Да простит...

1989

* * *

Выстрелит жёлудь по крыше и — тишина...
Это не ветер, а белка проворная на
ветку тугую скользнула, в нацеленном месте
мастерский штрих положившая охрой по жести.

Как в блиндаже, отсидеться от внешних помех
здесь хорошо. Досаждают мне более всех
грохот столичный... Куда тонкокожему скрыться:
в тартарары, в эмпирей? Или в листья зарыться?..

Над почерневшей водою собор золотой
ясно очерченной осени... Вечный покой
не совпадает с молитвой, с полётом бескрылым —
с вечно тревожным и суетным внутренним миром.

Где бы ни встал — всё равно в эпицентре войны.
В сердце, заботой задавленном, нет тишины...
Нет тишины... Ну а если и есть где-то рядом,
кажется, будто в воронке, разрытой снарядам.

1988

* * *

Всё будущее в нас.
Все взлёты и паденья
зависят от «сейчас»,
от данного мгновенья,

которое несёт
в зачаточных глубинах,
как первоатом — свод
миров необозримых.

С чем справиться не смог,
что бросил на дороге —

всё отзовется в срок,
аукнется в итоге.

Высокий свод любви
в роду не пошатнется,
быть может... Блуд в крови
когда на мне прервется.

1987

* * *

Близость во всём, до границы греха.
Алчность толчется, как в ступе труха.
Алчность огня в угасающем теле.
Лунная темень томленьем лиха.
Высоковольтные сны на пределе.
Близость во всём, до границы греха.
Тучная будничная чепуха
бдит, заполняя отхожие ниши.
Нет заповеданной общности ближе
верности этой, ниспосланной свыше:
близость во всём, до границы греха.

1992

* * *

Признаться стыдно, но не скрою...
Найдёт затмение порою.
И уж, наверно, неспроста:
представить чудеса Христа
буквально — духу не хватает...
Вот Он по озеру ступает...
Вот гомон свадебного пира...
Вот буря... Вот слепец вдали...
Вот девочка — дочь Иаира,
уже свирельщики пришли...

Вот Лазарь в пеленах, смердящий...
И, наконец, воскресший, Сам...
Перед Фомой...
И здесь стоящий,
невидимый моим глазам...

1978

* * *

Отойди от меня, сатана!
Не растравливай воображение.
Дух мой немощен, плоть же сильна,
обречённая на разрушение.

Нет, ещё я не падаю с ног.
Балагурю. Под сердцем, однако,
стынет завязь вселенского мрака —
утончённый мрачок.
Что угодно — хоть руку в огне
попалю... Прочь, вселенская стужа!..
Эта женщина послана мне
как сестра, не познавшая мужа.

Теплохладным посмешищем быть
не хочу — подобию-поздорову.
Суждено мне её полюбить,
как невесту Христову.

1987

* * *

Снова день пролетит стороной,
опалённый взрывною волной
в сердце вложенного динамита.
Утро пожрано суетой.
Скомкана, как салфетка, молитва.

Коренные причины — во мне.
Обстоятельства второстепенны.
Не ищу я защиты вовне.
Рукотворные рушатся стены.

Человек беспредельно разъят.
Мы друг друга, как клочья тумана,
пронизаем, летя на закат.

Есть Кого мне просить непрестанно —
дабы собранным быть, как Сократ,
посреди бивуачного стана.

1985

* * *

Изрыта душа, изранена
ужасом. Нужен наркоз.
Ласточек Северянина
хочется — игривых поэз, поз.

После труда дебильного,
громко зовущего вдаль...
Хочется водевильного,
лёгкого, как вуаль,
отдыха... А всему спорному —

кукиш, товарищи господа.
Хочется в любую сторону
отвлечься — безразлично куда.

Дальтони́ком быть... Мимо чёрного
экрана — в пустой нырнуть.
Хочется отвлечённого
блеска. Нассать на суть.

Очухавшемуся после транса —
всё сладкое, что ни съешь.
В объятья колдовского романа,
в грёзы, в сплошную плешь

тянет... И эта игрушка
пленительна, и та — хороша.
Тычется, алчет хочушка —
лепечущая душа.

И нет преграды для смертного
Ното sapiens'a: нон-стоп.
В преддверии эфемерного,
нейтрального...
А там хоть потоп.

1989

ХУДОЖНИЦА-ИКОНОПИСЕЦ

Суть таланта невинна,
пишет, цельность храня,
Божий лик Магдалина
нераскаянная.

Курит, кофе глотает.
Телевизор цветной
никому не мешает,
мельтеша за спиной.

Натуральные краски —
дым, любовник-креол.
Ночью львиные ласки.
Днём палитра и стол.

Непонятно, летает
где вольнее душа?

Магдалина не знает...
молода, хороша.

Мастерская и спальня
вместе — смятый альков.
Что она гениальна,
это без дураков.

Мастерством первоклассным
и чутьём — не соврёт...
Ох, умно хищным глазом
видит, тонко ведёт

плавность линии... дышит
лик предвечный Его.
Благовещение пишет.
Судный день. Рождество.

Воплощённый на торге,
славно ценится дар.
Иностранцы в восторге.
Да и наш антиквар.

Список с оригинала
чист — хоть вешай на грудь.
Отличаются мало.
Да и в этом ли суть...

1990

* * *

Безвестный художник, почивший давно,
писал на картоне, на досточках, но
этюды, не боле...
Сквозь листья летящие рваный закат.
И неба сиротского выцветший плат.
И мокрое поле.

Отпавшей от вечности жизни не жаль.
Процежена взглядом свинцовая даль.
Холмы да овраги.
Какую писал он, сказать не берусь, —
татарскую или советскую — Русь
на грубой бумаге.

Художника хмурый пейзаж пережил.
Непризнанный мастер, он музе служил
своей неразменной.
Я раму — где ж взять её! — не подобрал.
Я плинтусной рейкой окантовал
осколок Вселенной.

Ни даты, ни имени на листе.
Великое видевший в простоте,
в руинах — святыню,
в пустыне своей он сказал о моём.
Сегодня мою освещая огнём
закатным — пустыню.

1991

ТЕЛЕВИЗОР В ХОЛЛЕ ПСИХБОЛЬНИЦЫ

Передачу вели из верхних слоёв океана,
со дна какого-то цирка — центра политической арены...
Ощупывали меня, пронизывали с телеэкрана
холодные глаза мурены,
которая уютно расположилась в коралловом рифе
и вешала на уши лапшу про демократические перемены,
чего-то там накручивая и завинчивая в очередном мифе...
Поди знай, что у неё на уме, у мурены.
Впрочем, мне далеко до неё, обитателю донной жизни.
В расплюсненном двухмерном пространстве
психиатрической больницы

свободно передвигаются товарищи мои — шизы,
невольные самоубийцы.
Выключи звук, товарищ. Воду лишь замутило
чудище теплохладное. Пусть себе рот раскрывает.
Что загрустил, задумался? Маничка накатила?
Боишься, выскочит и укусит? Это бывает...

1986

* * *

Похлеще «Архипелага»
вещает газетный петит.
Уже не выносит бумага,
в столбцах раскалённых горит.

Завис в устрашении славном —
мол, славная нынче страда —
меч
над уголовником главным.
Но мы ещё стадом бесправным
присутствуем в зале суда.

Спохватится: «Батюшки светы!» —
раз сто моя мама на дню.
О, я сохраню, сохраню
набухшие кровью газеты,

набитые горем кули —
дабы пионеры, ничтоже
сумняшеся, не замели
их в макулатуру, когда —
на этой земле — не дай Боже! —
наступит иная страда.

1989

ПОХОРОНЫ ДРУГА

Запрокинутое лицо лежащего на столе человека,
задумавшегося о чём-то, чего нам знать не дано.
Вглядываюсь в него, как в окно,
я, чающий воскрешения и жизни будущего века.

«Что видишь, друг?» — Жуковский тихо спросил
отмучившегося Пушкина, в погибельный мрак не веря.
Не страшно с близким, которого любишь, а не «любил».
Который уходит только на время.

Любовь изгоняет страх и будто смягчает смерть,
не прекращая вести с ней поединок давний...
Через любимые лица не страшно туда смотреть,
откуда чуть брезжит свет, как через закрытые ставни.

1988

ОКНО

Св. Франциску

Природа — икона живая в невидимом храме,
лишённая приторной патины и старины.
В ковчеге оконном, в добротной сработанной раме,
немая берёза и мамыны грядки видны.

Как спичка зажжённая, белка метнётся по срубу —
надёргает пакли и жёлудь спрячет в пазы.
Пронизан лучами, под стать молчаливому дубу,
стоит над лачугами ангел Златые волосы.

Когда заневестится утро и зашебуршится,
затенькает пеночка, вдумчивой ноте верна,
я тоже — из этой же стаи — встаю помолиться
пред вечностью, явленной здесь, в крестовине окна.

Какого ещё нам всесильного иконоборца
под занавес ждать — учредителя чёрной дыры!
Движеньем бровей демиурга — «высокого горца»
народы и горы обрушивались в тартарары.

Живая икона трепещет от нашего шага.
Уж пепел отравленный ауру нимба разъел.
И нет, неспроста на заплаканных окнах ГУЛАГа,
сжимая пространство, железный намордник висел.

1989

В ЗАЩИТУ ПОСЛЕДНЕЙ ФОТОГРАФИИ О. АЛЕКСАНДРА МЕНЯ, ПОМЕЩЁННОЙ НА ГАЗЕТНОЙ СТРАНИЦЕ

Его кончина, тиражируемая незаконно,
наверное, прибыльна для газетчиков-прощелыг.
Схваченная объективом в тот миг,
когда душа покидала разъятое лоно.
Опираясь, отталкиваясь от гудрона,
он и в беспомощности велик.
И это не фотография, это — икона.
Не лицо, иссечённое кровью, а — лик.

Из будущих клейм его жития
это последнее. Пришита статья
к фотографии — любопытствуют люди.
Снятая с самого острия
времени — голова Предтечи на блюде
четырёхполосного пёстрого бытия.

Конечно, газету по-разному можно употребить.
Бывало, что в простоте безыскусной
и почерневшей Троицей — далеко не ходить —
накрывали бочку с капустой.

1995

ДВА ЛИЦА

I

Улыбка отца Александра —
на землю прорвавшийся свет —
свидетельствует — осанна! —
что смерти у святости нет.

Слова, возвестившие много:
«Нам нету пути унывать».
Улыбка — наследие Бога,
Его именная печать.

Лишь приостановится в беге
дыхание. Праха щепоть...
Мы — любящие навеки.
Нас ждёт обновлённая плоть

в мгновенном посмертии, завтра.
Любых подтверждений верней —
улыбка отца Александра
и старенькой мамы моей.

II

Открываю глаза, будто кто окликает меня.
Это лица, до боли родные, в преддверии дня
неизвестно какого — любого! — любимые лица.
В безымянное утро отраднейший единственный знак,
призывающий бодрствовать и молиться.
Та последняя ясность, которой пугается мрак.

1993

* * *

Веет май теплом надышанным.
Холодит босые пятки.

Устиляет цветом вишенным
свежевскопанные грядки.

Уж настраивают заново
соловьи свои свирели.
За окном клубится зарево
дымно-розовой сирени.

Праздный кот, детьми заласканный,
дрыхнет, прядает ушами.
У него житуха райская —
полное вась-вась с мышами.

Мне бы тоже так зажмуриться...
Вдруг увижу ненароком,
как петух с лисой амурится
и резвится волк с ягнёнком.

Но на место явь российская
ставит всё: покой в светёлке,
мир на расстояние выстрела.
И лицо, до боли близкое,
рядом с ликами на полке.
1996

* * *

Щедрый всегда богат,
как бы он ни был беден.
У него под рукою клад
несметный... Кажется, сбрендил
этот нищий... Чего
помогать суётся?
А он «как-нибудь, ничего,
переждём»... И всегда смеётся.

Откуда? Да с потолка!
С неба — когда не скаред.

Пусть не знает рука
правая, что левая дарит.

Найдётся и в год лихой,
что выставить на скатёрку.
Хлеба кусок любой
поделить, даже корку
можно... Или там листок
фиговый — насмешку природы.
Можно даже поделить глоток
неразменной свободы.
1995

ЭКСКУРСИЯ В АМЕРИКУ

Братья-кролики, холерики
или, может быть, сангвиники,
меланхолики-флегматики, —
в чужеземной стороне
мы живём, как именинники,
ходим-бродим, как лунатики.
Нам, татарам, что в Америке
побывать, что на Луне.
В «Мерседесе» мчусь, разинувши
рот, точнее сказать — раззявивши.
На блистающее детище
зодчества таращу зрак.
Чудо-юдо магазинище.
Всюду блещут кнопки-клавиши;
не угодно ль скинуть вретище,
поместить себя во фрак?

Это можно, мы не гордые.
Одарять гостей — традиция
рыцарская. Полагается
не препятствовать при том.

Ни одной не видел морды я:
офис, мэрия, полиция —
все друг другу улыбаются.
Это ж форменный дурдом.

Что у них своя история,
это точно. Не империя,
вроде нашего террария..
Будь он... Враг наколдовал.
Give a smile — сплошная gloria.
Беспробудная феерия.
Целый месяц как в театре я,
как в партере пребывал.

В чём-то, может, без понятия
мы — на уровне наития.
Нити славного наследия.
Слаб, конечно, человек,
особливо наша братия,
улетающая в подпитии —
из какого там столетия? —
в наш четырнадцатый век.
1993

* * *

Муза капризна. Накручивает хитросплетения
ночью и днём.
Женские штучки. Пошли мне, Господь, вдохновения
в доме моём.

В городе, что упакован до плотности коллапса,
в чёрной дыре
дай вознести, не стеснив вдохновенного голоса,
душу горé.

В скинии дома родного. Над уличной драмою
новых владык.
Рядом с детьми и женою и старенькой мамою.
В обществе книг.

С вами хотел бы остаток отслаивать, милые,
дней и трудов.
Широкошумные отдохновения минули
дальних дубров.

1993

* * *

Уже и мне свидание назначил
апостол Пётр, а не кудрявый Феб.
Он спросит о делах земных. «Батрачил, —
ответчу, — зарабатывал на хлеб.

На стороне, модерно ли, посконно
болотный обустривая рай.
Моих хозяев целая колонна
пылит внизу, пестра, как Первомай.

Я с ними вдосталь отшагал по кругу.
Душою сломлен и с клеймом во лбу».
И скажет Пётр: «Не вменяйся в заслугу
круги мытарств строптивому рабу».

1994

* * *

Ничто не радует... Ни сад
цветущий, ни ночных рулад
прибой, бушующий без меры.
Ни бездны звёзд... Ни влажный взгляд
роскошно блещущей Венеры...
Ничто, чем сказочно богат
был в это время год назад.

Как объяснить разлад бездарный
души? Какою из помех?
Необъяснимо давит грех
уныния неблагодарный.

Вдруг удивишься — свет не мил!
Который сам же и затмил
пристрастьем: в кипени цветенья
искать сладчайший запах тленья.

1996

* * *

Каждый день просыпаюсь в тревоге
непонятной... Рассвет за окном
громоздит ледяные чертоги...
Эдак запросто можно в дурдом

загремять... Не пойму... Кабы запил
крепко или нашкодил зело...
А быть может, всё проще — прошляпил
дело жизни! И время — ушло.

Дело жизни — проехало мимо!!!
Нет, не мимо, родные, не так.
Это любящий Бог ощутимо
посылает мне горестный знак,

что ещё я участвую в битве
за спасение каждого дня.
Это Он призывает к молитве,
к неотступной молитве меня.

1993

* * *

Толстую кожу нужно иметь в наши дни или веру,
чтоб сохранить равновесие и на горбу

собственном вынести всё, что в гробу
видели рукоплещущие разъярённому БТРу.

Но в этом ассиметричнейшем из миров
равновесие удерживается на диво
гам, где не действует альтернатива.
Чем крепче вера, тем тоньше кожный покров.

1993

* * *

Ура! Нашёл очешник!
Что потерял, нашёл,
дощатый мой скворечник
руладой оглашён.

Очки — подарок Шерри,
заокеанский приз.
От каверзной потери
я безнадёжно скис.

Но этот миг отрадный
прославить я готов
поэмой, и балладой,
и арией — без слов.

А ты — что жемчуг мечешь,
синичка, над ручьём?
О чём поёшь-щебечешь?
О чём? О чём? О чём?

В чащобе краснотала,
где гнёздышко свила,
что ты-то потеряла?
Что, потеряв, нашла?

1996

ПОПЫТКА ПСИХОАНАЛИЗА

Нельзя мне пить — ни грамма, ни полграмма,
ни четверть грамма... Если не умру,
то душераздирающая драма
предстанет в полном действии к утру.

Оттачивает бритву подсознание,
вспороть намеренное потроха
причастнику камлания, козлодранья,
а может быть, и свального греха.

Страшнее казни нет — проснуться трезвым
в такую пору...
Совестью не чист,
кого-нибудь наверняка зарезал,
ох, под осенний и весенний свист.

Но есть надежда...
В тяжести остывшей,
которую я выволок на свет,
уж не сокрыт ли благодатный след:
не передал ли мне иммунитет
какой-то прашур мой, смертельно пивший?..

1996

* * *

Почётно управлять
собой, как государством.
Отрадно плоть смирать
свою, когда уж стар стал.

Отлично зная брод,
не лезть напропалую.
И заповедей свод,
включая ту, седьмую,

сподручнее нести
над пропастью бездонной
после пятидесяти...
Ум что ли охлаждённый
от сердца отключён?..
Перегорает в бодрость
страсть... Воля ни при чём.
Диктует выбор — возраст.

Мне, чтобы не упасть
в самоуправстве сладком,
Господь являет власть
естественным порядком.
1995

* * *

И в лихие, и в славные лета —
одинокая доля поэта.
И тем более личное дело
нынче — во времена беспредела.
Ибо слово, а не оболочку
ищет он — и всегда в одиночку,
прошагавши от Темзы до Ганга,
как лягавая ищет подранка,
на болото упавшего выше.
Ищет смутно, азартно, бесстыже,
нападая на след... А находит —
чуть с ума от восторга не сходит.
Снова в тень оттеснённый жлобами,
словом найденным жизнь подытожит.
И, держа его между зубами,
на алтарь осторожно положит.
Кто ж ему в этом деле поможет?..

БЛАГОДАРЕНИЕ ПОЛЬШЕ

I

Эльжбете Янус

Одна палитра, кисть одна и та же.
Заметный дух фламандского пейзажа
устойчив. Стати обнаживший лес,
дубы седые, каждый в три обхвата.
А под ногами серебра и злата
пласты, неисчислимы на вес.

Многоячейных трещин паутина
старинная связала воедино
чуть пошатнувшийся небесный свод.
И он уж никуда не упадёт.

В безветрие текут, текут рекой
оттуда листья... вспенивая тонко
в полёте воздух светлый и сухой.
У нас в России осени такой
безбрежно-тёплой, чтобы долго-долго
ласкала душу, — не бывает, нет.
У нас, под стать красавицам отпетым,
стремительным и буйным бабьим летом
отдаст себя: семь бед — один ответ.
Что ж, тем и хороша... Я многоточью
о ней воспоминания предам...
Зайду, не поленюсь, в открытый храм.
Для каждого открытый — днём и ночью.

II

Реликтовый лес поживает во сне золотом.
Счастливые двое
бредут по дороге, заваленной пенным листом,
как в пенном прибое.

Союз этой рифмы блуждающей непогрешим
и по сердцу музам.
Разлапые листья каштана подобны большим
лежащим медузам.

Хотя бы в начале — скитания уберегут
счастливых от горя.
Они же по щиколку только, по краю бредут
житейского моря.

И это всё их: и дорога, и луг золотой,
и луч на закате.
И как не любить, не лелеять друг друга в такой
земной благодати...

III

Реликтовое тулово гиганта
опутывает толстая кора:
ущелья, мхом покрытые, хребты,
каньоны, выросшие на рубцах
Грюнвальдской битвы и гуситских войн.
Культи суков — остатки голых бивней.
Витиеватых веток письма —
иероглифы иль ноты... И внезапный
кручёный выброс вбок. В каком столетье,
свободном от напастей, эту поросль
вольнолюбивую — скрутило в штопор?..

Незыблемый, идущий ввысь наклонно,
ствол исполина. Из заочных сфер,
как бабочка, листок летит, порхает...
В прозрачной чаше — разветвлённый космос
земных орбит, народов, государств,
огромной кроною укоренённый
в библейском небе.

К морщинистой коре щекой прижмётся
старик, гуляющий в лесу осеннем...
Корявый мох вберёт и эту жизнь.

Ржавь благородной охры. Лепота
окладов золотых. Кичливый блеск
осыпавшейся самоварной меди.
На жёлуди стараюсь не ступать.
Нечаянно вдруг хрустнет под ногой,
как будто раковина моллюска.

1993

БОЖЬЯ МАТЕРЬ В ЧЕНСТОХОВЕ

(Копия с иконы. Поздняя версия)

Сумрачный взор, пронизывающий судьбы славянства —
их вековую братскую брань.
Кроткий загадочный взор сквозь столетья...

Разве есть на земле чистая раса?
Миграции, войны, перемешали давно
в кипящем котле все народы.
Об этом свидетельствует Младенец —
Его негроидный облик.
Долгий смутный взор сквозь столетья.
Взор фаюмских портретов
или мадонн Пьеро делла Франчески.
Предвечной тайны мастер кистью коснулся.
Нет чистых народов — ни эллина, ни иудея.

Слышу голос Её:
«Со Мной несогласные шрамы на Мне оставляют,
рубцы на лице — тяжела их десница».

Отец один у эллина и иудея.

1993

КОСТЁЛ

Холодным ритмом линий
не ущемлён простор.
Спустилась стая лилий
в алтарь. Открыт престол.

Кто говорит — распалась
связь? Времена не те...
Распятый — словно парус
на вытянутом кресте.

Он средоточье спектра
всей жизни: выдох-вдох.
Он поднят против ветра
в любую из эпох.

1993

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Ты был куда кудрявей и пригожей
тому назад хотя бы тридцать лет...
Наличность истощается. В прихожей
давно протёрт и выщерблен паркет.

Зажечь бы свет. Немудрено споткнуться.
И в зеркало взглянуть бы заодно...
И, ужаснувшись, всё же улыбнуться,
покуда не завешено оно.

1993

ЭТЮДНИК

I

Господи!
Делай со мною, что хочешь —

с куклой, собой не владеющей... Воля
мне не послушна.
Яви Свою волю.

II

Осуществился ли замысел Твой обо мне,
знать не дано до последнего.
Помыслов груду
частных, своих, оставляя на смертном одре,
осуществился ли — всё ещё ведать не буду.

III

Отрок-отцеубийца, в рот не бравший вина,
которого я и жалею, и проклиная, —
кто он: преступник или сумасшедший? Не знаю.
Со стороны не понять —
где безумие, где вина...

1995

* * *

Стеречь, ловить, искать — нет сил и бесполезно
о помощи просить, лицом влипая в грязь.
Жизнь катится к концу. Пора признаться честно:
она не удалась.

Ну, слабый ученик, ну, не решил задачи...
Выдумывать ответ зачем, из кожи лезть?..
Я не уверен, что быть не могло иначе.
Уверен в том, что есть.

Есть просто черновик, зародыш честной прозы.
Попытка отогреть убежище в снегу.
Случались чудеса, точнее, метаморфозы
и на моём веку.

Но полно горевать. И так на льдине льдина.
Схожу-ка навещу зажатого меж льдин
соседа моего, безумного Вадима.
Ведь он как перст — один.
1997

ПРОБУЖДЕНИЕ

Всё валится из рук. Случайные слова
не ладят меж собой. И кругом голова,
в сомненьях каждый миг: что надо, что не надо?..
Таков, наверно, ад — вместилище разлада.

Я знаю — это смерть набросила кольцо.
И будет дожимать, давить тоской рутинной.
Но судорога мне растрескала лицо,
казалось, навсегда залепленное глиной.

Забрезжило вокруг надеждой неземной,
хотя обуглен рот и руки, словно плети.
Где я: покинул дом, вернулся ли домой?
Где оживаю вновь — на том, на этом свете?..
1997

* * *

Привычно над собою увечному трудиться
с рождения по гроб.
Дано мне жало в плоть, чтобы не возгордиться,
не распылиться чтоб,
лениво топчась по выбитому кругу..
Усиьем над собой,
всей жизнью самой
обязан в чём-то я смертельному недугу.
1996

* * *

Все поражения — в счёт.
Препятствия — во благо.
Зарницей полыхнёт
свобода и отвага

в какой-то миг. Пусть так..
Оправдан предстоянья
пожизненного мрак
мгновением сиянья.

Сияние уже
погасло, растворилось..
Но глубоко в душе
стеснённой отложилось,

как в паз, туда, где злу
всеобщий мрак мирволит.
Как то зерно, скалу
которое расколет.

1996

НАТЮРМОРТ С БИБЛИЕЙ

Нежно-лиловая тёплая плоть георгинов.
Будто, кудри золотые по шёлку подушек раскинув,
дева полулежит — крупно набухли бутоны.
Нежность и пышность кустодиевской мадонны.

В этой же вазе астры — пронзительно-перисты и пестры.
Две наивные институточки, две сестры.

Ноготки, гладиолусы, флоксы, зажатые тесно.
Натюрморт не бывает уродлив. Находится место
всем — и простолюдинам, и франтам.
Рядом с трёпаной Библией и каким-то ещё фолиантом.

В натюрморте этом черепа лишь не хватает,
обязательного атрибута. Однако memento mori витает
в запахе сладковатом, тленном — с ума сойти можно...
Потому как в прекрасных дебрях всегда тревожно.

1994

* * *

Нынче второе крещение Руси... С чем поздравляю
я соотечественников моих. Но не скрываю
недоумения: кто эти толпы законников узких,
с пеной у рта возвещающих: Церковь — для русских?!
Наша, то бишь, православная, крепкая вера,
кою Христос основал... Остальные — химера!
Дружно отмоем грехи, но в своём Иордане!
Да возродится соборности дух, братья-славяне!

Вот они, братья... Всё те ж. Аргумент наготове:
черепа замерить и челюсть... И кто ты по крови?..
Выстроить всех на плацу, как под красной звездой,
и окропить по команде святою водою.

Рвение масс похвально паки и паки...
Не удивлюсь, если даже и на собаке
крестик увижу... да, да, на породистой шавке,
благочестиво гуляющей утром по травке.

1994

* * *

Куда уж ехать!.. Мне за пятьдесят.
На мне — сдирать, так с кожей! — висят
совковые пудовые вериги.
И там, где жизнь на белоснежном бриге
проносится, с небесным ритмом в лад, —
на кой они, как говорится, ляд...

Кому нужны мы со своим дерьмом
в сакраментально-строгой эйкумене?..
Толкующие только об одном,
точнее, ботающие по фене,
о берегах кисельных за бугром.

Уж поздно. Здесь придётся доживать.
Остатний мякиш дёснами жевать...
В груди томленье сдерживать железно.
И пожинать посеянное честно.

Ужас и петля жителям земли
отверженной... Но выводы мои
я дочерям навязывать не буду —
сооружать в их ручейке запруду.
Своей судьбой распорядятся сами
они — в Тьмутаракани ли, в Лозанне...
1996

* * *

Порасшатались мы — болтики-винтики.
Кто от бесцельности, кто от тоски.
Всякую тему сводят к политике
полиэтиленовые наши мозги.

Как же в тенётах её не запутаться.
Как же литавры сменить на свирель...
Тянутся всё пронизавшие щупальца
спрута гигантского — в мысли, в постель.

Топаи от печки — об чём ни рассказывай.
Словно земля — наш единственный дом.
Видно, по долгу судьбы
в метастазовой,
в самой отторженной ткани живём.
1992

* * *

Хиромант взял мою руку,
повернул ладонью вверх
и на минуту задумался.

На его изящных вытянутых пальцах
рука тяжело лежала,
похожая на растресканный перекалённый кирпич.

Потом он сказал:
эти просветы между фалангами,
эта вмятая долгая линия...
Всё выдаёт руку философа,
искорёженную физическим трудом.
1987

ОКТАБРЬ

Лист опадает... Светлее
стало в округе. Видна
загадочная бета Персея
за полночь у окна.

Днём же всё строже и строже
холодный рисунок ветвей.
Солнца осеннего больше
в комнате тёмной моей —

немощи духа, тревоги
вышли из тени на свет.
С ними справляться в итоге
легче под бременем лет.

И вездесущая праздность
эпикурейская — врёт,
будто сошедшая ясность
сердцу тепла не даёт.
1990

* * *

«Расширю террасу, окно прорублю
на той половине. Я солнце люблю,
весь день чтоб! Тепло уважаю».
Сосед мой устроился — кум королю...
Я слушаю и не мешаю
его вдохновенью — менять, подновлять.
Мечтатель, постарше меня лет на пять.
«Бог в помощь», — подумаю и промолчу.
Я строить уже ничего не хочу
себе или, может, какому
заказчику дорогому.
Кто ж будет дворец с пятистенком равнять!..
Но стоит ли шило на мыло менять,
окапываясь снова и снова
в пределах пространства земного?..
Полжизни отдавший ручному труду,
наверно, иных я хором подожду.
Надеюсь, уж точно просторных —
возвышенных, нерукотворных...
1997

* * *

Силы из тела ушли.
Так ведь не вечно же тело,
если вблизи от земли,
словно ведро, проржавело?

Вон их, дырявых, окрест
сколько — лежат повсеместно.
В круговороте веществ
их назначение известно.

Пусть высыхает ручей,
баловень галек отмытых.

Это в природе вещей.
Это как вдох и как выдох.

Что ж тебе, милый ты мой,
взор застилают смурной
всякие вести-страшилы?
Или ты, житель земной,
так и не принял иной —
неиссякаемой — силы?..
1997

* * *

Дни бегут, как спицы в колесе,
по грязи, по утренней росе.
И у ног летящее соцветье
радуги — бугрится коркой льда,
приближая к возрасту, когда
счёт ведётся на десятилетия.

Это было тридцать лет назад...
Что же было? Всё! И во сто крат
явственней аукнется в затонах
памяти, прихваченной зимой, —
чем вчерашний день, ещё живой...
Молодость
призывней лет преклонных.

Встретивший вечернюю зарю,
пристально в ту сторону смотрю,
детскими сомненьями пронизан.
Завершается парад-алле.
То ли я исполнил на земле
назначение, к чему был призван?..
1995

* * *

В голове суета сует — сплошные клише.
Действительность тоже не оригинальна.
Кафкает, как из Кафки.
Нечестивые помыслы присасываются к душе,
как к телу купающегося пиявки.

Я их помню из детства. В цыганском пруду
кишмя кишели, как вермишель в кастрюле.
Но мы купались. Голопузую удержать орду
попробуй-ка в московском пыльном июле!

Так что оттуда они родом, из тех глубин,
а точнее — низин, тепловатых и мутных.
Босота беспризорная. Не блудный сын,
а беспутный, среди таких же беспутных,

нахлебался вдосталь вязкой воды...
и сосущую немощь, отродясь какою чреватый,
ох и трудно, когда на тебе пуды,
перед каждой исповедью соскрести лопатой.

1996

* * *

Кому-то в отечественном нашем лесу
взгрустнётся по райским кущам,
когда вдруг веткой хлестнёт по лицу,
отпущенной впереди идущим.

А кто-то, по виду, ну, сущий зверь,
выскочивший из клетки,
в метро за собою стеклянную дверь
придерживает вроде ветки.

Галок считать, ковырять в носу
опасно идущим сзади.

Все мы давно обитаем в лесу,
хотя бы и в стольном граде.

Страшит каннибальское наше нутро.
Но, минуя стеклянные сенцы,
с надеждой подумая, выходя из метро:
разные бывают туземцы.

1995

ТЫ ЖИВА ЕЩЁ, МОЯ СТАРУШКА...

(Мотив жизни)

Леониду Воронину

Болезнен эпохи авитаминозной
рефлекс: человек человеку — шакал,
размоченный тоннами лирики слёзной.
Я тоже её, как глюкозу, глотал.

Когда, приблатнёнными струнами вспенен,
в окладе из неувядаемых роз
любовь моя юношеская — Есенин
был выше и краше кудрявых берёз.

Чудная эпоха... Рыдая, рычала
на сцене солистка, в подвале шпана.
В замызганном общем вагоне качала
мальчишечку
жалостной строчкой страна.

Старуха, навек разлучённая с сыном,
жива и поныне — в похмельной крови,
во всё нарастающем рёве зверином.
Надрывная жалость понятней любви.

Слезу прошибает печальная повесть.
И слушатель, непредсказуемо лют,

подхватывает, если рядом поют...
Я с детства упал под неё, как под поезд.
Колёса, ржавая, жуют и жуют...

Заезженно и свирепо-плаксиво.
Известен давно каждый шаг наперёд
талант промотавшего блудного сына,
которого мать-Богородица ждёт.

А Русь, как и встарь — наговора и сглаза
трепещет, всеобщий предвидя конец.
Холуйский хомут наш — стульчак с унитаза
и этот прощальный мотив, бубенец.

То ярче, то тише... Томит и поныне.
Как будто бы горсточка угольков
отчаянно теплится ночью на льдине.
На белой бескрайней беспамятной льдине,
дрейфующей между материков.

1995

* * *

Роскошный тлен увянувших ромашек,
пурпуровых когда-то... А сейчас
остались только клюв и острый глаз
на стеблях, хищно выгнутых, лебяжьих.

Стоят ещё заносчиво-красиво
их остовы — распаду вопреки.
Неоскоплённо-сдержанны, туги.
Ещё вершит последние круги
витальная фаллическая сила.

1992

* * *

Смуглые розы красуются в банке
обыкновенной... Разъяты уста.

Чарами врубелевской испанки
чёрная банька моя залита,

где в закопчённое бьётся оконце
красными юбками буйный закат.
Здесь по утрам белозубо смеётся
и раскрывает объятия сад.

Солнечных лет золотое сечение
с грубым бесхитростным бытом слилось.
Это оттуда восходит свечение
чувственных, долу склонившихся роз.
1992

* * *

Гармонии нет и в помине
под гнётом житейских угроз.
Скрипичный полёт Паганини
откуда-то ветер принёс.

Доверившись внятному звуку,
посреднику тайных чудес,
я ощупью, вытянув руку,
пошёл напрямую сквозь лес.

Сквозь темень — глаз выколоть впору, —
пошаркивая листвою
опавшей... И вышел к забору
дощатому, к даче пустой.

Оттуда неслошь... Из старинной
мансарды, а может, гостиной...
Там нет никого. Там живёт
маэстро за чёрной гардиной.
Там танец звенит комариный
и реет орлиный полёт.

Там на зиму окна забили.
И где-нибудь в спешке забыли
транзистор... Гремучая смесь
рванула вослед Паганини.
Там мыши шуруют в камине.
Там так же темно, как и здесь.
1997

ДОМ ТВОРЧЕСТВА

Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело своё.

А. Блок

С детективом весь день на диване
провалиться — под шарканье ног
и под музыку въехавшей пьяни
не бездарно ли, милый дружок?

Что с того, что отныне сдаются
под весёлый ночлег номера?..
Что за стенкой так долго скребутся...
Уж давно бы и кончить пора.

Что, отвратные, прыскают смело
прусаки на писательский стол.
Это, может, их личное дело.
А твоё, если так уж заело, —
жгущий всякую нечисть глагол.

Посмотри, как славяне-варяги,
тоже рядом, коллеги поди,
пишут кровью сердец на бумаге,
вырывая сердца из груди.

Как гудит их согласное вече
за обеденным общим столом.

Как толкает туманные речи
в пику им демократ-дуролом.

Встань с дивана, поэт, Феба ради.
Глянь в окошко — светло и синё.
Сдуй скорей тараканов с тетради,
принимайся за дело своё.

1995

* * *

Как девушка, неврастеничен,
душой обрыдавшись навзрыд,
немотствую. Стайка синичьим
чудён мой задумчивый вид.

И правда, чего это ради
до вечера мыкаюсь, бьюсь —
над бездной раскрытой тетради...
Я чистой страницы боюсь.

Так выписанный из больницы
старик одинокий всё ждёт
чего-то в приёмной... Боится
ступить на асфальт в гололёд.

1992

* * *

Год любимой валторны
не касались уста.
Можно выпасть из формы,
как птенец из гнезда.

Хоронясь в подворотнях,
трепетать смертных мук
от домашних животных,
от «участливых» рук.

Дай-то Бог, если встанешь,
взмоешь — время спустя.
Если с носом оставишь
чьи-нибудь челюстя,

зная: ох, как проворны,
не лежать калачом.
Если, выпав из формы,
на неё обречён.

1997

* * *

Краешек письменного стола —
выступ скалы. Остальное взяла
жизнь, именуемая бедламом,
стол завалившая кухонным хламом.

Пальцами, знающими наизусть
клавиши «Эрики», еле держусь,
еле цепляюсь за выступ над бездной.
Некто своею пятою железной,
из бронтозавров, мне пальцы дробит,
зверски в подобных делах даровит.

Только мне с ним несподручно сражаться...
Боль превозмочь бы и удержаться...
Письменный стол — средоточья оплот —
мне удержать бы... А там — чья возьмёт...

1997

* * *

Муза молчит откровенно. Возьмусь за письмо.
Тоже не меньшая, если не большая польза
для человечества и для себя самого.
Схожа с поэзией эпистолярная проза.

Доброе дело и мёртвого расшевелит.
Было бы только воистину доброе дело...
Муза, письмо диктовавшая, тайно творит.
Вот уж и явно какие-то струны задела.

1998

* * *

Всё миновалось. Молодость прошла.
А. Блок

Всё обновилось. Молодость прошла.
Пускай в наивных поисках прожгла
уродливые оспины на теле.
О, не случайно в зверском беспределе
открылось: жизнь продлится за чертой.
Тот век, по Гесиоду, золотой
не в прошлом, отуманенном тоскою,
а он везде — и здесь, и за чертою.

Себя на миг посмей лишь обмануть,
навалится оправданная жуть,
загонит в угол, протрубив победно,
что всё минует на земле бесследно.

И юная небесная лазурь
осыплется... Отпущен срок нам куцый.
Тоска по вечному — вот пафос бурь,
буйно-гниющий гумус революций.

1993

* * *

Самоубийственный дух в деспотиях
сеет приверженцев. Боже, прости их.

Тысячелетнее царство в итоге
наше — похоже на зверя в берлоге,

что пожирает себя. Из народной
сказки берлога. Сюжет безысходный.

Боже, помилуй не вынесших боли
в этой безбрежной холодной юдоли.

Скорбных поэтов, зашвырнутых в улей
гангстерский, кончивших петлей иль пулей.

Сгинувший, спившийся брат мой из пекла
не вылезал. Если горсточки пепла

кроме от кровного что-то осталось,
Боже, прости его душу. Сказалась

в ней бесшабашность отцовского склада.
Та доброта, что несчастьем чревата.

Бедный родитель мой бед приумножил.
Разве не самоубийственно прожил

век свой короткий — разбег над обрывом?
Ибо не ведал всегда, что творил он.

Боже, прости обречённого мукам.
То, что не ведал, — расхлёбывать внукам.

1994

* * *

Башкою расшибить балконное стекло
и выброситься вон!.. Высоко занесло
отчаянье... Очнись. Не торопись. Бывает...
В напряге ломовом контроль ослабевает.

О, чёрные насквозь, обугленные дни.
Истлели на корню, наверное... Взгляни

не в зеркало, нет, нет, — оно как раз к балкону
и развернёт... Взгляни, хоть мельком, на икону.
1997

* * *

Список усопших, близких моих,
с каждым годом
стремительно увеличивается.
Утром, вспоминая всех поимённо,
я как бы оказываюсь в их кругу
и каждого вижу в лицо —
от родного брата до прадеда,
которого никогда не видел.
В эти минуты мне кажется,
что я там, с ними,
а не они здесь, со мной.

Конечно, местоположение наше условно.
Но мы всё ближе и ближе друг к другу,
гораздо ближе,
чем в их последний час на земле.
1996

* * *

Свершилось. Не числиться в списках
и в очереди не стоять.
Не видеть ни дальних, ни близких.
Различий меж ними не знать.

Не слышать речей озверелых.
Не помнить бредовых примет.
В земных беспощадных пределах
свершилось — тебя уже нет.
1997

* * *

«Людей помогающих больше, чем не помогающих».
Так думал испытанный муж, чуть не падая с ног,
по шумной столице когда, гром и смрад изрыгающей,
под стать спелеологу, тяжкую ношу волок.

К подобным поклажам, трудящееся безлошадное,
приучен с рождения, — вовсе до них не охоч.
Он вдруг обнаружил толпы проявление не стадное:
к нему обращённое всюду желанье помочь.

На перекрёстке ли уличном, на эскалаторе —
непроизвольно: втащить, подтянуть, поддержать.
И было уже не опасно в kloкочущем кратере
по стенке карабкаться или со стенки съезжать.

Быть может, конечно, в статистике малость ошибся он...
Всего доброхотов попало два-три, может быть...
Довольно и этих вполне, чтоб не сделаться шизиком,
гореть благодарностью и остальных не судить.

1997

* * *

В преддверье бездны грозныя и выси
прошу о брате умершем Борисе.

Об умершем прошу... Произнести
такое страшно... Господи, прости

младенчество и эфемерность мужа
почтенного... Не знавшего к тому же

ни Имени, ни слова Твоего.
Прими непосвящённого его,

родившегося в преисподней
тридцать шестого... Право, благородней

он был иных досужих христиан.
Хотя порой и напивался пьян.

Он никому не диктовал условий.
С собою в вечность взял — тепло зимовий

таёжное, благословенье трав,
великодушный и весёлый нрав.

Он в вечность взял всё то, что не присвоить...
Чего он стоил здесь... Чего бы стоить
хотел и я, да менее богат —
единственный его крещёный брат.
1993

* * *

На утренней зорьке утопленник всплыл.
Прильнувших к костру рыбаков разбудил.
Бельмом на глазу, отовсюду видна,
на выпуклой глади белела спина.

Вдоль берега медленно и тяжело
течением ненужное тело влекло.
Над ним, огибающим водоворот,
кукушка вела нескончаемый счёт.

Небесный чертог перламутром сверкал.
И козлик, ликуя, по склону скакал.
К себе, как магнитом, притягивал взгляд
предмет отрешённый, плывя наугад.

Ушёл я скорее... И будто спиной
почувствовал: это же всё надо мной!
И солнце, и небо, и птичий трезвон,
и мимо плывущий ликующий склон...
1992

РАБОЧАЯ ЭЛЕКТРИЧКА

Электричка Обнинск — Калуга.
За окном и в вагоне вьюга.
Из разбитого тянет окна,
плохо забранного фанерой.
Сверху свет агрессивно-серый.
Сбоку — пепельная луна.
А в серёдке, как тук в колбасе,
дым и мата родные раскаты.
Пассажиры режутся в карты.
Весь вагон. поголовно все.

Почитать бы или подремать...
Утомительно стало внимать
с детства явленный дух артельный.
Неужели и умирать
В этой Скифии беспредельной?..

1996

* * *

Сердце — лежбище обид.
Смертное — болит, болит...

Без толку колоть глюкозу
и глотать валокордин.
Их накат неукротим.
Лучше вырвать, как занозу,

от которой будет след
и саднить, и застит свет —
много времени иль мало...

Но уже обиды нет,
правда, даже в мыслях нет
смерти ищущего жала.

1997

ПЕШЕХОД

На проезжей части улицы
страшно и смешно до слёз.
Пешеход, подобно курице,
выпархивает из-под колёс.

Светофоры не работают.
Регулировщики не стоят.
«Кадиллаки», «вольвы» лётают.
Что хотят, то и творят.

Чудит эпоха переходная.
Но пешеход неустрашим.
И берёт колонна плотная
приступом — поток машин.

На проезжей части улицы
некуда поставить стол
письменный. Сосредоточиться
некогда. Поглядывай по сторонам.

Хлёсткой грязью ополосканный,
выволоченный в дыму
выхлопном, поспешной поступью
приближается к тому

краю противоположному,
базальтовому торцу,
смертным снегом припорошенному...
К берегу, то бишь к концу.

Проскочил, как поле минное.
Ничего, сбиваясь с ног,
кроме «Господи, помилуй меня»,
выговорить не смог.

1997

НАПОМИНАНИЕ

Всегда радуйтесь.
Непрестанно молитесь.
За всё благодарите.

1 Фес. 5, 16–18

Чему же радоваться, если
душа, бесплодна и больна,
приблизилась вплотную к бездне,
которая раскалена?..

Молиться не переставая?..
По пустякам надоедая
Тому, Кто видит нас насквозь?..
Не лучше ль в отношенье рая
питать надежды на авось?..

Ну, а благодарить — за что же?
За скудные остатки сил?
Поломанную жизнь итожа,
напоминаю, не святоша,
я быть рождённым не просил..
И прочая... Конец тирады.

Из-под обломков горькой правды
три правила извлечены.
Лучи апостольской триады —
лишь нераздельностью сильны.

Трёх правил не разъединяя,
и постигаешь, может быть,
как — бездны огненной у края
за всё, за всё благодарить.

1995

* * *

Истины строгий затворник алкал.
Оную не допускал в полумерах.
В землю при жизни себя закопал.
Мощи его почивают в пещерах.

Силой чудесной прославлена плоть.
В страхе отверженная, обожествлённа.
Труд непосильный — её побороть.
Так перед чем преклоняем колена?!

То, что он мысленно гнал и гноил
в огненных струпьях на каменном ложе,
с чем не смирился, что — усмирил,
стало вместилищем духа — чуть позже?..

Солнечный свет осуждённо померк
в тайном светильнике. В узах — просторно.
В теле — погибельно. То, что отверг
напрочь, — теперь поклоненья достойно?!

Лба усомнившегося перекрестить
рядом с пергаментным лбом не посмею.
Мне ли о подвиге страшном судить,
когого, может быть, не разумею...
1996

* * *

Украсив тонкой свечечкой возглавие,
усердную молитву сотворив,
сном праведника почивает гриф —
свирепый воин, страж священноправия,
в златопарчёвый облачённый миф.

Огадило такое православие.
Не от него ли прятался в леса

Нил Сорский, Серафим? Не от него ли
открещивался, как от неволи,
и Сергей Преподобный?.. Чудеса
преумножая в сумрачной юдоли...
Где и сегодня тот же ветер в поле.
И та же темь неутолимой боли
послушникам смежает очеса.

Не он ли, лютой ревностью дыша,
своих питомцев вскармливал с ножа?
Из века в век, страшая страхом Божиим,
перстами тыча в грозную скрижаль,
толкал в коммунистическую даль
умученных бесправным бездорожьем.

А Церковь, расчленённая на части,
тому сподручней, кто охоч до власти.

В какую часть, в какой небесный клан
определятся сонмы неизвестных
Российских новомучеников честных
и сонмы анонимных христиан?

Грустна, а всё же более смешна
комедия поползновений давних, —
когда пернатый воин, ото сна
восстав, — изничтожает инославных...

1998

* * *

Смирения душа полна...
Но перед кем? Чему верна?..
Злу только посули поблажку —
перекроит смирение на
смирительную рубашку.

Опасно, что ни говори,
не разуметь, к чему ты призван.
Сражался же Экзюпери
в открытую — лоб в лоб — с фашизмом.

1985

* * *

Грустно и одиноко
потерянному человечку.
Если бы да за Бога
спрятаться, как за печку.

Если бы за молитву,
как за перегородку.
Первый же встречный, бритву
вынув, берёт за глотку.

Открытостью озадачен...
Ему защититься нечем...
Ибо — и Бог прозрачен,
и человек просвечен.

1994

* * *

Тот раньше умер, тот чуть позже...
Нападали за слоем слой,
как листья в облетевшей роще.
Но в вечности отсчёт иной.

Солдат, мечтавший о невесте.
Почтенный муж в чужом краю.
Но близкие пребудут вместе
и в вечности — на том стою.

Бессмысленно за правду биться
и упиваться красотой,
не веруя, что жизнь продлится
и там — за гранью, за чертой.

1997

* * *

Каждый раз, отлучаясь из дому,
я на окна свои оглянусь.
Не сдавайтесь несчастью злему!
Если вдруг не вернусь...

За день всякое может случиться...
Мост обрушится или же власть
по сценарию «Временный, слазь!».
Где не надо, кирпич обвалиться
может или наёмный убийца
не в того, в кого метил, попасть.

Каждый раз, расставаясь с родными
и ступая во внешнюю тьму,
что огнями прошита шальными,
я бываю готов ко всему.

Хоть, по правде сказать, утешает
мало — на перепутьях войны,
что случайных потерь не бывает,
что и волосы все сочтены.

1997

* * *

Я не уверен, но, думаю, навряд ли
книги мои будут изданы после смерти.
Забот у человечества и без того слишком много.
Уследить бы за тем, что пишут живые.

Кому нужна посмертная слава?..
Затеряются бумажки, истолкуются
в труху машинописные тексты.
Типографские, впрочем, тоже в пыль превратятся,
долголетие их от начертания букв не зависит.
Дошли же до нас пергаменты Ветхого Завета
и легкомысленные легкокрылые свитки Катулла,
который эту просодию подарил мне.
Для чего же пишу я, если не для славы мгновенной,
не для искренних милых друзей, кому стихи,
как мёртвым припарка...
Для чего? — спросите что-нибудь попроще.
Не сочинять, как не дышать, не могу я.
Уж лучше живым быть зарытым в землю.
А будут они изданы или не будут —
в третьем или десятом тысячелетье,
ответил бы дельфийский оракул,
который, наверное, тоже иногда ошибался.

1995

* * *

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир.

Ф. Тютчев

Бесперебойно тучи грозовые
окучивают наш чертополох.
Минуты разве есть НЕ роковые,
НЕ славные — в любую из эпох?..

Заполонён безвременьем склерозным
лишь спящий... Утомлённый ото сна,
порой бывает к олимпийцам позван
на чашу опохмельного вина.

Но бодрствующий стрелами пронизан
из туч зловещих, бьющих напрямик.
И он на пир в одеждах белых призван,
допущенный к беседе каждый миг.

Да, каждый миг подстерегает выбор
на всех путях — и трудных, и простых.
И век — любой — какой живущим выпал,
составлен из мгновений роковых.

1993

Из книги
КОМЕТА НАД «КОСМОЙ И ДАМИАНОМ»
(2005)

КОМЕТА НАД «КОСМОЙ И ДАМИАНОМ»

Комета над «Космой и Дамианом»
едва мерцает пятнышком туманным.

Тверская ослепительно пестра.
Инфляциям обвальным не сдаётся.
Младое племя весело пасётся
под Пушкиным, балдея до утра
в мечтах — перепихнуться, уколотся.

Из темноты церковного двора
комету видно, словно из колодца.
Надмирно реет росчерком пера.

Две тысячи и триста лет назад
она всходила над Землёю... Над
ещё одним испепелённым царством,
над Аристархом и Экклезиастом.

Она стояла в этом месте над
лесным безмолвием, ночным безбрежьем.
И с любопытством, может быть, медвежьим
за ней следил медлительный сармат,
косматый предок мой... Вперяя взгляд
в огромный небосвод, как в циферблат.

Как я сейчас из глубины двора,
из нашей общей с ним подлунной ямы,
смотрю туда же, застыя от рекламы,
как он когда-то лапой от костра.

* * *

Складывать дрова в поленницу —
занятие для душевнобольных.
Действует успокоительно. Свидетельствую невольно.
Земные поклоны отваживают от побуждений шальных,
в замкнутом организме блуждающих бесконтрольно.

Берёзовые неподъёмные комли под колуном
кованым с хрустом разваливаются, как арбузы.
Свежеспиленная осина терпким пахнёт вином,
настоем лесных урочищ — подарок от праздной Музы.

Труд мой простой размером задан — от сих и до сих.
В границах его достаточных прикидываю, сочиняю...
Складываю поленницу честнее, чем акростих.
Осиновые согласные с берёзовыми сочетаю.

* * *

Рассвет крадётся тихой сапой
к открытой форточке... Проснусь,
разбужен строчкою внезапной,
и совпаденью удивлюсь.

Она с участием прилежным,
наверное, пришла ко мне,
как только внешний свет забрезжил.
Я произнёс её во сне.

Я голосом стиха разбужен,
нашёптывающим горячо.
Ему я как сообщник нужен
в сотворчестве. Кому ж ещё?..

Вот он уже скользнул по брёвнам.
Пазы, углы позолотил.

Нацеленным лучом огромным
мою лачугу осветил.

И, удовлетворясь победой,
пусть временной, над бледной тьмой,
решительно — строфою этой
запечатлел порядок свой.

ПОСЛЕДНЯЯ ГРОЗДЬ ОБЛЕПИХИ

К невзгодам привычен
я вроде бы... Вырос на жмыхе.
Оставлю синичкам
последнюю гроздь облепихи.

Порхают, не ропщут.
Пощипывают, где придётся.
В разрухе всеобщей
им тоже не сладко живётся

в отечестве зверя,
себя поместившего в терем.
В спасение веря,
я в завтрашнем дне не уверен,

что свойственно людям,
увы, маловерным. Не спится...
Что будет? Как будем?
Чем будем дышать и кормиться?

А толком не знает
никто, озираясь на тучи.
Господь помогает.
Ведь было и раньше не лучше.

Детишки мужали.
Горстями не жамкали сласти.
А всё ж избежали
авитаминозной напасти.

Чем хаять ухабы
и мыкаться по психбольницам,
поверим хотя бы
в испытанный жребий синицын,

который избавит
от нищенской неразберихи.
Который оставит
последнюю гроздь облепихи.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Дрожащий лист с такими же бок о бок
дрожащими — звенит, покуда жив...
Но вот слетает, отрешённо лёгок,
ещё возвышен и нетороплив.

Он обречён снижаться в плен из плена.
Но властно притяжение небес.
Вдруг взмыл на крыльях ветра... И мгновенно
из видимости суетной исчез.

Он был слепым знамением порыва...
Прекрасен, что ни говори, порыв!
И колыхнулась огненная грива
вослед за ним,
послушной стаей взмыв.

II

А этот разминулся
со стаей... И — парит.

Задумался, запнулся
за ветку... нет, летит,
снижается кругами...
Нет, забирает ввысь.
Цепляется рывками
за крышу, за карниз.
Минутному везенью
открыт со всех сторон.
Как будто ляжет в землю
ещё не скоро он.

* * *

Крепка, как смерть, любовь.
Песнь Песней 8,6

Как в отрочестве о любви
мечталось тайно...
Неотступный зов
я слышал ночью — чувственный и властный.

Как юношу пленила Афродита
Праксителя — извечный идеал
плотских желаний и небесных форм...
Она, единственная, мной владела.

Как в отрочестве о любви,
так я сегодня думаю о смерти —
таинственной и неотступной.

НАТЮРМОРТ КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

За всё, за всё Тебя благодарю.
Я сам себе подарок сотворю.
Поставлю натюрморт... Хотя бы так:
три яблока возле высокой вазы,

где собрались застенчивые астры,
японский гладиолус и табак.
И георгины, впитывая мрак
пурпуровый, набычились, мордасты.

Грань светотени — тонкая игра.
Прилежно коротаю вечера.
На миллиметр сдвинуть, чуть поправить.
И этот минет... Нынче, как вчера...
Если сосед, грозившийся с утра,
с бутылкой водки не придёт проздравить.

* * *

Нагая берёза и тополь
в обнимку с высокой сосной
осенней сквозят синевой.
Пьянящая свежая опаль —
зарыться в неё с головой.

И только одно лишь принудит
очнуться, признать наперёд:
когда-нибудь так вот и будет —
глубокая глина остудит,
а сверху листом заметёт.

* * *

Камень, пущенный в зенит,
оного достиг... Летит
вниз, обратно, набирая
скорость...
Так и жизнь моя,
плотью пламенной пыля,
истоньшается, сгорая...
Стачивается в многоточье...
Всё стремительней и чётче
приближается земля.

* * *

Чем старше, тем ближе к истокам.
Чем дальше они, тем видней.
Над Волгой, на всхолмье высоком
стоит деревенька, чуть боком
к реке, в паутине плетней.
Под грудой садов одичалых...
Ничейные вишни в прогалах
и чёрные избы сплелись,
влачась скособоченно вниз.

В бору, первозданно-могучем,
вечерняя темень страшит.
Я с бакенщиком неразлучен.
А он, как всегда, не спешит.
Размеренным стуком уключин
июль приглушённый прошит.

Из лагеря освободился
отец... И неожиданно явился
в семью... Прокатилась волна
амнистии — как из тумана
явился... Счастливая мама
ему беззаветно верна.

Смолистым настоем согрето,
лелеет летучее лето
надежды... Нездешний покой
таится, в себя погружённый...
Моим костерком подожжённый,
пылает восход над рекой.

Влечёт меня нынче туда
уж по-стариковски, да-да...
А всё не решусь... Оглянулся,
тьму времени видя насквозь...
Боюсь, как бы круг не замкнулся,
начало с концом не сошлось.

* * *

Последнее ласковое тепло бабьего лета.
Если к солнышку лицом — глаза ломит.
Развернул стремянку,
приладил корзину меж веток.
Снимаю бережно яблоки, складываю в корзину.
Посильная помощь семье от нашей антоновки старой.
Благословенно священнодействие это.
Чисто и мирно кругом. Будто и вправду
нет безобразья в природе.

Слышу, хлопнула дверь в доме напротив.
Вышла соседка...
— Твой гадючий котёнок, — вдруг сказала она, —
бегает ко мне на грядки.
Я приду к тебе с участковым.

Господи, что это?!
Что за напасть! Жили, вроде бы, мирно...
Подумаешь, глупый котёнок. Ну, запру его в доме.
Участкового он не боится.
Корзина просыпалась с яблоками.
И солнце померкло.

В каждом саду прячется змей искуситель,
пути и обличья которого неисповедимы...

Зыркнула, грозно топорща усы,
усатая баба...

* * *

Доколе красоваться клёну
червонно-жёлтой бронёй?
Сиять осине огневой,
внимая собственному звону?..

Дохнул мороз. И срезал крону
мгновенно бритвой ледяной.

Обрушенная, лежит
во мху пуховом. Лес открыт
и пуст. И лишь одна таится
и прячет грозди меж ветвей
рябинка юная. Стыдится
внезапной наготы своей.

СТВОЛ ЯСЕНЯ

Там, где давно их величество Случай шkodит и правит,
непостижимо в чудо поверить, что Бог не оставит.

Где под ногами пучина пузырится и шевелится,
самое трудное, как на скалу, на Него положиться.

Ствол искривлённый, придавлен не лучшею долей,
жив изначально подспудною верой и волей.

Волею к вере, к живительной влаге, к небесному свету.
Вера и воля — надёжней помощников нету.

Ну так и что, что у ясеня ствол искривлённый!
Малое гнёздышко птица свила и под этою кроной.

* * *

Чаянием чревата
осень — болезное чадо...
Смертную боль пересилит.
Грозные краски заката
изрешетили осинник.

Мокрый овраг окропили
и тут же поблёкли, иссякли,

оставив на голой рябине
рдяные капли.

Это миры облетели,
понятые едва ли...
Что-то сказать не успели...
Важное не дошептали...

Не подводить же итога...
В морок промозглый дорога
скрылась... И лес обнажённый —
как ожидающий срока
замысел незавершённый.

* * *

В стерильной тишине,
где каждый звук извне
вязнет в глухих сугробах;
где с потолка — молчок —
проворный паучок
спускается на стропах;

где, слышимы едва,
потрескивают дрова
берёзовые в печке;
среди тепла и книг
вдруг ощутить на миг
себя в тугой уздечке.

На столике часы
стучат... Цепные псы,
ишь, стрелками оскалась...
И что вы расстучались!

Как будто я без вас
не знал, скорбями мечен,

что золотой запас
трудов и дней — конечен.

Что он от сих до сих...
У всякой стражи бзик —
стращать и брать на мушку.
Но я ещё не псих
вас прятать под подушку.

РОЖДЕСТВО

Что у Господа один миг,
то у нас две тысячи лет.
К восхищённой Земле приник
отдалённый нездешний свет

Доли девственные осенил...
Потому и родился Сын
света — семя звёздных высот,
чтобы в нас завязался плод.

Не оставит всхода зерно,
если не распадётся в прах.
Потому и упало оно
в бездны горя, в бесплодный страх.

Миг тот, тысячелетия для,
нам себя дано превозмочь.
Понесёт или нет Земля,
как её Пречистая Дочь?!

Нет, еще не взошёл посев.
Побивает то град, то навет.
Что у Господа девять месяцев,
То у нас девять тысяч лет...

УТРО 25 ДЕКАБРЯ

За календарную черту
перевалили. Черноту,
которой лес и дом окутан,
день оттесняет по минутам.

Ещё темно и нет восьми.
А уж предутренней возни
крадутся шорохи, и ветки
выглядывают из глубины.
И рядышком на табуретке
тетрадь и Библия видны.

В тон политическим прогнозам
сменилась оттепель морозом.
И чуть ли не впотьмах заря
из ледяной дорожной грязи
вылепливает смело ясли,
в них отражаясь и горя.
Уж точно в этот день не зря.

Мир торжествует Рождество.
А нам покуда ждать его...

Вне временных досужих распрей,
вне принудительных помех,
оно для страждущих, для всех
всегда — чем раньше, тем прекрасней.

* * *

Бесснежный, как обугленный калека,
декабрь стынет, привалясь к сосне.
Не счесть калек в обугленной стране,
воюющей аж до скончанья века.

Век отошёл. Ичкария в огне
и в каждом доме. В мире не бывает
локальных войн...
Я мыслию одной
утешен: пусть распад обуревает
империю. Петля ослабевает
в провинциях и на передовой.

Что б ни было, порадуюсь углу
казённому. Здесь тихо, как в тылу.
Пёс на диване дрыхнет беспробудно.
Рассвет в окно заглядывает смутно,
а то вдруг чиркнет спичкой по стеклу.

* * *

Иней опушил стекло.
Молоко замёрзло в кружке.
Вьюга выгребла тепло
за ночь из моей избушки.

Стуже впору затевать
катавасии — являть
солнцу мартовскую фигу.
Какого-то мне вставать
в эдакую холодрыгу.

Я как чуял. Неспроста
с вечера готовил топку.
Затрещала береста,
задала полешкам трёпку.

За окном стальная синь.
Вьюга стихла. Синь застыла.
Словом ласковым, простым
печечка заговорила.

Мол, владеть собой не дай
холоду и беспорядку...
Вспомню молодость, Валдай,
Кушереку, Камчатку,

где судьба, как снежный ком,
вниз неслась и кувыркалась.
Зимовьё иль чей-то дом...
Печечка... Земным теплом
молодость отогревалась.

РОДОВОЕ

Узловатый толстый обрубок корня.
Вторую топку закладываю, а он не поддаётся.
Не хочет гореть.
Вокруг него взахлёб веселятся,
отплясывают и выкидывают коленца
сухие полешки,
а он лежит, как булыжник.
Не буду встревать, не буду ворошить железом
его коренной неприкосновенности.
Чуть позже, чуть раньше
всё равно ведь истлеет,
раскрошится на коралловое ожерелье,
провалится в поддувало.

* * *

Белка бежит по продольной жерди штакетника,
как по клавиатуре...
Пиано, пиано, пианиссимо...

* * *

Утомился или свет не мил...
Голову в ладони уронил.

Кафедральный оголённый купол
на столешнице лежит... Близки
чисто выскобленных две доски..

Дрогнувшими пальцами ощупал
лоб, глазницы, впалые виски.
Улыбнулся мысли невесёлой —
это будущий свой череп голый,
что сейчас в ладони помещён,
бедный Йорик, обнимает он.

МАМА В БОЛЬНИЦЕ

Плохая ночь на плохом постоялом дворе. —
Кажется, так определила эту жизнь
святая Тереза. Метко, правда?

Св. Эскрива

I

Гнилую ночь на гнилом постоялом дворе
в советской или постсоветской дыре
с одинаковым рвением переживаем
в чаяниях о лучшей поре...

«Скорая помощь». Врач под балдой, невменяем...
И санитар лыка не вяжет. Что за народ,
алчущий гражданских свобод!
Всё прочее до фонаря им...

Двор проходной... Можно бы переждать...
Но как в их лапы провальные маму отдать!
Смотрит уже затуманенным взором...
Незащищённая, милая, милая плоть —
с младенчества до увядания вплоть,
отданная пинкам и поборам.

II

В тучи сбиваются, мчат вереницей,
кружатся, кружатся над горбольницей
галок стада.
Печально кричат, как осколками ранят.
Что их сюда, потревоженных, манит —
пища, беда?

Что-то да значат их позывные.
Вслушиваются аборигены больные
в трепетный мрак,
густо который осел на берёзах
комьями неразрешимых вопросов
у бедолаг.

Здесь, возле кромки бесчувственной Леты,
тычутся детские страхи, приметы
со всех сторон.
Не утолить очистительной жажды
в этом холодном потоке, где каждый
лекарь — Харон.

Лучше мне эту страшную муку
мыкать вместо неё. Лучше мне...
Точно малый ребёнок за руку
крепко держится. Стонет во сне.

Как когда-то меня пеленала,
я — теперь. Я запомнил урок.
Со спины подоткну одеяло.
Поцелую в висок.

Как сказать ей, уснувшей мгновенно,
что дурное предчувствие врёт!
В океане вселенского тлена
наша с нею любовь не умрёт.

Как сказать ей!..
На лбу полотенце.
За окном леденящий закат.
Спит калачиком в позе младенца,
как они до рождения спят.

ПЕРЕХОДЯ ЛЕНИНСКИЙ ПРОСПЕКТ В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ 2000 ГОДА

Страшный Ленинский одолеть и
отдохнуть на том берегу.
Ждут нас у ёлки жена и дети.
Одолеваем свинцовые нети.
Еле-еле плыву, влеку
маму старенькую на боку
из второго в третье тысячелетье.

Накрывает вонючей волной
этот Ленинский — шальной... Больной
век, где мы жили, лечась и калечась.
Ну же, милая, тебе не страшно со мной.
Он уже почти за спиной.
Переползаем по кромке земной
из времени в вечность.

* * *

Она падает на ровном месте,
как будто споткнувшись.
Как будто кто-то резко и грубо
бросает её на пол.
Осторожно переступает по стеночке,
опираясь о стул,
о шаткий столик,
которому лет столько же, сколько ей..
Сохранилась фотография —

годовалым младенцем она сидит на этом столике
в пелеринке, в смешном капоте
и смотрит сюда, в сегодняшний день,
когда неверным шагом, по стеночке,
она продвигается на кухню...

Звонит телефон...
Она слышит, но не может подняться...
Звонит, звонит, звонит...

* * *

Рядом с мамой умирающей
меркнет всё... Орган рыдающий
неуместен в этот миг.
Безучастен Божий лик —

образок над холодильником.
Вдруг царапнут, как напильником,
покаянного псалма
непонятные слова.

Тлеет плоть — скорлупка выеденная.
В миг, когда вокруг темно,
чувствуется лишь одно —
несказанное, невидимое.

* * *

Вот уж мамины вещи
уплывают зловеще.
Исчезают, как дым,
по углам по чужим.
Не к тому, так к другому.
Канделябром звеня,
пианино из дому
пошагало. Такому
дару рада родня.

Обнажились скелеты
стен, торчат костыли,
где висели портреты
композиторов... и
что-то вроде осколка
злополучной судьбы —
память папина — полка
ворносковской резьбы.

То, что было опорой,
доброй школой, средой,
стало ёмкостью полой,
как скворешник пустой.

Скатерть, вазочка, бисер...
Это всё не моё.
Но останется писем
горстка и голос её.

А ещё будто пленный,
болью сдавленный взгляд,
что ни вещи, ни стены,
ни слова — не вместят.

ГОД СПУСТЯ

На просветлённые мысли наводит
ясное небо в преддверье зимы...

Мама всё дальше и дальше уходит.
Машет рукою у края земли.

Не отступает лишь миг сокровенный...
Скоро сокроется в недрах Вселенной
гроб... И друзей разомкнётся кольцо.
Вдруг непонятно откуда мгновенный
дождь налетел и омыл ей лицо.

Тотчас оно — синева под глазами —
высветилось и покрылось слезами.

Добрая — дождик в дорогу — примета
в ясном просторе холодного дня.
И, пребывая поблизости где-то,
мама оттуда не застила света.
Чистая вечность коснулась меня.

* * *

Кладбище Востряковское.
Летом или зимой
потребность, видать, стариковская —
прихожу, как к себе домой.

Слева родители; справа разветвлённая родня маминого корня:
Моисей, Роза, Фира, Абрам, Лёва, Роман...
Все они когда-то приезжали к нам в гости
на Малую Остроумовскую,
все сидели за большим столом,
в полутёмной комнатке с одним окошком,
выходящим в подворотню...
Сейчас в том доме разместился магазин «Продукты»,
а в комнате — склад стеклотары.

Не страшно на кладбище.
Подровняю землю, подмету опавшие листья,
задержусь до поздних сумерек...
Не страшно... Представить себя здесь, за оградой
и там,
где они сейчас снова вместе.

* * *

Старость — узилище зла.
Несть бедолагам числа

и на кромешных дорогах,
и в лучезарных чертогах.

За мириадами дел,
препровождённых на ветер,
близость твою проглядел.
Явных следов не заметил.
Я ли с тобой не дружил?
Ты ли со мною не зналась?..
Маму похоронил —
вот ты когда постучалась

из потайного угла.
Самый старательный недруг...
Что-то ты мне припасла
в недрах своих — напоследок?

* * *

Ослепительный вид из окна.
Ослепляет глухая стена
до небес вознесённого крова
коммунального. Жёлто-багрово
исподлобья взирает она.
На дворовом катке детвора.
Мат и щёлканье клюшек с утра.

Раньше тополь меж нами шумел,
плыл, вороньим гнездом помавая.
Но начальник жилищного рая,
то бишь РЭУ, спилить повелел
древо жизни... Стараюсь туда я
не смотреть — в болевой беспредел.

Но зато над столом предо мной
простирается Брейгель родной

тем пейзажем умиротворённым,
вечность остановившим на миг...
Карта звёздного неба и лик
Меня, не совместимый с канонам.

Там, в бессмертном пейзаже, каток
тоже... выпавший снег неглубок...
Детвора, горлопаня, резвится.
И гармонии зримый залог —
над холмами парящая птица.

Оба мира — в пространстве земном
и в душе, созревающей поздно.
То они замыкаются розно,
то один утопает в другом.

СИМПТОМ КЛАУСТРОФОБИИ

Годами не вижу, как солнце встаёт,
как, царственное, садится.
Меж стен циклопических узкий пролёт,
закатного неба крупица.

Целебны покой комфортабельных нор
и допинги высшего сорта.
И всё же — глотаю глазами простор
я словно алкаш... если алчущий взор
заденет струну горизонта.

Однажды очухаюсь где-нибудь вне
вонючего стольного града.
Подумаю: может быть, это во мне,
стеснённом,
пространство зажато?..

Отсутствие неба сравнимо с грехом.
В тисках его пожил изрядно,
задвинутый в угол...
Мечтая на холм
подняться — в долине, в пустыне, в любом
безлюдье, чтоб даль неоглядна.

* * *

Ходи предо Мной.
Бытие 17, 1

У славы всякий день фанфары, фавориты...
А мы с тобою, друг, не стали знамениты,

как некто Глазунов и некто Церетели.
Заманчиво, поди, поставленные цели

брать приступом, крепя железные пружины.
И будут рубежи любые достижимы.

А наша цель всегда теряется в пространстве
и к нам обращена в исходном постоянстве

призыва Отчего: «Ходи передо Мною...»
И в славе, и в чинах, и с нищею сумою.

У славы всякий день — разъезды, эскапады.
«Ходи передо Мной» и не ищи награды.

Чего ты заскулил, как пёс на пепелище!
Не зависть ли тебя царапнула, дружище?..

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Конечно, ещё не развалины.
Конечно, вблизи и анфас

мы с вами ещё узнаваемы.
Я тоже приветствую вас.

Лицо, будто даль законная —
седое сиянье зимы.
Как местность, когда-то знакомая,
поросшие лесом холмы.

За дружескими объятиями,
скупыми пожатьями рук
холмы ледяные и впадины
разгладились, встретившись вдруг.

В час пик, как в бушующем кратере.
«Эй, с портфелем, посторонись!!!»
Сторонятся... На эскалаторе
дрожащем, сползающем вниз.

II

Москва — как эпицентр Большого взрыва,
атом разлетающейся Вселенной.
Но и здесь, по теории больших чисел,
случайность встречи — закономерна.

Если я ни разу за 20–30 лет не встретил в Москве
знакомого человека,
наверняка его нет в живых.

Однажды я проверил свои опасения,
позвонил однокласснице...
Давно умерла...

А с тобой мы расстались в 64-м году...
Эмигрировать — у тебя не было никаких оснований.
Даже если все 40 лет

ты передвигаешься по городу на колёсах,
могли бы встретиться, хотя бы у светофора.

Задумаюсь иногда: жива ли? Замужем?
Растишь внуков?..

АВТОПОРТРЕТ В ЗЕРКАЛЕ

Глядя на луч пурпурного заката,
ползущего щетиной по щеке,
я замираю с бритвою в руке.
Смятением душа моя объята:
на месте взгляда тусклого — регата,
взрывая волны, реет вдалеке.

Исчезла... в сонме пенных завитушек.
И на поверхность выступил испод:
открыто улыбающийся рот
сверкает, полон ёлочных игрушек.

Опять мираж: вздымая щит, Паллада
из глыбы льда рождается на свет.
Кто сей родитель? Зевс? Во цвете лет?
Не может быть. Фигура мелковата.
Действительно... И тает силуэт.

А это я:
набросили лассо
морщины на покладистую выю.
И выбритое тщательно лицо,
чуть тронута усталостью, как пылью.

* * *

И мир, и любовь, и семейный очаг
в дому. А ему — всё арктический холод.

Он спятил, наверное, сам себе враг.
Он кухонным пестиком в ступе размолот.

Поэт, не поладивший с Музою, — псих...
Немотствующий, до отчаяния падох.
Он жертва своих необузданных схваток,
чувствовали спазмов своих родовых.

* * *

Между даром и долгом,
между двух жерновов,
воешь чуть ли не волком.
Голосище здоров.

Лучше бы околеть
сразу, если и впредь,
как — не ведаю толком,
между даром и долгом
не научишься петь.

* * *

Твёрдым характером скалы дробить
можно твоим... Ну, а мой — слабоватый...
Чёрт меня дёрнул тебе позвонить!
Именно он, «благодетель» рогатый.

Тут-то я понял свой беспредел:
как нерешителен и мягкотел
я от природы...
Бывает полезно
бездны родной постоять на краю.
И на нечистого немощь свою
сваливать, по крайней мере, нечестно.

* * *

В сапожной мастерской стрекочут попугаи.
И кофе подают из чайника, дабы
заказчик не уснул. Лианы раздвигая,
он — в гуще новостей и птичьей ворожбы.

Из ящика TV, трибунами ощерясь,
вопит футбольный матч. Куда уж тут уснуть!
Красотка на стене выгуливает грудь
и прочие места. Вполне приличный сервис

в сапожной мастерской. За исключением жутких
стаканов на столе. Перемогаясь, жди
починенных штиблет, в отечественных джунглях
чтобы продолжить путь... Точней, конец пути.

* * *

Удрал из дому еле-еле —
побыть поэтом три недели...
Молчу, меж сосенок брожу.
Слова в тетраточку пишу.
Давно не раскрывал тетради.
Весь год пылишь, как на эстраде,
смешишь, хлопчешь, говоришь...
И тайный умысел таишь:
в июле, в сентябре, в апреле
удрать, хотя б на три недели...

* * *

Выскальзывает молитва,
как светильник из рук.
По векам смежённым бритва
полоснула, и — тьма вокруг.

Отче наш! Да святится...
Да будет воля Твоя...
Крошится молитва, дробится,
не останавливая

весть о блажной свободе,
бушующей за окном.
Неистовствует половодье,
сминает, сметает дом,

поставленный не на камне...
Силящемуся дух стяжать
заповеданный, как мне
хоть пять минут удержать
светильник?!

С заплечным грузом
в эмпиреи не воспаришь...
Весь скарб на виду, весь мусор,
когда пред иконой стоишь.

Силясь к себе пробиться
сквозь бренное небытие
при помощи: «Да святится,
да святится
Имя Твое...»

ГОЛОС ОТЦА АЛЕКСАНДРА

I

С кем это я раздирающе душу, азартно
спорил во сне? И с полночи заснуть уж не мог...
Клавишу рядом нажал —
светлый голос отца Александра
смыл нанесённую смуту, как горный поток.

Цивилизация наша, конечно, порочна.
Входит в неё техногенное детище прочно.
Нет у покоя нигде, даже не снится покой...
Всё же хвала ей за то, что и денно и ночью
есть очистительный голос его под рукой.

II

Не заросла, не затянулась дёрном
живая рана, страшная на вид.
Не свыклась с послушанием покорным:
допущенная промыслом, — кровит.

О, правда, уподобленная дышлу...
Себе прибавит весу и престижу
«благочестивых» оборотней рать.
Когда с кассеты проповедь услышу
его, взывающего всё принять, —
как в детстве, душат слёзы, не унять.

III

К святому обращаются на «ты».
А у меня язык не повернётся.
Ещё Вы здесь, Вы рядом. Узнаётся
Ваш явный знак в тенётах темноты.

Я на него невольно отзовусь...
Бывает часто, почему — не знаю,
я об усопших пристально молюсь,
а Ваше имя не упоминаю.

IV. У КРЕСТА В НОВОЙ ДЕРЕВНЕ

За избами, за церковкой комолой
отсюда виден в перспективе голой
погост. Обглоданная оболочка.
Октябрь голодный выгрыз до листочка.

Прошу я стойкости и примиренья
с разором жалким. Для благословенья
сложил ладони... Час или секунда
мелькнули... Вдруг неведомо откуда —
ни лоскутка на обнажённой кроне —
лист огненный упал в мои ладони.
Наглядный преклонившему колени
знак — о горении и примиренье.

РИМСКИЙ ПОРТРЕТ

I

Мраморнокудрые... Иные лавром
увенчаны, обличьем богоравным,
иные плешью — мудрости залог.
Тот — внятно-зорок, этот — волоок.

Рты скорбные иль мечущие громы.
Шальные Каракаллы и Нероны,
до ужаса знакомые черты...

Такие ж точно рожи бронзовели,
торчавшие вчера на мавзолее
и ныне захватившие бразды.
Смотрю на них отнюдь не с высоты.

Плебей. Гимнаст. Возничий. Горожанин.
О, этот нашим потрясеньем ранен,
на нём двадцатого столетья тень.
Вольноотпущенных, трудом галерным
повязанных и страхом суеверным,
с лихвой прибило в настоящий день.

Тем царствовать под сонным зодиаком
и жировать, вкушая миражи,

пока их не подняли на ножи.
Все будут сыты — с гаком или с таким.
А праведники скормлены собакам.
Пространства обесточенные, холод
берёт за глотку, множа мятежи.
И каждый смертный на судьбу наколот.

И вечный вой: ты с этими иль с теми?!!
Какой-такой Спаситель в Вифлееме
родился? Да и где он, Вифлеем?
Угомонись. Кого спасать? Зачем?..
Назад лет двести, говоришь, родился?
Две тысячи?
Да ты со счёту сбился!

II

Глаза бы мои не глядели...
Всё ширится шабаш химер...
Когда бы и в смертной метели
не теплилась музыка сфер.

Когда бы в толпе одиночек,
в свечах, затопивших погост,
не виделось — в мареве точек
великое дружество звёзд.

Когда бы голодные звери,
запущенные на века,
пред нами в сакральном вольере
не схавали праведника.

Того, кто живейшею частью
был этого мира. И есть.
Чей явственный голос со властью
доносит предвечную весть.

Навряд ли бы я убедился
ценою бесщётных потерь,
что Бог в человеке родился,
что с нами Он — здесь и теперь.

ЭТЮДНИК

I

Теплее тела благородный мрамор
и долговечней... Вознесённый торс
Мелосской Афродиты — веский сколок
долин, облитых солнцем, и холмов.

II

Руины Рима.
Мёртвый храм Сатурна...
Расчищена вдоль алтарей,
поверженных колонн и капителей
Священная дорога...
Я разулся —
хоть шаг ступить босым по мостовой,
ступали где сандалии Катулла.

Дорога огибает Дом весталок,
храм Кастора и Поллукса... Давно
знакомо мне их дружное созвездье.

Мелькнула ящерица меж кирпичей,
свидетельница сатурналий,
и там, где скрылась, — мета наших дней:
в шов аккуратной кладки вжат окурок.

Руины Рима... Алчных голых вошь
гигантская каменоломня...
Хожу, вникаю... Сам давно не молод.

III. ЛАОКООН

Лаокоона неразрывный узел —
отчаянья, мольбы, боренья, мести.
Всё перекручено, один шматок,
в котором жертва сочленилась с гадом.

Размах могучих рук Лаокоона
и беспощаден, и змееподобен.
А морда жалящей змеи
свирепа так же, как его кулак.
Одно кипение. Один котёл.
Так греки понимали волю рока.
И кто из них был прав, кто виноват?..

* * *

Так и умру, всех книг не прочитав,
которые вместил мой книжный шкаф —
роскошный, как сады Семирамиды.
Два года, например, имею виды
на Хейзингу... Но запряжённый вол
обязан и терпение воловье
иметь... Об «Осени Средневековья»
мечтаю я два года... Перевёл
её к тому же мастерски Сильвестров,
приятель мой — знаток великих текстов.
Да, под рукою неприступный клад...
Я что-нибудь в дорогу по привычке
всегда беру. Хотя глаза болят
читать в метро и в тусклой электричке.
Но, как нельзя больному без надежды,
нельзя смириться с участью невежды
в блестящем окружении таком,
танталовы испытывая муки...
Хоть Книгу книг
по строчке день за днём
не упустить... А там, глядишь, и том,
намеченный давно, ложится в руки.

САМСОН

Тьмы необрезанных сметали
посевы, солнце затмевали,
лавиной шли со всех сторон.
Лежал Израиль, обессилен,
в плену вааловых светилен...
Покуда назорей Самсон
не встрял, который филистимлян
ослиной челюстью гвоздил,
чем наше время упредил.

Он, правда, не имел другого
оружия на тот момент.
Простейшим способом, сурово
учил, чтобы подняться снова
не вздумал ихний контингент.

Воитель, но с душой дитяти,
однажды снёс за перевал
ворота городские — ради
потехи... Мускулом играл.
Льва рыкающего разрывал,
словно козлёнка. Простодушен
он был... Но и, как вепрь, свиреп.
А уж когда совсем окреп,
великой страстью занедужил
к продажной девке. И — ослеп.

Спасительная мощь отпала.
Бедняга ткнулся в темноту.
Душе его стеснённой стало
томительно — невоготу...

Единственное, что могло бы
Израиль и его спасти —

смерть собственная. Принести
хохочущие утробы,
храпящие промеж столов, —
такую жертву он готов.

Он не был обречён. Иссиякла
в нём сила. Но на время всё ж...
Не обречён, пока живешь!
И тем отличен от Геракла
Самсон, хотя во многом схож.

ЦАРЬ ДАВИД

Состарился Давид. Бывало даже,
на солнце зябнул. Две иль три одежды
его не согревали. Будто в кокон,
закутывался в них...

Рука, перебиравшая когда-то
на арфе струны, огненная длань,
отсёкшая башку гиганту, — ныне
пластом лежала, холодна, как дёрн.

Но, может, чудо сотворит любовь?
Любовь и ласка. Привели к царю
прекраснейшую из красавиц —
гроздь спелую, девицу Ависагу,
чтоб, находясь в покоех неотлучно,
прислуживала и согревала
его на спальном ложе — днём и ночью.

Пусть так. Пусть горячо прижмётся... Он
невинной преданности благодарен.

Подолгу мог бестрепетно взирать
на спящую, на лепку покрывала,

на вознесённый стан, когда вставала,
склонялась ли, ложилась ли опять...
Доступная, пленительная стать
слабеющего мужа не смущала.

Сказал: «Я отхожу в путь всей Земли».
Свой путь, как будто зная направление
светил небесных, выверял по ним.

Каких созвездий мимо пролетало
в то время Солнце, прожигая след
живой песчинке в ледяном пространстве?
Путь всей Земли — и наш отчасти путь.
Мы с ней сплелись пленительною плотью.

Царь умирал... Ещё он видеть мог.
И — видел, что идёт не одинок
туда, навстречу грозному закату,
что рядом с ним, у неподвижных ног
шла Ависага — рядом грудь, сосок, —
похожая на статную Астарту.

ЖУРНАЛИСТ

Какая нынче власть
оттачивает бивни?
В компьютер углубясь,
нишкни, мой друг, не пикни.

Разделаешь фасад
как скажут: мёдом, калом.
А нет — коленом в зад.
Таких, как ты, навалом.

Фас! И горячий след
взял вдохновенным лаем.

Твой шеф, из смертных смерд,
вовек непотопляем.

Ты сам-то что за чин?!
Коли боишься с круга
слететь... Ты нанят, блин,
ишачить, ты — obsлyга.

А правду изобразить
никто не запрещает.
Но только, стало быть,
какую шеф пущает.

ГОЛОСА...

Куда-то вниз, спроваженная страстно,
стремится пища. Вожделенный труд
для фауны, не знающей соблазна.
Кишечник и желудок велегласно
пространные дискуссии ведут:
о тщательном подборе бутербродов,
о целесообразности подходов
к питанию, о разности метод;
белков, жиров, солей и углеводов
излишестве или наоборот.

Мысль о неотвратимости колита
на слизистую действует, как взрыв.
Ей возражает печень деловито:
мол, это блеф и допотопный миф.

Фильтруя кровь, лютует селезёнка,
поддакивает ободочный тракт,
что к ним аппендикс заслан из Гонконга,
а геморрой — очередной теракт.

Врождённые заметив неполадки
в своём хозяйстве, бдит издалика —
ораторствует толстая кишка,
Помпей эвакуируя остатки.

Так организм собачится облыжно,
толкует, примиренчески мычит...
И только сердце трепетно стучит —
устало, с перебоями, чуть слышно.

* * *

Повсюду — в кабаках, в салонах
творцов, собою упоённых,
признаться честно, трепещу.
Их бледных взоров не ищу.

Не всё талантливое свято.
И головы рубить талант
краснорубашечника-ката
могуч — с претензией на грант.

Душа не этого алкала.
Не только единенья муз.
И блоковского квартала,
пожалуй, я посторонюсь.

На высший суд их притязанья
смешны. Сплошное улюлю.
Из книг своих на растерзанье
им никакую не пошлю.

Мы разного посева всходы.
Пусть высший дар неизречен,
но мыслят тщетное народы,
мятутся племена — зачем?..

Зачем сквозит в дали туманной
сто раз исполненный на бис
итог томления — жеманный,
витиеватый экзерсис?..

ОБИДА

Вдруг поднялась со дна обида... Ну, дела...
Припёрла к стенке, как бревном! Как заколодило!
С обидчиком как поступить — казнить иль миловать?
На расстоянии держать. Стихом премировать.
Забыть, переступить, отсечь боль окаянную.
Скорее соскresti! Скорей — отмыться в ванную!
А то с утра хожу как сыч — угрюмо, вздрюченно.
Лети, голубушка, лети прочь и не мучь меня.
Обидчики, они ведь чудики, твои дружки.
Лети! Мочало прикручу тебе и крылышки.

* * *

Молиться за врагов за окаянных — значит,
желать врагам добра. Так праведник сказал.
И он, конечно, прав. Но плеть давненько плачет
по ним. Я сам бы их прилюдно наказал.

Вдруг промелькнёт во сне — страшной летучей мыши
знакомый супостат. И мучаюсь без сна.
Да будут их сердца объаты светом свыше.
Да будет их любовь избыточно полна.

Молиться за врагов — как за себя бороться.
Сберечь душевный жар, льда растопив скалу.
От призрачных затей спасает миротворца
желание добра, а не потворство злу.

* * *

Всем, протягивающим руку за помощью.

Подавая нищему из тепла своего
родного, на холод собачий выпорхнув,
вы не спрашиваете, за кого
он голосовал на выборах?

И скрипке, рыдающей под землёю, рупь
презентуя, уж не последний, наверное,
внимаете,
не пытаете с пеной у губ,
какой веры она?

Ибо каждого нищего — костляв, мордаст —
просьба через ваши руки возносится
лишь к Одному, Кто любому подаст,
к любому на помощь бросится.
У ханыг-бедолаг считаться заведено:
у того копейка, у этого тысяча.
Беспальные руки и бельма в небо одно
незримое — тычутся.

И оно расщедривается вновь и вновь.
Помогает младенцу из зависти вырасти.
Ибо сошедшая свыше одаривающая любовь
не спотыкается на справедливости.

ПОПЫТКА РАСКАЯНИЯ

«Оснований для паники нет» —
пишут в прессе. Я тоже уверен.
Даже если вот-вот белый свет
станет чёрным, обуглен от бед,
а родной Homo sapiens зверем, —
оснований для паники нет.

Одолеть испытания злом
до конца — это я понимаю.
Понимаю, оно с топором
стережёт не за каждым углом.
И, надеясь на Бога, умом
испытания злом принимаю.

Но спокойствия недостаёт
в чём-то главном. Логический ход
умозрений — помеха для веры.
Охранительные барьеры
напрочь рушатся... Снайперски бьёт
ужаснитель из близкой пещеры.

Вот когда я собой становлюсь.
В притяжение враждебном мечусь,
словно птичка, влетевшая в сети.
Вот когда боком лезут все эти
умозрения, коих стыжусь.

* * *

Навязчивые клипы
прут напролом горой.
Ослабленной молитвы
перерубают строй.

Настрой непросветлённый...
Склонясь перед иконой,
запнусь на ерунде.
И мухой полусонной
летаю чёрт-те где.

О сокровенной встрече
прошу, а сам — бегом.

О час молитвы! Легче
таскать мешки с песком.

Неловкий соглядатай,
споткнушь то там, то здесь.
И всё же, Боже Святой,
мой дольный мир разъятый
прими, каков он есть...

Дабы перед Тобою
хотя б умерил прыть...
С молитвою худою,
которую не скрыть.

ЛАГУНА

Мы, представители позднего палеолита,
в круговороте природного цикла живём.
Всё, что к мозгам и к кишечному тракту прилипло,
вон извергаем и новые массы жуём

пищи доступной. Больших перемен не бывает
в нашей лагуне, которую пучит со дна.
Всё, что волна на пологий песок намывает,
следом идущая тут же смывает волна.

Так что откат неизбежен в дебри рептилий.
Повременим. Наползает оттуда гроза.
Вовсе не значит, что нам над собою усилий
делать не надо, не изобретать колеса.

Но отольются когда-нибудь долгие стоны
в должные действия. И расплескают затоны.
Тем и утешимся, грустные мысли жуя...
Только сначала пройдут над лагуной зоны.
Будто и вправду бессмертна лагуна моя.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Лоскутное одеяло...
От Ревеля до Байкала
и дальше... Оттяпали впрок
прикрыть окончности ног
из глины — колосса, амбала.

Карелы, мордва, остяки,
Кавказ (эти аки волки!),
буряты, эвены, коряки...
Сшивали приходские дьяки
с молитвою «Паки и паки...»
полотнища и лоскутки,
латая в сердцах... Кое-как
держалась под страхом и пыткой
дерюга цветная. ГУЛАГ
прошил её ржавою ниткой,
простёгивая по головам
туземцев... Да всё бесполезно.
Разрознились узы. По швам
всё враз поползло и полезло.
И карлой предстал богатырь...
В скиту чудотворца упырь
наладил свои погремушки.
И наша бескрайняя ширь
усохла, как шкурка лягушки.

II. ДВА МНЕНИЯ

Сибирь ослабленная наша
простёрта, как пустая чаша.

В неё сквозь Уссурийский край
бесчисленных форпостов мимо
невидимо, неуловимо,
просачивается Китай.
Пока мы тут точили лясы
о Божьем Царстве, о грехе,
воздвиглась мощь великой расы,
таща трудящиеся массы
со дна Янцзы и Хуанхэ.

Век нынешний переболеет.
Очухается едва...
И уж заметно пожелтеет
моя румяная Москва —
в кипении людских потоков...
— А мне так всё равно как раз,
какие будут у потомков
цвет кожи и раскосость глаз.
Да мы давно уже и сами
раскосы чуть — с тех пор, когда
нас обрюхатила Орда
в Твери, Владимире, в Рязани..

Ты лучше оглянись окрест!
Нет друга ближе антипода.
А размывается порода...
Не выдаст Бог, свинья не съест.

Ни жёлтый, ни иссиня-чёрный
не страшен, не сходи с ума.

Войдёт, войдёт и в их дома
Христос — жених наш наречённый.
Он сам был смуглый, и весьма...

* * *

Видимо, эта страна
так и не вспрянет со дна.
Как бы к ней, правя законы,
ни подцепляли понтоны.

Пусть не всплывёт и не вспрянет.
Пусть её илом затянет —
вялотекущим, родным...
Только б не слипнуться с ним.
Стоит ли хмуриться, дуться?..
Сам-то сумеи оттолкнуться,
горб отодрать ото дна.
Может, тогда и случится
чудо... Вдруг ил возмутится,
и шелохнётся она...

* * *

Петру Старчику

Поистрепались лозунги
в лоскуты,
на ветру ярясь.
Друг, мы с тобой заложники
и, может быть, отродясь.
Правый или неправый —
не выбраться из мешка.
Это на нас облавы
обрушивала ЧК,
перегородив мерёжей
улицу... Кто таков:
художник? Студент? Прохожий?
Из бывших? Из кулаков?
Проштрафившемуся авгуру,

придворному балагуру,
Сталин порой прощал...
Журил: «Па-са-жу на кул-туру...»
Ибо места не знал
никчёмней и непристойней.
Пугало, как приговор.
Так оно вошебойней
и числится до сих пор.
Считай, с колыбели острожники.
Нахлебались всего.
Брат, мы с тобой заложники
мира сего.

* * *

Опять о Сталине:
«При нём же было лучше ж!
Твоя святая церковь — кот в мешке!»
Ничем, о, неужели, не научишь
их, окромя оглоблей по башке...

* * *

Не будем ужасаться,
что чёрное черно.
В отчаянье бросаться
на стены. Отчего
чуть было в отчем доме
не спятили с ума.
Что мы узнали кроме
того, что мир — тюрьма?
Не будем, в самом деле,
об этом — об одном.
Собратья озверели?
В любой семье — содом?
И трупным ветром веет?

Но — смертный да не смеет
в унынье забывать:
где злоба матерее,
там крепнет благодать.
Внушая благодарность
к Тому, Кто нам велит
принять, как знак, как данность,
что мир во зле лежит.

ПОЗЫВНЫЕ «СВОБОДЫ»

Все мы люди — плешивы, патлаты.
Все, примерно, советской породы.
Нам желаннее «Лунной сонаты»
были в те окаянные годы
позывные «Свободы».

Их, конечно, нещадно глушили
наши призрачные антиподы,
особи сверхсоветской породы.
Но как бабочки в небе кружили
позывные «Свободы».

Мы сегодня немножко другие.
Ищем общедоступные броды.
Чтя Макдональдс, такие-сякие,
буржуазно жуём бутерброды.
Но включаем всё те же родные
позывные «Свободы».

Вы достойны особой награды,
гиды, чьи откровенья прекрасны.
Да не тронут вас моры и глады
и тем паче сибирские язвы.

От Москвы и до самых окраин
проникали в подземные воды
и выглядывали из прогалин,
из проталин — в любые погоды
ваши вестники и доброхоты,
оглашая духовные роды
позывными «Свободы».

* * *

Недвижимости не иметь
в стране, где заказная смерть
любой недвижимостью движет
и каждому в затылок дышит.

Вольно заморским господам
наделать туры здесь и там,
после чего, пригубив джина,
вздремнуть у своего камина.

Слов нет, удобны их дома.
Как пряничные терема
сверкают, крыты черепицей.
Из всех палаццо веет пиццей.

Ну-ну, не будемте тужить.
Извольте лучше дорожить
тем, что теперь вполне законно
в открытой пасти у Дракона

мы обитаем — стол, стена.
Что ж, пасть как пасть. Ещё сильна,
ещё жуёт харчей помногу
и не сомкнулась, слава Богу.

* * *

Желанного мира и счастья желанного ради
война узаконена. Действительность такова.
Племена тутси и хуту в Руанде
косили друг друга из автоматов Калашникова.

Раньше мы торговали пенькой и дёгтем со всеми.
А нынче значимся поставщиком мировым
дешёвой штамповки — огоньком дармовым.
Едва ли не все на планете руины и нищие земли
засеяны нашим «Калашниковым».

ПАТРИОТИЗМ

Родина-мать зовёт!
Как в топку, в оружий рот
кидаются с благородным рвением
поколение за поколением.

* * *

Дружно держали шаг.
Вражий смели редут —
заради будущих благ.
Будущие грядут!
Вы — отработанный шлак
ныне, вторичный продукт.

Честно вздымали кирпич,
этаж громоздя на этаж.
Покуда впадавшие в раж
вожди вам толкали спич,
слеplенный из параш.

Записывались гуртом
в строительную артель.
Удерживали горбом
свод — хороша капитель!
Ваша обитель — дурдом
ныне. Ложь — постель
мокрая... Пожил — пора!
В кожу, видна насквозь,
всадит укол сестра,
отворотвши нос.

Помоечные бачки
обирают костыль и крюк.
Безумные старики.
Сушь протянутых рук

тенью прозрачной — шмыг.
Рваной обувкой — шварк.
Кому отжёванный жмых
нужен, отработанный шлак?..

* * *

Эмигрантам — уехавшим и оставшимся

У тех, зацементированных в тисках ностальгии,
ещё трепетали надежды благие...
Видения о Берендеевом лесе...
Свои заповедные дали и веси
оставили здесь они — ладный уклад,
родные пенаты, ухоженный сад.
Покой библиотеки, пламя камина...
Саднила разрубленная пуповина
в чужбине — болезная, кровная нить.
И, кажется, не перестала саднить.

А этим, родившимся в голой пустыне,
природным изгоям, открылись святыни,
которые сблизят и этих и тех.
И не упадут от поместных помех.

Ослабли с отечеством связи земные,
быть может, затем, чтоб окрепли иные...
С отцами и дедами, Бог знает где
зарытыми кучей в родной мерзлоте.

С любимыми, чтобы сродниться судьбою,
куда б ни швырнуло взрывною волною,
да не распалит элегических уст
осиновый кол и рябиновый куст.

РАЗГОВОР ПО МОБИЛЬНИКУ

— Казя-базя, крутые ребята, все на золотах,
веточки-ниточки, казя-базя. Квартиры, бля,
грабят. За половиной ментура гоняется.
Олежка уж на Матросской тусуется.
Они с Васьком мента метелили, не могли
отлипнуть. А мой был не при делах, отмотался.
Сегодня уезжает в Базель, в Швейцарию.
У меня одна тройка выходит по физике.
Я вылазию только на списывании.
Ничё не знаю. Твой не бухает?
Мой тоже вовсю. Инн, хочешь, расскажу прикол?

* * *

В разбросанном созвездье Андромеды
есть пятнышко — внимательный глазок.
Когда прозрачной ночью неотступно
средишь за этим местом, замечаешь,
что пятнышко пульсирует, как будто,
мигая, тоже смотрит на тебя.

Ближайшая из галактик
разглядывает нас глаза в глаза.

А рядом, на полнеба распластав
чешуйчатое тулово гиганта,
нацелился Дракон. Но между ними
блистательный Персей поднял свой меч.

То пятнышко туманное — гнездо.
Гнездо и пасть Дракона — вечный символ
колеблемого мироздания.

Святой Георгий топчет Змия и
копьем пронзает... Мой любимый образ
родного новгородского письма.

Да жил ли в бытность Диоклетиана
Святой Георгий?.. Правил ли Персей
Пелопонесской вотчиной?.. Сие
от нас сокрыто напрочь. А раскрыто:
Дракона пасть и — вот оно — гнездо.

* * *

Слабо трубе иерихонной
с сиреной противоугонной
сравниться... Ночью под окном
вдруг взвоят и залает взвизгом.
Всё рушится: и сон, и дом,
и сам ты по стене разбрызган.
И уж конечно не уснуть.
И бредишь — бомбою метнуть
в неё, чтобы огнём умылась...

Очнись, скорей перекрестись...
И дикой кары устыдись,

переменю я гнев на милость.
В сем страшном звуке есть резон,
о чём бы ни сигналил он.
А в нас — подобие испуга,
встающего из тех времён,
когда от вещих труб округа
тряслась... И пал Иерихон.

* * *

Не хочу на Валаам,
в щель последнего затвора.
Соблазнительны и там
чары девственного бора.

Груз мечтательности, плод
сладкий ветхого Адама,
в тёмную пучину вод
стаскивает упрямо.

Не хочу в пустыню бечь,
мыслью расплещась по древу.
Дива грозного иль Деву
кроткую — впотьмах стеречь.

Пребывая под и над
явностью — пробел для зрячих,
недоступностью приманчив
потаённый Китеж-град.

Но — по вере достигим
всюду, и в юдоли местной,
не подводный град — Небесный
вечный Иерусалим.

Стоит подвигов в бору
нынче, не во время оно,
иночество в миру,
в самом пекле Вавилона.

* * *

По стародавнему знатному праву
демократическому — выбирать,
демос всегда выбирает Варавву.
Ибо ему на Другого — насрать.

Благоутробно попами науськан,
он, сотрясая трибуны, орёт!!!
На арамейском или на русском
так присягает убийце народ.
Демос — всегда комковатая глина.
Мять её долго, разборчиво мять,
чтобы певучее горло кувшина
Мастер — Единственный — мог изваять.

Мастер податливой глины дождётся.
Сами поможем — не все же волки!
И не беда, что до смерти придётся
в сердце своём растирать желваки,

чтобы, увидя ползущую лаву
вниз, по ущербному склону, в дыму,
не испугаться, не выбрать Варавву,
не ошибиться в тот миг самому.

* * *

Горой за народ, набычась,
перекосивши рот,
оратор-трибун орёт.
Хорош! Ну, а я — за личность.

За прицельную точность
Давидову — камня в праще.
Народ — это некая общность
статистическая и вообще...

Я тоже народ. Тоже болен
в толкучке — базар-вокзал.
Народ без меня не полон, —
отверженный классик сказал.

Изнемогла от обузы
душа, ибо, кровные узы
руша, не племя, не род,
а личность в вечность войдёт.

* * *

Утром помоечные разборки.
Это дерутся бомжи из-за корки,
будто воробышки — та же печаль.
У победителей — те же восторги.
Не маргинальной жизни задворки,
а самая что ни на есть магистраль.

О, вековая участь илота:
мучиться и ненавидеть кого-то.
Но и хозяева не без греха.
Те, оборзевшие в ареопаге,
брылами шлёпающие дворняги —
те же разборки и воздуха.

Форточку можно закрыть, запереться.
Ну а по совести — некуда деться,
будь ты богат или гол как сокол.
Выход один — положиться на волю
только Того, Кто по звёздному полю
в эти миазмы однажды сошёл.

* * *

Где ни копни в этой голой долине,
слёзы и кровь проступают на глине.

Заступом, только отмякла земля,
тронешь, а там стекленеют моря.

Так ли неведение наше безвинно?..
Вдуматься, что ни семья, то руина.

Что ни душа, то кричащая боль.
Что ни правитель, то голый король.

Так же, прикрытая дёрном, зияла
Авеля рана. Земля вопияла

голосом крови, набухшим затишьем.
Голосом, что был услышан Всевышним.

* * *

Куда ты несёшься, о, тройка, о, птица?!
На взмыленных крыльях родная орда!
Закат раскалённый восходом помстится
кормилице, толком не свившей гнезда.
Не знает ответа... Незнамо куда...

А может, кругами над вечным болотом
ширяешь, широко круги размахнув...
Убойная доза птенцам желторотым
приманчивой дури достанется в клюв.

И пусть я пушинка в твоём оперенье,
об истинном напоминаю смирение
себе — неразрывной повязан судьбой:
смирение — да.
Но не перед тобой.

ПОДМОСКОВНЫЙ ЛЕС

От нас народятся словесные монстры,
Мы будем показывать их любопытным.

Николай Байтов

Сором забита, замурзана
рощица — свальная яма.
Горы словесного мусора
в горы железного хлама
перемололись естественно
или искусственно... Жилу
дюже доходную, месиво
ржавое — не под силу
вывезти даже Японии...
Способ предложила забавный
нашей всеильной Трезвонии,
нашей Лимонии славной.
Мерзостна демагогия
бонз. Безответственна пресса.
Но, проходя по дороге я
ни в чём неповинного леса,
думаю: каждый поплатится —
властен он или не властен, —
кто к этим язвам невнятицей
собственной жизни причастен.

* * *

Я в рощице за дерево вступился.
Румяный отрок зверски обозлился,
над головой моей топор занёс.
Жизнь или дерево — вот в чём вопрос.

Но что за жизнь без дерева, однако?..
В рубцах и ранах ржавая клоака,

где некогда черёмуха цвела,
которая Набокову приснилась.
А нынче впадина... Голым-гола...
Железный ужас и бумажный силос.

Валяй, руби, возлюбленный Адам.
Я жизнь свою, пожалуй, не отдам
за всё, что ты развалишь и развеешь,
за то, чему цены не разумеешь.

* * *

Копая грядку на новом месте,
я наткнулся на камень
и выворотил его лопатой.

Черепообразный обитатель палеозоя
с пустыми глазницами раковин-брахиопод.

Кого-то он мне напомнил...
Лицо, изображённое Босхом
в евангельском сюжете «Несение креста».
Одно из тех, что окружали Иисуса.
Грязно-бурая щетина,
запавший рот.

А ещё — устрашающе-милого монстра
из творений Целкова.
Какое устойчивое портретное сходство
на протяжении веков и тысячелетий...
Неувядаемый образ.
Нетленная сущность.

А вчера я встретился с ним в электричке.
Та же шершавая окаменелость,
те же пустые глазницы.

Слегка под хмельком — полковник в отставке.
Он выворотил передо мной свою душу.
Всё то же: Сталин был бог.
Во всём виноваты евреи.

Почтенную каменюгу, которую я отрыл в огороде,
можно бы водрузить на книжную полку...
Как-никак, а прародительница членистоногих...
Но уж очень страшная образина.
Я прикопал её на дороге
в разъезженной колее.
Здесь она будет при деле.
Здесь ещё своей черепушкой послужит.

* * *

Когда-то остынут последние угли в золе.
И, пеплом объята,
когда-то настанет последняя ночь на земле
моя, а не чья-то.

Всё чаще и чаще врывается смерть, торопя
толпящихся с краю.
Покорно стою среди них. Всякий раз на себя
её примеряю.

С чем я отойду? С нераскаянным камнем в груди?
Иль выпрямит плечи
предчувствие долгого-долгого дня впереди,
предвестие встречи?..

Держатель сокровищ ниспосланных, за будь здоров
убуханных в глину,
я знаю — не лучший, видать по всему, из миров
однажды покину.

* * *

Он пил, утверждая свободу
под спудом, лелея обиду.
Он спился. Немного народу
пришло на его панихиду.
Священник, вздымая кадило,
у аналоя маячит.
Мать голову в гроб уронила —
единственная, кто плачет.

Увы, не завален цветами.
Речами обставлен не очень.
При жизни бывал ли он в храме?
Какое значение, впрочем,
имеет теперь?.. Суетится
мысль скудная, скорбная с виду...
Приметив знакомые лица,
гадаю — а много ль проститься
придёт на мою панихиду?..

29 ЯНВАРЯ 1837 ГОДА

Уже он был на смертном ложе.
Уж теплился нездешний взор.
Вдруг ясно признёс: «Смешно же,
чтоб пересилил этот вздор
меня...»

Вздор — тяжесть грозная, тупая,
с рожденья по пятам ступая,
готова задушить вот-вот...
Вздор — разъярённых гарпий стая,
терзающая живот.

Ему ль не совладать с напастью
убийственной... Зубы сжал.
Чудесной наделённый властью,
и не такое усмирят.

Поэт не в облаках витает —
под бременем трудов и дней.
Чем сдержаннее, тем вольней
стихия форму обретает
и тайную свободу в ней.

И краски дивные, и звуки,
нет, не сводящие с ума...
Вздор — навалившиеся муки
земные... Да и смерть сама...

* * *

Отвернуться к стене —
благородная блажь.
Дабы с улицы не
западал антураж

вероломный в стихи,
закононая жуть.
Как нырнуть в лопухи
или шоры обуть.

Но, куда ни поставь
стол — чердак ли, чулан, —
в зубы бьющая явь
прошибёт, как таран.

Так, уставши болеть,
Гоголь, чтоб без помех
наконец умереть,
отвернулся от всех.

А ему, на боку
отходившему (мир
завсегда начеку),
доктор вставил клистир.

Дудки! Сплошь решето
щит... Что по лбу, что в лоб —
обло чудище, сто-
зевно лайяй по гроб.

И в душе, и вовне.
И в лесу, и в дому.
Отвернуться к стене —
лишь потрафить ему.

Ишь, страшает гроза
в сапожках а ля Русь!
Глядя в злые глаза,
улыбнись, улыбнись.

* * *

Жизнь пронеслась — на бегу, на лету, на скаку
и каменеет навязчивой болью в боку.

Переберу, сокровенные тайны раскрыв,
письма, рисунки, наивные вирши — архив

так называемый... Сердца избыточный груз.
Коим, особо не мешкая, распоряжусь

лично. В огонь. Пожалею заветных две-три
толстых тетради. И, может быть, письма твои.

Надо успеть самому, не успела пока
это же самое сделать чужая рука.

* * *

Здравствуй, сестра моя смерть.

Св. Франциск

То добытчицей рыщешь с утра.
То разлучницей шастаешь близко.
Никакая ты мне не сестра.
Не понять мне святого Франциска.

Без конца о тебе говорить
ох, опасно... А мне и подавно.
Ибо есть опасенье застыть
кроликом перед глазами удава.

Но, встречая рассвет декабря,
запылавший над крышей барачной,
восхищённо смотрю сквозь тебя,
сквозь нацеленный ужас прозрачный.

И в двухтысячезном году,
если не умудрюсь растерять я
сокровенных надежд, — обойду
я твои ледяные объятья.

Хватит прятаться возле креста
и заманивать в диспуты снова.
Налагаю печать на уста:
о разлучнице — все — ни слова.

ПОДРАЖАНИЕ ДРЕВНИМ

Мало мне жизни одной... К себе не сумел я пробиться.
Только-только стал постигать путеводных правил азы.
Не научился ещё собой жертвовать, сил не жалея.
Потому-то их кот и наплакал. И краток урок.

Только глаза приоткрыл, а уже отягчённые веки
чувствую... Только твёрдой ногой
ступил на дорогу, а уж дороги — конец.
Мало жизни одной... Да будь их хоть десять,
не отдавая себя, невозможно себя обрести.

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ ИЗ КНИГИ «КОВЧЕГ» (Самиздат)

I

Воскреси меня, как Лазаря из гроба
беззакония — из ветхого окопа...

Где хоронимся и заживо гниём,
перекрёстным опоясаны огнём.

Из смятения, из призрачно-фатальных
обстоятельств, как из тряпок погребальных.

Из разболтанности немощной! Всё то же...
Собери меня в молитве, Боже, Боже...

В каждодневной, в неотступной, не слепой.
Научи меня стоять перед Тобой

хоть в молитве... Не прислушиваясь к бредням
мировых стихий... На камушке последнем.

1976

II. СОМНЕНИЕ

Смоковница, где твои смоквы?
Народ, где святые твои?
Мотаются по ветру мётлы.
Снуют по стволу муравьи.

Пристанище временным гадам,
чьих гнёзд под корою полно.
Топор же обещанный рядом
валяется, ржавый давно.

1978

III. С МОЛИТВОЙ!

Охлёстывало до слёз!
Плескалось, пелось и рвалось
из сердца
с несказанной силой
на люди — Господи, помилуй!

Тишайше на губах горя,
весь день стояла, как заря,
сплошь — от восхода до заката.
И в друге озаряла брата.

О, так бывает не всегда...
Просил в преддверии суда,
как будто бы... перед могилой
о главном — Господи, помилуй!

Как многоопытный боксёр,
затянут в бесполезный спор,
в глухую уходил защиту:
в открытость,
в преданность, в молитву.

И отзвуком от встречных лиц,
от голых стен, от продавщиц
над очередью унылой
кружилось — Господи, помилуй!

Как из палатки в снежный ад
ступая, крепко за канат
держась... в буран ползут по льдине,
так с нею — в городской лавине.

IV. ОБ АНЕКДОТАХ

Вы слышали? Да, да, умора...
И шепотком, в тени забора,
торшера, кухонных забот
выуживают анекдот
из-под полы.
Ой, лихо кроет!
У мавзолея рожки строит
и рожки. Ест глаза, как дым.
Прут анекдоты дружным строем.
Жужжат. И, словно мухи, роем
над мясом носятся гнилым.

Умора! Тащимся в обозе...
Умора! Оскоплённый дух
бездействует в анабиозе...
Лишь анекдоты мыслят вслух.

Сочится ключик из болота...
Чтоб не сочли за идиота,
в круг уважаемых гостей
а ну-ка, выдай посмачней!

Действительно, ну просто прелесть!
Под щёчку с карамелькой — ересь.
(А я не вспомню ни за что.
Они в меня, как в решето.)

Изячны, как стульчак в клозете.
И злободневны, как в газете
стихи.
Есть люди-чемоданы.
Откроешь — и набит битком.
Здесь и под водку, и для дамы,
и свеженькие, и с душком.

Достанет, ловко щекотнёт,
щипнёт, правительство ужалит...

А говорят, молчит народ.
Неправда — вон как зубоскалит.

1976

V

Повторять, как заклинанье, буду —
Господи, с Тобой не страшно всюду:
ни в продрогшем поле, ни в дурдоме,
ни в летящем под откос вагоне.

Отчего же, безответно маясь
и к Тебе невнятно обращаясь:
здесь ли Ты, со мною ли Ты, Отче, —
вдруг почую ужас?..
Днём ли, ночью
свой взывающий услышу голос:
здесь ли Ты? —
И встанет дыбом волос.

1977

VI

Чаю воскресения мертвых...
Символ веры

Со дна раздавленной души
струится стронций.
Свой гнев не рушьте, латыши,
на нас, эстонцы.

Мы равную судьбу влачим.
Крест — поделили.

Давно спрессованы, молчим
в одной могиле.

О, дух гниения тяжёл
в плену полыни.
По каждой нации прошёл-
ся меч Эриний.

Вас опрокинули за грань,
цвет уничтожа?
А Дон, Тамбовщина, Кубань,
погост Поволжья,

Урал с Сибирью?.. Запеклась
их рана крупно.
Не с нас ли первых началась
под корень рубка!

Кто виноватей, кто правей —
вопрос дурацкий.
А лучше будем подобрей
в могиле братской.

По трупам да невесть куда
вверх не пролезем.
Обуглимся. И никогда
уж не воскреснем.

1979

VII

Наше время беспамятное.
Марк Поповский

После бани той кровавой,
вызвавшей повальный шок,

мне достался скарб дырявый —
бренной памяти мешок.

Что найду, то — потеряю.
И опять ищу с азов.
Как в авоську собираю
крошки с прибранных столов.

Где уж там ума палаты...
Мне бы зёрнышко одно,
чтобы не кроить заплаты
на прогнившее рядно.

Сшибленная лихолетьем,
память пущена в распыл.
Господи, открой хоть детям
то, что от меня сокрыл.

1979

СУСАННА

Уж солнце поднялось давно.
А в домике полутемно,
таинственные светотени...
Извне толкаются в окно
набухшие соски сирени.

У женщины — пасёт цветы,
золоторунные гурты
в саду — пугливый взгляд Сусанны.
К ней тянут огненные рты
и ластятся к ногам тюльпаны.

Она встревожена слегка.
Из-за кустов, издалека,
горбатые напружив спины,
глазеют на неё люпины.

* * *

Бердслеевской эротики
благоуханна тень,
когда в объятьях Родины
просаживаешь день.

Нырнул в постелю душную
и позабыл про стыд.
Она обымет тушею
и запросто заспит.

Нагая, крупноблочная,
она во всё подряд
вперяет обесточенный,
точней — фригидный взгляд.

Вздымаясь, давят видами
фасады и зады.
Омыты пестицидами,
кудрявятся сады

в излучинах и в пазухах
её больших зыбей.
Пласты сравнений базовых
разбередил Бердслей.

В его игре утоньшенной —
предсмертной страсти взмах.
Однако жизни больше в ней,
чем в девственных мясах.

* * *

Шлягер пятидесятых
с утёсовской хрипотцой
выпал не весь в осадок,
волнительной прошибёт слезой.

Слова, понятно, кошмарные
про любовь, про Одесский порт,
который в ночи простёрт...
Но — эстрада! Фигуры парные
решительные, статуарные
откалывают фокстрот.

В Москве фестиваль, феерия,
околпаченная куча мала.
Халявная СССРия
подкрасилась, марафет навела.

Сплотила дружбой ударною
представителей разных стран.
А у меня...
С девушкой статуарною
серьёзный роман.

Намерениями взрослыми
осложнённый. Рука в руке
гуляли в парке под соснами
эстрады невдалеке.

О, юношеская затаённая
обида: не с этой, так с той...
О, первая ночь, замутнённая
утёсовской хрипотцой.

Красотами исковеркана
смомнительными — се ля ви!
То была не любовь, наверное,
а ещё только жажда любви.

МИМОЛЁТНОЕ

I

Как в лузу шаткую шары
влетающие влипают,
как в чёрных дырах пропадают
солнцеподобные миры,

так в ветреной толпе, преград
не знающей, её невольник
вонзает оголённый взгляд
чуть вниз, во встречный треугольник

очаровательниц молодых,
что выставлен как на витрине
джинсовых лядвей, облитых
велосипедок и бикини.

Бок о бок пронеслась гроза,
вниз вдавливающая лавина...
Чуть вниз... А уж потом в глаза
и безучастно и невинно.

II

Жар моих глаз неуёмен.
Всё, что мешает — в клочки!
Как от горящих жаровен,
запотевают очки.

Солнцем оплавлены, льются
линии бёдер и плеч.
Взглядом боюсь прикоснуться,
чтоб невзначай не обжечь.

* * *

Изыди, сатана,
потворствующий лиху,
глаз положивший на
Елену повариху.

Да и она, входя,
не отведёт лица.
Как на волне ладья
покачивается.

Взрывоопасный жест
могуч — ядро в полёте.
Пудов этак на шесть
необоримой плоти.

Дешёвый борщ и бар
с сомнительным декором
взметнут такой пожар,
не помнить о котором

нельзя... Тогда рожна
какого ж столько прыти!
Изыди, сатана!
Вон — из меня — изыди...

В ДОМЕ ТВОРЧЕСТВА

Тетрадь открыл, закрыл, опять открыл... О, ужас!
Да что ж это со мной! Над каждой строчкой тужась,

верлибром разрожусь, рифмованным стихом
иль белым — всё не так, не к месту, не о том.

Печально пребывать на собственной кончине.
Печальнее вдвойне здоровому мужчине,

которому печаль вменяется в вину.
Читай. Гляди в окно. И не гони волну.
И досыпай свой срок в расшатанной кровати,
где до тебя всю резвились тёти-дяди.

Читай. Ворон считай. И по лесу ходи.
И с горничной молодой бесед не заводи.

Ещё в душе твоей недоставало грязи!
Отчаливай, творец, скорее восвояси.

В Москву, в Москву!
Смирив строптивый свой глагол.
Поставив на себе, творце, не крест, а кол.

* * *

Шум берёзы, похожий на шум дождя.
Сад прислушивается, оторопев...
Ну и пусть шумит. Загляделось дитя
на невзрачный цветок львиный зев.

Предгрозовые тучи ползут с реки.
Мама кличет доченьку в дом.
Скачут молнии взапуски,
и с ноги на ногу переминается гром.

Оказалось — невзрачный неотразим.
Львиный зев — само божество.
И анютины глазки, склонившись над ним,
уж не видят вокруг ничего.

* * *

Дочерние сгребая оплеухи
и слёзы крокодиловы лия,
отец семейства взвыл: что есть семья?!

Потомство, родственники? Умрём, как мухи!
Да не иссякнет истина сия —
наследие не в семени, а в духе.

* * *

В детстве мне очень хотелось иметь собаку —
друга, защитника, родную душу.
И непременно бульдога.
Грозная внешность
казалась мне
воплощением верности и победы.
Мощная грудь,
                    свирепая морда,
                    мёртвая хватка.
Наивное детское воображенье.

А всё же что-то осталось
от тех сокровенных мечтаний,
когда сегодня думаешь
о возмездии справедливом.
Хотя, конечно же, понимаешь,
что нет ничего свирепого
в Защитнике мира.

* * *

Синь апрельская иней со стёкол
слижет к полдню, капелью звеня,
и, слепящим блуждающим оком
поманив, осчастливит меня.

Вроде бы холода отступили,
а стращают ещё по утрам.
По-над лесом строгают стропила
солнцеликий работник Ярила,
ладит летний сверкающий храм

для гостей перелётных и зверя,
обитателя здешних болот.
Я к нему не прошусь в подмастерье.
Я сбежал от сезонных работ.

Я хотел бы и зиму и лето —
о, чудное призвание моё! —
каждодневно в тиши кабинета
приниматься, по слову поэта,
«за старинное дело своё»...

Кабинет или угол в сарае —
всё одно. Опасения те ж...
По крупице себя собирая...
Трудоголик переднего края,
лет преклонных и юных надежд.

Я не зяблик, не певчая птица,
хоть готовлюсь в далёкий полёт.
Но и там я надеюсь трудиться,
там, где солнце уже не встаёт.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Блаженство. Теплынь. Благовещение.
Земля полуобнажена.
К себе, как познавшая женщина,
прислушивается она.

Чуть где ручеечек заводится,
уж к небу возносится звон.
Известно: земля — Богоносица
и Богородица испокон.

Набухшие почки и паводок,
набухший в томленье низин...

И разве случайно совпало так,
что я в этот день водрузил

скворешницу... То-то обрадую
жену — измечталась по ней.
Пожалуйте, гости пернатые!
Хоть кто-нибудь... Хоть воробей...

Синица, бессменная данница,
живи, не пугайся ничем.
Бен Ладен сюда не дотянется.
Фугас не заложит чечен.

Котяра соседний заранее
сгрызает уж когти свои.
Он, лапочка, жаждет братания.
Мы дети единой семьи.

О, тайна благовествования!
О, смутные грёзы земли!

МАРТ ЗА ОКНОМ

В соседстве с деревьями мир неогляден.
Как школьник, любому я рад пустяку.
Любому из мартовских огненных пятен.
Горят разноцветно, подтоплены за день,
вкруг каждого дерева лунки в снегу.

А в сумерках долгих стволы дерзновенно
возносятся в вечность — отсюда, со дна.
Я в комнате свет погашу, не до сна...

Холодный сиреневый сумрак Дерена
стоит, не шелохнется в раме окна.

* * *

Ни дымка в посёлке. Лишь
пышет шифер, просыхая.
Снег шуршит, сползая с крыш,
ухает в сугроб, вздыхая.

Мартовские жернова
пошевеливаются едва.
Подождали, порыжели
и пошли месить массив
ноздреватый — запустив
длинноклювые капли,
молотки, долота, дрели.

Своевольничать горазд
март — устраивать проделки.
Всюду выпучил гляделки.
Точит капля волглый наст
с быстротой секундной стрелки.

ПОСЛЕ ЗИМЫ

Это ж чудо — дом не обокрали.
Не разбили стёкла, не наклали
на крыльцо, не унесли забор.
Снег сошёл... Видавший виды житель,
робко захожу в свою обитель,
где в углу сияет Спаса взор.

Он, а кто же! Уберёг от вора
эти стены... Как и от раздора
в них обосновавшейся семьи.
Есть Кого благодарить и славить.
Это ж чудо — светлый дом поставить
на клочке разграбленной земли.

ВИДЕНИЕ ПОД УТРО

В ветвях обнажённого дуба, вобравших
сиреневый сумрак с зарёй пополам,
запутался месяц, как белый барашек,
которому дивно был рад Авраам!..

Сошли листопадами тысячелетья,
а всё не редееет предутренний мрак.
Но месяц рогатый, но огненный зрак
Венеры поблизости... Веющий ветер
дохнул... и привиделось: праотец светел
серебряно-лунный... И сын Исаак.

Из книги ЭВХАРИСТО (2013)

ПОЗЫВНЫЕ ГРЕЦИИ

Эвхаристó (*гр.*) — спасибо.
Евхаристия (*гр.*) — благодарение,
центральное таинство Церкви.

Эвхаристó! Эвхаристó!
На дню, наверное, раз сто
отвсюду слышно. Глас народа,
благодарящего за всё...
Обыкновенное словцо
из речевого обихода.

А мне — стократный знак о том
ключе, сечение золотом:
язык сакрален или — пена
словесная. Эвхаристó,
благовествующее, что
обыденное — священно.

РАССВЕТ ЗА ОКНОМ

Скорей, скорее... Времени уж нет.
Уже вздымает облаков обвалы
меняющийся на глазах рассвет —
тёмно-зелёный, рдяный, чёрно-алый.

Скорей, скорей! Не завтра, а сейчас...
Уж пред тобой явился напоказ
из края в край мятущийся широко,
обещанный, тот самый, свет с Востока.

Он окропил муляжную скрижаль
вновь строящегося собора.
Куда отрадней вглядываться в даль,
в приметы запредельного простора,

желанного и сердцу и уму.
От очевидного не жди пощады.
Глаза устали погружаться в тьму
отечества, в свинцовые преграды.

Распахнутое небо... И страна,
разбухшая на мифах и поверьях,
разъята на подрамнике окна.
Её такую Левитан и Рерих

не представляли... Да и ты навряд,
хоть тыщу лет она тебе знакома.
Встаёт рассвет, похожий на закат,
во весь размах родного окоёма.

* * *

30 октября 2012 года
Соловецкий камень завален цветами.
Их больше, чем людей.
Неужели нас снова затопчут?..

Из письма

Не будем путаться: чья вина?
Взлетать на взрывной волне.
Свобода мало кому нужна,
тем паче в нашей стране,

смётанной из сплошных прорех.
Звезда ли, двуглавый орёл...
Нет, уже не затопчут тех,
кто подлинную обрёл.

* * *

Анне Политковской

Молчит и глаза таращит
народ — выглядывает из-за угла.
Как чувствуешь себя, заказчик,
воссевший во главе стола?

На жертве всласть оттянулся...
Из неё за глотком глоток
потягивая... Не промахнулся
твой отморозок-стрелок.

Да жив ли он сам?.. Памятуя
зверский ваш аппетит,
знай: та же самая пуля
в глотку тебе влетит.

Всё искуснее год от году
чешуйчатую чеканишь броню,
слабенькую нашу свободу
додавливая на корню.

Вот лежит она глухо у стенки...
А поодаль народ — как дитя
облапошенное, таращит зенки
и молчит, головою вертя.

* * *

Против этой разбухнувшей тучи в броне
неужели мы, правда, бессильны?
Нас размазали снова по кремлёвской стене,
как и вас — осетины, грузины.

Вешать сверху лапшу научились давно,
выявлять: кто шпион, кто вредитель...

Мой народ с победителями заодно.
Он и есть победитель,
мой народ...
На карачки с коленей восстав,
сам себя задавил, пятась задом.
Победитель в итоге считается прав.
Чёрной тучей в полнеба встаёт Голиаф,
огнемётным рыгающий градом!..

КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

Влажной тяжестью дышит каждый рассказ,
как набухший кровью платок.
Век минувший своё мурло и сейчас
высунет, от нас недалёк.

Но не тот уже нынче сгущается мрак,
и не так уж кромешно вокруг.
Это старый, вмурованный в гены, ГУЛАГ
отрыгивает законы бандюг.

Доживает в маразме. Он и был без ума.
Нынче виден во всей наготе.
И, куда ни ступи, по колено дерьма,
из которого слеплены те

же фокусники-хмыри, обдурят
хоть кого... Хоть слона в нору
затолкают...
Ты сегодня умри, говорят,
а я лучше завтра умру.

Том колымских рассказов, роскошно изданный том...
Это, в общем-то, добрый знак.
Пробуждается мой, ещё выстроен зэками, дом,
как поставленный на попа барак.

ПОСЛЕ ФИЛЬМА АНДЖЕЯ ВАЙДЫ О КАТЫНИ

Власть, запретившая фильм о Катыни,
не допустившая на экран
правду кровавую, — топчет святыни,
известью травит чувствительность ран.

Пятна смывает кремлёвский обмылок.
И по команде холуйская знать
жаждущим правды стреляет в затылок —
да не повадно запретную знать.

С наших бескрайних просторов надуло
новых застрельщиков — та же братва.
Снова они, оперившись едва,
там — отштампованы рыла и дула —
собраны в цепь у Катынского рва.

Не забелить, не замазать парашей
дышащую под бульдозером топь.
Общей Голгофы, польской и нашей,
кровоточит неизжитая скорбь.

ФИЛОСОФ ПОНЕВОЛЕ

(Над схваткой)

Не рыпайся, не реагируй...
Не морщи страдальческий лоб.
Спонтанные чувства блокируй,
тебя не подбросило чтоб
однажды, как дом на Каширке...
И выйдет, что горевал
всё знающий муж по ошибке.
Не спрашивай, кто их взорвал...
Назло новоявленной банде,
сплотившей кремлёвский десант,

глотай осмотрительно анти-
какой-нибудь депрессант.
Трагедия психов волнует.
Философ возвышен над ней.
Любая опасность минует
сквозящую тень меж теней.
Замедлив период распада
материи, ты проживёшь
лет двести, а больше не надо.
Всё зная — где правда, где ложь.

ОТВЕЧАЯ НА ВОПРОС РАДИОСТАНЦИИ «СВОБОДА»

Всё меняется на этом свете —
русла рек, очертания гор,
государственные границы.

Облик людей времён гражданской войны
отличен от современников победившего социализма.
Класс гегемонов, по удачному наблюдению поэта
Григория Зобина,
выродился в гегемонстров.
Ленин на броневику и Брежнев на трибуне —
совершенно разные антропологические типы.

Уголовника из социально близких,
на счету у которого не одно мокрое дело,
можно было опознать по взгляду.

Какой будет Россия через 20 лет? —
спрашивает радиостанция «Свобода».
Изменившейся.

Уже и сегодня облик серийного убийцы
совершенно неузнаваем:
вменяем, верный товарищ, любящий муж и отец.

Смотрю на его фотографию
и с ужасом думаю:
по внешности вполне мог быть моим зятем.

Так что через 20 лет
армию уголовников-мокрушников
вытеснит респектабельный киллер.

АЛУШТА. ОКТЯБРЬ

*Ивану Шмелёву, автору пророческой книги
«Солнце мёртвых»*

Не терпит история грима.
Я тоже к нему не привык.
Бежал я, как Врангель из Крыма,
под натиском местных владык,
безбожно дерущих монету
за место: где сесть и где встать.
Коммерция — выхода нету.
С курортников надобно драть.

Но я никакой не курортник
и сроду им не был ни дня.
Таксист, массажист, культработник,
прощайте, простите меня...

К тому ж я клиент небогатый.
К тому же не тычьте, не тычь!..
О, этот кураж бесноватый,
доступный трудящимся китч!

На всём — на киношных просмотрах,
на танцах, на тучах шаров,
на девах с реклам распростёртых,
на всём залегло Солнце мёртвых,
которое видел Шмелёв.

* * *

Когда меня унылый жлоб обманет,
а проще — на мякине проведёт,
душа моя, испытывая гнёт
отечества, смутится, но — воспрянет,

не утираясь низостью любой.
Власть свыше узаконила разбой.
И кто там прав, и кто кого крышует, —
понять нельзя. Как говорил Толстой,
да, да, талантлив наш мужик, но — жулик.

Жива душа... Противится тому,
чтобы никто не верил никому.
Смягчает, может быть, азарт батальный
всех против всех... удерживает нить
незримую... Пытаясь отдалить
всеобщий, может быть, исход летальный.

* * *

С веком не переменялся
сталинской лепки курорт.
И что это я соблазнился?
Вляпался, словно в торт.

Плямбы фасада вокзала —
краснознамённый ампир.
Бледную длань с пьедестала
тянет всё тот же факир.

Жулики нынче в фаворе.
Я и попался в сачок.
Вкруг вождённого моря
стража — забор на заборе.
Дикого пляжа клочок.

Миг единения сладок
в узком пространстве с волной.
Галечник ласково-гладок...
Если б не струпья прокладок
женских и тары пивной
груды...

В кафе над столами
мухи роятся. Газон
густо застелен телами.
Вроде бы уж не сезон,

я полагал. И напрасно...
Это ж родная земля...
Времени не подвластна
наша юдоль — непролазна
от нечистот и жулья.

* * *

Удерживались не на честном слове
народы меж собой — на волоске.
Союз распался. Идола во Львове
свалили с пьедестала. По башке

дубасили, по кепочке коварной,
по лысине... Чугунные мозги
постанывали... Образ лучезарный
кувалдами крошили на куски.

Я понимаю их задор. Взъярился
аж до небес непримиримый пыл,
и сам бы я, наверно, приложился
разок-другой, когда бы с ними был.

Кумир низвергнут.
Но сквозит лакуна —

всё та же, что зияла на заре
их новой веры. Грозного Перуна
тогда топили в огненном Днепре.

А он непотопляем по сю пору,
патрон князей и княжеских дружин.
Народы, как стада, толкает в гору —
до пика, до зияющих вершин.

Озлобленная, удержу не знает
душа... И скоро снова взгромоздит
кого-нибудь на пьедестал, на щит,
коль свято место пусто не бывает.

* * *

Жили и не при таких паханах.
Пусть не жили, а срок отбывали.
Но — в себе поборовшего страх
чем-нибудь испугаешь едва ли.

Так не стоит, теряя покой,
трепыхаться сомненьям в угоду,
если Библия есть под рукой
и приёмник твой ловит «Свободу».

* * *

Из вечных сокровищ не много
берёт повседневность в расчёт.
И вот уже в сердце тревога,
как чёрная туча, растёт.
Ввысь ввинчивается по спирали
громада, хоть криком кричи,
когда бы её не пронзали
откуда-то сбоку лучи.

И правда, их, видимых, мало,
чтобы различить наяву.
Тех самых, что тьма не объяла,
по воле которых живу.

* * *

И дым отечества...

Грибоедов

Ваганьково. Детство. Глухая пора,
да, да, листопада... Остатки бугра,
под коим покоятся предки.
Жгут листья. От тлеющего костра
дымок подымается едкий.

Нагие, в согласие едином,
деревья окутаны дымом.

С отцом среди старых могил мы нашли
под ясенем тень родовую.
Прошедшие войны и смерчи смели
не начисто мету земную.

И мусор кладбищенский в пламени том
дымился, заваленный влажным листом.

Сведённый с дыханием, неистребим
возникший за общей оградой
дым тлеющей опали, мусорный дым —
отечества дым безотрадный.

ФОТОГРАФИЯ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

I

Улыбается. Видит всё. Может быть,
и тот час, что ещё не пробил.

Это ж надо такого мужа убить!..
Это дьявол сам приказание отдал,
по рогам которому дать
способ есть (по всему видать,
средства прочие безуспешны):
Александровской ясности не предать,
не похерить его надежды.

II

Проклятая муха! Достала! Никак её не прикончу.
Садится на лоб, на затылок, мелькает под носом.
Только сосредоточусь над своим, сокровенным, она — тут.
Зажёг верхний свет, вооружился мухобойкой,
верчу головой, ищу, где она спряталась.
И взгляд мой упал на фотографию отца Александра,
встретился с его взглядом.
Он смеётся...
над свирепым медведем, которому на нос села муха.

* * *

Солнце светит иль дождь моросит —
да в любую погоду —
человечество издавна мстит
одному лишь народу.

За Христа изнывало от ран
Авраамово лоно —
под хвалёной пятой египтян,
под луной Вавилона.

Строем эллинских, римских когорт
сметено на край света.
Кодлой красно-коричневых морд
издырявлено в гетто.

За Христа — до и прежде всего —
мстят евреям и мстили.
Не за то, что распяли Его,
а за то, что родили.

* * *

Мигрантов прибавилось за год.
Слышнее стал клёкот и рык.
Восток наплывает на Запад..
Как если бы наш материк
сотряс тектонический сдвиг.

Ворчат европейцы: бесстыже
ведут себя! Знали бы честь!
Плодятся кошмарно, как мыши.
Стоять кафедрального выше
собора — мечтает мечеть!

В России — без комплексов. Скрежет
зубовный командует: прочь!
Возжаждав отчизне помочь,
защитнички мочат и режут
всех чёрных, и рыжих, и проч...

Зачем племена и народы
мятутся?.. Ни зги не видать..
С коварным капризом природы
не в силах ещё совладать.

У крови прилипчивый запах.
Вдохнул и — башка набекрень.
Восток наплывает на Запад,
как тень набегаёт на тень.

* * *

Человек пенсионного возраста, моложавый,
чисто выбритый, прилично одет (кожаное полупальто).
В одной руке сумка, в другой — палка.
Чуть прихрамывает.

Каждое утро обходит свои доходные точки.
Свои помойки.
Подойдёт, пошурует палкой, выудит кое-что,
понюхает, потрясёт, сунет в кошелёку и —
к следующей.

Меня, вышедшего на прогулку,
за конкурента, кажется, не принимает,
но смотрит пристально, будто ждёт подвоха.
Ровно в 8.00 он во дворе.
Нацеленный, пунктуальный,
как Иммануил Кант, по которому можно было
сверять часы.

Ранним утром мало прохожих,
а я ежедневно попадаюсь ему на глаза.
Мы стали здороваться, раскланиваться — сказали бы раньше.
Однажды, поймав его насторожённый взгляд,
я первый кивнул ему.
Он ответил.
Надеюсь всё же, до рукопожатия не дойдёт.

СТРАНА В ДЕНЬ МАРША НЕСОГЛАСНЫХ 4 ДЕКАБРЯ 2011 г.

Кажется, уж отошла... Но решается
участь несчастной опять и опять.
Агонизирует или рождается
тело?.. Не знаю, не смею сказать.

Дух отлетел от соцветья незрелого.
Вызревший плод облепила парша.
На протяжение столетия целого
мучилась и разлагалась душа,

не уставая вражину заклятого
часто по пьяни, не по злобе
всюду искать... Лишь его, виноватого,
кровно причастного — русской судьбе.

Может ли что-то из блудного месива
путное вырасти — в мокрой дыре?..
Снова зовёшь ты: Христа или кесаря?
Где: в колыбели, на смертном одре?

ХУТОР

Жмых виноградный, кучи лузги
рыбьей и всяческой — жизни отходы.
На перепаханные огороды
курицы выпорхнули, как мотыльки.
Пёс их облаивает... Не с той ноги
встал. Или сводит с пернатыми счёты.
Важно расхаживают индюки,
точно как люди индючьей породы.

Путаясь в вешках, коза заблудилась,
мекает громко, хозяйку зовёт.
Кошка призывно в кусты удалилась.
Следом за кошкой отправился кот.

Свиньи толкутся в закуте застенной.
Овцы выкатываются из ворот.
Хутор —местилище тучности бренной,
как на ладони — под оком Вселенной.

И воплощение мощи, поверх
брёха, и кряка, и квохтанья — всех
телодвижений, что дюже обильны,
в небо уткнул неподвижные бивни
древний, как мамонт, грецкий орех.

* * *

I

Свет вырубился, и в округе
темно. На ветхие лачуги
швыряет шторм за шквалом шквал.
Наверно, где-то столб упал.

Зажёг фонарик... Еле-еле
мигает... Батарейки сели.
А свечек нет. Сиди впотьмах.
Да, не подумал о свечах

я, собираясь торопливо
сюда... Нашлась одна... О, диво!
Колебясь чуть, из давних лет
явился тихий мягкий свет —

свидетель вековой стужи.
Замру на время. Вой снаружи.
И теплящая тишина
в душе, что тьмой окружена.

II

Ну ветер! Силой стенобитной
ствол ивовый сгибает в рог,
и полосует, словно бритвой,
лицо, и чуть не валит с ног.

Напуганные, не лают
даже собаки, как всегда.
Свистят, по-волчьи завывают
провиснувшие провода.

Тьма скифская в Тмутаракани.
Неузнаваем Божий лик,
где свечечка в убогом храме
зажглась и сникла в тот же миг.

И некому унять как будто
тьмы ослепительный порыв,
когда и сам служитель культа
дремуч и грозен, аки скиф.

Но вот мороз ударил резко.
И встала для отвода глаз
луна, надраенная до блеска
и звонкая, как медный таз.

* * *

Наде и Мише

Да не быть во князьях холопами!
Да пребудете вы богатыми
восхитительными восходами,
феерическими закатами.

Русскими облаками-сказками,
гор извилистыми арабесками.
В летний полдень — морскими ласками.
В лютый ветер — ласками дерзкими.

Твердью вышней, засеянной астрами,
лепестки с них летят звездопадами.
Молдаванскими скрипками страстными —
несмолкающими цикадами.

А простор-то здесь, мать честна!
А в душе, когда им овладеете,
даже если, упаси Бог, начисто
разоритесь — не оскудеете...

* * *

Над Землёй воспарил Орион —
чёрно-бархатный махаон,
исполинские крылья вполнеба
распростёрший. Алмазно дрожит
рядом Сириус.
Великолепна
мироздания гроздь... Но жужжит
между рамами муха нелепо,
в паутину влечевшая... Лад
вознесённый смутив, как ни странно.
От докучливой немощи в сад
я спустился... И — высь осиянна —
вдруг почувствовал точечный взгляд
на себе — ледяного Алголя¹,
под иглою которого воля
цепенеет...

* * *

Не убий!
Печально глядит
иудейское влажное око быка,
ведомого на убой.

* * *

Синяя стынь, ледяные осколки
солнца в разбросах алмазной лузги.

---

¹ Алголь (араб. — вурдалак) — Альфа Персея, загадочная звезда с быстрым переменным блеском.

Это несутся не волны, а волки,
берег обрушенный рвут на куски.

Не подступиться к озлобленным с краю.
Но, укрощая стихийную власть,
броситься с мола в летящую стаю,
влезть, как Иона, в ревущую пасть.

О, благодарствую, ветер стервозный,
когти вонзающий, аки дракон!
Нрав мой, омытый в купели столь грозной,
угомонится, умиротворён,

на день хотя бы...
Ишь, как колотит
волны о валуны головой....
Но уж от ярости душу воротит.
И по дороге к дому находит
на укротителя дивный покой.

* * *

Пользительно поэтам,
уже немолодым,
себя продраить ветром
и морем ледяным,
чтобы преобразиться
и не пугать народ,
а воспарить, как птица
или как самолёт.

* * *

Стало к утру наконец-то просторно, светло.
И на душе точно так же светло, как в округе.
До остроты ощутимые шорохи, звуки.
Чиркнула чайка крылом по воде. Тяжело

та шевельнулась, будто вздохнула со скуки.
Минули игрища летние, знойные муки.
Воздух осенний, как вымытое стекло.
Хочется взять его в руки.

* * *

Ноябрь неумолимый грозен.
На мокрую дорогу сбросил
тряпьё с трепещущих деревьев,
и те стоят, окостенев, —
за вечный ропот в наказание.

Вдруг зелень брызнула в глаза мне:
мох — редкостный нездешний цвет —
сверкнул на придорожном камне,
как то, чего, казалось, нет.
Как ощущение детских лет.

Грань изумрудная в соседстве
с другими — сгинувших миров.
В детсадовском сиротском детстве,
в прогалах каменных дворов.

В той девочке, во время оно
летящей с горки ледяной...
Два пышных бархатных помпона
сверкали за её спиной.

В младенчестве теплом заветным
лучится цвет, его флажки —
о чём-то несказанно-светлом,
всей видимости вопреки.

Что видимость!.. Как мать-осина
вон та, печальна и бессильна,
к себе, спасая от невзгод,
всегда подавленного ждёт.

Родные дикие края.
Разъезженная колея.
И в ней, в мирах моей вселенной,
сверкает лучик нерастленный.

* * *

Мой взгляд дворовою площадкой
заложен и кирпичной кладкой.
Не выпуская за барьер,
Москва страшит мёртвой хваткой —
сурьёзная, как бультерьер.

Не вырваться, не взмыть! Доколе!..
Хотя, конечно, можно быть
зашоренным и в чистом поле.
И нечего на стены выть.

Несовершенное творенье
стать совершеннее вполне
достойно. Внутреннее зренье
подпитывается извне.

И не случайность, не везенье —
дарована возможность мне
сподобиться небесной сини
в полях полуденной России.

Гляжу я, как глядят разини,
часами вдаль, пространству рад.
Как будто от анестезии
отходит, оживает взгляд.

Глазам отмякшим легче стало.
Так вот чего мне не хватало
в московском небе, там, внизу,
как будто в каменном лесу.

* * *

Наземное существование влачат
домашние гуси. По краю
дороги ступают. Истошно кричат,
завидя летящую стаю.

Их жирные гузки потешно дрожат.
А всех впереди, перегружен
достоинством личным, замечен вожак,
который их водит по лужам.

Однако сей грозный гусар боевит,
с ним рядом стоять не посмею.
Насупленно сердится, ишь, как шипит,
воинственно вытянув шею.

В кругу косолапой пернатой родни
хозяйственно долы и веси
обходит, то бишь огороды свои,
а глазом косит в поднебесье.

И думает стае вослед — на хрена
мне этот ваш клин диссидентский!
Простора — хватает, травы — до хрена!
Советский режим, постсоветский —
единый в России на все времена!
*И не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.*

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Поле-перекати, перекасти-поле.
Катится колесом, а всё равно на приколе.
Дальше отвальных ям не уйдёт, дальше пригорка
буйных степных кровей Стёпка или Егорка.

Э-э-эй! Да он и сам простор свой не променяет
ни на какой другой... Катится, обсеменяет
Пустошь, Лысую гору, Сухие броды.
Ночью шатун-шайтан — дух прикольной свободы
чесет до горизонта пыльного, до угора
или перебирается, как пьяница, вдоль забора.
Покуролесил и будет... Выдохся бедолага.
Буйная их ватага сцепилась на дне оврага.

* * *

В сарае напротив живёт сова.
Большая кошачья её голова
и тулово — смутно виднеется
на чердаке. Утром — прыг на дрова.
Сидит, на солнышке греется.

Днём она, притворяясь слепой,
спит, мирно лапки складывает.
А мне кажется, туда-сюда головой
крутит, значит подглядывает.

Ночью самая её пора:
зырит, не зная осечки.
Как пищали, верещали вчера
в когтях у неё чьи-то птенчики!

Мыши о помощи так не кричат
пронзительно, по-человечьи.
Замер в ужасе трепетном сад.
Листья на яблоне старой дрожат,
будто хвосты овечьи.

У совы, конечно, на то права
особые. Зверюга земная.
Смутно всплывает её голова
из глубины сарая.

Если солнышка нет, сидит,
не шелохнется. Страж прилежный.

Но чувствую, зорко за мной следит
из черноты крошечной.

СВОДНЫЙ БРАТ

Постой, постой, ты жив? Ведь ты же умер!
Я урну с твоим прахом закопал
в могиле нашего отца, в ограде...
Тому уже лет двадцать или больше...
Мы с матерью твоей тебя похоронили...
Улыбчив, прост... Глазам своим не верю.
Откуда ты? Из памяти моей,
замусоренной шлаком.... или, может,
из вечности, в которой пепла нет?..
Я редко о тебе молюсь...
И об отце о нашем общем — редко...
Уж не затем ли снишься, чтоб напомнить?..
Из всех его внебрачных чад
ты самый
был неприкаянный и рисковый.

* * *

Опять вы глушите «Свободу»...
Живучих ящеров, видать,
реликтовую породу
природе не пересоздать.
Что с вас, как говорится, взять....

Под чьей-нибудь державной сенью
ощерившихся знамён
вы будете копытить землю
аж до скончания времён.

Бдеть, перекусывая взглядом
надежды слабенькую нить.
Ну что ж, придётся с вами рядом,
свыкаясь, верить и любить.

Не путать выходы и входы,
с реальностью — златые сны,
улавливая весть свободы
не только с радиоволны.

ЖАЛОБЫ ТУРКА

Я и дышу и хожу подневольно, смотря по погоде.
Правильно. Псих ненормальный, чайник, «вроде Володи».

Ежели солнышко в небе, то я закипаю.
Ежели тучи — находит хандра. Тогда засыпаю.

Землятресенье. Цхинвали бомбят. Конец света.
И без того тяжело в дождливое лето.

Природный я человек... Вопреки и строжайше
как же себя удержать! Уехать подальше —

к морю, к другим берегам, на другую планету!
Вот и уехал. Сажу у моря, читаю газету.

Про мировой навалившийся кризис фатальный.
Вдруг распогодилось. Солнышко брызнуло!
Псих ненормальный.

* * *

I

Нечего тужиться-пыжиться,
через голову надевать штаны.

Если стихи не пишутся,
значит, и не должны.

Хоть ростральной колонною
стой, а приспичит рожать —
лаву их раскалённую
можно ли удержать?!

Силища детородная...
Кабы ещё была
перед глазами свободная
даль и душа светла.

А так — лишь на миг раскуроченный,
грозно искрящийся прах,
что оседает клочьями,
строчками в черновиках.

II

Не дёргайтесь, маэстро, — от волненья
и стопор. Горло немотой свело.
Смешно искать приют для вдохновенья,
когда оно само вас не нашло.

Да где угодно, хоть на дне колодца.
О, жару потаённому неймётся.
Томится — впору на луну завывать.
Но если там, где выпало прожить
в уединенье, голос не вернётся,
не значит ли, что так тому и быть?

* * *

Отчаянный вздох испуская,
опять ты забылся в тоске —
ажурная пена морская,
дрожащая на песке.

Так что же, напрасно боролось
небесное воинство?.. Логос
тебя образовывал здесь?
Как будто не слышал ты голос,
дарующий добрую весть...

Всё слышал. Всё понял. Всё слопал.
Ажурная вязь на куски
распалась. И — оторопь. Стопор.
В слепящем просторе — ни зги.

ПРОЩАНИЕ С ТАМАНЬЮ

Полощется по ветру ива, к земле припадая, ох, немолодая...
Ещё одна осень отчаливает, отгребая
от берега скудной Тамани, с которым уж свыкся.
Ещё одна осень впадает в чистилище Стикса.
Тень облака движется, пересекая долину,
скользит по заливу туда же, в его горловину.
И птицы туда же... Несметные стаи вольются
в течение лет невозвратных, пусть даже весною вернуться.
Напутственно блещут алмазного неба скрижали,
снижаясь по кругу: Пегас, Андромеда, Стожары...
Всё движется — в чудном порядке, в безумном смятенье:
и листья, и птицы, и звёзды в одном направлении.
И я, уповая на вечную жизнь (во временной тесно),
вернусь ли когда-нибудь в эти края — неизвестно.

* * *

Уже не осилить штурвал
на мостике шатком.
Он море своё прозевал,
по пляжам прошаркал.

Был вроде бы с музой знаком,
слагая куплеты.

Но нет, одержимый стихом,
не жил, как поэты

лишь подлинные живут.
Мысль тайная гложет.
Но выпутаться из пут
немотствующих не может.

Он силу крыла не обрёл —
опору в сопротивленье.
Не ввысь — на снижение шёл
в свободном паренье.

Томился, кормился, скорбя,
небесною манной...
Зачем не созидил себя
муж небесталанный!..

* * *

И всё ещё что-то пытаюсь...
Болтаюсь без дела. Дурдом.
За что ни возьмусь, отступаюсь.
И даже Евангелие, каюсь,
одолеваю с трудом —
две-три обязательных главки...

Сие есть затмение, блуд,
достойный видения Кафки.
Дожил я до полной отставки,
представленный на самосуд.

Сосед говорит: депрессуха!
Да, да, говорю: неспроста...
Точнее, томление духа.
А значит, сует суета,
как сказано у Экклезиаста.

Дурдом процветал и тогда,
хоть воздух был чище гораздо
и чище земля и вода
и всяческие растенья...
Стоп. Заведённость затмения
слабо самому побороть.
Тебя призывает Господь
закончить хоть что-нибудь, хоть
это вот стихотворенье.

ДОЧКЕ

Станет вдруг тошно,
вихорь закрутит...
Делай, что должно.
И будь что будет.

* * *

Осколки, обломки, обрывки стихов.
Как будто вскрышная порода
одна громоздится повсюду. Таков
итог промелькнувшего года.
А всё потому, что не в фокусе жил.
Не в том, что дороже и ближе.
И наиважнейшего не завершил.
А было поручено свыше.

* * *

Умер маэстро, легенды ходили о ком.
После себя оставил неизданный том
стихотворений и — отнюдь не злодей —
от беззаветных поклонниц кучу детей.
Выросли дети, в его не входившие планы,
все, как один, шизофреники и наркоманы.

К их воспитанию пальца не приложил
ревностный рыцарь, одной лишь музе служил.
Был он аскетом по-своему и правдолюбцем.
Помню его в бессменном плащике куцем.
Попов избегал, отвращался церковной рутины.
Но под Елабугой часовню срубил в память Марины.
Покрасовалась часовенка та в чащобе смолистой
и улетучилась лютой зимой — спалили туристы.
Остался в поэзии призрачный мастер скорбной скалою.
А дети — сгинули, распылились, смешались с землёю.
Что он посеял, то и собрал: скуп ли, щедро...
Что перевесит на чаше весов: жатва иль жертва?..

* * *

Рифма ушла от меня.
Не Бог весть какая родня....
Верность не очень хранила
и раньше.... Не зря белый стих
пестовал. Из молодых
с кем-нибудь мне изменила.

Что ж, похожу холостым.
Повествованьем простым,
как в разговоре застольном,
всё же скажу про своё.
Да я и не жаждал её
послушником быть подневольным.

* * *

Вот страшно-то когда: свободный дар убит.
Молчишь, как в рот воды.... Как заживо зарыт,
придавленный пластом отравленных сомнений
на счёт себя....
И впрямь от эдаких видений
тебя кондратий хватит... Эй, очнись!

У ног бежит ручей — прозрачен и речист.
Бежит, не устаёт, меж камушков плутает,
пока его исток невидимый питает.
Любой разлад — в струю, любое лыко — в строку.
Вот то-то и оно: не изменить истоку.

* * *

Ты кто: поэт или и.о. завснаба?
Не ведаю. Тружусь по мере сил.
«Общественник районного масштаба» —
так обо мне улыбчиво съязвил
писатель-профессионал.
Одни лишь
мечты о будущем... А вот он, финиш..
Служенье муз... О, неслуженье сплошь.
Каким себя со стороны увидишь,
таким, наверно, в вечность и уйдёшь.

Куда как проще плавное скольжение
по центробежной — прямиком в дурдом.
Удел поэта — самовыражение.
Всё остальное по боку, потом...

Потом? Да, да... А если взглядом ранит
калека обездоленный — как быть?!!
Когда он руки из болота тянет..
Что говорить слова! Что говорить...

И правда, я поэмы эпохальной
не сочинил. Наитием ведам,
не ведал очерёдности похвальной
в служенье: что сначала, что потом...

* * *

Если начало случилось, конец неминуем.
Страсть к сочинительству хоть и отрадной была,

но к пьедесталу хрустальному не подвела.
Слава его не коснулась хмельным поцелуем.
Даже руки, благосклонная, не подала.

Так не стреляться же!..
Делай, что делаешь... Снова и снова
книгу листая свою, что успел он издать,
думает: здесь моё всё — и судьба, и основа.
Всё здесь на месте. Отвечу за каждое слово,
если назначено с ней перед Богом предстать.

* * *

Свободный безрифменный стих, как стадо овец,
кочует по миру не терпящий строя — вразброд.
А рядом — раскаты прибоя, стрекочет кузнечик..
Движение ритма: отмеренный сдержанный ход.

Однако дерзну уклониться, не шалости ради,
от блочных объёмов и мелодических пут.
Оставлю верлибры пастись на просторах тетради.
Порадуюсь, впрочем, за них, если дальше уйдут.

* * *

Каждую книгу читаю с карандашом.
Делаю на полях пометки.
Даже в транспорте —
мой пожизненный читальный зал —
карандаш под рукой.
Отчёркиваю важные места,
чтобы ещё к ним вернуться.

О, неутолимая духовная жажда,
замутнённая суетной скарედностью.

Надо бы запоминать на ходу,
заучивать важное, как школьный урок.

Ведь не вернусь никогда.
Уже некогда перечитывать.

* * *

Кто-то выставил лыжи возле дома.
Вдруг кому-нибудь пригодятся...
Пластиковые, без щербинки,
с хорошими креплениями.

Когда-то я каждый день
бегал на лыжах в Сокольниках.
Приходил из школы, портфель зашвыривал под кровать
и до поздних сумерек — в лес:
летал, окрылённый, по горкам,
по белопенным полянам.

Богатеет, что ли, наша держава?
В Америке, давний обычай, выставляют на улицу
ненужное барахло.
Вдруг кому-нибудь пригодится...

Классные лыжи — лёгкие, беговые.

Зима только начинается.
Может, похожу в парк...
Может, попробую...

* * *

Лицо в глубоких морщинах,
похожее на покрышку футбольного мяча,
из которого выпустили воздух.

А давно ли он был накачанным и лёгким,
радостно влетал в ворота,
крутился кручёный, подскакивал,
ввинчивался свечой в зенит,
замирал в ожидании перед пенальти.
Его полёт зависел от силы удара
этих здоровенных двуногих быков.

Он был честный трудяга.
Никому не подыгрывал,
ни за кого не болел.
По нему лупили и те, и другие.

Ископыченное зелёное поле
было его жизненным пространством,
а что за ним, за трибунами,
он видеть не мог,
потому как выше не поднимался.

* * *

В. С.

Заветом дорожу:
не удушать порывы.
И у тебя прошу,
пока ещё мы живы,
прощения. Беды
потом уж не поправишь...
А может быть, и ты
порыв такой же явишь.

* * *

Ввязался в драку. Заступился.
Кого-то защитить пытался.
Я мордобоя сторонился

уже давно... Да вдруг забылся...
и сходу на кулак нарвался.

На вытянутую оглоблю,
орудовавшую тупо, пыром.
Пьяно рычащую «угроблю!»,
сивушным пышущую пылом.

По молодости был я дерзок.
Таким-то вот и квасил хари
без промаха... А нынче сдержан...
Хотя всё то же: хам на хаме.

О, только бы не озлобиться...
Ведь в каждом кулачище сжатом,
невинном или виноватом,
заложено смертоубийство.

С газетою в руке, в очёчках
рванулся, как на амбразуру...
Заметку о горячих точках
не дочитав. Быть может, сдуру

рванулся... Нервы на пределе.
Хоть я и сокрушался после,
что оплошал на самом деле,
что не достиг удар мой цели.
Отвёл его уж не Господь ли?..

ПОДМОСКОВНАЯ ИДИЛЛИЯ

Глухие заборы, заборы....
Как в душном Афгане дувалы.
Наверное, золота горы
за ними, сокровищ завалы.

Как только советское иго
свалилось, не зная пощады,
людское скопление воздвигло
скорей меж собою преграды.

И правда, в едином порыве
устали ишачить, как быдло.
У всех на виду в коллективе
с рожденья маячить — обрыдло.

Не вышло и духом соборным....
А как хорошо на лужайке
с женой, за высоким забором
пить чай — без трусов и без майки.

К тому же, за кустиком каждым
сидит притаившийся враг...
На кой им просторы с пейзажем!
Вольготней задраенный корабль.

Ишь, рвутся поправить здоровье
сюда бандюки-генералы!
Огромный кишлак — Подмоскovie.
Сплошные дувалы, дувалы....

Зашоренный голос утробы...
Глухой обороны образчик...
О, славные агорафобы,
с рожденья сыгравшие в ящик.

* * *

Вот Лебедь, Андромеда, Орион,
вот Волопас... Все в сборе. Все на месте.
В ночное небо я давно влюблён,
а всё ищу хоть малое созвездье,

которого не знаю... Страж ночной
уснувших улиц и полей окрестных,
как будто дом отыскиваю свой...
Как будто там он, в запредельных безднах...

* * *

Хаббл, спутниковый телескоп,
передал на Землю снимок сцепившихся галактик
в созвездье Геркулеса.
Одна захватывает другую...
И то ли проникает в неё, как капля в каплю,
то ли их сближение чревато завершающим взрывом.
Правда, процесс относительно долгий.
За сотни миллионов лет
они, может быть, и поладят...

Такая же участь, говорят астрономы,
ожидает и наш Млечный путь,
который через три миллиарда лет
может соединиться с ближайшей к нам
галактикой Андромеды.

* * *

Он... повесил землю ни на чём.

Иов 26, 7

В Библии космос пронизан лучом
лазерным, точечным светом:
«Землю повесил Бог ни на чём».
Вон когда знали об этом.

Или догадывались. Тайная высь
слитна с трагедией тайной.
Высказал по-ньютоновски мысль
кратко — предшественник дальний,
Иов многострадальный.

Он, беспричинно поверженный в ад,
в пропасть абсурда, опасней стократ
огненной, ибо — бездонна,
слышал оттуда звучанье Плеяд
стройное, струн Ориона.

Уж покатался на нём Люцифер
всласть, да и Бог не обидел.
Разум, очищенный от химер,
образ Вселенной, гармонию сфер
из преисподней увидел.

* * *

Уединенье — Божий дар!
Причин счастливое стечение.
Ради такого заточенья
готов терпеть печной угар,
свет в полнакала, шебаршенья
мышей, капусту на обед
изо дня в день, учтём совет:
она полезна при склерозе.
И гололёд, и туалет,
увы, дощатый — на морозе.
Пенсионер я или нет —
скудельное изделие ГОСТа —
могу хотя б на склоне лет
жить независимо и просто?..

Всевышнему благодаренье —
за кров, за пищу, за терпенье...
И за возможность перед сном
пройтись по снегу босиком.

За то, что, не имея ренты,
могу и я богатым стать.
И мамин голос услышать —
живой... с магнитофонной ленты.

* * *

Ломит виски, и глаза болят.
Увы, возрастной синдром.
В гуще листвы утопить взгляд,
благо, листва за окном.

В майские нежные пряди берёз
вкраплена голубизна.
Цвет, врачующий зренье, пророс
глубже глазного дна.

Там, на зелёных холмах, побыть,
к зелёной припасть груди.
И плавниками глаз шевелить
водорослей посреди.

* * *

Солнышко. Лето. Под окнами луг сверкает,
выкошенный Танюшей.
Розовый куст — тоже её детище —
выпучился скоплением галактик.
Запах сена напоминает о Куйвижи, о скоротечности жизни.
«Как временно всё, как мгновенно» —
строчка ненаписанного стихотворения.

Окна террасы — настезь.
На белой скатерти раскрытая Библия.
Строка из книги «Премудрости Соломона»:
«Бог создал человека для нетления».
Вдруг на эти буквы вбежал муравей, ожившая буковка.
Пошевелил усиками туда и сюда
и почапал на другую страницу.

Мы с тобой в чём-то похожи, неутомимый трудяга.
Мне невозможно постичь
всей красоты и величия мироздания,
ну, а тебе — премудрости Соломона.

* * *

На письменном столе порядок.
Перед глазами Спас Нерукотворный.
Слева полка
с необходимыми книгами и словарями.
Солнце заглядывает в окошко.
Дров поленница.
Что ещё нужно?
Всё есть.

* * *

Проснулся я под утро, как очнулся.
Как будто бес в мой чуткий сон вломился.
Я страшными словами поперхнулся:
будь проклят день, в который я родился.

Ах, что-то на душе и впрямь не ладно...
Пошёл, пошёл, нечистый, зря трудился.
Будь этот день, шептал я троекратно,
благословен, в который я родился.

СОТВОРЕНИЕ КРЕСТА

Под навесом на сквознячке за лето
брус хорошо высох.
То, что и нужно для креста:
весомая лёгкость.

Нижняя часть, что уйдёт в землю,
крупитчато зеленеет,
пропитанная медным купоросом.

Пройдусь последний раз рубанком,
сниму фаску с уголков,

трещинки — есть кое-где —
затру воском,
зачищу меленькой шкуркой.

Не ошибиться в разметке гнёзд.
Миллиметр в сторону — закосит перекладину.
Шурупы поглубже, впотай, и всё — на клей,
замешенный с опилками.

Август на исходе — тихий, торжественный.
А я и хотел закончить к осени.

Двадцать три года тому назад
мы крестили Людочку в этом доме.
Здесь она приняла нательный крестик.
Завтра примет и этот,
что встанет у неё в изголовье.

Кряжистый, прочный, долго будет стоять.
До второго пришествия...

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АМЕРИКЕ

Время слитно с пространством. Дорога — струна.
«Бьюик» плавно идёт, как в полёте.
Скорость ровная подключена
к музыкальной классической ноте.

У водителя дисков солидный запас.
И, как в зале концертной, отменно
слышен Брамс Глена Гульда, неслыханный Брамс....
Переборы жемчужин Шопена.

Скорость не запредельная. Джеф за рулём.
Он не любит бессмысленных гонок.
Улыбнётся — улыбка во весь окоём.
Он улыбчив и прост, как ребёнок.

Мой российский народ от страшилок устал,
безнадёгой ушибленный шибко.
Если б знать, что Америку не капитал
сотворил, а вот эта улыбка.

О, до боли знакомый равнинный пейзаж...
Не случайно совпавший с которым
разметался, раскрылся Рахманинов наш.
Он созвучен и этим просторам.

Город, вставший на горизонте, салют!
Воздух утренний свеж, будто в шхерах,
там на улицах людных.... где птицы поют
и стрекозы резвятся на скверах.

Мы, сведённые музыкой с Джефом, смогли
обойтись без признаний особых...
Позлащённая солнцем, сверкает вдали
в центре города
гроздь небоскрёбов.

* * *

Горе народу без слова Божьего.
Достоевский

Споспешествует Истина идеям.
Одним демократическим затеям
не удержать благого устремленья.
Народ без Слова Божьего — потерян
и обречён на самоистребленье.

Народ без Слова Божьего — пучина,
выталкивающая на поверхность сонмы бестий.
Лишь в этом вековечная причина, —
твержу, — российских окаяньств и бедствий.

И в каждом жлобстве, шельмовстве, убийстве
слепорождённых выпучены недра.
Народ без Слова Божьего — как листья,
мятущиеся от ветра.

Твержу и повторяюсь без смущенья,
что ревностью кому-нибудь наскучу.
Народ без Слова Божьего — каменья,
остатки рода, собранные в кучу.

А важным господам, уж если метят
в поводыри на нашем бездорожье,
ох и зачтётся... Что они ответят
Тому, Кто поручил им Слово Божье?..

* * *

РПЦ

За то, что народ, наконец-то собравшийся в храме,
и ныне привычен отстаивать службу ногами.

Набычивши выю, стоит, как средь чудного леса,
но Божьего Слова не слышит и в службе самой — ни бельмеса.

За то, что веками с державною властью блудила
и выблядков стаи себе же на горе плодила.

Они и сегодня в садках золотых нерестятся,
отечества ради целуют уста святотатца.

За то, что святого последнего бесам на милость
сдала, лютой казнью его заручилась.

За то, что в болото уходит любая дорога, —
народ от тебя отшатнётся, взыскующий Бога.

И будет искать, и найдёт в стороне протестантской,
когда не покаешься в доле своей окаянской.

* * *

Я есмь истинная виноградная лоза.

Ин. 15, 1

В саду, в отсутствие бывшего
хозяйства — водворится ль снова? —
жируют осы. Сад пасут.
Лоза — их дойная корова.
Плоть виноградную сосут
со страстью.... О, священный зуд....
Набухшее сочится вымя,
иссеченное вкривь и вкось.
И вот уже поникла гроздь,
благословенная во Имя
Создателя когда-то.... Но
ослаблена стихией жадной.
В саду от крови виноградной
под жертвенной лозой черно....
Не нам — сомненья велики —
гадать о временах и сроках.
Пусть даже мухи, пауки
поселятся в её чертогах.

ТОСКА

ПО ТРЕТЬЕЙ ЗАПОВЕДИ

I

Я — персть под ногами живая,
обретшая с небом родство.
Хотелось бы, не называя
имени Твоего,

свидетельствовать: Ты в истоке
всего и в моей судьбе.
Все скорби мои и восторги —
вздых о Тебе.

В стране моей христолюбивой
разбойнички счастье куют.
На воле оравой гулливой
Всевышнему славу поют.

И ты, патриотище вящий,
о Боге, горнило в груди,
без устали молотящий,
умолкни, язык проглоти.

Крещёное поголовье
трезвоном утешено всласть.
О, Господи, в суесловье
такое же только б не впасть.

Дай сил — без хоругвей и стягов,
зловещих призывов к борьбе
и прочих магических знаков —
свидетельствовать о тебе.

II

От глаз, воспалённо горящих,
орущих о Страшном Суде,
от яростных ртов, молотящих
без устали о Христе,

о вере... Чураясь озноба
мистического и стёба
сакрального — от их чудес
подальше —
в безмолвие, в лес.

В одном задыхаются дыме.
Враждующим сладок угар.
В их непримиримом «Во Имя!!!»
мне слышится «Аллах Акбар!!!».

* * *

Для кого алтарь со святынями,
а для кого харчи.
Забыл, что ли: перед свиньями
бисера не мечи.

А как распознать? Пред тобою
вопрошающий, до правды охоч...
Мыкается со своею бедою.
Как не помочь!

Вот ты и разлетелся... Начитан
в Писании... Грамотный, чай...
Следственно, парным копытом
по уху и получай.

Рассвет за окном или полночь?
А это уж как кому.
Так что, если спешишь на помощь,
будь готов ко всему.

* * *

I

Господи!
Я ведь так и не научился молиться по правилу,
утром и вечером предстоять пред Тобою,
вычитывая молитвенный свод.
Тридцать лет как крестился,
а к правилу не продвинулся ни на шаг.
Но в течение дня
обращаюсь к Тебе постоянно.
Дома — икона перед глазами,
а на улице, в транспорте
или в казённом учреждении

кто-нибудь да подскажет о Твоём присутствии.
Хотя бы безрукий калека
у входа в метро.

II

Увы, всем ветрам раскалённым открыт
и краскам на пылкой палитре...
Чего только в голову не залетит,
когда стоишь на молитве.
Проталкиваясь сквозь бессвязную муть
и гибельный хаос врождённый,
лежит мой рискованный единственный путь,
от мира не ограждённый.

* * *

Страшат больничные мытарства —
апоплексический кошмар.
Согласный принимать лекарства,
подсел и я на коринфар.

По кромочке хожу, по краю,
покудова не очень плох...
Движеньё каждое сверяю
по Стрельниковой: выдох, вдох...

Уж сигануть через ступеньку
слабо. Кружится голова.
Разваливаюсь помаленьку,
да и по крупному разва...

* * *

Ох, не вовремя я занедужил.
Дома дел неотложных — гора.
Всё же, Господи, может быть, нужен
я Тебе, и ещё не пора...

Мне б ещё у Тебя поучиться...
Потрудиться... Не всё ж молодым...
Может, помощь моя пригодится
хоть каким-нибудь людям живым.

А тем паче родным, может стать...
А тем паче, неважно когда,
грянет горестный час расставаться
навсегда... Всё же не навсегда,

если вечность мы встретим, как чудо.
И, желая, наверно, помочь,
мама доброю вестью оттуда
снится мне чуть не каждую ночь.

* * *

И так и эдак хорошо.
Я утром не сажусь в «пежо».
Предпочитаю пешкодралом,
себя не чувствуя отсталым.

Конечно, сладостно парить,
главенствуя в кругу элитном.
Но можно быть незнаменитым
и всё-таки счастливым быть.

Чтоб выжить, не теряя честь,
и веру, и своё призванье,
в любом из положений есть
достаточное основанье.

Надежду равную иметь
в плену и вырвавшись из плена.
Жить в Господе и умереть
в Нём. Прочее второстепенно.

* * *

Геннадию Голикову

Крест свой, осилив душевно,
нёс до последних дней....
Геночка, исконная жертва
лекарей-упырей.

Тело, брошенное в мясорубку
наших убойных больниц,
за что обречено на муку,
на предательский шприц?..

К боли твоей безгласной —
за что? — считаю причастной
свою немоту... Не умел всерьёз
ответить на этот вопрос.

Киш-миш из благих порывов...
Да будь ты хоть атеист,
каждый страдалец — Иов,
если он сердцем чист.

На костылях нестойких
шутил: это мой велотрек...
Ты был здоровее стольких
душевных калек...

Ну, вот и конец еженощных
мук, позвоночных грыж...
Там, в небесах беспорочных,
вон ты какой крепыш!

Распрямился твой позвоночник.
Ты не идёшь, а летишь....

* * *

Ванечке

Ему ещё месяца от роду нет...
Под ангельским ясным покровом
он видит один лишь ликующий свет.
Он замер. Он им зачарован.

Внимание — вытаращены глаза —
уже занялось, зацепилось...
Он видит такое, чего и нельзя
представить, что ТАМ и не снилось.

Такое, что, может, основой основ
останется, силой заветной
без тёмных рассеяний, тёмных углов,
без тени предательской смертной,

ступив за которую из полутьмы
своей, если всё-таки выйдем,
младенчески-чистым восторгом и мы
такое, быть может, увидим.

* * *

За призрачную грань неведомого дня
пытаюсь заглянуть. Кто вас после меня
откроет, радостным открытием обнадёжен?...
Мой Пастернак, моя Цветаева, Волошин,
Есенин, Чехов мой — начальный капитал, —
которого пацан взахлёб читал
за томом том на кухоньке, ночами,
в девятом классе, жизни всей в начале..
И наконец, достанется кому
мой Пушкин? Знать хотелось бы, ему,
достойному особого прочтения,
окажется ли должное почтение?..

О, суетная мысль о некой важной роли
касаема, увы, имущества, не боле...
Кому-то отойдёт... Заботиться о том
смешно.
В свой поздний час открой любимый том
и с ним наедине останься, жив покуда,
приемля этот миг как дивный дар, как чудо.

* * *

Никого не хочется разоблачать.
В глухом беспределе права качать.
Не винить ни историю, ни географию,
вглядываясь в мамину фотографию.

В ту непостижимую даль,
куда она отошла. Замечает февраль
следы её земные, родные...
Миротворческие позывные.

Нет, я по-прежнему назову мурлом мурло,
в каком бы оно ни блистало убранстве.
Но что-то вместе с мамой ушло.
Без меня разберутся, где добро, где зло
на постсоветском пространстве.

2002

* * *

Отчего так часто снится
мама?.. Десять лет тому
отошедшая... Садится
у окна, глядит во тьму.

Ей, теперь уже столетней,
надоело быть одной.

Будто здесь она, в передней
или в спальне за стеной.

Будто сном преграду смыло.
Вот она, грустна, светла, —
никогда не уходила.
Никуда и не ушла.

* * *

У Ивана и Марии — моих
родителей молодых —
жизнь не складывалась сначала.
Как цепами, по спинам стучала!
Ох, и молотило же их —
разбрасывало, разлучало
на годы — войны, тюрьма...
Разлука что смерть сама.

В объятьях чужих застревал
отец, будто пестик в ступке.
До зёрнышка бы себя растерял
в молотилке в той, в мясорубке,
когда бы его не ждала
домой — отовсюду — жена
единственная, моя мама.
Дочь Авраама.

Драгоценные годы прошли
друг от друга вдали.

И, одолевшие ад,
выжившие наугад
под коммунальным покровом,
рядышком теперь лежат,
бок о бок, на Востряковом.

* * *

Утренники холодные.
Стелющийся туман.
Гаснут цвета благородные —
золото, охра, шафран.

Яблок-то сколько! Нападали...
Некому их собирать.
В травах поникших лампадами
будут до снега стоять.

Домик незрячий, закованный
в ставни. Подпёртый забор.
Будто бы узаконенный
свыше — вселенский разор.

Шафрановое, оранжевое
сиянье вокруг ствола.
Яблоня, мамой посаженная,
маму пережила.

* * *

Пятая годовщина маминой смерти.
На кладбище снег по колено.
Длинные стебли красных гвоздик.
Горстка родственников.
Серебряная стопка по кругу
на лёгком морозце.
«Царствие небесное и вечный покой...»

А дома шумное застолье.
Соседи принесли свежеиспечённый пирог.
Текущие проблемы.
Грядущие выборы в Думу.
«За кого будете голосовать?»

Я поставил кассету —
17-я соната Бетховена,
которую она исполняет.

27 СЕНТЯБРЯ 2010 ГОДА

Я этот день провёл в дороге,
в вагоне поезда... Тревоги
с московским смогом отошли
на время — сгинули вдали.

Чуть поезд тронулся, соседи
над ворохом дорожной снеди
сгрудились — куры, потроха...
Шум, тары-бары, запаха́...

А за окном, как при Батые,
леса янтарно- золотые
вставали — ярые полки,
подпаливая пустые
поля, и реки, и колки.

И промельком с платформы грязной
лицо провинции несчастной
вплотную всякий раз рвалось
к окну приблизиться,
злосчастной
гримасою расплющив нос.

В поток тысячелетний влился
и этот день. Перекрестился
я на мелькнувший за горой
церквушки купол голубой.

Как будто ею был отмечен
мой безымянный день, мой вечер
среди поддатых, шепутных
случайных спутников моих.

* * *

Жаль уходить из жизни этой,
строкою Пушкина воспетой,
да, да, ещё и потому,
что в ней есть Пушкин — равный чуду.
Пока дышу, дивиться буду
неоценимому ему.

Вдруг беспричинно тяжело станет...
Вдруг некто сумасшедший ранит —
письмо зловещее пришлёт.
Как можно вразумить больного!
Смириться можно. Право слово:
ведь *«всё мгновенно, всё пройдёт»*.

Он всюду и в семейном круге.
Его чарующие звуки
не заполучишь в мир иной.
Расстаться предстоит и с ними...
На миг? Навеки? Как с родными —
с друзьями, с дочками, с женой..

* * *

Поэзии священный бред...
Пушкин

Ирония, как будто налегке
разящая, есть в пушкинской строке.
И к нынешним она восходит перлам.
Взять авангард: ребята-молодцы!
Жуя абракадабру, бьют по нервам.
А мне и Заболоцкого «Столбцы»,
мной чтимого, не кажутся шедевром,
всего лишь опытом... Не обольщусь

талантливым шаманством: место пусто.
Священный бред поэзии мне чужд,
как всякий бред, пусть преисполнен чувств.
Хотя священно для меня искусство.

* * *

I

Попала в тупик...
Из предсмертной записки
М. И. Цветаевой

Извечен уклад наш суровый.
И всё же исход тупиковый
из дома, дышать уже нечем,
немыслим для тех, кто Предвечным
Вожатым ведом....
Ради сына,
забвения ради — Марина
Ивановна вышла из дома,
забыв, что ведома, ведома....

II

Для рыцарей и певчих птиц,
в кустах запрятанная ловко,
растянутая вдоль границ,
долгим-долгошенька верёвка.
Та петелька, на полземли
натянута, шелохнулась
под окнами любой семьи.
На ней — в Елабуге стянулась.

III. СЫН

Страшнее документа о поэте
я не читал... Ничто в сравненье с ним

интимные воспоминанья
на миг приблизившихся... Даже письма
последние её, её стихи...
В свидетельствах родной души Марина
Ивановна стоит за кадром. Мельком
о ней: мать в панике, в слезах...
в записке той — в её предсмертном хрипе.

Из плотной паутины дневника
вдруг глянет монстром
на мать, не узнавая в ней поэта.

О, сполохи великого искусства,
трепещущие в почерневшем небе, —
родная кровь шарахается от них.

Она его вспоила на холмах
счастливой Чехии, на стогах града
враждебного: зубами удержала,
вцепясь в загривок. Загнана, вбежала
в Московию и обмерла душой,
увидев — он огромный и чужой.

Свершившуюся во плоти поэму
нельзя пересоздать. Творенье дышит
и действует уж по своим законам.
Холодный отблеск гения. Ледник,
в огне зачатый — в кратере вулкана.

ЭЛЕГИЯ В СТИЛЕ РЕТРО

А всё-таки жаль,
что нельзя с Александром Сергеевичем...

Б. Окуджавы

Фантастика: имейлы, сайты,
вместительные мегабайты...

Связующая волна
вошла в пространство мировое.
И, видно, в прошлое глухое
уходят письма — письма,
начертанные рукою.

Уж мы, наверно, не прочтём
из гладких электронных строчек,
сказать помимо слов о чём
умел неповторимый почерк.

Лист, испещрённый сплошь... Ловлю
через века — тепло и трепет...
Как будто бы «прощай, люблю»
не только губы — пальцы лепят

взволнованные... В некий год
они ваятелями стали
письма... В нём Пушкина полёт...
В нём пастернаковские стаи.

И эти строки, что ко мне
обращены — в них сжато время.
Держу я в рамке на стене
автограф Александра Меня.

А мы уже давно с тобой
не ждём okazji с почтальоном.
Довольствуемся в миг любой
междугородним телефоном.

Так проще... Времени в обрез.
Сам пользуюсь, не мракобес,
компьютером зимой и летом.
Согласен, Гутенбергов пресс —
кайло в сравнение с Интернетом.

Но сокрушаюсь всякий раз,
когда в мобильник вместо фраз
осмысленных — сую обрезки,
клочки... Не текст, а дикобраз!

Эпистолярный слог угас
во мне. Сожрали эсэмэски.

* * *

*Генри Торо — автору
бессмертного «Уолдена»*

«Уолден, или Жизнь в лесу» —
это была моя Библия.
В 25 лет я стал ревностным учеником
гражданского неповиновения.
Цивилизация гибельна для человека...
Оглохшие от грохота вонючие города...
Бог ближе к людям в лесах и в горах.
Чтобы общаться с Ним, не нужно посредников —
никаких, тем более наших священнослужителей
с партбилетом в кармане.

Сентябрь. Далёкий, на границе с Литвой, берег Рижского залива.
Дощатый домик с окном во всю стену.
Хозяева пустили меня пожить за мизерную плату.
Благословенная простая пища:
хлеб, горсть копчушек, кувшин молока.
Проснёшься утром — глаза слепит
стальная синь и жёлтый песок.
А вечером стоять на берегу, провожая Красный айсберг —
солнце на закате.

Навещала меня и нимфа морская,
она же дриада, она же
дочь рыбака, пышногрудая Сольвейга.
Любовь — раствориться в другом, как с вечностью слиться.

Но вечность закончилась через месяц...
Пора отчаливать восвояси,
в дебри стольного града.

Бесценны твои уроки, Генри Торо, —
первые шаги на пути к настоящей свободе.

27 СЕНТЯБРЯ 2008 ГОДА

Мне нравится морской мятеж
эгейских волн — Эллады слава.
Кудрявая густая лава
лесов оливковых — рубеж,
за коим жмутся горы справа
Албании — сплошная плешь.

Что эвкалипта ореол
воспет алкеевой строфою.
Его горячий гладкий ствол
погладить хочется рукою.

Не дивно ли, что лик луны
восходит в обрамленье лавра?!
Не дивно ли, что здесь видны
созвездья Волка и Центавра?

Ещё не свет и не заря,
а уж горланит с огорода
соседнего пеан восхода —
петух Асклепия не зря.

Двадцать седьмого сентября
две тысячи восьмого года.

* * *

Только синь сосёт глаза.

Есенин

Отдаться палитре, натуре,
с которою не совладать.
Томление сонной лазури.
воды мускулистая гладь.

Её перекатам тяжёлым,
на самый загрибок земли
вздымающим... Плыть обнажённым
от скученных пляжей вдали.

Пласт огненный, пламенно-светлый.
До камушка обнажено
в мозаике многоцветной
глубокое чистое дно.

Нырок мой рисковый удачен.
Внизу ослепительный клад:
как ясное око прозрачен
округлый и крупный агат.

Предвидений эллинских всплески,
предчувствий живительный цвет
узрели микенские фрески
и зоркий фаюмский портрет.

Цвета — это взгляд Мнемосины,
её запредельный отсчёт.

И, вестница скорбной России,
синь — вовсе глаза не сосёт.

* * *

Танюше

Тонколистая пальма шумит под окном
или дождь тонкоструйный стрекочет,
различить невозможно в тумане ночном.
Да и слух напрягаться не хочет.

А за нею блескучий фонарь, как серьга,
прорезает кудрявую крону.
Вот сейчас шевельнётся слоновья нога
и подступит вплотную к балкону.

Чтобы днём, жаркодышащим морем едва
насладившись и чувств не развеяв,
от смертельного зноя укрыться в боа
из её страусиновых перьев.

* * *

Из отдыхающих на островах Греции
больше всего немцев.

Солнце Германии не закатилось.
Располовинена нашей пятой,
как она быстро восстановилась
после войны сокрушительной, той...

Держится, собранный грамотным кролем,
Генрих — вольнее, чем рыба в воде.
Гансы и Генрихи пышут здоровьем,
как близнецы на рекламном щите.

Черноволосы, смуглы, кареглазы,
произрастают — кто вширь, а кто ввысь...
Русые волны нордической расы
необратимо с другими слились.

Нелицемерно, наверное, просят
помощи свыше, а не у владык
мертворождённых...
На шее не носят
благословенных крестов и вериг.

И, никакого не ведая горя
будто бы... и от забот далеки,
за руки взявшись, ходят у моря
юные парочки и старики.

* * *

Пантократор — самая высокая гора
на острове Керкире

Благодарение — очи горе!
Огненно зрит Пантократор.
Нас от московских дождей в октябре,
словно за пазуху, спрятал

в кружево, в крошево светотеней,
в зарево радости зыбкой.
Море доступное — неба родней,
а потому и призывней.

Солоновато по крови родство...
То-то в туманные дали
вечно влечёт... Из пучины его
выкарабкались навсегда ли?..

Хочется думать, уж мы-то с тобой
выбрались, рифами биты...
Утро начнётся с купели морской,
с храмовой краткой молитвы.

Многоглаголанье напрочь отсек,
в строгости неотразимый,

денно и ночью открытый для всех
Архисвятой Василий.

За благодатные светлые дни —
синь в золотом ореоле —
благодарение Господу! И
доченькам — Насте и Поле.

ЭТЮДНИК

I. ДЕТИ И ВОЛНЫ

Волна ярится и грохочет,
оттачивает остриё.
А дети пляшут, рожи корчат,
визжат под носом у неё.

О, танец дикий и отважный
среди шумно-шипучих ям!
И прочь бегут от самой страшной
в объятья умилённых мам.

II

Девы обнажили груди
в дикой страсти загореть.
Разложились, как на блюде.
Я же — витязь на распутье —
взгляд куда не знаю деть.

III

На девчужке — годочка четыре — красуются трусики
и бюстгальтер.
А на женщине, на увядающем теле, нет ни того, ни другого.
Той, не знающей подлого времени, хочется быть постарше.
А этой в детство вернуться.

IV

Женщин грозная армада
высадилась на острова.
Грудь — пушечные ядра.
Ягодицы — жернова.

Мощная живая масса
из камня вырубленных тел.
Схожих с этими Пикассо
некогда запечатлел.

Дышит скальная порода
нежной влажностью волны.
На песке прибрежном бедра
выпукло вознесены.

Вьётся меж сведённых граней
виноградная лоза.
Тусклый мрамор изваяний.
Аметистовые глаза.

* * *

Из века в век полна
предчувствием свободы,
шипучая волна
отбеливает годы

мои... На волоске
секунды длится время.
Белеют на песке
отпавшие корни.

Массивный корень-ком
поверженной оливы,

закрученный витком, —
древесный сгусток гривы.

Он черепная кость
былой подземной кроны.
Просоленный насквозь
и солнцем прокалённый.

В нём тысячи орбит
и спаянных волокон.
Он из сучка глядит
воловьим влажным оком.

С лихвою от камней
принявший зуботычин,
он и за гранью дней
своих — не обезличен.

Познавший произвол
шатучего прибоа,
в моих руках обрёл
рождение второе,

когда со мной вникал
в рисунок — и восхитил
любой излом, овал,
что отродясь не знал
и сам в себе не видел.

* * *

Образ видимой Греции — сфера,
чаша, гибкость, округлость плода.
Каждый встречный тебе: «Калимэра»¹, —
говорит, улыбаясь всегда.

---

¹ Калимэра (гр.) — здравствуйте, доброе утро.

Замечаешь в обычном отеле
стиль, равнение на эталон.
Ионической капители
завиток, мозаичный плафон.

Оперённые стрелы восхода
зависают над горной тропой.
Вторит гулким стихам Гесиода
шестистопный певучий прибор.

Как у амфоры, линии плавны
у платана. Звучанья полны
кроны. Кактусы-великаны
с растопырой клешней не страшны.

Долгожданны внезапные ливни,
покрывают, летя вдоль долины,
поцелуями — молний бросок —
склоны берега... Белые бивни
погружая в шипучий песок.

По душе нам зелёное ложе
Гесиодовых дней и поэм.
Ах, наверное, будь помоложе,
мы остались бы здесь насовсем.

Но прощаемся. Уж погрузили
наши вещи. Погнали, пыля...
Невозможно без анестезии
возвращаться в родные края.

* * *

I

Греция не отпускает из горячих смуглых объятий.
Разве с волной ионической может сравниться Азов!
Вовсе я не хочу сравнивать Керкиру с Тмутараканью,
то бишь с Таманью. Осень и здесь хороша.

Пенится море цветов. Омывает подножие дома
буйный прибой хризантем, брызги гвоздик и виол,
бархатцы и колокольцы, скуластые белые розы.

Осы сосут виноград. Вонзаются в мякоть. Хвалёный,
где он, оставленный мне? Не дождался меня виноград.
Впрочем, не до него. В шуме волн донесли Аониды
древний напев... Благородного ритма движенье,
чуть искажённого, может быть, здешней мутной волной.

Не отпускает Греция.... Так что изволь, благодарный,
Тмударакань, то бишь Тамань, величать Гермонассой¹.

II

Полную девственной свежести розу я в банку поставил.
Всё при ней: шпоры шипов, жемчуг росы в лепестках.
Как в натюрморте классическом или в газели Хафиза,
роза сияет, играя, стиху придаёт благозвучье.
Рифма как будто ей не к лицу — хороша и без рифмы.
В доме, где я обитаю сейчас, нет иконы.
Ну, так и что? Хозяева хорошие люди.
Икона, даже кисти Рублёва, сама по себе
добродетели не прибавляет.
Знаю я много дивно расписанных храмов,
где служители — волки.
Поставлю я розу на письменный стол вместо иконы.
Приоткрывает окно в мир иной это Божье творенье...
Наверняка произрастала в Эдеме до человека.

III

Корень лозы виноградной вынесло море на берег.
Дивно закрученный, плавно изломленный, долгий...
Весь в шишаках и зазубринах корень — бесславный трудяга.
Видно, паслась лоза, приручённая на каменистом подворье.

---

¹ Гермонасса — античный город (VI в. до н.э. — IV в. н.э.) на месте нынешней Тамани.

За влагой, за скудной росой в расселины камня вторгался,
ходы находил, скользил по стене, вжимался в теснину,
чтоб наливалась, как вымя, тёмная гроздь.

Выскоблена волной, высушена до белизны
старая плеть, бывшего счастья охвостье.

* * *

Мне и сегодня близкий,
и в отдалённом свете
Ники Самофракийской
бурный порыв к победе.

К верности, к участи лучшей
воля неукротима.
Крыльев мускул могучий
не лебеда, а херувима.

Склок олимпийских, сплетни
выше. Мощью телесной
чуть подалась.... Последний
шаг, и — взлетит над бездной.

Безудержна, но — безоружна.
Пламенна, но — ранима.
Плоть обезглавлена, дух же
тот же — необоримый.

В буйном порыве заложен
грунт для стопы опорной
Того, Кто восстанет позже
над безысходной бойней,

над беспамятством Леты.
Ника дерзнувшая — это
предвосхищение победы
Плотника из Назарета.

* * *

Дерева могучий выброс
из базальтовой коры.
Исполин на камне вырос
царственный — из той горы,

на которой, по преданию,
проповедовал Христос.
Перед окрылённой далью
озера он властно врос

в почву, что острее железа,
бережней, родней всего...
Бицепсы тяжеловеса,
обнажённые его

корни сдавлены сурово.
Раскалённый камень гол.
Но — незыблема основа.
Но — взметённый статный ствол,

трепетно раскинув своды —
истинно, в краю чудес, —
вулканической породы
отпрыск и сосед небес.

* * *

Непуганых уток стада...
Копошатся, ныряют, взлетают...
Летите, летите, пернатые стаи, сюда.
Здесь в вас не стреляют.

И рыбу не глушат, и зверя не душат капканом.
Свидетелю нравов иных,
такое мне кажется странным.

На камушек цапля,
ног не замочив, опустилась.
Какая достойная неприступность,
скажите на милость...
В неё на предмет шашлыка
и по страсти загула
поддатый полковник
из плавней не высунет дула.

О чём бы я здесь ни завёл разговор с первым встречным,
края свои вспомню, которые сравнивать не с чем.

Мы словно калеки, бывая в ухоженных странах,
твердим об одном, о родном — о скорбях и о ранах,
о травмах врождённых, запущенных безнадёжно.
Однако скулить неприлично в гостях. Сколько можно!

Под вечер на тёплых камнях расселись койоты.
Уставились все на закат, прочь отринув дневные заботы.

* * *

Ма-Гадан — Воды счастья — основное место
рыбной ловли капернауумских рыбаков.

Они здесь мыли сети. Рыбья слизь
смывалась хорошо под водопадом.

Вот скрежетнула по шершавой гальке,
кчнувшись, лодка... И на воду стала.
Пётр оттолкнулся, навалясь на борт.

Полно на мелководье и сегодня
сардинок... Там, где уток тьма,
плавучий тёмный остров
кипит. Крикливо суетятся чайки.

Всех, омывая, кормят Воды счастья:
и рыб, и птиц, и братию монахов.
С немецкой тщательностью бенедиктинцев
здесь каждый камушек взлелеян, каждый кустик.

Я, поднимаясь в трапезную, вижу
табличку всякий раз: Бейт-Магадан.
Для русского израненного слуха
знак — это слово, звук, набухший кровью.
Синоним смерти — Магадан... Однако
порыв благой: туда же — Воды счастья...

Всё вывернуто наизнанку в стране,
которую Господь, по вымыслу поэта,
повсюду исходил, благословляя.

Встречал и я на столбовых дорогах,
на наших большаках непроходимых
зазубрины мечтаний вековых.
Эммаус, что под Тверью, назывался
когда-то «Ямой чёртовой» ...

* * *

Восходит солнце, как в начале
начал — земного бытия.
Волна под низкими лучами
слепит, как рыба чешуя.

Чуть слышен колокол, приглушен
листвой — бессменный поводырь.
Уставу строгому послушен
бенедиктинский монастырь.

Здесь Пётр, забрасывая сети,
поглядывал на склоны эти,
где нынче, с правилом в ладу,
послушники, Христовы дети,

как пчёлки трудятся в саду.
Я тоже в главные уроки
вникаю, навожу декор.
Ровняю гравий при дороге.
Служитель муз, увы, не строгий,
ортодоксальный волонтёр.

На время попрощаюсь с Фебом,
охотно отложу стило.
В Капернаум, уж рассвело,
пойду, как некогда в село
соседнее ходил за хлебом —
под сумрачным валдайским небом.

* * *

Голаны угрюмые — бурый массив
с отливом сверкающей меди.
Тяжёлые головы положив
на лапы, лежат, как медведи.

За ними, за всем, что таится от глаз,
за каверзой дикой природы,
в библейском безоблачном небе кружась,
приглядывают вертолёты.

Природу прицельная зоркость спасёт.
И так уж без меры изранен,
оттуда, с хребтины Голанских высот,
простреливался бы весь Израиль.

Чем выше внимательный взгляд, тем мудрей
решаются все передраги.
В сиреневых сумерках стали темней
медвежьи ложбины, овраги.

* * *

Всевышнего рука
лелеет место это.
Прохладная, мягка
вода Генисарета.

Целительный глоток
сулит её источник.
Прозрачный говорок.
Хрустальный колокольчик.

В оправе гор фиал,
наполненный зарёю,
за что Ты мне послал?
Ведь я того не стою.

Иль, может, упредил
благословеньем явным
в преддверье злых годин
об испытанье главном?..

КУСТ ОЛЕАНДРА

Вовсе не убежав от прогресса
мирового в глухие места,
оказался я здесь неспроста.
В благоденственной Табхе пригрелся,
как за пазухой у Христа.

Натерпевшийся бед земножитель,
всё выдавший — и тленье, и прах...
Загостился ты в райских садах...
Марш в свою городскую обитель
на семи постсоветских ветрах.

В свой привычный порядок простецкий.
В тёмный угол души,
тот, что пуст,
поместил бы ты генисаретский
олеандровый пламенный куст.

Он из тех, что горит — не сгорает...
Щебет, щёлканье, пчёлы шныряют...
Гуд стоит от зари до зари...
Даже ночью тропу освещают
золотые его фонари,

защищая в кромешную темень
и спасая в полуденный зной
ясноглазый ветвящийся терем,
многогранный шатёр расписной.

Чтоб российская скорбь не томила,
вспомни лишь многоцветье его —
росшего от сотворения мира,
повидавшего много чего...

Из книги МАРТ ОТЗЫВЧИВЫЙ, МАРТ БЕЗУТЕШНЫЙ (2018)

В ПОДМОСКОВНОМ ЛЕСУ

Зима-волшебница... Вестимо,
Россия — чудо из чудес.
Заснеженная паутина.
Сиротский подмосковный лес.

Валежник, вздыбленные сучья,
ощерившийся сухостой.
По осени — гнездо паучье,
а нынче — терем расписной.

Спит замороженная стройка
сном сказочным... Как не уснуть!
Сугробом скрытая помойка
воздушна, как девичья грудь.

Всё девственно — холмы, овраги...
Красуются среди полей
обшарпанные бараки
в собольих шапках до бровей.

Да как же не прославить зиму!
И восхититься, может быть,
тому, что ей одной под силу
сокрытое преобразить...

Отвлечься от видений лишних,
от нескончаемых утрат...
И вспомнить, как под вечер лыжник
шёл — безоглядно — на закат.

СТРАНА ЗАБВЕНИЯ

Беспамятство не умаляет роста.
Тучнеют травы, стелется ковыль.
Питают почву пепел Холокоста,
кровь мучеников и, со знаком ГОСТа,
продукт ГУЛАГа — лагерная пыль.

Там, где землёй едва прикрыты кости,
образовалось скопище древес.
На неоглядном, на родном погосте
гундит и пляшет Берендеев лес.

Идёт лавиной девственная флора,
и фауна туда ж, в одном строю.
И нет меж ними вечного раздора.
Все веселы и сыты, как в раю.

Не счесть побед в отечественных дебрях.
Кликуши, присягая сатане
усатому, красуются на вепрях.
А он, усатый, снова на коне.

Где лиственное облако клубится
во мгле и ветви хлещут по глазам,
там под корнями пепел шевелится
и дышит кровь, взывая к небесам.

* * *

Ель нагая иголки сбросила
по весне. Крупношёрстный, густой,
гибнет лес возле нашего озера.
Пол-России сожрал сухостой.

Тут, однако, вопрос, кто кого ещё.
Кто кому изгрызает хребет?..
Не сама ли себе?.. На побоище,
на пожарище нашем, на гноище
вырос наших кровей короед.

Мы, конечно, ответчики грешные.
Чем больнее, тем слаще печаль.
Но, быть может, сквозь эти проплешины
повиднее откроется даль...

Ишь как трудятся полчища каиновы...
Ствол облупленный гудом гудит.
Ночью угольной в эти прогалины
изумлённое небо глядит.

Не спасает уже ни молебствие,
ни суровая наша зима.
Может, правда, стихийное бедствие
одолеет стихия сама...

ДУБ ОСЕНЬЮ

Он сбросил листья все...
И в листья врос.
Он ветви оголённые вознёс
в благодаренье... На руках зари
парит... не отделяясь от земли.

Его разъятость не окинуть взором.
Он, озарённый гаснущим простором,
весь высвечен, до косточки, насквозь...
От шумного освободился плена.
Его живая аура нетленна.
Он здесь и там. И с листьями и врозь.

Малиновка, щебечущая где-то,
свидетельствует: жизнь его воспета,
по осени обретшего простор...
Уходит в небо медленный костёр
без пламени...
Иного полон света.

РУССКИЙ ЛЕС

Сквозь нашу бытность шепутную,
сквозь мат, клубящийся окрест,
к лицу приблизился вплотную
издревле дикий русский лес.

Шагнул из подворотни тёмной,
дохнул с парламентских высот
на город непроглядной кроной,
тоской загадочных красот.

Вдруг на картине, на иконе,
на выщербленной стене
паучьи шевельнутся корни,
просунувшиеся извне,

из тьмы таинственной, предвечной,
что без начала и конца,
сквозь путеводный сумрак млечный
дырявя стены и сердца.

* * *

Опять зима кусты посеребрила.
Накрыла свежей скатертью столы.
Отчистила осенние чернила.
Прорезала чернёные стволы.

А вслед за ней подкатит колесница —
стремительная юная весна.
На форточке уж клювиком синица
стучит: мол, засиделся у окна.

А там и лето... Сочиняем сказки
с детишками у позднего костра.
Вокруг всё те же тени, те же краски
и вечное: «Пора, мой друг, пора»...

Всего семь нот, семь красок на палитре.
Оттенки излучает белый цвет.
Как будто в повторяющемся ритме,
природа пишет заданный сюжет,

где чистоту одолевает нечисть
и нечисть сокрушится чистотой.
Дурная круговая бесконечность
в преддверии реальности иной.

За летом — осень новая. Недуга
предзимнего небезутешен вид.
Болезненно за временем следит
художник. Из пленительного круга,
зажатого в годичный обруч круга,
как скоро ему выпасть предстоит?..

* * *

Снова март чудодейственный призван
жизнь вдохнуть в запечатанный гроб.
Лес ликующим солнцем пронизан.
Дышит волей горбатый сугроб.

Всюду блещут алмазные грани
затаившейся близкой страды.

Жаль, однако, — вокруг поселяне
оставляют иные следы.

Уж наверно, у зверя в берлоге
чище — да и себе не во вред,
чем под ёлками, где при дороге,
видно, был новогодний банкет.

Ах, прославленная птица-тройка,
всё летишь, закусив удила...
Там, где ты приземлилась, — помойка
отпечаталась, землю прожгла.

Подморозило. Ночью кромешной
охлаждает родимый погост
крупной солью белеющих звёзд
март отзывчивый, март безутешный.

* * *

В ожидании годин
бедственных — беда стучится
отовсюду, не отбиться...
Привыкаю жить один.
Всякое может случиться.
Безутешно надо мной,
потаённой жизни полный,
лес шумит... Под вечер в свой
дом войду — пустой, безмолвный.

Тягостная тишина,
в кухне полотенцем свесясь,
ухмыльнётся...
Лишь на месяц
к старшей дочери жена
отлучилась...

Каждый шаг
обречён на испытанье.
Вот и нынче — вещий знак
будущего расставанья,
просветлённого во мгле
правдой исповедимой
здесь, на бедственной земле...
На несчастной, на родимой.

* * *

Русской прописью вдруг знаки огневые
занялись на Валтасаровом банкете...
Много чести, благодетели родные,
слушать «Эхо» и читать о вас в газете.
Надоело. В облаках я не витаю.
И откуда вы свалились, тоже знаю.
На каких взошли отечественных злаках...
Я об этом у Лескова почитаю
и у Гоголя — о вас, о вурдалаках.

* * *

Вот она, ратующая за справедливость
сила народная ... Обрядилась
витязем-волком... В глазах аж рябит...
Может быть, «обло, стозевно» помстилось
чудище?..
Нет, если сердце кровит
и велит лишь одно: отшатнуться...
Даже взглядом не прикоснуться,
будто к падали,
что на дороге лежит.

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Русские пословицы... До единой хочется
их запомнить. Каждая в шутку и всерьёз.

Над одной премудростью важной обхохочешься,
а иная, складная, проберёт до слёз.

Уцелели в нынешнем языке немногие,
всё течёт-меняется на поспешный лад.
Русские пословицы — срез археологии,
палеонтологии дивный экспонат.

Допотопных пращуров житие подробное,
илом занесённое сплошь, годиною бед.
Но не втуне канула мудрость обиходная,
точно пульсирует через толщу лет.

Широта душевная расторопна, кряжиста.
Без неё, наследственной, в пору волком быть.
Может быть, аукнется, может, как-то скажется
в будущем, которому — быть или не быть...

* * *

Стихи мои, бегом, бегом...
Б. Пастернак

Стихи наступают на пятки,
торопят, за собою влекут.
До славы пленительной падки,
как будто их где-нибудь ждут.

Их участь, вникая дотошно,
не вычсть — о том-то и речь...
Их можно забыть безнадёжно,
в помойку ли выбросить, сжечь.

Какая бы им, непригодным,
здесь ни уготована месть,
а может, и честь... Но в свободном
пространстве они уже есть.

Уже родились. А известно,
что эти создания живут
там, где не воюют за место
и в духе родство признают.

* * *

Под моим балконом, чуть в стороне,
стоят контейнеры для мусора.
В них копается человек.
Подробно перебирает пакеты, свёртки, коробки...
Выворачивает, принимаются, отбрасывает.
Сверху я, забывшись, наблюдаю за ним.
А на меня из поднебесной высоты
смотрит мой ангел
и не понимает, что это я делаю.
Что нахожу привлекательного
в этой житейской куче.

* * *

Не стыдно ли день свой начать
не с главной молитвы... Пенять
могу на себя лишь. Зависим,
увы, от соблазна... Начать
не с «Отче», а с пушкинских писем,
не раз уже читанных... Пусть
во многом давно наизусть
запомнившихся... Не оправдаться...
Но можно ль от них оторваться!

Да, стыдно. Отлаженный ритм
нарушен помехой живою.
И всё же Господь мне простит,
надеюсь... Он всюду со мною...
А пушкинский том под рукою
вдруг здесь оказался...

* * *

Поэты молятся стихом.

Нонна Слепакова

Там, где незримо клубится
пыль — каменеет в груди.
Можно ли уединиться
площади посреди?
Вовсе не вражеской ратью
я отовсюду тесним,
но жажду свиданья с тетрадью.
В ней же — единственно с Ним.

Неумолимая лопасть
гребёт погребальной волной.
Многое кануло в пропасть —
всё, что не названо мной.

Вне животворного ритма
действую как-то, кручусь.
Творчество — это молитва.
Раз не пишу — не молюсь.

МИССИОНЕР

Визави мой — отменно речист.
Всё по Библии шпарит. На столик
положил пред собою — баптист,
православный, пусть даже католик, —
мировым катаклизмом грозя,
если вовремя не спохватиться...
Я согласен — без веры нельзя.
И согласен, что надо креститься.

Обретается смысл бытия...
Но сначала, в моменте исходном,

быть порядочным... Мама моя
уточнила бы: быть благородным.

Ну, а ты тарахтишь, как движок.
Да и я присмирел, как овечка.
Ты меня хоть послушай, дружок.
Дай заблудшему молвить словечко.

БИБЛИЯ И ГАЗЕТА

Верному стражу Завета,
чтущему ритуал,
послана свыше газета,
чтобы не вышел в астрал.
С Библией вечность обрящем
и просветимся вполне.
Но кое-что о настоящем
знать не мешало бы дне.

Мне самому не по нраву
в бездну таращить глаза.
Но да не рухнет в канаву
взирающий на небеса!

Даже в одно бы касанье
глянуть по сторонам —
станет Святое Писанье
ближе, понятнее нам.

Рано под благостной сенью
тянущийся к спасенью
празднует торжество.
Пусть же газета на землю
за ноги стащит его.

* * *

Ваш суд, хулители, друзья,
пристрастный мало что изменит.
Никто взыскательней, чем я,
мой труд свободный не оценит.

Который мне, и тут вы правы,
ни денег не принёс, ни славы.

Об чём не очень-то скорблю.
Я и без них его люблю
и на другой не променяю,
будь хоть к позору пригвождён.
А нужен ли кому-то он,
сказать по совести, не знаю...

* * *

Нераскрученный, неохваченный,
еле-еле плетёшься обочиной.
Подзаборной брехнёй особаченный,
как бы книжку издать, озабоченный.

А вокруг у людей печки-лавочки.
Всё путём, любовь, чай с варением.
Им до книжки твоей, как до лампочки.
И не суйся ты со своим откровением.

Мол, из всех щелей — стоном прущая
гнусь российская, постсоветская.
Мир во зле лежит — правда сущая.
Стынет в жилах кровь молодецкая.

То-то пыл молодой скоро выдохся
от стихийного зла супротивного.

Обманул жену. Выходила за витязя
перспективного, суперактивного.

Ты прости меня, свет Татьянушка,
за судьбину мою неправую,
за провальную. Не почтил нисколько
я тебя заслуженной славою.

Всё. Отказываюсь от издателей.
Не хочу искать долю лучшую.
В лес уйду. Предпочту из читателей,
то бишь, слушателей, — ель дремучую.

ПО МОТИВАМ КАРТИНЫ К. МАКОВСКОГО «ДЕТИ, БЕГУЩИЕ ОТ ГРОЗЫ» (1872 г.)

Анютка — с рожденья в заботах —
босая по лугу бежит.
Вцепившись в неё, на закорках
Егорка от страха дрожит.

Кикимора прячется в яме.
Рогатый прикинулся пнём.
Порыкивает за холмами,
грозится и скалится гром.

Лихая беда неминуча.
Оттуда, нацелясь в обход,
как будто медведиха, туча
на задние лапы встаёт.

Вот-вот подомнёт... Через реку
по хлипким мосточкам спешит...
И дальше — по склону, по снегу,
навстречу двадцатому веку
босая Россия бежит.

А больше и некуда вроде...
Грядущее брезжит вчерне.
При гибельной непогоде
светло только в той стороне.

Упасть бы хотя под корягу
какую... И тучу заклясть!
Навстречу Совдепу, ГУЛАГу
бежит ко всеобщему благу,
коммунии — в самую пасть.

Как долго в блокаде природной
ещё ей дрожать и дрожать?..
От общей беды безысходной
помимо той кривды вольготной
ей некуда было бежать.

ПЕНСИОНЕР

I

Родимое государство
покусывает слегка.
Полпенсии на лекарство,
полпенсии на ЖКХ.

Из очереди понурой
плетётся... Кошёлка, зонт...
Уходящей натурой
за угол, за горизонт.

II

В продовольственном перед витриной стоя,
глядя на фасад благополучный,

как не вспомнить главного героя
нашей сладкой жизни... Потрох сучий.
Отруби подорожали вдвое.
Молоко, селёдка... Хлеб насущный.

Лучше отвернусь я от витрины,
от липучей жирной паутины.
 Попрошу я мудрости у Бога.
Наши нужды Он точнее знает.
С негодяйствующих взыщет строго.
Ну, а старикам уже немного
надобно — на жизнь почти хватает.

III

— У вас ресурсы зрения ослабли,
хотя восстановимы, может быть.

Врач выписал рецепт — глазные капли,
которые мне не на что купить.

Нужда обыкновенная придавит
чугунною плитой, как муравья.
Когда б не дети... Дети не оставят.
И преданные в Господе друзья.
Хрусталик заменить... Чтоб в дымке светлой
я вновь родные лица узнавал,
сопротивляясь нечисти несметной,
которая в России правит бал.

Как важно светом зрение насытить...
Оно восстановимо, может быть —
и для того, чтоб их в упор не видеть.
Чтоб их дурную видимость избыть.

УСОМНИВШИЙСЯ ПЁТР

Прodelывая путь к родимому Собесу,
посетуешь в сердцах — уж ты, брат, не орёл...
Но Пётр стал тонуть, когда увидел бездну,
и заметался, и — взгляд от Христа отвёл.

Опору потерял... И правда, захлебнуться
возможно, изнурясь в беспомощной борьбе.
Провальная дыра! И как не ужаснуться,
когда она — вокруг, когда она — в тебе.

Опору потерял... Под смертным камнепадом,
зажмурившись, от дна не отличая высь...
Но если веришь, что Христос, как прежде, рядом,
тогда раскрой глаза и заново родись.

* * *

Тулово бесплодное
изрядно износилось.
Ни на что не годное,
разве что на силос.
Чудо раздолбаево
из тех, что не имут сраму.
Уж давно пора его —
в силосную яму.

* * *

Отчаяние — страшный грех.
А. Мень

Любая опора шатается.
Любая надежда кончается,
и получается пшик.
Только бы не отчаиваться!
Только бы не тупик!

Раскрашенная химера.
Благочестивый бред.
Чем же удержится вера,
если надежды нет?

Если вкушаешь дырку
от бублика — сладка, горька...
И тогда я беру за шкурку
себя, как слепого щенка.

Не нужен тебе ни ладан,
ни мускус — глаза раззявь,
чтобы почувствовать рядом
ту светоносную явь,

которая тебя однажды,
заблудившегося, спасла
от вековой тяжбы
добра и зла.

И подхватила на взлёте.
Вынесла на крыле...
А то бы давно уж в болоте
сгнил, в родимой земле.
Конченный земножитель...
Слепая вера — трень-брень...
Об этом же и Александр Мень
свидетельствует —
миротворец-воитель.

* * *

Без паники, милый, без паники,
уж если терпеть суждено.
Ты замкнут в каюте, в «Титанике»,
который ложится на дно.

Рассыпались крики невнятные,
обрушился грохот и треск.
Всё стихло. В иллюминаторе
качается взвихренный лес.
В повальной стихии карательной
кому-то и впрямь повезло.
Они уже в шлюпке спасательной,
они уже крепят весло.
Придавлена толщей туманною,
сгибаясь, сплотилась семья.
И встретит их обетованная
в слезах материнских земля.
А ты... Пробивается быстрая
угроза из щели в стене.
А ты... Будто силой нечистою
повязан... Замкнутый извне,
ты видишь: небесные воины
из омута ринулись ввысь...
Сквозь трещины, рвы, сквозь пробоины
последним усилием рванись
за ними...
Да будет решающий
тот миг в непостижной судьбе.
Решайся. Господь, побеждающий
во всём, да поможет тебе.

* * *

Когда я был совсем маленьким,
я мечтал о маме, мечтал лет до шести.
Рубен Гонсалес Гальего. «Белое на чёрном»

Он встречен, как праздник, родными людьми
под звуки весёлой свирели.
Купается он в океане любви —
в своей родословной купели.

Все толки — о нём. Он центральный объект.
Везут его с дачи на дачу.
Имеет родителей — полный комплект
и бабушку с дедом в придачу.

Игрушки ему дорогие несут
знакомые тётки и дяди.
Его захватил уже творческий зуд —
каляки-маляки в тетради.

Скользит дельфинёнок в искристой волне,
резвится, сияет, смеётся.
Дай Бог, чтобы в нашей несчастной стране
его не постигло сиротство.

Он скоро научится книжки читать,
научится взрослым перечить.
Но Бог да поможет его воспитать
и школою не искалечить.

И горько завидуют где-то ему
те тысячи тысяч — в приютах —
его одноклассников, глядящих во тьму,
по форме одетых, обутых.

* * *

Человек, ведомый Богом,
ходит по любым дорогам.
В окружную, напрямик...
Не загнать его в тупик.
Даже если страх мгновенный
нападёт, к стене прижат,
выход сыщёт он — сквозь стены
выйдет, сквозь крошечный ад.

Человек ведомый... Каюсь,
разглагольствуя о том...
Если сам порой теряюсь:
Божий мир или дурдом?..

Если сам порой — хоть в петлю...
Обретая зренье, медлю...
Если нахожу с трудом
след Его: ведом, ведом...

* * *

Моим пенатам даль открыта...
Не чужды будничного быта,
они над пропастью парят.
Превыше всяческих оград
на третьем этаже... Без лифта,
замечу в скобках. Мрак ночной
рассеивается глаголом
торчащим фонарём. Дневной —
под окнами футбольным полем
и сумасшедшим за стеной.

А во дворе — из дней вчерашних
в сегодняшние волоча
раздрай, маячит набалдашник —
плешивый череп Ильича.

А в общем-то они за кадром,
как бы угрюмый взгляд и рык.
Всё хорошо. Танюша рядом,
сообщество друзей и книг.

Над пропастью усилием зрелым
попробую же уберечь
покой... Не расставаться с делом
своим. И общим беспределом
хотя бы втайне пренебречь.

* * *

Алексею Гиришовичу

Сомкнулись тяжёлые своды —
в тюрьме или в клетке грудной.
Как узник жаждет свободы,
так выздоровленья — больной.

Они-то, стеснённые, знают,
как можно ту радость ценить,
которой дожидаться не чают —
подняться, кружиться, парить.

* * *

Без Бога — ни до порога.

Русская пословица

За порогом, до порога...
Без смущения во всём
помощи прошу у Бога,
ибо общий воз везём.
Дай мне, силы преумножа,
действовать... Порой невмочь...
Для себя прошу. Но всё же —
как никто Ты видишь, Боже, —
чтобы и другим помочь...

* * *

Предательство в обычае... Мой друг,
которого я пестовал когда-то,
ушат помоев опрокинул вдруг
мне на голову.
Фирменная плата.
Заслуженная, может быть... На мне
и без того поналипало пятен.

Однако же в предъявленной вине
я не уверен... Может быть, он спятил?..
А может быть и так: на ерунде
зациклившись, крутятся на скользком склоне,
докатываемся до пределов, где
предательство в обычае, в законе.

* * *

Без иллюзий — ближе, ближе
видится предел земной.
Доживать нам в этой жиже,
в этой яме выгребной.

После всех экспериментов
по методике — ломать
накопилось экскрементов —
лет за сто не расхлебать.

Ежели на дне колодца,
то бишь ямы выгребной,
навсегда не захлебнётся
мой несчастный край родной.

Что ты, брат, глазища пялишь...
Пусть калека из калек,
ты алкаш, но не опарыш.
Ты крещённый человек.

Век твой злополучный прожит.
Но ломает и корёжит,
по всему, сдаётся мне,
нас — по нашей же вине.

А если так, то Бог поможет
даже здесь, на скользком дне.

* * *

На этом месте 9.IX.90
принял мученический венец
отец Александр Мень

Свято место пусто не бывает.
Снежный вихрь свистит и завывает.
Тени над божничкою витают
в злую ночь, в слепящую пургу.
Но под утро стихла непогода,
и пылают — положил же кто-то —
красные гвоздики на снегу.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ КНИГИ «АНГЕЛ ЧЕРНОРАБОЧИЙ» (2007)

I

Мечена жижа дорожная палым огнём.
Грязь светозарна.
Чавкает, хлюпает, всхлипывает под сапогом
кровь Александра.

Эка — багряных и чёрных натолкано в след
траурных кружев.
Это она под ногами у нас вопиет,
плавится в лужах.

По колее безнадёжной сольётся с зарёй
утренней завтра.
Не затоптали, а просто смешили с землёй
кровь Александра.

Нам эта жертва досталась опять задарма.
За ним не угнаться.
Мечены наши блуждания, наши дома
кровию Агнца.

II

Там, где топор долгожданную жертву настиг,
где от столетних дубов не дождёшься улик,
рядом стоявшие, эти-то видели точно.
Эти молчат — потому их не тронули, не спилили...
Там, где рябины глазастые в страхе застыли,
тоже свидетели... Где отпевали заочно
раньше, чем в храме, его коростель и синица,
там, на родимой болотине, встала божница.
Ташат паломники славу посмертную снизу.
Пишут записки: «Болящих Варвару, Анфису
оборони... Пелагею, Петра, Николая...»
Пишут записки, заступника в нём прославляя.
Так и пойдёт почитание — мимо приказов
сверху... Из гущи легенд и меморий.
Мимо редутов, где наши полковники в рясах
статус блюдут канонических территорий.
Там, где божничка обочь притулилась, запнулась дорога...
Отче святой Александре, моли о нас Бога.

ДОРОЖКА В СЕМХОЗЕ, НА КОТОРОЙ БЫЛ УБИТ ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ

Школьники в школу спешат.
Трудящиеся — к электричке.
Скальваю лёд возле батюшкиной божнички.
Пятнышко на брусчатке невидимое
ударяет, как шилом,
возле дорожки, той самой, по которой ходил он.
Дорожка завалена снегом, затоптана...
Но кровь всё равно проступает.
Ни дождь, ни слёзы, ни время —
ничто её не смывает.
Деревья осунулись, впавшие в зимнюю спячку.
Пенсионер прогуливает собачку.

По скользкой дорожке
ступает походкой нетвёрдой.
Собачка учуяла кровь, в сугробы тычется мордой
и тащит по следу хозяина... Хвостиком крутит...
Что-то ещё с этим краем нечистый замутит...
Что-то здесь будет...
То ли провальная плешь с пестротой городской...
То ли опять зарастёт непролазной тайгою...
Ах, что бы ни было... Прошлое будущим грезит.
Но след сохранится невидимый. Шрам не исчезнет.
Исчезнет Россия, исчезла уже,
вся изрешечена в шрамах,
сколько бы здесь ни воздвигнули клубов и храмов.

ХРАМ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ В СЕМХОЗЕ

Колокол — как колокольчик на стебле.
Силится сквозь вековые дебри
утром пробиться. Хрупко звонит.
Голос его хрипловатый кровит,

исполосованный в воздухе мглистом
грохотом тяжеловесным и свистом
мимо кочующих поездов.
Голос его — очистительный вздох.

Дремлет страна в беспробудности сладкой.
Князь сего мира сапёрной лопаткой
здесь полоснул. И надежды отсек
на пробуждение... В шестнадцатый век

нас отодвинул. А то и подале.
Мало ему восхвалений воздали
в страхе смертельном, в холопской любви.
Стебель. Росточек. Храм на крови.

БИБЛИОТЕКА

Незыблемый мой материк.
Моих откровений тайник,
моих озарений, мой воздух...
Что взял бы с собою из книг
на необитаемый остров?..

Когда бы отправлен судьбой
в глухое уединенье,
наверное, взял бы с собой
я — Библию, Пушкина, Меня...

ДОМ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ В СЕМХОЗЕ. 2013 ГОД

Заря над батюшкиным домом
роскошная... Шатром огромным
раскинулась — из края в край.
Её чернит вороний грай,
прокалывают пики елей.
Последних мартовских метелей
смятение... Не зря возник
её огнеподобный лик.
Заря над путеводным домом...
Он, выпотрошенный драконом,
объят музейной тишиной
за крепостью сторожевой.
Дыханье хладное сдувает
с покатой крыши снежный дым.
Днесь небеса не оставляют
его присутствием своим.

Вот и Меркурий, как подранок,
в лучах зари кровоточит.

Предупредительный охранник
мне двери дома отворит.

Наполнен тишиною кроткой
пустой просторный кабинет.
И падает нездешний свет
в окно, что забрано решёткой.

ПАМЯТИ ГРИГОРИЯ ПОМЕРАНЦА

Бог поругаем не бывает.
Мудрец, не расставаясь с Ним,
мытарства преодолевает,
китайской казнию казним.

Чеканный профиль иудейский,
чуть вскинутая голова...
Ответствует улыбкой детской
на хитроумные слова

взбесившегося оппонента,
напялившего на себя
роль русского интеллигента,
лоб троеперстьем осеня.

Со временем тускнеет глянец
авторитета наверху.
И кто из них образованец,
теперь уж ясно. Who is who.

Святых даров не причащался.
Креста на шее не носил.
На глубине своей общался
с Творцом Вселенной, Богом сил.

И знал, и чуял под собою
страну. Со страстию хмельною
не прижимал её к груди.
Не Русь была его женою,
не Русь, а Муза во плоти

была наперсницей чудесной.
Любовь чем старе, тем верней —
их возносившая над бездной,
над бременем трудов и дней.

ЗАКАТ

Месяц и рядом звезда.
Что за звезда — Сириус, Вега, Арктур?..
А, может, не звезда, а Венера или зоркий Юпитер?
Некому распознать...
Давно уже нет людей на Земле.
Давно... Которое тысячелетье...
А месяц и рядом звезда
на закатном небе
остались...

ВЕСТЬ

С кем сердечно общались, дружили,
с кем сроднились давно на земле,
вы, навеки ушедшие, живы.
Где, не знаю, но точно — во мне.

Безутешною смутной порою
вдруг услышится внятная весть.
На молитве глаза лишь закрою —
все вы рядом, воочию, здесь.

Каждый самое важное что-то
от себя в мою душу вложил,

чтоб готова была для полёта.
Уж и я на земле старожил.

Мама, брат мой, отец... В самом деле
ваш светящийся след всякий раз
не восполнит бесценной потери,
но, затеплясь, надежды придаст.

* * *

На кладбище пойдём... Отрадные мгновенья —
безмолвно постоять под внятной тишиной.
По чарке разольём, а то — не по одной.
Жду этот скорбный день,
как светлый день рожденья.
Четырнадцатый год, как мамы нет со мной.

Опять заводят муть российские мутилы
про скопище врагов, про наш особый путь...
Про ядерный заряд неисчислимой силы...
В конце того пути останутся ль могилы?
Придёт ли кто сюда усопших помянуть?

Содвинем чарки, брат! Есть узы вековые!
Тогда нарушим чуть сакральный этикет
и чокнемся звончей! У Бога все живые...
Не правда ли, Танюш, у Бога смерти нет...

* * *

Подожди меня. Вместе уйдём,
если жизнь эта прожита вместе
неразлучно. Недобрые вести
прочь гоню... Под прицельным огнём
до конца бы остаться вдвоём.

Боже, мыслимо ли пережить...
Заглушить затаившимся стоном,

что кому-то из нас, может быть,
безутешным подранком кружить
над бездомным простором.

Скудный опыт надеждой велик.
Не конец, а надломленный сдвиг.
Наши судьбы там снова сойдутся...
Если вдруг предстоит разминуться
на какое-то время, на миг...

* * *

В октябре смертоносные дни.
Дням рожденья, надеюсь, сродни.
Умер брат мой, отец... Да и мама
начала уходить в октябре...
Отключаясь от мира, дремала,
будто ниже и ниже к земле
на одном опускалась крыле.

Нынче дивная осень щедра.
Уношу из лесного шатра
чудотворные краску за краской.

Краснопёрый октябрь откружил
надо мною... И я, старожил,
на него оглянулся с опаской.

* * *

Да пребудет живущий зрячим!
Только бы не в ночные часы.
Сон мой призрачен и прозрачен,
будто крылышко стрекозы.
Отлетит в тот же миг, испарится,
если кто-то из близких приснится,

отошедших уже... Их немало
там... Свидания не прерву...
И особенно, если мама —
непонятно: во сне, наяву?..

ВНУКАМ

Детям читаю сказки
пушкинские. Вокруг —
первозданные краски:
озеро. Облако. Луг.
В будущем не теряясь,
будущего залог,
видимую реальность
одушевляет слог

пушкинский. Свыше заказан,
преображаясь на дне
полусознания — связан
с облаком в голубизне.

Старость с младенчеством рядом
ритмом, целительным ладом
дышат — закат и восход.
Видимостью не захватан
лад... Ибо в сердце впечатан
глубже земных красот.

* * *

Показательно суров
климат наш. Угрюмы лица.
Жаль детей и стариков,
неспособных защититься

от бушующего зла,
от блуждающего мрака.

Всё же силушка нужна,
действующая во благо.

Смертоносны холода
в крайние больные годы.
И тем более, когда
жертвы — круглые сироты.

Беззащитен стар и млад.
То-то сердце изнывает
в нашем логове, где ад
слабого одолевает.

* * *

Кончился год. Чуть заметную тропку
в будущее декабрь проторил.
Еженедельник пойдёт на растопку.
Нишу заполнил, своё отслужил.

Неукоснительной правды сторонник,
в числа, в подробности честно вникал.
Внук мой, решительный огнепоклонник,
скомкал и в печку его затолкал.

В тёмную пасть... За страничкой страничку...
Все до одной поместились едва.
Чиркни, Ванюшка, весёлую спичку —
то-то подхватятся дружно дрова.

Год улетучился. Экая малость...
Сроки земные ничтожно малы.
Что от него кроме пепла осталось?
Что кроме брошенной в землю золы?..

* * *

У вечности на пороге
я мельком порой оглянусь
на детство... В какой же берлоге
мы жили — в затменье, в тревоге...
Увы, не в святилище муз
оно поднялось благодарным
росточком грядущего дня.
И след его прочный отдавлен,
как чья-то во времени давнем
в застывшем цементе ступня.

* * *

День за днём льёт и льёт без просвета.
Воздух, влагой набухший, тяжёл.
В ожидании бабьего лета
мой заветный сентябрь отошёл.

Знать, разверзлись небесные хляби.
Оголилось в кустах озерцо.
Прячет осень в чешуйчатой ряби
иссечённое ветром лицо.

Все её откровения хлипки.
Обещанья и вовсе легки.
Обойдусь без прощальной улыбки,
без протянутой жаркой руки.

Я за то полюблю непогоду,
что она неизменно зовёт
утром пасмурным броситься в воду,
в злую стынь, в обжигающий лёд.

От него и огнём зарядиться,
дабы не омрачиться ничем.
И, кто знает, быть может, проститься
с бабьим летом ещё не совсем.

* * *

В чистых лесах под Варшавой
Западом дышит Восток.
За богатырской дубравой
прячется монастырёк.

Смутному сердцу окажет
помощь обитель сия.
Трудится горстка монашек —
Девы Марии семья.

Каждого смертного в храме
тянет к источнику сил.
Свет над Святыми дарами
теплится, неугасим.

Кажется даже, возвышен
нимб восходящей луны.
Дивно. Давно я не слышал
внятной, как здесь, тишины,

что обновляет значенье
каждой прочтённой строки.
Ширится свод откровенья
евангелиста Луки.

Если подумаем здраво,
братие, можно ли клясть
единоверца?..
В чём, право,

разница — слева ли, справа
крестное знаменье класть?!

Междоусобных насилий
месиво — общий наш враг.
В лоск исхлестали Россию.
Польшу, пожалуй, не так.

Зиждется слово и дело
Богу послушных сестёр.
Польска ещё не сгинела,
если не сгинул Костёл.

* * *

Прикровенный свет неярк
Иисусовой купели.
Польша — именной подарок.
Именно — от пани Эли

с давних лет без явных знаков
был от сердца к сердцу послан.
Хищным взглядом коммунаков
на границе не опознан.

Спрятанный в лесах укромных
в детстве светлом, яснооком,
был Заклад для неведомых¹
нашим доченькам уроком
ключевым... Живая школа,
впитанная — дальше, больше...
Крепость древнего Костёла —
главная опора Польши.

---

¹ Заклад для неведомых — монастырь для слепых под Варшавой, где
мои дочери постигали первые уроки милосердия.

Как и всё в двадцатом веке,
всё, что оставалось свято,
пошатнулось от опеки
грозного соседа-брата.

Тень его вдруг накатила
снова... В польский шлях с Востока
новоявленный Аттила
вперил каменное око.

Эленька, сестра родная
в Господе, осилим старость
вместе! Годы не считая,
сколько бы их ни осталось...

* * *

Естественно, неотвратимо,
как смутные знаки судьбы,
клубы косолапого дыма
ползут из соседней трубы

к нему. Почивая в постели,
он вдруг их почуял во сне.
Чего бы им тут, в самом деле,
толпиться и жаться к стене?..

Но миг — и взметнулись оравой
опавшие листья с земли,
и дым вслед за листьями лавой
вытягивается к златоглавой
берёзовой роще вдали.

Ему, уstraшённом паки
и паки ликующим злом,
всё чудятся грозные знаки,
дурные приметы во всём.

ЭЛЕГИЧЕСКОЕ

Не расстаюсь с мобильным телефоном,
хотя на основании законном
сам выбрал заточенье — гладь да тишь.
Что ветер говорит безлистным кронам,
и что они отвечают с поклоном,
я не прислушиваюсь...
Вдруг позвонишь?..

Я преданность блюду, кристально честен.
И никому мой номер не известен,
кроме тебя. А на исходе дня
жду эсэмэски — пламенной, но скромной,
по краткости, по средствам экономной.
Крутой тариф — надёжная броня.

Оставим разговоры между нами
до встречи, что уже не за горами...
Пойду я, временный служитель муз,
к притихшим соснам, к облетевшим клёнам,
не отягчён мобильным телефоном,
в безмолвии уединюсь.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Воробышек пьёт из щербинки асфальтовой
за капелькой капельку,
к небу клювик задрал...

* * *

Ржавь шершавая шлаков, прозелень меди
там, где каменный череп зазубренный меч раскрыл.
Морды скал — это маски античных трагедий.
В глубине оголённых глазниц древний ужас застыл.

Ветви кактусов переплелись на обрывистом спуске. На сплетённых ветвях огневые набухли цветы, устремлённые вниз, будто крови запёкшейся сгустки опускаются к морю с безоблачной высоты.

Красота лучезарна. Но, словно в затмение зверя,
беспощадна бывает и мстительна, как Аполлон.
Бьётся в ужасе смертном, детей потеряв, Ниобея.
Слышен в гулком ущелье её нескончаемый стон.

Разрывают невинное сердце согласия-раздоры.
Кровно слит и естественен перекорёженный мир.
Ослепительный взор
богравной коварной Пандоры —
и поныне живущий, отвратно красивый сатир.

Вдруг скользнула по дну тень —
 большая всплыла черепаха,
 огляделась вокруг и канула снова во тьму.
 В светоносную тьму,
 где сцепленье восторга и страха
 в просвещённой Элладѣ разъять не далось никому.

* * *

Златая Киприда на берег
выходит из пены морской,
блистая доступностью — перед
восторженной пеной людской.
Как видим, не канула в Лету
наперсница тайных усад.
Небрежно зажжёт сигарету
о чей-нибудь пламенный взгляд.
Наплавалась вволю... Усталость
сморила. Невдалеке
легла рядом с ним. Распласталась
у ног на горячем песке.

Зачем же он, этот счастливец,
тревожно взирает вокруг?..
Как будто и впрямь Олимпиец
её неказистый супруг.
Бесчинствует Эрос в природе.
Игривые стрелы в разлёте
бессмертным огнём зажжены.
Сладчайшего страха полны
хмельные томления плоти
под боком у бога войны.
Послушный Зевесовой власти,
огонь тот — небесный отчасти —
и ныне восторженно жив.
Не гаснут эгейские страсти,
прибрежную пену вскружив.

ПЕЛОПОНЕССКОЕ

Наглядеться, надивиться, надышаться...
Я ещё повременю, ещё помедлю...
К каменюге, жаром пышущей, прижаться...
Райским кушам поклониться. Попрощаться...
И — домой. В беду российскую, как в петлю.

От угроз её и совестно и тошно,
нависающих от самого рожденья.
Приспособились — дышать в удавке можно.
Врываться б из неё хоть на мгновенье.

Неуступчиво искать опору в крыльях,
честно вкалывая в логове удава.
Мне всё чаще вспоминается Курилов,
непрославленный герой — Курилов Слава,

южной ночью сиганувший с теплохода,
трое суток пропадавший в океане...

К счастью, выплывший тогда... Кому свобода
приоткрылась, не удержишь на аркане.

Я, пленённый ослепительным простором,
не могу на отчий край не оглянуться,
не подумать о свиданье слишком скором,
о петле, не дать которой затянуться.

* * *

В вековечном краю заповедном
каждый камушек тайну хранит.
Морды скал, испещрённые ветром,
затаились у входа в Аид.

Меж колючек поросли дикой
заронён аромат орхидей.
За исчезнувшей Эвридикой
в тесный холод уходит Орфей.

Остановленный встречей счастливой,
порываясь супругу обнять,
сладкопеец нетерпеливый,
он её потеряет опять.

Сохраняется цвет благородный
чистых волн и чистейших небес.
Не утратил поныне природной
славы — солнечный Пелопоннес.

То-то импульс лелеет мажорный...
На спине, загораая, лежит
огненный абориген обнажённый...
Вкруг которого берег изрыт,
истанцован следами копыт.

* * *

Когда твоей дражайшей половине
ты как-нибудь обидно возразишь,
взрывается вулкан на Санторине,
и ты под пеплом еле жив лежишь.
День скверно начался... Не без причины...
А как бы и всерьёз не помереть...
Но положенье здорового мужчины
обязывает скверну одолеть.
Да будет восстановлен понемногу
покой в душе, и в доме, и вокруг...
Вот и очки нашлись... И слава Богу!
Всё остальное — мелочи, мой друг.

* * *

Поэт, не ведая тревоги,
у моря синего эклоги
слагает... Он в ладу с собой.
Он весь — как шоколад в лазури...
Ему, не ищущему бури,
на камушковой клавиатуре
аккомпанирует прибой.

* * *

Дорога — ухаб на ухабе.
Разверзлись ноябрьские хляби.
Обглоданных елей стволы
чернеют на косогоре.
Надгробия туч тяжелы.

Танюшенька, вырваться б к морю
из этой обглоданной мглы.

Глядит в телевизор столица.
Гарцуют на троне вожди.
Подальше б от них — отдалиться,
собраться, душой отойти.

Туда бы, где даль распростёрта,
где небо до горизонта
с сияющей синью слилось.
Где нам побывать довелось.

Пригубить живейшую влажность
отрадно безоблачным днём,
где мы с тобой, за руки взявшись,
по кромке прибоя бредём.

Под кров Адриатики чудной
хоть на две недели туда..
Туда, где в красе изумрудной
стоletняя ель молода.

На склоне стоит и не чахнет.
Найти подешевле жильё..
Где грозной державой не пахнет,
ни дымом, ни Крымом её.

* * *

Вошли в эпоху Третьей мировой.
Отныне все мы на передовой.

Не избежать возвышенному взору
смотреть в глаза глобальному террору.

А в нашем ополчении разлад..
Запутались: где друг, где враг, где брат?..

И в свете указующей бравады
всё те же за спиной заградотряды.

7 НОЯБРЯ 2013 ГОДА

Я этот день забыл.
Как будто напрочь
из прошлого он выпал. Под окном
не бухают, как в детстве, колотушкой
по барабанам...
И не гундосит духовой оркестр,
у школы демонстрантов собирая.
И флагами не хлещет по глазам.

Ни признака кровавой годовщины.
Обычный будний день.
С утра пробежка.
Работа за столом.
А вечером литстудия. И там
никто не вспомнил о зловещей дате.

О, неужели канул этот морок
хотя бы календарно, для начала...
А в судьбах,
конечно же, ещё кровоточит...

* * *

Язык наш в мире настоящем
на непригодность обречен.
I ask: «Do you speak russion?»
А мне в ответ: «What for?» Зачем?

* * *

Получим мы все по заслугам
с тобою, родная, страна.
Как будто безумным недугом
ты издавна поражена.

На нищих валить, на богатых —
бессмысленно: очи горе!
Что толку искать виноватых,
когда уж на смертном одре!

* * *

Жизнь пронеслась, промелькнула... У края
будто бы приостановилась на миг.
Смотрит из зеркала, всё понимая,
еле себя узнавая, старик.

Что ж, и его изъязвила немало
немошь отечественная — чума
краснознамённая... Но миновала
всё ж бедолагу тюрьма и сума...

Не зарекайся, в России рождённый:
общий недуг по сю пору кровит...
Сколько тебе ещё здесь, в зачумлённой
местности этой, прожить предстоит?..

* * *

К тебе, новоявленный Ирод,
любовь обездоленных сирот
зашкаливает навзрыд.
Ковшом телящика вырыт
наш путь, костоломный наш быт —
назад, в ледниковый период.

Направленный рупор сплотил
толпу зачумлённых громил,
послушных командному бреду.
И мамонт в ночи вострубил
косматую вашу победу.

* * *

Выходец из народа
уразумел давно:
родина или свобода,
третьего не дано.
Выходцу из народа
дважды не умирать.
Родина или свобода —
есть из чего выбирать.

ПУШКИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ. ДЕНЬ РОССИИ. 12 ИЮНЯ 2017 ГОДА

Пушкин вздрогнул на пьедестале.
Вкруг него, обнажая клыки,
вьются, кружатся волчьи стаи —
в шлемах выпученных волки.

Царским слугам ничто не чуждо
человеческое — топчут дружно,
вяжут, лупят по головам.
В волчьей пасти трепещет девчушка,
перекушенная пополам.

Вольный ветер плакат полощет
с дерзкой надписью «Власть — смердит».
Толпы юношей вышли на площадь.
Может, Пушкин их защитит.

Он их в детстве сказками нянчил.
Он собою давно обозначил
знак свободы — спасительный знак,
царской нечисти вечный враг.
Подступаются — чтоб не маячил,
и его запихнуть в автозак.

Он же помнит их — рой за роем
мчатся бесы... Клубящийся ком.
Эти нынче орудуют строем —
слаженный тысячеглавый дракон.

Кружит, рыкая, слёзы лакая
жертвенные — огнедышащий зев.
В даль грядущую проникая,
смотрит Пушкин, оторопев.

По хотению их, по велению
выметенная железной метлой,
стихла площадь под мёртвой луной.

Пушкин замер задумчивой тенью,
окружённый египетской тьмой.

* * *

Чуть живому дыханию внемлю
возле губ — ощутимо едва.
Луговая пожухла трава.
Снег ложится на мокрую землю.
А она — ни жива ни мертва.

Изнурённое выдохлось тело
в лапах неумолимой судьбы.
Рядом замерли окаменело,
сбросив шумные шубы, дубы.

Хладный прах — под кабаньи копыта.
Прошлое — бесприютно, безбытно
тускло светится по ночам.
В отходящем дыханье сокрыто
просветленье — начало начал.

Вот и мне предстоят перемены...
Покидаю — накрыла беда —
обжитые домашние стены.
Сам потерянный, как никогда.
Или что-то в дороге случится...
Или что-то обрушится здесь...
И не знаю, как с ними проститься:
насовсем ли, надолго?..
Бог весть...

ПРЕДЫСХОДНОЕ

Сумрачный закат тяжёл,
медному подобен слитку.

Вот и август подошёл,
тихо отворил калитку.

Гость неотвратимый мой,
заходи смелей, не мешкай.
Кто там за твоей спиной
притаился — ангел, леший?..

Нынче мы с тобой в ладу
и любой разлад рассудим.
Ну, а в будущем году
неизвестно, где мы будем.
Вдруг на этой же заре,
так же гаснувшей сурово,
встретимся?.. На чьей земле?..
Да и встретимся ли снова?..

А куда ждём вестей
лучших от родных властей,

не загадываем на год —
как у них там карты лягут,
от войны или к войне?
Пасынки в своей стране,
в чём-то мы от них зависим,
приспосабливаясь не
вторить их повадкам крысьим.

Но зато из майских грёз
выпутались мы, не скрою,
искупительной ценою —
россыпью алмазных звёзд,
щедро посланных Тобою.

Кто там замер позади
тополя под пёстрой шкурой?..
Не оглядывайся, входи,
Август Августович хмурый.

Из книги ВОСХОД ВЕНЕРЫ (2022)

* * *

Где ты живёшь? — вы спросите. — В гостях...
Уже почти два года обитаю
в гостях... И ни на миг не забываю
об этом... В интернетных новостях
ещё живу... Или, точнее, витаю.

В гостеприимной деловой стране
всё неприкаянно, всё чуждо мне.
Опрятный парк, просторная квартира.
И только ночью в дивной тишине
окликнут в незашторенном окне
созвездия родные — Лебедь, Лира,
Возничий, Андромеда...
Позовёт
из дома на свидание, наверно,
на Западе, блистая в свой черёд,
встающая из пены звёзд Венера.

Она сияет и в моих краях,
о коих ни на миг не забываю.
Где, как всегда, в почёте гниль и прах,
где почивает вековечный страх...

Сегодня, обихоженный, в гостях
живу...
А завтра будет что, не знаю.

* * *

Тоскую по дому оставленному... Не по стране,
по родине так называемой, утопшей в дерьме

бездны властолюбивой, в извечной пучине.
Тоскую по лицам родным.
По космодемьянской общине.

По книгам доступным — на полке всегда под рукой.
Мой письменный стол, одарявший счастливой строкой,
когда доводилось над ним склоняться часами...
Неужто же сгинуло всё безутешно, с концами?..

Мой дом — моя крепость. Увы, афоризм не из тех
при нашей погоде. И крепость, как грецкий орех,
раздавлена глухо. Без лишнего шума и грома.
И нет у меня на земле защищённого дома

нигде — ни в стенах городских, ни в дремучих лесах.
Но, может быть,
может быть — на небесах...

РУССКИЙ ЛЕС

Пепельный свет от Луны мертворождённый.
Гукает филин с полуночи, как заведённый.

Скорбно и глухо — старательный сторож в округе.
Таинственные непостижимые звуки.

Уж не с того ли непостижимого света...
в вологодских лесах на исходе короткого лета.

В вологодских, калужских, заволжских — где звери в берлоге
по лисьему зову сошлись и друг друга сожрали в итоге.

Или же, сучья топыря и к небу вздымая,
будто придвинулась сила несметная полчищ Мамая.

Вражина-чащоба поблизости ли, в отдаленье
душам, блуждающим в ней, не сулит примиренья.
В дебрях унылых мстительный мрак неизбывен.
Или о мире потерянном гукает филин?..

* * *

Три лилии в гранёном хрустале
красуются на письменном столе.
Взирают стреловидным очами
на дольний мир, погрязнувший во зле,
каким он не был в вечности, в начале.

Три лилии на письменном столе
о нежности, о ласковом тепле
поведают дремучими ночами.

Из Песни песней воплощённый звук,
который никогда не увядает.
А между тем благоразумный друг
меня участливо увещевает.

В отечестве родном будь нем и глух.
Замри. Себя почувствуешь свободней.
О, безотрадный раболепный дух...
Нет! Прозревает зрение, и слух
острее стал в родимой преисподней.

Среди глухих отеческих руин
не всё вчистую пожрано драконом.
Хотя бы здесь, в моём жилище скромном
благоухает лилия долин,
взлелеянная славным Соломоном.

СОСНА

Затворнику не одиноко
и звёздной ночью не до сна,
когда поблизости сосна,
высокоствольна, темноока,
к нему заглядывает в окно.
Он с нею обручён давно,
хоть видится не каждый год.

Быльём не заросла дорога,
сюда которая ведёт.
И никогда не зарастёт,
где путеводные надмирны
светильники...
Где к небу льнёт
её вершина — достаёт
созвездий Лебеда и Лир.

* * *

Видно, я в своей судьбе
ничего уж не решаю.
В гости к самому себе
на побывку приезжаю.

В помутнённый стольный град,
как в Бермудский треугольник.
Рад тому или не рад,
усомнившийся стократ
добросовестный невольник.

Тщусь, разодран пополам,
не растравливать изъяна.
Нет, конечно, рад друзьям
из «Космы и Дамиана».

Милые мои, — шалом!..
Вот и мой притихший дом.
Загляну и вновь покину.
Отданный жильцам внаём,
он уже наполовину
мой...

К невидимой стене,
кажется, впритык придвинут.
Ну, а там, за ней, вовне
все разминовенья минут.
Нет, с поспешностью наивной
в стороне гостеприимной
оправданий не ищу..
Чистым воздухом дышу
на свободе, на чужбине.
Крылышками дребезжу,
словно муха в паутине.

* * *

Я, эмигрант преклонных лет,
учусь стоять пред светофором
как вкопанный, с невинным взором,
и не бежать на красный свет.

И вообще бы не бежать
уж никуда. Опережать
себя во всём... до исступленья
вопя: остановись, мгновенье!

Расслабиться, передохнуть,
подумать, не меняя позы.
Здесь не перекрывают путь
правительственные членовозы.

Что ж, европейцем становлюсь.
Владеть собою виртуозно
у светофоров поучусь.
Учиться никогда не поздно.

* * *

Деревце. Саженец, метров пять уже вымахал.
Обставлен опрятной оградой —
три крепыша, три столбика вкопаны в землю
и скреплены полешками у середины ствола,
где повязаны с ним толстой пеньковой верёвкой.
Известью выбелен ствол. Шейка у корня
решётчатым пластиком защищена,
чтобы шустрые кролики её не погрызли.
В тихих дворах городских они обитают, а также ёжики, белки.
Надёжно выровнен ствол, нацеленный в небо.
Чудное сходство с юношей, мимо идущим, высоким.
Бережливый щедро-расчётливый Deutschland
внимателен к каждому деревцу, как к человеку.

* * *

Таёт свечечка,
которую я поставил
перед иконой Божьей Матери
о здравии тяжкоболящего друга.
Таёт, таёт...
И, наверное, не дотянет до конца литургии.
Сердобольная служка подступает
вытянуть её из подсвечника
и бросить в жестяную коробку
к таким же, наполовину недогоревшим.
Они пойдут в переплав,
чтобы сэкономить малую денежку приходу.
Подождите, говорю я женщине,
пусть ещё потеплится,
пусть ещё постоит...

* * *

Прощай, Изабелин¹...
Ты, как всегда оставишь
светлейший след среди родных руин.
Ты самый давний из моих пристанищ.
Прощай, Изабелин.

Струится блеск сентябрьской лазури
сквозь лиственный редящий покров.
Взбежав на холм, красуются косули,
нисколько не боясь грибников.

Багровый вьюн свою выводит строчку
ввысь по сосне...
До сумерек брожу
в сухом бору... Не страшно в нём и ночью,
чего о подмосковном не скажу.

А вспомнить... Не однажды братской плетью
сей край непокорённый был клеймён.
Повстанцам позапрошлого столетья
воздвигнут крест, преданьем окрылён.

Но с братьями час от часу не легче.
Они и нынче пострадать не прочь.
Укрытые от непогоды свечи
в подножии креста горят всю ночь.

Задумчивые сосны вековые...
И дуб, их современник, исполин.
И женский монастырь «Семья Марии»,
поэта приютивший не впервые...
Прощай, Изабелин...

---

¹ Изабелин — местечко в лесах под Варшавой.

* * *

Здесь было еврейское кладбище, которого нет сегодня.
Затерянное под землёю семя Господне.

Выкорчевали надгробные камни то ли немцы, то ли аборигены,
каждодневными нуждами обременённые.

Чего там эти булыжины торчат бесполезно!
Всею своё время под солнцем, всею своё место.

Над распростёртой Вислой вокруг синагоги
теснились опрятные домики, не чертоги.

Чередовались похороны, свадьбы, благословляемые раввином.
Жених с невестой стояли под балдахином.

И аукались имена, прижившиеся от века:
Моисей, Арон, Рахиль, Милка, Ревекка...

Где-то на этом пригорке было... Ощупываю ногою
кочки, опутанные, как колтуном, железной травой.

Густой непролазный ольшаник, подлесок высокий
высосали корнями беспризорные соки.

Где вы, в этих краях благодатных почившие человеки —
Моисеи, Давиды, Ароны, Рахили, Ревекки?..

* * *

Во мху, мягком и нежном, как лебяжий пух,
покоится ствол упавшей берёзки.
Белые ветки — руки, раскинутые по сторонам.
И волосы — тоже белые —
разбросаны в изголовье.

Кора разодралась на груди
и обнажила трухлявое чёрное нутро,
обречённое подпитывать пушистый мшаник.
Когда я прохожу мимо по тропинке,
стараюсь на неё не смотреть.
Истлевшее тело,
похожее на человеческие останки.
Общая участь у нас на земле —
у дерева и человека.

* * *

Напрасно я, кажется, вышел
на звёзды взглянуть... Облака
сплошные... Вдруг голос услышал,
окликнувший издалека...
Твой голос...

Душевную смуту
он чуть приутишил извне.
Наверное, в эту минуту
подумала ты обо мне.

И стало на миг просветлённо
на небе, где не было звёзд.
Так значит, мы дышим синхронно
и думаем...
Отдалённо
разъяты на тысячи вёрст.

ПИСЬМО

Да никакой я не герой.
И одиночество порой
подступит пострашнее ката.
Бывает, ох, тоскливовато.

Опять я с миром не в ладу.
Опять на месяц пропаду.
Тебе, жена моя родная,
с игривой музой изменяя.

А нам уже немало лет.
И глядь, как говорил поэт,
умрём...
Зачем же раньше срока
нам разлучаться так жестоко?
Попробуем, легко сказать,
а вдруг получится, кто знает,
к нам эту музу прописать.
Жилплощадь вроде позволяет.

Попробуем... Но не ручаюсь...
Тогда хоть завтра возвращаюсь.
Вдруг плодотворно заживём
в счастливом браке, но — втроём.

* * *

Жрецы, хулители, друзья!
Ваш суд мне правды не заменит.
Никто взыскательней, чем я,
мой труд свободный не оценит,

который мне — и здесь вы правы —
ни денег не принёс, ни славы.

Об чём не очень-то скорблю.
Я и без них его люблю
и на другой не променяю,
будь хоть к позору пригвождён.
А нужен ли кому-то он,
сказать по совести, не знаю.

* * *

Все сроки кончились! — будила в школу мама
его, забившегося под одеяло,
досматривающего бесконечный сон,
где сказочный покой соотнесён
с блаженством вечности... Которая дремала
до времени...
Но — сбросить одеяло!
Все сроки кончились...

Ну вот и всё. Как отдалённый миг
жизнь промелькнула. Он уже старик.

Что вечность для него? Что он постиг
в преддверии её, в заветном слове?
Кроме того, что шепчет голос крови —
все сроки кончились...

МОНАСТЫРЬ ПОД ВАРШАВОЙ

Обитель в лесу.... Как у Бога
за пазухой. Чисто и строго.
Целителен для меня
порядок. Откуда ж тревога
вдруг хлынет средь ясного дня?

Средь благости сумрак суровый.
Невидимый знак тупиковый
предчувствую, не узнаю....
Как будто в преддверии новой,
неведомой жизни стою.

* * *

Раньше он прислушивался к миру,
различал едва уловимые звуки, запахи, краски.

Врождённое чутьё и воображение
открывали перед ним
пульсирующую Вселенную.

А теперь невольно прислушивается к себе.
Внезапная пустота в грудной клетке
темнее кратера потухшего вулкана,
а кровь, ударяющая в голову,
заглушает раскаты майского грома.
Проснётся ночью
и слышит сквозь соловьиные трели ,
как Вселенная
скручивается в воронку.

* * *

Нечего прятаться... из-за угла
робко на солнце поглядывая.
В старости хочется больше тепла.
Ей своего не хватает. Пришла,
сразу печалю и радуя.

Хочется больше вниманья к себе...
Заботы, которая действенна...
Быть защищённым хотя бы в семье —
это естественно.

Но, оставаясь в тенётах судьбы,
в путях исхода летального,
лыка не вяжет — абы да кабы, —
только и радости, что от трубы
теплоснабжения центрального.

Ну а в итоге: чем был, тем и стал,
укореняя традицию.
Тот, кто без меры себя отдавал,
тот и получит сторицею.

* * *

Землю колеблют не только тектонические сотрясения,
но и войны — мировые, локальные.
Точечный взрыв — семейный развал и распад.
Семья — ячейка общества, —
твердили классики марксизма-ленинизма,
успешно при этом её изничтожая.
Семья — атом Вселенной.
Атомный взрыв в семье
отдаётся в глубинах мироздания,
особенно когда распадается брак,
благословенный Господом.
Духовное пространство едино.
Бог создал семью, чтобы мироздание уцелело.
Но что нам — до замыслов Бога!..

* * *

Бомба попала в дом.
В самое сердце, в семью.
Перевернула вверх дном
всё, что покоилось в нём...
Срезало на корню
доверчивость дочерей —
малюток, вскормленных лаской
в защитной скорлупке своей...
Теперь они будут с опаской
озираться в толпе людей.
Да и взрослых, бывших родных,
далеко разметало.
В сердцах искалеченных их
застряли осколки металла.
Кто из них виноват
больше? — на разный лад

допытываются дотошно.
Но — изначален ад
естественный, где распад
свирепствует безнадёжно.

ОБИДА

Родные или бывшие друзья
сцепились: сыпануть песком в глаза
и в сердце близкое вломить булыжник.
Неузнаваемы родные голоса,
далёкие роднее ближних.

Вчера ещё был обустроен дом,
хранимый, вроде бы, почтенным мужем.
А нынче гарь прогорклая кругом.
И никому никто не нужен.

Неправда, нужен и тебе, и мне.
В бессудной затянувшейся войне
уже и нервы не спасут стальные.
Но мы, зачатые в больной стране,
хоть и по-разному, мы все — больные.

Приди на помощь, Господи! Так жить
не выносим о... сослепу душить
обидой непрощаемой друг друга.
Дай бедолагам осознать, избыть
ползучий вирус общего недуга.

* * *

Последними словами поминая
беспомощность свою — за всё зачтётся... —
как тяжело видеть, что душа родная
поблизости тебя о камни бьётся.

И ты уже ничем, кроме молитвы,
помочь не можешь... За глухим забором
недосягаемое поле битвы,
заваленное сплошь житейским вздором.

Его бы прополоть в работе тяжелой,
бок о бок, по-хозяйски, сблизив руки.
И поле битвы зарастёт ромашкой,
и в васильках утопнут каменюги.

Душе, не подчинившейся недугу,
возможно на пределе удержаться...
Превозмогая гибельную муку,
парить, и возноситься, и снижаться.
Тогда бы... с каждым вздохом, уповая
на помощь свыше, на благую милость,
душа неутомимая, живая
в цветущие объятия приземлилась.

БОЛОГОЕ

На путях по обеим сторонам платформы
стоят два встречных поезда.
В сияющем купе красивая жизнь:
шампанское, роза в бокале, дама откидывает волосы со лба.

В купе напротив приглашенный свет.
У окна господин, как ей показалось, похожий на Вронского.
Взгляды их встретились.
Её спутник, расточающий пошлые комплементы
и дорогое угощение,
давно ей надоел.
Хорошо бы оказаться там, в полутёмном купе и уехать куда угодно,
хоть в противоположном направлении...

Она и он, похожий на Вронского, вышли на платформу...

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ СТАРШЕГО, НЕДАВНО ПОЧИВШЕГО ДРУГА

I

Будто лягушку сунули за воротник.
Он содрогнулся. В лицо ему брошенный крик:
— Ты абсолютный банкрот! Ты ничего не достиг! —
в общем-то, был справедлив и правдоподобен.
Час его пробил.

От неминуемой правды не спрячешь лица.
Он и не прячет, постыдно в неё погружённый,
чувствуя в этом признании близость конца
жизни земной — непроявленной, незавершённой.

II

Я чувствую, я вам враждебен.
Позор на голову мою.
Ну, что ж... закажете молебен
по мне, а лучше литию.

Я, правда, крепко занедужил,
но никого я не кляню.
Я сам себе давно не нужен.
У самого себя в плену.

Оправдываться не сторонник...
И я согласен, может быть:
ваш родственник — тяжёлый хроник,
и с ним невыносимо жить.

* * *

Сквозь ветви в синеве раскосой —
краса и нега... В лес войти...

От осени златоволосой
горячих глаз не отвести.

Она же, взоры простирая
к непостижимой высоте,
как грешница полунагая
у Тициана на холсте.

Природа не грешна, не свята.
Плотским желанием объята,
телесной влагой налита.
Пьянит в расщелине куста
томительная прохлада,
пленительная полнота.

Плод осязаемый — плотный воздух —
доступен, руку протянуть —
в кружащихся одеждах пёстрых
томится пышущая грудь.

Оставь душевную хворобу,
дня принудительную злобу —
пусть их растащит вороньё.
Летам своим не ведать счёту...
Войти в отрадную чащобу,
в трепещущую — войти в неё...

САУЛ И ДАВИД

Царь, опершись на копьё, слушал Давида.
Юноша белокурый струны псалтири перебирал.
Внятные звуки бывают понятнее слов.
Царь слова и не слушал.
Чистым трепещущим звуком он был уязвлён.
Мрак окутал царя.
Взревновало косматое сердце
укротителя филистимлян.

Царь и Поэт друг против друга.
Дрогнуло нервно копье в руках исполина
и в стену глухо вонзилось.
Увернулся Давид.

Что ты, ревнивый властитель,
сладкопевца боишься!
Гармония не претендует на власть,
когда в ней рождается свет,
восходящий к иному престолу.
Но подозрителен царь и завистлив
во все времена.

Царская власть и Поэт
всегда друг против друга.

ВИРСАВИЯ

Замер восторженный царь, к неожиданной гостье
взглядом прикован. Перси её — виноградные грозди,
шея — пальмы изгиб... Шаг молодой кобылицы,
нежный жаркий живот — ворох пшеницы.
Нард благовонный лоно её омывает.
О, как прекрасна она и стройна, стройней не бывает.
Не убережь виноградника ей... Тщетных усилий
стоит ли сад?.. От того, кто пасёт между лилий,
не убережь... Солнце с плеч купальщицы льётся.
«Кто она? Чья?» — спросит Давид царедворца.
«Рабыня твоя, господин, супруга лучника-хетта...»
О сладострастное, хищное сердце поэта,
рядом с которым временно меркнут скрижали!
Вечно тебя чародейные узы держали.
Чистому ритму, голому цвету — магу мгновенья —
идоложертвенное поклоненье до самозабвенья.
Кем бы ни был песнопевец — царём или вором, —
к тайне пленительной, будто к Вирсавии, скорбно прикован.

АВЕССАЛОМ, СЫН ДАВИДА

Бунтует кровь. Сын на отца восстал.
Сын славы возжелал отцовской.
Вошёл в его гарем. Возглавил город
Авессалом — красавец пышнокудрый,
которого при этом незабвенно
любил Давид. И воинам своим,
отца от сына защищавшим,
наказывал: чтоб ни случилось,
оставьте мне живым
несчастливого Авессалома.

Но — поднявший руку на отца погиб..
Запутался кудрявыми власами в лесу,
повис на ветках дуба.
Три стрелы
избранника поцеловали.

Бунтующая намертво роднит
кровь и сегодня, грозно оттесняя
родство Святого Духа.
За детей,
тобой рождённых, что бы ни случилось,
жизнь положить...

О, сын мой, сын мой, сын Авессалом!
Зачем же я вместо тебя не умер! —
рыдал Давид. —
О, сын Авессалом...

* * *

На финишной прямой попутный ветер гонит
опавший лист. Подлесок долу клонит.

В окостенелых колготится сучьях,
злорадствует о сроках неминучих.

Толкает в спину хмурый погоняла,
чтобы душа во мраке не дремала,

взирая на закат на гаснущий, на близкий,
который для тебя не факел Олимпийский.

Несётся время... Несопоставимо
с часами на стене... Несётся мимо...

На финишной прямой — ритм на пределе.
Одна бесследно за другой
летят недели.

О, только б не забыть под сумеречным покровом
что финиш — это старт!
Да, старт — в рождение новом.

СОРОКОВИНЫ

Брату Вадиму

На день сороковой, когда, покинув тело,
душа, как говорят, уж за предел земной
нацелилась, вдруг — знак прощальный твой —
в открытое окно к нам бабочка влетела.
На чёрных крылышках её «павлиний глаз»
мигает, красоты таинственной на страже.
А я в просторной комнате как раз
развешивал твои пейзажи.

Бесснежная, прозрачная зима
или весна... Ещё себя не знает
и медлит... Неизбывна полутьма...
Над озером смеркается? Светает?..

Непостижимо... Больно мне смотреть..
Как объяснить без авторской подсказки?..
Теперь уж поздно... Навалилась смерть,
всё перепутав — замыслы и краски.

Ты в отдалённом мареве исчез.
Ступил однажды за порог и не вернулся.
Ничто — ни берег озера, ни лес,
ни чуткий свод небес не содрогнулся.

Осталось на мольберте полотно,
чуть начатый портрет, чей — неизвестно...

Мелькнула жизнь — загадочная бездна,
которую, нащупывая дно,
как зачарованный, писал ты честно..
Мелькнула жизнь... Как бабочка, в окно
влетевшая, взглянула и — исчезла.

* * *

Совдепией родной изрядно покорёжен,
я памяти своей услужливой не рад,
толкающей туда, в знакомый зоосад:
измены ворошить, грустить, купаться в прошлом..
У роковой черты оглядываться назад,
как будто бы уже и век мой подытожен.

Конечно же, не всё вокруг там было дико.
И там жила любовь... Под парусами брига
рвалась и путалась, пытаясь к солнцу взмыть...

Нет, нет, я не берусь прошедшее клеймить.
Оно и по самой природе разнолико.
Но то, что впереди — надёжно и велико.
Дай Бог, чтобы черту легко переступить.

РОВЕСНИКУ

Отойди, старина, в сторонку.
Не тушуйся, не мельтеши.
На свою законную шконку
сядь. И лысину причеши.

И не слушай базарные речи
приблатнённых верховных владык.
Нам, пожалуй, нисколько не легче
оттого, что им скоро кирдык.

Доживём ли до светлого часа
высвободившейся из удавки страны?
Неизвестно... Но век наш промчался
под нахрапом такой же шпаны...

И сегодня, страдая закатом,
оставляет он след на песке,
что невнятно во мне отпечатан —
в тяжкой памяти и в языке.

Мы с тобой как две капли похожи.
По ночам, отвернувшись к стене,
на своём усмирительном ложе —
ты, а я — на своём топчане.

Кой-чему всё же нас научила,
чтоб не сгнить, совсем не пропасть,
пожирающая пучина,
завсегда ненасытная пасть.

По живому разбойнички режут,
замышляя под грохот и скрежет
узаконить порядок крутой.
Но и здесь, под железной пятой,

вдруг небесной блеснёт чистотой,
вдруг за крайним пределом забрезжит
неземная надежда...

* * *

Ох, не люблю магазины и рынки...
Времени жалко. Минут дорогих.
Столпотворение, как на Ходынке.
Что говорить, невозможно без них.

Одолевая воскресную давку —
вина, посуда, грейпфруты, трико,
кофе, икра... — пробираюсь к прилавку,
где посвободнее: хлеб, молоко.

Стала реклама искусством. На стены
лучше не пялиться. Шею сверну.
Глянешь пониже — кошмарные цены!
Кто её, смачную, жрёт ветчину?..

Обворожительных и престижных
даже побаиваюсь, честно скажу,
кроме одних — разумеется, книжных.
Нынче и в книжные не захожу.

Редко. Излишество обремененно.
Впрочем, имея отрадную весть,
в руки сама попадёт непременно
книга, которую надо прочесть.

* * *

Сон приснился: звонок
в дверь. — Вам телеграмма:
«Жду тебя, жду, сынок.
Мама»

Это она, она...
Вне времени отдалена...
Обрадовала, отпугнула...
В окно дальновидного сна
заглянула.

Близости не передать,
которая всё превозможет.
Кто, кроме матери, ждать
дольше и преданней может?..

Неколебима в душе
верность сыновнего долга.
Милая, ждать-то уже
недолго.

ЮБИЛЕЙ

I

Нужна железная закалка
и чувство юмора притом...
Когда на плечи рухнет балка,
считай, восемьдесят тонн.
Весьма чувствительная масса,
свалившаяся с потолка...
Тебя прихватит за бока
мощней, чем крылышки Пегаса,
и унесёт за облака.

II

Мне восемьдесят лет!
Не может быть... Всё может.
Всё может быть, оповестил поэт,
покуда на лопатки не положит

проклятая... И ты на склоне лет
мужайся, оседлав велосипед.
Почтенный возраст твой тебя корёжит
ещё не очень... Моложавый дед.

Да, не из тех, кто в облаках витает.
К российским мерзостям не глух и нем.
Отрадную печаль кому повеем?..
Врождённый ужас тайно отступает
пред кажущимся небытием.

Звереет власть, слетевшая с катушек.
Пальцами змеевидными её
враг человеческий вот-вот задушит
отечество моё.

Однако сей душитель не всемогущ.
Напоминает каждый год о том
своей молитвой преподобный Сирин,
чуть обновлённой пушкинским стихом.

Пришла пора довериться надежде,
с которой как-то не общался прежде,
по молодости было недосуг,
зато теперь не размыкаем рук.

Всё может быть... Закатные часы
в отечестве своём, в родной канаве
отслеживая, представляю въяве
край бездны — краем взлётной полосы.

* * *

Над костром клубится дым,
силясь взмыть вверх.
Был я самым молодым.
Стал старше всех.

Если вглядываться в даль,
отстранив зенит,
неизбывная печаль
взгляд изледенит.

Но причудливая вязь
отошедших лет
не исчезла, облачась
в потаённый свет.

Замурованный в стене,
в путанице оград,
зыблется на глубине
неразменный клад.

Сверстницы мои, друзья
явлены на миг,
как из инобытия
обобщённый лик.

* * *

Молодости не завидую.
Над пробуждением ночным
восходит она Афродитою
блещущей, сном золотым.
Ею ничуть не обиженный,
к часу закатному ближе и
нынче не меньше богат,
ибо красою возвышенной
равны восход и закат.

* * *

Я никогда не носил костюмов.
Во-первых, фигура не соответствует.
Её квадратоподобие пиджак увеличит в кубе.
А во-вторых, — не по карману.

Свитер и джинсы — моя обычная да и парадная одежда.
А тут — свадьба. Дочь выходит замуж.
В свитере — неприлично.
Скрепя сердце — смирился.

Пришли с женой в магазин.
«Классика! Классика!» — показывают продавцы
на блистающую строгостью добротную продукцию.
Мы выбрали подешевле.
Облачился я в парадный костюм.
Смотрю на себя в зеркало и... думаю:
этот уж точно до конца жизни,
до того самого момента, ну, вы понимаете...

Нобелевским лауреатом я не стану.
Фрак заказывать не придётся.
Да и не провожают во фраке в вечные обители.

Неприятные, скажете, мысли накануне свадьбы.
А чего стыдиться!
Совершение панихиды не менее торжественно,
чем таинство брака.

Так что свадебный костюм
может мне ещё пригодиться.

* * *

А приглядеться попристальней, издали,
за расстоянием прожитых лет,
молодость — это далёкие пристани
и, уж конечно, не тихие, нет.

Пристани, где неотступны видения,
смутно покачивающиеся на волнах...
Раньше слетались на дни рождения,
сходимся нынче на похоронах.

* * *

Как полюбить Господа, не видя Его?
Сосновый бор, пронизанный лучами солнца.
Крутые облака над безмятежной морской гладью.
Мама, её нескончаемая доброта,
явленная оттуда и после смерти.
Танюша, дети, внуки,
рождённые под Его покровом.
Отец Александр Мень...
Всё это знаки
Божественного присутствия.

* * *

Суэта разрывает на части.
Чем ничтожней они, тем больней.
Я в Твоей охранительной власти,
Боже милостив... Но и в своей

заточён до последнего вздоха,
окаянных сомнений вкусив.
Потому, озираясь, подвоха
ожидаю отвсюду, как псих.

Шутки шутками, а не до смеху...
Может быть, чтобы цели достичь,
вдруг поблизости падает сверху
подозрительный очень кирпич.

Если вечно в обозе плетёшься,
в пункте «А», если до пункта «Б»
не уверенный, что доберёшься,
преуспевши в спортивной ходьбе.

Эти мелочи жизни — плешивый
из советских времён агитпроп, —

словно сонмы укусов блошинных,
низведут маловерного в гроб.

Я, воитель, не раз уже битый,
снова тычусь меж грозных теней
под Твоей неотступной защитой
и позорно-невнятной своей.

* * *

Не встретились. Прочь улетели
стихи. И видать, не проста.
И вот уже больше недели
я мыкаюсь, как не при деле.
Тетрадь же позорно пуста.

Я в городе, в сутолоке нервной,
наверное, одичал,
когда в суете каждодневной
их оклика не замечал.

За это и воздаётся
отмщеньем. Порушен союз.
Читаю, не баловень муз,
что под руку подвернётся.
С Евангелием не расстаюсь.

Пытаюсь позорные страхи
унять. Но стихи — надо мной —
не благочестивые птахи.
И нрав у стихии иной.

Не то чтобы ей подчиниться...
И всё же возможно вполне
стихии с гармонией слиться
воистину — на глубине.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ОТЦА АЛЕКСАНДРА

В весёлом взгляде сноп
лучистых мыслей. Крепкий,
высокий, чистый лоб
великолепной лепки.

Там, где коленчатый вал
клепает изуверов,
ваятель изваял
редчайший из шедевров.

На гибельном пути,
при родовых потерях,
хоть избранных спасти
в отечественных дебрях.

И этот ясный взор,
приравненный к поступку,
был брошен под топор,
в родную мясорубку.

Дабы избыл, исчез
из местности бесплодной
ниспосланный с небес
сноп света путеводный.

9 СЕНТЯБРЯ 1990 ГОДА

Последнее, что слышал он,
десницей дьявола казнён,
здесь, под забором, умирая, —
корябающий грай ворон
у леса самого, у края.

Тьма опрокинулась над ним,
уже нездешним, неживым...
Но в следующее мгновение,
объятый светом неземным,
услышал ангельское пенье.

У СОЛОВЕЦКОГО КАМНЯ НА ЛУБЯНКЕ...

(День памяти жертв политических репрессий в России)

Неиссякаемое горе.
С утра до ночи имена
текут, текут... Лежит страна
у ног Лубянского подворья.

Народы, претерпевши муки
несметные, сошли с Земли.
Сегодня дети их и внуки
у камня помянуть пришли.
Вокруг него посты, ограда.
Поодаль пристальный портал
следит за действием... как надо
благословляя ритуал.
Ни шага в сторону. Брожение
отставить. Без предупреждения
стрелять, отлавливать, лупить.
В параше НТВ топить.
О, неужели в муке крестной
молитва стала бесполезной?
И крест спасительный, чудесный
расклёвывает вороньё?..
Уже не на краю у бездны,
а в самом гноище её.

На площадь, вниз — на сгусток горя
из окон, где закат погас,
глядит Лубянское подворье
стальными щупальцами глаз.

* * *

Отечественному Талибану,
с почётных высоких мест
взирающему окрест,
давно уже по барабану
любой наш протест.

Прокладывая дорогу
одну, мимо отчих могил,
вышагивает с ним в ногу
православный ИГИЛ.

Не будем печалиться, хлопчик,
мой юный отважный друг.
Они же берут на испуг.
Пусть даже в асфальт затопчут
кого-то или вздёрнут на крюк,

в их мрачных боеголовках,
которые на плечах,
в бульдожьих нахрапах, уловках
трепещет их собственный страх.

А мы, вопреки их потугам,
уже неразлучны друг с другом,
и в будущем, может быть...
Под благословенным фейсбуком
рот кляпом уже не забить.

Разрозненные человеки...
Разбросанные города...
Но техника в кои-то веки
сближает, как никогда.

Укусы ползучего гада
целебным прививкам сродни,

удерживающим от распада
единство Господней семьи.

Отметим в смущенье задном
на их языке подзаборном —
другого они не поймут,
что те, кто свободны от пут,
на них положили с прибором.

ПАМЯТНИК КАЛАШНИКОВУ, УСТАНОВЛЕННЫЙ РЯДОМ С РЕДАКЦИЕЙ «РАДИО СВОБОДА»

Руки вверх, мусье и лорды!
И не прячьтесь друг за дружку.
Вас, глашатаи свободы,
взял Калашников на мушку.

Наш герой... Мелькают в окнах
страхом скованные лица.
Даже вам, кротчайший Кротов,
от него не откреститься.

* * *

Владенья княжеские распростёрты
за горизонт: и здесь и за бугром.
Бабло и быдло — две бульдожьих морды
нарисовались в зеркале одном.
Лоб в лоб. Их и по звуку не разыметь
и, соответственно — по существу.
Набитый дутым капиталом имидж
качается, как бочка на плаву.
А тем, которые на дне, сгодится —
мол, век живи, голубчик, век учись —
гулаговский наказ: не шевелиться.
Тебя не трахают, не шевелись.

Прислужники, горластые как дети,
готовые ослушников заковать.
Грозит последней бойней на планете
напуганная княжеская власть,
чьё пустозвонство — бла-бла-бла — обрыдло.
И наблюдать, как в деловом поту
совокупляются бабло и быдло —
невмоготу.

АЛЛАХ АКБАР

*(Проповедь православного священника
Дмитрия Смирнова)*

Молодой мусульманин без сомненья и страха
готов каждый миг умереть за Аллаха.
С ног до головы себя динамитом обвяжет
и — в толпу или под поезд ляжет.
Куда мулла укажет.
Думаете, они безбашенные, с помутнённым сознанием?
Да нет, они почти все с высшим образованием.
А у нас какой-нибудь хлюпик пойдёт умирать за Христа?
Чёрта с два!
А как мусульмане молятся на Уразá, видели вы?
На коленях стоит, считай, пол-Москвы.
Не пройти не проехать возле их синагог, то есть мечетей,
прости, Господи, оговорился.
Видимо-невидимо их народ расплодился.
А потому и детей в материнской утробе не губят.
Рожать любят.
И не желают, чтобы ими правили всякие педерасы
и полуголые девки на эстраде выделявали выкрутасы.
А у нас... Свободно, бесстыжие, пляшут.
Все рвутся в Москву! В деревнях не сеют, не пашут.
Нет, мусульмане не поддаются общим химерам.
Любой из них будет для нас примером.
Я и на службе их побывал, не скрываю.
Иншалла — может, ещё и не раз побываю...

ИГУМЕН СЕРГИЙ РОМАНОВ В РАЗГАР ПАНДЕМИИ

Предлагаю страдающим духовной проказой,
предлагающим русскому народу самоизоляцию...
выселить их по выбору в Биробиджан...

Из проповеди

Команда сверху нам дана
позакрывать все храмы.
Непобедимая страна
страшней не знала раны.

Строчат прицельно по сердцам
кощунственные речи.
Повсюду сеют стыд и срам —
Антихриста предтечи.

А я их не боюсь, ей-ей!
Они же в падшем мире
псевдопандемией своей
уж многих охмурили.

Без алтаря, без главных тайн,
за храмовым порогом
теперь по-ихнему онлайн
изволь общаться с Богом.

Зане — маниакальный вздор
от горлопанов главных
подхватывает блудный хор —
тьмы псевдоправославных.

Да я бы этих прихожан,
изобличённых в фальши,
сослал бы в их Биробиджан!
Или куда подальше...

А с ними всяческая гнусь
мгновенно испарится.
Попомните — Святая Русь
тогда лишь возродится.

ИГУМЕН СЕРГИЙ РОМАНОВ ОТВЕЧАЕТ СВОИМ ОППОНЕНТАМ

Осанна в вышних, Господи, осанна!
Они меня —МЕНЯ! — лишили сана.
Да мне давно уж по фигу их сан.
Я сам с усам.

Не дали мне построить главный
Собор, военного мощней
и выше. Самый православный
он был бы на Руси моей.

В нём преклонили бы колена
молящихся одновременно
десятки тысяч прихожан.
Он мог бы с дальновидной целью
стать очистительной купелью
для басурман.

Когда китайцы до Урала
дойдут, а будет их немало,
и чтобы дальше не пустить,
тут всех бы враз и окрестить.

Но вы не дали... Конституций
прислужники. Слова найдутся
для оправданий — полон рот.
Атас! Антихрист у ворот.

Сочетовалися не вы ли
с кремлёвской шелупонью, всласть

подмахивая им... Влупили
поправочки... А вы — вась-вась
с блудилищем — благословили
рабовладельческую власть.

Грядут, грядут грозы и громы
на вашу «праведную» спесь.
Всё Православие в разломы
пошло. Но цельный центр — здесь.
Всяк подчинённый вам служитель
изжёван, как рахат лукум.
Но я не сдам свою обитель,
раб Божий Сергей-Аввакум.

ХРАМ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ

У наших паханов дела не так уж плохи.
Орудуют, рулят, потворствуя братве.
Зри, Божий человек, на памятник эпохе,
царящей по сей день с гебнёю во главе.

Бронированный храм откован, цвета хаки.
Храм-крепость на века, когда вокруг враги.
Пальнуть по ним по всем молитвой паки, паки...
На куполах золотых — алмазные клинки.

Его благой порыв обременён корыстью.
И — с небом не в ладу, он глухо в землю вбит.
Послушный богомаз расчётливою кистью
твердыне огневой придал сакральный вид.

И маршалским рядам, и боевым наградам.
В мозаику толпы из алтаря смещён,
ждёт часа своего усатый пантократор,
который хоть сейчас готов воссесть на трон.

Крупнозарядный ствол вздымает колокольня,
сгущая над собой и в ясный полдень мрак.
И будет на весь мир вещать многоглагольно
чугунный пуп земли, кто брат наш, а кто — враг.

МОИМ ПРАВОСЛАВНЫМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ, ЛЮБЯЩИМ РОССИЮ НА БЕЗОПАСНОМ РАССТОЯНИИ

До тошноты знакомый запах,
тлетворный, на косматых лапах,
с чистейшими себя смешил,
просачиваясь на Запад
из наших гниlostных низин.

Обрушивается мощь потока
патриотической лузги
на скромных выходцев с Востока,
на девственные мозги.

Воспоминанья дорогие
в ответ на стоны ностальгии —
прельстителю всегда с руки
забинтовать петлём тоски.

Твердит: «Оставшись на чужбине,
мы прошлого не предадим.
Для нас отраден и поныне
отчизны горько-сладкий дым.

И всяческие отсрочки
нам не угодны. Вечный бой!
Да — в троеперстии, в платочке,
в древлеславянской оболочке.
Приходы — огневые точки
на линии передовой.

Важны военные парады,
когда страна в тисках блокады.
Строй женщин белый свет затмил.
Им ангелы на небе рады.
Их маршу рукоплещет мир!»
И так далее... Конец тирады.

Там, где прозрачные пейзажи
обласканы теплом дорог,
там бесполезен ваш урок
и самовосхваленья ваши.
Где воздух чист и светлоок,
от вас несёт, как из парашаи.

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ

Против лома нет приёма, кроме лома...
Ну, а где ж его в смертельной схватке взять...
Если в сломленной душе из бурелома
хлипких веток — только веники вязать.
Всё ж попробуем... Чтоб не лежать на брюхе,
обозрев святоотеческую даль,
чтобы выстроить в колеблющемся духе
и терпимость, и отточенную сталь.

И не мыкаться по воле дуrolома
удаляющейся искоркой в ночи.
Против лома нет приёма, кроме лома,
кроме камушка Давида из пращи.

Если б, братья, мы друг друга понимали,
в крестном знаменье один приема знак,
то давно бы уже зубы обломали
нас вкушающие — крыса или хряк.

* * *

Жителя постсоветской эпохи
на свободном, казалось бы, вдохе
взял за горло блуждающий бес.
Замордованный житель России
усомнился в спасительной силе,
нисходящей с небес.

«Мне твои непонятны идеи, —
говорит он, о правде радея, —
мир повязан законом одним.
Вечно будут у власти злодеи,
вечно церковь потворствует им
вроде нашей — твоей — велегласно
славить их и подмахивать страстно.

Рождество?..
Может, Он заблудился?
В день назначенный объявился
и потопал по тем же следам.
Сколько раз Он уже родился,
а воз и поныне там».

Всё как есть. Всё действительно вроде..
В нескончаемом хороводе
лихолетий — народ одичал.
Что я мог возразить в разговоре?..
Оправдать безутешное горе
личной верой в Начало Начал?..
Взгляд потупив, я глухо молчал.

ПОЖАР В КЕМЕРОВО, В ТОРГОВО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОМ ЦЕНТРЕ «ЗИМНЯЯ ВИШНЯ»

Это образ всей страны —
запертой базарной клетки,
где сгореть обречены
наши дети.

* * *

Всё равно слово правды само
пробивается к свету.
Нынешним вертухаям слабо
рот заткнуть интернету.

Хоть у них все бразды в кулаке...
Но, от века свободна,
правда лупит их по башке
и стыдит всенародно.

Но поди докажи, чья вина.
Не всякий услышит.
Облапошенная страна
смертным воздухом дышит.

Им теперь, кровь из носа, нужны
лавры победоносной войны.
Война всё спешет.

В наши или в грядущие дни
всё же песня их спета.
Потому и страшатся они
Интернета.

КОРОНА

I

Будто Змей Горыныч, вырос
над землёй Хароновиром.
Угрожает — ой-ё-ёй:
всех перешибу соплём,
задушу, сведу на силос.

Бедные мы человеки...
Отмахнулись в кои веки
аппетитным калачом
от Отеческой опеки.

Сами знаем, что почём!
И своим путём попёрли
с калачом, как с колом в горле.

Только ты, Горыныч, врешь.
Всех ты не перешибёшь.
Но притом, кто знает, впрок,
может, Истине послужишь...

Род людской слегка приглушишь.
Заодно и наш Совок,
разводящий тары-бары,
падкий до всемирной свары.

Всё же погоди чуток,
чтобы нам Господь помог
из неотвратимой кары
жертвенный извлечь урок

II

Коронавирусом затрахан,
весь мир объят повальным страхом.

Не то чтобы плашмя лежит,
но в городах дрожмя дрожит,
поверженный его размахом.

Сия награда по заслугам.
Нам не на кого пенять.
Повязанным, ни дать, ни взять,
одной петлёй — природным кругом,
душевной смуты не унять.

За утешительной бравадой
не спрячешься, идя на тест.
Так заручимся горькой правдой,
спасительной сермяжной правдой —
не выдаст Бог, свинья не съест.

* * *

У метро три старичка раздают листовки:
голосуйте за «Единую Россию».
Суют и мне.
«Свят, свят, свят, — говорю, — упаси Бог...»
И уже отойдя, слышу:
«Правильно, молодец».
Оборачиваюсь:
«А зачем раздаёте, если правильно?!»
«Хорошо платят, сынок,
полторы пенсии за три дня».

СПАСТИ РОССИЮ МОЖЕТ ТОЛЬКО БОГ

Мать Мария, Борис Пастернак, Александр Мень

Советчина и всё, что вслед за ней
посыпалось, вплоть до позорных дней
сегодняшних — неизжитая скверна,
лютующая закономерно.

Из сказочных, из тех дремучих лет
задолго до Петра проложен след —
в сердцах, на площадях, в собор огромный
протоптан, изначально-вероломный.

Завещано нам будто на роду
в краснознамённом побывать аду,
под гром победный скопом вымирая
в преддверии обещанного рая.

И ныне правящая шпана —
наследственный продукт. Наделена
всё той же тёмной ненасытной властью.
При нашем же согласии отчасти.
Разлад, распад — естественный итог.
Спасти Россию может только Бог —
без вездесучьей помощи лукавой,
ещё не поздно если... Боже правый...

* * *

О. Дмитрию

Рыба гниёт с головы. А царство безбожное с Церкви,
которую оно проглотило и переваривает уже тысячу лет.
У потеряннго населения нет под ногами тверди
и просвета небесного тоже нет.

И, задыхаясь, повязанная животным страхом,
пускает благоразумная флора со дна пузыри.
Тысячелетнему царству грозит неминуемым крахом
Церковь, разлагающаяся внутри.

Чудищу облу, огромну, стозевну никак не даётся
её растворить в себе или же вдруг отрыгнуть.
Так, наверное, неразрывно придётся,
болезненно истлевая, доживать как-нибудь.

Но, оставаясь в узилище смертельных схваток
внутри и вовне, там, где не всё мертво,
обновляется, сохраняется чудом Остаток,
Господи, народа истинно Твоего.

ГОЛОС

Мама, мы хотели вырваться из этой кровавой мясорубки...
Уже почти добежали до какого-то полустанка,
автоматы побросали...
А там прятался заградительный отряд кадыровцев.
И всех нас, двенадцать человек, скосили под гребёнку.
И положили на рельсы, под поезд, если пойдёт...

Но украинцы ночью оттащили трупы на снег, поближе к лесу.
Через пару дней снег начал таять... И мы тоже...
А русским трупы до фонаря, никто нас не вспомнил, не вывез...
Местные женщины вырыли яму и туда нас свалили.

А я ещё, кажется, был живой...
И с тобой говорил из-под земли, из общей могилы...
Над ней сейчас ни креста, ни фанерной дощечки.
Имён-то наших не знают...
Ты и похоронки моей не получишь...

Мы, новобранцы, бежали оттуда, от подлючих командиров,
мы не хотели убивать наших братьев...
Мама, передай моей Алёнке, чтобы выходила замуж.

СВЯТАЯ РУСЬ

Святая Русь, восстав, на тех попёрла,
кому державной воли не внушить.
Крещёных братьев повязать за горло,
подушкою Малюты придушить.

Она давно сама себе приснилась
в глухую ночь, при огненной луне...
Не зная света Истины, томилась
душа народа... Истово молилась
на Китеж-град, схороненный на дне.

А нынче голос обрела... Награда
нас ожидает, переживших тлен.
Мы нашим Богом избранные чада
единственные, вставшие с колен.

Мы не желаем ожидать отсрочки!
У нас Христово Царствие в крови.
У нас в Европе огневые точки —
приходы наши, наши алтари!

За нас Святейший в шлеме золотистом
и вся его воинственная рать.
Нам на пиндосов долбанных насрать.
Уж мы покажем укрикам-нацистам
кузькину мать!

Святая Русь, радея о спасенье,
благословляет биться всех со всеми.

В российских дебрях, чья судьба печальна,
где русский мир готов в мечтах гореть,
её предназначенье изначально —
остатки мира сбросить, в пыль стереть.

* * *

Когда на стол с экрана кровь сочится,
дома в дыму, пылают окна, лица,
ракеты по родному бьют врагу,
закрыть компьютер и переключиться
на что-нибудь другое — не могу.

Да есть ли что-нибудь другое ныне?..
Взгляни в окно — там яблони в цвету,
кусты голубоглазые глициний,
Царевна-лебедь в сказочном пруду.
Вдали от смерти, от слепого боя —
весна-красна и небо голубое.

Да-да, я вижу... Но глаза закрою
и вырублюсь... Беззвучно вопиет
земная боль... И яблоневый цвет
спадает с веток,
окроплённый кровью.

ВЗГЛЯД

(Николай Лесков. Портрет работы В. Серова. 1894 г.)

На чёрные руины городов.
На толпы беженцев, на взорванные вокзалы.
Глаза детей, от крика онемевших,
останки изнасилованных женщин —
их матерей...
На солдатню голодную... Повсюду
зияет след родных по крови смердов.
«Святое» воинство крещёных недоносков.
Почти на каждом трупе жалкий крест.

С чего они взбесились? И за что
мстят соплеменникам?..
За дар свободы,
который был всегда им чужд и страшен.

Он видел этот ад на расстоянье
полутора веков. И предсказал
безумие беспамятной страны,
пред идолищем преклонённой.
Он смотрит в нашу темень, в наш позор...
В дымящиеся раны Украины.

Он понял вдруг пронзительно и горько,
что леди Макбет Мценского уезда
не утонула.
Что всплывёт со дна.

ПАСТЬ ПОРВУ

Когда к нему спустились в бункер
свои, он не узнал братву.
Он зарычал, забившись в угол:
пасть порву—пасть порву—пасть порву!

Когда к нему жена спустилась
законная — на randevу
и меж коленей примостилась,
он распалился:
пасть порву!

Обезоружить бы громилу,
пригнуть к позорному столбу.
Уже всему честному миру
он угрожает: пасть порву!

И под стеной кремлёвской, в яме,
упрятан в золотом гробу,
он будет скрежетать зубами:
пасть порву—пасть порву—пасть порву...

* * *

Наш лысоватый бен Ладен
вроде бы дышит на ладан,
поговаривали про него...
А он всё ещё ничего.

Прокручивает спецоперацию.
Мир замер, открывши рот...

Атомную электростанцию
взорвёт или не взорвёт?..

Скомандует: да святится
имя Твоё и — вперёд!
Взрывал же дома в столице,
изничтожая народ

свой.
Правда бессильна.
Загадочная страна
властителя, кровного сына
зачавшая с бодуна.

* * *

Сторона ты моя, сторонущка,
истоптал тебя леший до донушка,
истерзал тебя лаской звериною,
приголубил роскошной дубиною.
По давнишнему, впрочем, согласию
ты сама, распалясь, отдалась ему.

Повелась — всё дела да случаи —
на посулы его подлючие,
на страшилки его окаянские,
на знамения псевдохрестьянские.
Тут-то тебя и накрыла заветная
непроглядная тьма предрассветная.
А быть может, призрачно-млечная
непроглядная тьма вековечная.

* * *

Матушка, Святая Русь...
Нет, уже не ошибусь

в том, что на тебе почила
тайна, скрытность крокодила,
алчная потребность плоти
жировать в родном болоте.

Эка, лужу напрудила
под себя, хвостом трубя...
Если б только под себя...

Лужа разлилась далёко...
Сказочные чудеса
поднялись под небеса,
коих не достанет око.

Но и девственное лоно
во тьме зачавших матерей
заболотила зловонно
тёмной прелестью своей.

Нынче же заматерела,
в сны земные облеклась
и пошла — взялась за дело,
бомбами оскалив пасть.

* * *

...Как чушка своего поросёнка.

А. Блок

Под цепким приглядом лукавого,
под тёмным покровом его
Россия сама себя схавала,
как чушка — порося своего.

Напружив силёнки последние,
осатаневшая власть

на тучные земли соседние
нацелясь, разинула пасть.

Здесь нет оправдания. Нечего
выдумывать из ничего,
когда отродясь изувечена
жезлом князя мира сего,

когда вышних благ не усвоила
с младенчества — ни аза.
Себя на погибель готовила,
зажмутив от страха глаза.

Врывается рокот воинственный
в базарную смуту трень-брень...
На пахоте смертоубийственной
заложен сегодняшний день.

* * *

Там, где народ веками вокруг Евангелия топчется,
не постигая его глубины,
клубятся идолопоклонство и мифотворчество —
предвестники неотвратимой войны.

* * *

Их царство на грани распада.
Их лютые казни — бравада,
которой не видно конца.

Не надо! Не надо! Не надо! —
взмолилась дочь за отца.

Дюймовочка... Слёзы глотает...
Они его в землю вбивают,
отмщеньем ослеплены.

За что же они убивают?
За то, что он против войны.

За ручку из детского сада
её, как обычно, домой
он вёл.
Вдруг навстречу конвой.
Узнали его... Боже мой...
Ублюдки. Исчадия ада.
Не надо!!!

Над гибельным царством, над бором
дремучим кружит вороньё.
Покончили с этим и — хором
всей кодлой взялись за неё.

ГОЛОС ФЛЕЙТЫ

Эй вы, над нами которые, не топчите,
не колготитесь, хоть пять минут помолчите.

Дождик неугомонный и тот замирает.
Вслушивается, как Софийка на флейте играет.

Это её быстролётные крылышки-руки
славно возносят над миром волшебные звуки,

что исцеляют неисчислимыя раны,
одолевают взбесившиеся океаны.

В чистую ноту чистую душу вдыхает.
В сердце младенческом искорка не затухает.

Вы благозвучий таких отродясь не слыхали,
бедные, разъярённые рыла и хари.

Ну так послушайте флейту... Пожалуйста, остановите
бойню кровавую. Божьему гласу внимлите.

* * *

Разметала нас по свету родимая матушка,
зашвырнула кого в Европу, кого в Америку.
А ведь жили мы единой семьёй, хоть и не дружною.
По углам да закоулочкам друг с другом цапались...
Вот тогда-то и попались в лапы Змею Горынычу,
полюбовнику нашей родимой матушки.
Что творят его разбойнички — чёрные вороны!
Земли сестринские сплошь истерзали, ископытили.
Где кудрявились сады, волновались поля широкие,
города и сёла цвели, южным солнцем обласканные,
там теперь руины и пепелища бескрайние.

Наверное, не прозреет, не очухается наша матушка,
от вековых предков рабью любовь перенявшая,
если нет Святого Георгия супротив Змея проклятого —
пригвоздить бы к земле пасть его ненасытную.

Ну а нам доживать уже здесь, неприкаянным,
вдали от отчего дома... от родных могил...

* * *

Бомбят Украину,
а у меня земля из-под ног.
Ивасик нарвался на мину —
единственный у мамы сынок.

Любая смерть не бывает чужою,
когда на полмира гроза.
Моя душа в обнимку с его душою
взмыла под небеса.

Чудится и днём и ночью
несмолкаемый крик.
На поляне, разорванный в клочья,
захлебнулся родник.

Вздыбленные не впервые,
им что убивать, что рожать,
обновлённые орды Батыя,
тьма тьмущая — не удержать.

* * *

Отломанный ломоть к буханке не приставишь.
Из драных лоскутков свободы не сошьёшь.
Хлебнувшего отравы не заманишь
в ура-патриотический балдёж.

А те, кого заманишь — от природы
уже необратимы: пыль и тлен.
Искать в зловонном океане броды —
лишь сослепу проваливаться в плен,

туда, где тёмная стихия бродит...
Попёр на брата брат —
от злобы скулы сводит.
Сын — на отца, победой упоён.
Не верится, что ныне происходит
предсказанное о конце времён.

Что б ни было — любимые, родные,
по заповеди, по её стопам,
переступая за края земные,
мы с вами не расстанемся и там.

* * *

Когда в 90-х империя зла
клешни на мгновенье разжала,
проснулась надежда — легка и светла,
вдруг выпорхнула из подвала.

Кружилась... грядущей победой грозя
бульжным обломкам державы.
И вроде бы, за руки взявшись, друзья
подхватывали гимн Окуджавы.

А далее всё как всегда... Всё вразброс —
и помыслы, и песнопенья.
Клешни шевельнулись, и фигу под нос
воткнули — в благие мгновенья.

Конечно, куда безопаснее жить,
мечтая, топтаться на месте,
чем в сердце безумное слово вложить
ниспосланной Радостной вести.

Но там, где сегодня предписано Ей
помпезное почитанье,
свершается действие во мраке свечей,
похожее на камлание.

Так раньше мы слышали в доме родном
про светлое будущее ночью и днём
ораторов поднаторелых.
Но, видно, до светлого не доживём
в отечественных беспределах.

Ютится надежда на гребне волны...
И всё же когда-нибудь, поражены
своей же повальной потравой,
быть может, исчахнут, отсохнут клешни
владычицы златоглавой.

* * *

С рожденья задвинуты в пасть крокодилью,
всего нахлебались.
Как были для них мы лагерной пылью,
так и остались

функционировать в их нарисованном братстве,
где прожжённые урки
о нас, зазевавшихся, на постсоветском пространстве
гасят окурки.

Когда подчиняемся их смертоносным приказам,
кликам победным,
пыль бесполезная становится пушечным мясом,
очень даже потребным.

Всё же попробуем в зрелости подневольной
знать великое в малом.
В распростёртой на полземли скотобойне
пушечной пыли навалом.

Вот и сегодня раззявленной пасти неймётся.
Жертву очередную гложет и гложет...
Может, когда-нибудь всё-таки ей отгрызнётся...
и задохнётся, быть может.

* * *

Не спасённый живительным словом,
на семи безнадёжных ветрах
мир по горло враждой напигован.
В чутком сердце колеблется страх.

Ну а ты, если в бренности зыбкой
знаешь дно и бездонную высь,
можешь многое скрасить улыбкой.
Глядя страху в глаза, улыбнись.

* * *

Черёмуха, орешник жалкий —
зажатые, дрожат в плену

разбухшей загородной свалки
оврага вдоль — во всю длину.
Но что это: игра? Бравада?
Нездешнего восторга взлёт?..
Над жалким скопищем распада
бесстрашный соловей поёт.

Куда ты залетел, голубчик?..
Сплошное царствие страшил...
Чок-чок — сверкает звёздный лучик
в ветвях редяющих вершин,

ад отделяющий от рая...
Чок-чок... О, чудо в две строки...
На бранный ужас невзирая,
а может быть, и вопреки.

КНИГИ АЛЕКСАНДРА ЗОРИНА

ПОЭЗИЯ

ЯБЛОНЕВЫЙ ДЕНЬ. М.: Советский писатель, 1979.
КАМЕННЫЙ ЛИСТОПАД. М.: Современник, 1980.
ГНЕЗДО. М.: Советский писатель, 1989.
ВВЕРХ ПО ВОДОПАДУ. М.: Современник, 1989.
АНГЕЛ ЧЕРНОРАБОЧИЙ. М.: Рудомино, 1992.
ПОСЛЕ ЗИМЫ. М.: Рекламная библиотечка поэзии, 1996.
ДОРОГА НОЧЬЮ. М.: Центр информатики, 1998.
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ АВРААМА. М.: Общество друзей Священного Писания, 1999.
КОМЕТА НАД «КОСМОЙ И ДАМИАНОМ». М.: Общедоступный Православный университет, основанный протоиереем Александром Менем, 2005.
ЭВХАРИСТО. М.: Новый хронограф, 2013.
МАРТ ОТЗЫВЧИВЫЙ, МАРТ БЕЗУТЕШНЫЙ. М.: Новый хронограф, 2018.
ВОСХОД ВЕНЕРЫ. М.: Новый хронограф, 2022.

ПРОЗА

АНГЕЛ ЧЕРНОРАБОЧИЙ (Об отце Александре Мене)
М.: «Прогресс» «Культура», 1993; М.: Путь, Истина и Жизнь, 2004.; М.–СПб: Центр гуманитарных инициатив (серия «Humanitas»), 2017.
ВЫХОД ИЗ ЛАБИРИНТА. М.: Общедоступный Православный университет, основанный протоиереем Александром Менем, 2005.
ОТ КРЕСТИН ДО ПОХОРОН — ОДИН ДЕНЬ. М.: Новый хронограф, 2010.
МАМИН ДНЕВНИК И ДРУГИЕ ПРИЗНАКИ ЖИЗНИ.
М.: Новый хронограф, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....	5

Из книги ЯБЛОНЕВЫЙ ДЕНЬ (1979)

Слово русского севера	17
«Куролесит ветер снежный...».....	17
Травы	18
Гроза.....	19
«Жёлтых и синих цветов соберу...»	19
Потухающий костёр	20
Конец сезона	21
Из окна поезда дальнего следования.....	22
«Надо жить, вставай, светает...»	22
«Карабкаться, сопротивляться...»	23
СРТР «Жупаново».....	23
Карта звёздного неба.....	24
«Лебёдка ржавая скрипит...»	25
Заливаю бочки водой	26
«Смугла, рыжеволоса...»	27
Конвейер. Килька в банках.....	28
Смерть матери	29
Иона	30
Он и она	31
Письмо («Всё хорошо. Ни с кем я не знаком...»)	32
«Уже не птенец желторотый...»	33
Лето в Таллине	34

Часы в старом доме	
I. «Тишина как на дне океана...»	35
II. «Тишины родниковый колодец...»	35
Творчество.....	36
Пытка храпом.....	36
Тетрадь в траве	37
Стихи о Казани	38
Ночь в Крыму	39
Облако	40
«Ночью в саду бормотало, бубнило...»	40
Сосны у моря	
I. «Какую по счёту из весен...»	41
II. «В сосновый лес, как в королевский трон...»	42
«Конец эпидемии дачной...»	42
«— Остановись, шофёр, остановись!..»	43
«Хозяйка принесла мне простокваши...»	44
Женщины и дети	45
«Я к городскому грохоту привык...»	46
«Упала ночь. Тяжёлая луна...»	46
Сарай на берегу моря.....	47
Марга.....	48
Запретная зона	49
«Живу, прощаясь...»	49
Март.....	50
Голуби в апреле	51
«Снова времени в обрез...»	51
Снег в апреле	52
«Нищета доконать не успеет...»	53
«Рискованно с вещами...»	53
Звонкие согласные.....	54
Назад к природе.....	55
Ворона	55
«Сине-оранжево-белый мяч на волне...»	56
«Близка, с безуминкой в зрачках...».	57

Род	
I. «Умер дед. В больнице сбор...»	57
II. «Безоблачно умирала...»	57
Двор	58
В яслях	59
День рождения	59
«Ветер умолкнет, и дождь отлопочет...»	60
Берёза	61

Из книги
КАМЕННЫЙ ЛИСТОПАД (1980)

Черёмуховые поезда	62
Дальний пикет	62
«Доживу остаток дней...»	64
Февраль	65
«В окнах тени полощутся...»	65
«Остаться, уйти — всё едино...»	66
«Рука в руке...»	67
«Ну разве можем мы друг другу...»	67
Ненастье	68
На мосту	69
«Четыре мужика...»	69
Время	70
Каменный листопад	
I. «Сланцами нависли...»	71
II. «Тяжёлым листопадом мезозоя...»	72
III. Земля после людей	73
«Мне стыдно, я не знаю, чья...»	73
«Когда б однажды тайно не вступился...»	74
«Гидрогазозлектроцентрали...»	74
Далёкий предок	75
«Не сон, а дрёма, не могу уснуть...»	76
«Любимая...»	76
Ветер	77

«Прощаюсь с книгой...»	77
Элеватор в степи	78
«Горячий август выбелил ячмень...»	79
Стена	
I. «Ушла. И время нас рассудит...»	79
II. «Этюды. Этюды. Этюды...»	80
III. «Пустяк какой-нибудь — гадаю...»	81
IV. «Работу свою проклинаю...»	81
«На кладбище осень...»	82
Над строкой Овидия	83
Флейта Марсия («Ты, что божественный лик исказила...»)	84
Нарцисс	85
«Была ли, нет планета Фаэтон?...»	86
Превращения	87
Поэт	88
Метание копья	88
«Нас убаюкает с тобой...»	89
«Но, что бы со мной ни случилось...»	90
Белая книга	90
«Ярость глупая. Беду...»	91
Бабка Лена	92
Зеркало в Абрамцевском музее	92
«С ног сбивает ненависти ком...»	93
Брошенная изба	94
«Заблудился. Надо было к логу...»	94
Осенний пейзаж	95
Апрель	95
Долина в горах	96
«Восторженный и просветлённый...»	96

Из книги
ВВЕРХ ПО ВОДОПАДУ (1989)

Гроза утром	
I. «Вдруг абажуром ажурным...»	97
II. «Разом отгрохотало...»	97

Вверх по водопаду	
I. «В Ниагаре можно жить...»	98
II. «Из тины, из руды...»	98
На пределе	
I. «Приучен я чуть свет...»	99
II. «Бежать, лететь, ловить!..»	99
III. «Перебарывая тяготы рывками...»	100
IV. «Бассейн — моя вторая школа...»	100
«На пустом урочище лесхоза...»	101
«Сидя у печки в самом тёплом углу...»	102
Паводок	102
«Телеграфный столб...»	103
Портрет жены	103
Луг перед грозой	104
7 ноября	105
Каменное царство	
I. «Много лет воевал на чужбине солдат...»	106
II. «Верно сказывал ёж. Онемел стольный град...»	107
III. «Но не тут-то было...»	108
IV. «Вражью силу в себе одолел молодец...»	109
Из цикла «Год Оруэлла»	
«Отпустите под честное слово...»	110
Дом на Малой Остроумовской	110
В веянье тихого ветра	111
Умиравший Блок	112
Родственники	112
Восход Венеры	113
Похороны Фиры	115
«Я поминальник свой в дорогу...»	116
«Внебрачное наследие ГУЛАГа...»	116
В поисках исчезнувшей цивилизации, или Каталог русских книг, изданных за рубежом	117
Оранжевая палатка	117
«Куда они плывут, головорезы...»	118
«Как трудно больному бороться с собой!..»	119

Мать и сын («Он обуян гордынею? Едва ли...»)	120
Воспоминание о друге-поэте	120
«О чём душа весь день скорбит?..»	121
Ода моим башмакам	122
В новом районе	123
Школьный учебник истории	124
Детская	124
«Я эту зиму, случай спас...»	125
«Очередные трудности...»	126
Как настигают стихи	127
«Клянусь, не привязан...»	128
Изданная книга	128
«Поэт работает дворником...»	129
Старая фреска	130
Заветы Аввакума	131
Из цикла «Русь тысячелетняя»	
Иностранцы в Успенском соборе	
I. «Живописной пёстрою толпой...»	131
II. «Зря они всё же пестрят...»	132
«Вкушая тараканий мор...»	132
Донный реализм	133
Из детства	134
«Фортуны карусель слепая...»	135
«Отец троих детей. Они, как груши, виснут...»	136
Диктору былых времён	136
«Вертлявый юноша боготворит театр...»	137
Третьяковка. Зал икон	138
Хранитель древностей	138
«Жизнь, как видим, не остановилась...»	139
Утро	140
Берег Маклая	140
«Что посеешь — не твоё...»	141
Матрёшка	142
«Белый-белый сумасшедший дом...»	143

Женщина.....	144
Юность	144
«Нет, нет, я был несправедлив...»	145
«Греция — сон нескончаемый... Разве я...»	145
* * *	
I. «О, никогда так не дышалось...»	146
II. «Всем труженикам исполать!..»	147
«Как, ютась под нависшим обвалом...»	147
«Что происходит на борту...»	148
Рубка леса.....	148
Признание.....	149
«Стой, время, не греми!..»	150
Деревья	150
Противостояние Венеры	150
Дом престарелых.....	151
«Грядущее не за горами...»	151

Из книги
ГНЕЗДО (1989)

« — Беспечные птицы, чем заняты вы...»	153
«Течёт на землю золото берёз...»	153
Мама осенью	154
«Соблазн раствориться во всём...»	155
«Сыт и одет... Чего недостаёт?...»	155
Читая Платонова	
I. «Когда единой глыбой льда...»	156
II. «Ситец бело-розовых берёз...»	156
«Готовиться жить — это значит...»	157
Дети	158
Песочница	158
«Боятся тишины...»	159
«Глаза — зеркало души, это правда...»	160
Охотник	160

Машина	161
«Сухонькая, легче лоскутка...»	162
«Со своей щедрой, хотя и не царской, ноги...»	163
Очередь	163
Советы доброжелателя	164
Напутствие	165
Поэту Григорию Зобину	
при вручении ему плотницкого топора.....	165
«Под прилипчивой маской испуга...»	166
«Сверхпроводимая наша среда...»	167
«Кого в лесу ночном...»	167
«Незамутнённые прелюды...»	168
«To be or not to be — that is the question...»	169
Отец семейства в магазине «Фрукты-овощи»	169
Жалоба отца семейства	170
Кунсткамера	171
«Пленительный Орфей, безумец сладкогласный...»	172
«Трудно поэту, которому в собственном доме...»	173
Бытописатель	173
* * *	
I. «Все книги продам в чёрный день. Словари не продам...» ...	174
II. «О, не случайно словари...»	175
«На исходе двух тысячелетий...»	176
Соблазн	176
«Видели, как трактор летит по деревенской улице...»	177
«Ангел-хранитель меня разбудил...»	177
Яблоко	178
В сельской библиотеке	178
Болото	179
«В полутёмном тамбуре вагона...»	180
Воспоминания лингвиста	180
«Отец мой, подобно многим...»	181
«Стрёкот машинки на чердаке...»	182
«Несоразмерен искре Божьей фон...»	183
Импровизация — соло на трубе	183

* * *

I. «Сентябрь в пруд макает кисти...»	184
II. «По доскам весело грунт громыхнёт...»	185
В океане	
I. «Стихия, набирая ярость...»	185
II. «Ни денег он, ни славы не стяжает...»	187
«Троица» Рублёва	187
Флейта Марсия	
I. Пан и Сиринга.....	188
II. Сатир и нимфа	189
III. Афродита и Пан.....	189
IV. Крылья бабочки.....	190
«Помоги, наставник мой...»	190
Дань псалмам	191
«— Не берите с собою ни хлеба, ни денег...»	192
Закладка фундамента	
I. «В нашей местности горизонтальной...»	192
II. «Хрупкая калина на ветру пылает...»	193
Напарник	193
Дорожные заботы.....	194
«Просыпается, цепью гремя...»	195
«Бывает волна неудач бесконечной...»	196
«Я помню: бедность — не порок. Она...»	196
«Дабы не путать низ...»	197
«В яму Ярославского вокзала...»	197
Мечта поэта.....	198
На допросе.....	198
«Душа пустынна и темна...»	199
Наблюдение натурфилософа	200
Незаслуженный отдых.....	200
Страдающий Нарцисс	
I. «Тщеславия тайный порок...»	201
II. «Но зависти тайный порок...»	202
III. «О нет, на правовом суде...»	202

Жертвоприношение Авраама	203
Горшечник	203
«На самом у дороги...»	204
Знакомая актриса	205
«Почему грохочущее море...»	205
«Погоди от суммы и тюрьмы...»	206
Разговор с Мефистофелем	
I. «Я жил в тайге, и в море плавал...»	207
II. «Но ваши игрища зловещи...»	207
Падший ангел	208
«Наседает на пятки...»	209
Театр абсурда	210
Аарон перед толпой	210
Уроки Анаксагора	211
29 января 1837	212
«Меж молотом и наковальней...»	213
На могиле Высоцкого	214
«В результате мутаций, миграций...»	215
Знакомый голос	216
«На себя смотреть со стороны...»	216
Опыт доктора Моуди	217
«Да будем ревностны!..»	218
«Творчество или семья!..»	218
Хутор в Куйвижи	219
Астролог	219
«Когда же я избавлюсь от долгов...»	220
«В нашем огромном дворе по Ленинскому проспекту...»	221
«Товарняк, бурым углем гружённый...»	221
«В соседнем дворе жил художник...»	222
Два посвящения	
I. Фотоснимок 40-х годов	223
II. Свеча	224
«О вечная гордыня Вавилона!..»	225

Письменный стол	
I. «Примета, может, самая...»	226
II. «Накопилось бумаг! Будто в лавке...»	226
«Вино молодое в потёмках до времени бродит...»	227
Поздний свет	227
«Чуть тронул шмель басовую струну...»	228
Разговор по междугороднему	229
«Увы, где толсто, там и тонко...»	229
«Безумное — рядом...»	230
***	
I. «Век на исходе... И мой...»	231
II. «Любимые мои! Когда земная...»	231

Из книги
ДОРОГА НОЧЬЮ (1998)

Премьера	233
Десант	234
«В широком русле литургии...»	235
Пайка	236
Колыбельная	236
5 сентября	237
Азбука	238
Приказ Ирода	238
Метастазы	239
«Без юмора в Совдепии родной...»	240
Репродуктор	240
Жест шестидесятых	241
Полковник госбезопасности	242
Друг семьи	242
У почтового ящика	243
Плакат	243
«Типичный тамиздат...»	244
Клуб кинопутешествий	245

У приёмника

I. «Пещерный человек к транзистору приник...»	246
II. «О, здесь бы и проявиться...»	247
Первое разочарование	248
«То было в юности, в начале...»	249

Этюдник

I. Райцентр	250
II. «Носятся, как на коньках...»	250
III. «Господи, прости меня стократ...»	250
IV. Суд.....	250
V. Сосед.....	251

Братья

I. «Мы разные в одной семье...»	251
II. Сорокалетие.....	251
III. «Вот и конец... всё туманнее над головою пятно...»	252
IV. «Что толку пялить в ночь глаза? Лишь портить зренье...» ...	253
V. «Долго у Господа путь и тяжёл...»	254
«Сталин встал на ветровом стекле...».	254
Потомкам.....	255

Благовест

I. По дороге в церковь.....	256
II. Марфа	257
III. «Когда уж явно на пороге...»	257
«Как, наверное, с Мамаем битва...»	258
Русская печь.....	259
«Долгая тень от берёзы...».....	260
«На куполе разграбленного храма...»	261
«Чтобы не бояться чёрной кошки...»	261
Страстная пятница.....	262
«На сервелате отточив клыки...»	262
«Фантастическим образом...»	263
«Приятель мой...».....	264
«Слова Божья не приемля...»	265

Из цикла «Заповеди Божии»

I. «На каждом углу истукан белолицый...»	265
II. «Много чего можно изъять...»	266
III. «Не княжеских кровей, не чистому арийцу...»	267
Русские поэты	268
«С молитвой заснуть и проснуться...»	269
Прогулка по городу	269
«Отпущены цены на хлеб...»	271
«О, жгучее тавро...»	272
«Толковище, тусовка, базар...»	272
Эпитафия ночи	273
Золотое руно	273
«Да что там семнадцатый, что там...»	274
Перед окном	275
Шульженко	276
Правда	277
«И в малом деле быть, а не казаться...»	277
«Волна рифмуется с волною...»	278
«Очереди на дне котлована...»	278
«Великие свершились перемены...»	278
Дорога ночью	279
Детские игры	280
Семья	281
«Успокойся, родная! Разве ты свой талант закопала...»	281
Из цикла «Мать и сын»	
I. Мама у телевизора	282
II. «Не возлежала с бульварным бестселлером, думками...» ..	282
Смена фамилий	283
«Прилавки пусты, и понуры витрины...»	284
Слушая русский романс	285
Триптих	
I. Счастливый случай	286
II. Обыкновенный случай	287
III. Несчастный случай	288

Пассажир.....	288
«Наша история славная впишется в пару страничек...»	289
Ивану Бунину	290
Поэт — солдатам	290
Хвала ежедневнику	291
Маленькие радости.....	292
«Вольнолюбивых иностранцев...».....	292
«День короток... Чуть ли не треть...».....	293
Примета времени.....	294
«Тщеславных мыслей вдалеке...»	294
Мечты насекомого.....	295
Садоводческое товарищество «Дружба»	296
Посёлок дачного типа, или Отделочные работы в сопровождении Моцарта	297
«Выстрелит жёлудь по крыше и — тишина...»	298
«Всё будущее в нас...»	298
«Близость во всём, до границы греха...»	299
«Признаться стыдно, но не скрою...».....	299
«Отойди от меня, сатана!..»	300
«Снова день пролетит стороной...»	300
«Изрыта душа, изранена...».....	301
Художница-иконописец	302
«Безвестный художник, почивший давно...»	303
Телевизор в холле психбольницы.....	304
«Похлеще “Архипелага” ...».....	305
Похороны друга	306
Окно.....	306
В защиту последней фотографии о. Александра Меня, помещённой на газетной странице	307
Два лица	
I. «Улыбка отца Александра...»	308
II. «Открываю глаза, будто кто окликает меня...»	308
«Веет май теплом надышанным...».	308

«Щедрый всегда богат...»	309
Экскурсия в Америку	310
«Муза капризна. Накручивает хитросплетения...»	311
«Уже и мне свидание назначил...»	312
«Ничто не радует... Ни сад...»	312
«Каждый день просыпаюсь в тревоге...»	313
«Толстую кожу нужно иметь в наши дни или веру...»	313
«Ура! Нашёл очешник!..»	314
Попытка психоанализа	315
«Почётно управлять...»	315
«И в лихие, и в славные лета...»	316
Благодарение Польше	
I. «Одна палитра, кисть одна и та же...»	317
II. «Реликтовый лес почивает во сне золотом...»	317
III. «Реликтовое тулово гиганта...»	318
Божья Матерь в Ченстохове.....	319
Костёл	320
Ко дню рождения.....	320
Этюдник	
I. «Господи!..»	320
II. «Осуществился ли замысел Твой обо мне...»	321
III. «Отрок-отцеубийца, в рот не бравший вина...»	321
«Стеречь, ловить, искать — нет сил и бесполезно...»	321
Пробуждение	322
«Привычно над собою увечному трудиться...»	322
«Все поражения — в счёт...»	323
Натюрморт с Библией	323
«Нынче второе крещение Руси... С чем поздравляю...»	324
«Куда уж ехать!.. Мне за пятьдесят...»	324
«Порасшатались мы — болтики-винтики...»	325
«Хиромант взял мою руку...»	326
Октябрь.....	326
«Расширю террасу, окно прорублю...»	327

«Силы из тела ушли...».....	327
«Дни бегут, как спицы в колесе...»	328
«В голове суета сует — сплошные клише...»	329
«Кому-то в отечественном нашем лесу...»	329
Ты жива ещё, моя старушка...	330
«Роскошный тлен увянувших ромашек...»	331
«Смуглые розы красуются в банке...»	331
«Гармонии нет и в помине...».....	332
Дом творчества	333
«Как девушка, неврастеничен...»	334
«Год любимой валторны...»	334
«Краешек письменного стола...»	335
«Муза молчит откровенно. Возьмусь за письмо...»	335
«Всё обновилось. Молодость прошла...»	336
«Самоубийственный дух в деспотиях...»	336
«Башкою расшибить балконное стекло...».....	337
«Список усопших, близких моих...».....	338
«Свершилось. Не числиться в списках...»	338
«Людей помогающих больше, чем не помогающих...»	339
«В преддверье бездны грозныя и выси...».....	339
«На утренней зорьке утопленник всплыл...».....	340
Рабочая электричка.....	341
«Сердце — лежбище обид...»	341
Пешеход.....	342
Напоминание.....	343
«Истины строгий затворник алкал...»	344
«Украшив тонкой свечечкой возглавие...»	344
«Смирения душа полна...».....	345
«Грустно и одиноко...»	346
«Тот раньше умер, тот чуть позже...»	346
«Каждый раз, отлучаясь из дому...».....	347
«Я не уверен, но, думаю, навряд ли...».....	347
«Бесперебойно тучи грозовые...»	348

Из книги
КОМЕТА НАД «КОСМОЙ И ДАМИАНОМ» (2005)

Комета над «Космой и Дамианом».....	350
«Складывать дрова в поленницу...»	351
«Рассвет крадётся тихой сапой...»	351
Последняя гроздь облепихи	352
Два стихотворения	
I. «Дрожащий лист с такими же бок о бок...»	353
II. «А этот разминулся...»	353
«Как в отрочестве о любви...»	354
Натюрморт ко дню рождения.....	354
«Нагая берёза и тополь...»	355
«Камень, пущенный в зенит...»	355
«Чем старше, тем ближе к истокам...»	356
«Последнее ласковое тепло бабьего лета...»	357
«Доколе красоваться клёну...»	357
Ствол ясеня.....	358
«Чаянием чревата...»	358
«В стерильной тишине...»	359
Рождество.....	360
Утро 25 декабря.....	361
«Бесснежный, как обугленный калека...»	361
«Иней опушил стекло...»	362
Родовое	363
«Белка бежит по продольной жерди штакетника...»	363
«Утомился или свет не мил...»	363
Мама в больнице	
I. «Гнилую ночь на гнилом постоялом дворе...»	364
II. «В тучи сбиваются, мчат вереницей...»	365
Переходя Ленинский проспект	
в новогоднюю ночь 2000 года.....	366
«Она падает на ровном месте...»	366
«Рядом с мамой умирающей...»	367
«Вот уж мамины вещи...»	367

Год спустя.....	368
«Кладбище Востряковское...»	369
«Старость — узилище зла...»	369
«Ослепительный вид из окна...».....	370
Симптом клаустрофобии.....	371
«У славы всякий день фанфары, фавориты...»... ..	372
Два стихотворения	
I. «Конечно, ещё не развалины...».....	372
II. «Москва — как эпицентр Большого взрыва...».....	373
Автопортрет в зеркале	374
«И мир, и любовь, и семейный очаг...».....	374
«Между даром и долгом...»	375
«Твёрдым характером скалы дробить...».....	375
«В сапожной мастерской стрекочут попугаи...»	376
«Удрал из дому еле-еле...».....	376
«Выскальзывает молитва...»	376
Голос отца Александра	
I. «С кем это я раздирающе душу, азартно...»	377
II. «Не заросла, не затянулась дёрном...»	378
III. «К святому обращаются на “ты” ...».....	378
IV. У креста в Новой Деревне.....	378
Римский портрет	
I. «Мраморнокудрые... Иные лавром...»	379
II. «Глаза бы мои не глядели...».....	380
Этюдник	
I. «Теплее тела благородный мрамор...».....	381
II. «Руины Рима...».....	381
III. Лаокоон.....	382
«Так и умру, всех книг не прочитав...».....	382
Самсон	383
Царь Давид.....	384
Журналист	385
Голоса... ..	386
«Повсюду — в кабаках, в салонах...»	387

Обида («Вдруг поднялась со дна обида...»)	388
«Молиться за врагов за окаянных — значит...»	388
«Подавая нищему из тепла своего...»	389
Попытка раскаяния	389
«Навязчивые клипы...»	390
Лагуна	391
Два стихотворения	
I. «Лоскутное одеяло...»	392
II. Два мнения	392
«Видимо, эта страна...»	394
«Поистрепались лозунги...»	394
«Опять о Сталине...»	395
«Не будем ужасаться...»	395
Позывные «Свободы»	396
«Недвижимости не иметь...»	397
«Желанного мира и счастья желанного ради...»	398
Патриотизм	398
«Дружно держали шаг...»	398
«У тех, защемлённых в тисках ностальгии...»	399
Разговор по мобильнику	400
«В разбросанном созвездье Андромеды...»	400
«Слабо трубе иерихонной...»	401
«Не хочу на Валаам...»	402
«По стародавнему знатному праву...»	403
«Горой за народ, набывчась...»	403
«Утром помоечные разборки...»	404
«Где ни копни в этой голой долине...»	404
«Куда ты несёшься, о, тройка, о, птица?!...»	405
Подмосковный лес	406
«Я в рощице за дерево вступился...»	406
«Копая грядку на новом месте...»	407
«Когда-то остынут последние угли в золе...»	408
«Он пил, утверждая свободу...»	409
29 января 1837 года	409
«Отвернуться к стене...»	410

«Жизнь пронеслась — на бегу, на лету, на скаку...».....	411
«То добытчицей рыщешь с утра...»	412
Подражание древним	412
Семь стихотворений из книги «Ковчег» (Самиздат)	
I. «Воскреси меня, как Лазаря из гроба...».....	414
II. Сомнение	414
III. С молитвой!	415
IV. Об анекдотах	416
V. «Повторять, как заклинанье, буду...»	417
VI. «Со дна раздавленной души...».....	417
VII. «После бани той кровавой...»	418
Сусанна	419
«Бердслеевской эротики...»	420
«Шлягер пятидесятых...».....	420
Мимолётное	
I. «Как в лузу шаткую шары...»	422
II. «Жар моих глаз неуёмен...».....	422
«Изыди, сатана...»	423
В доме творчества	423
«Шум берёзы, похожий на шум дождя...»	424
«Дочерние сгребая оплеухи...»	424
«В детстве мне очень хотелось иметь собаку...»	425
«Синь апрельская иней со стёкол...».....	425
Благовещенье.....	426
Март за окном	427
«Ни дымка в посёлке. Лишь...»	428
После зимы	428
Видение под утро.....	429

Из книги
ЭВХАРИСТО (2013)

Позывные Греции	430
Рассвет за окном.....	430
«Не будем путаться: чья вина?...».....	431

«Молчит и глаза таращит...».....	432
«Против этой разбухнувшей тучи в броне...»	432
Колымские рассказы Варлама Шаламова.....	433
После фильма Анджея Вайды о Катыни	434
Философ поневоле	434
Отвечая на вопрос радиостанции «Свобода».....	435
Алушта. Октябрь.....	436
«Когда меня унылый жлоб обманет...»	437
«С веком не переменялся...»	437
«Удерживались не на честном слове...»	438
«Жили и не при таких паханах...»	439
«Из вечных соковок не много...»	439
«Ваганьково. Детство. Глухая пора...»	440
Фотография отца Александра Меня	
I. «Улыбается. Видит всё. Может быть...»	440
II. «Проклятая муха! Достала! Никак её не прикончу...».....	441
«Солнце светит иль дождь моросит...»	441
«Мигрантов прибавилось за год...»	442
«Человек пенсионного возраста, молоджавый...»	443
Страна в день Марша несогласных 4 декабря 2011 г.	443
Хутор	444
* * *	
I. «Свет вырубился, и в округе...»	445
II. «Ну ветер! Силой стенобитной...»	445
«Да не быть во князьях холопами!...»	446
«Над Землёй воспарил Орион...»	447
«Не убий!...».....	447
«Синяя стынь, ледяные осколки...»	447
«Пользительно поэтам...»	448
«Стало к утру наконец-то просторно, светло...».....	448
«Ноябрь неумолимый грозен...».....	449
«Мой взгляд дворовою площадкой...»	450
«Наземное существование влачат...»	451
Перекасти-поле	451

«В сарае напротив живёт сова...»	452
Сводный брат	453
«Опять вы глушите “Свободу” ...»	453
Жалобы турка	454

* * *

I. «Нечего тужиться-пыжиться...»	454
II. «Не дёргайтесь, маэстро, — от волнения...»	455
«Отчаянный вздох испуская...»	455
Прощание с Таманью	456
«Уже не осилить штурвал...»	456
«И всё ещё что-то пытаюсь...»	457
Дочке	458
«Осколки, обломки, обрывки стихов...»	458
«Умер маэстро, легенды ходили о ком...»	458
«Рифма ушла от меня...»	459
«Вот страшно-то когда: свободный дар убит...»	459
«Ты кто: поэт или и. о. завснаба?...»	460
«Если начало случилось, конец неминуем...».	460
«Свободный безрифменный стих, как стадо овечек...»	461
«Каждую книгу читаю с карандашом...»	461
«Кто-то выставил лыжи возле дома...»	462
«Лицо в глубоких морщинах...»	462
«Заветом дорожу...»	463
«Ввязался в драку. Заступился...»	463
Подмосковная идиллия	464
«Вот Лебедь, Андромеда, Орион...»	465
«Хаббл, спутниковый телескоп...»	466
«В Библии космос пронизан лучом...»	466
«Уединенье — Божий дар!...»	467
«Ломит виски, и глаза болят...»	468
«Солнышко. Лето. Под окнами луг сверкает...»	468
«На письменном столе порядок...»	469
«Проснулся я под утро, как очнулся...»	469

Сотворение креста	469
Воспоминания об Америке	470
«Споспешествует Истина идеям...»	471
«За то, что народ, наконец-то собравшийся в храме...»	472
«В саду, в отсутствие бывшего...»	473
Тоска по третьей заповеди	
I. «Я — персть под ногами живая...»	473
II. «От глаз, воспалённо горящих...»	474
«Для кого алтарь со святынями...»	475
* * *	
I. «Господи! Я так и не научился...»	475
II. «Увы, всем ветрам раскалённым открыт...»	476
«Страшат больничные мытарства...»	476
«Ох, не вовремя я занедужил...»	476
«И так и эдак хорошо...»	477
«Крест свой, осилив душевно...»	478
«Ему ещё месяца от роду нет...»	479
«За призрачную грань неведомого дня...»	479
«Никого не хочется разоблачать...»	480
«Отчего так часто снится...»	480
«У Ивана и Марии — моих...»	481
«Утренники холодные...»	482
«Пятая годовщина маминой смерти...»	482
27 сентября 2010 года.....	483
«Жаль уходить из жизни этой...»	484
«Ирония, как будто налегке...»	484
* * *	
I. «Извечен уклад наш суровый...»	485
II. «Для рыцарей и певчих птиц...»	485
III. Сын	485
Элегия в стиле ретро.....	486
«Уолден, или Жизнь в лесу...»	488
27 сентября 2008 года.....	489
«Отдаться палитре, натуре...»	490

«Тонколистая пальма шумит под окном...»	491
«Солнце Германии не закатилось...»	491
«Благодарение — очи горе!..»	492
Этюдник	
I. Дети и волны	493
II. «Девы обнажили груди...»	493
III. «На девчушке — годочка четыре...»	493
IV. «Женщин грозная армада...»	494
«Из века в век полна...»	494
«Образ видимой Греции — сфера...»	495
* * *	

I. «Греция не отпускает из горячих смуглых объятий...»	496
II. «Полную девственной свежести розу я в банку поставил...»	497
III. «Корень лозы виноградной вынесло море на берег...»	497
«Мне и сегодня близкий...»	498
«Дерева могучий выброс...»	499
«Непуганых уток стада...»	499
«Они здесь мыли сети. Рыбья слизь...»	500
«Восходит солнце, как в начале...»	501
«Голаны угрюмые — бурый массив...»	502
«Всевышнего рука...»	503
Куст олеандра	503

Из книги МАРТ ОТЗЫВЧИВЫЙ,
МАРТ БЕЗУТЕШНЫЙ (2018)

В подмосковном лесу	505
Страна забвения	506
«Ель нагая иголки сбросила...»	506
Дуб осенью	507
Русский лес («Сквозь нашу бытность шептуню...»)	508
«Опять зима кусты посеребрила...»	508
«Снова март чудодейственный призван...»	509
«В ожидании годин...»	510

«Русской прописью вдруг знаки огневые...»	511
«Вот она, ратующая за справедливость...»	511
Русские пословицы	511
«Стихи наступают на пятки...»	512
«Под моим балконом, чуть в стороне...»	513
«Не стыдно ли день свой начать...»	513
«Там, где незримо клубится...»	514
Миссионер	514
Библия и газета	515
«Ваш суд, хулители, друзья...»	516
«Нераскрученный, неохваченный...»	516
По мотивам картины К. Маковского	
«Дети, бегущие от грозы» (1872 г.)	517
Пенсионер	
I. «Родимое государство...»	518
II. «В продовольственном перед витриной стоя...»	518
III. « — У вас ресурсы зрения ослабли...»	519
Усомнившийся Пётр	520
«Тулово бесплодное...»	520
«Любая опора шатается...»	520
«Без паники, милый, без паники...»	521
«Он встречен, как праздник, родными людьми...»	522
«Человек, ведомый Богом...»	523
«Моим пенатам даль открыта...»	524
«Сомкнулись тяжёлые своды...»	525
«За порогом, до порога...»	525
«Предательство в обычае... Мой друг...»	525
«Без иллюзий — ближе, ближе...»	526
«Свято место пусто не бывает...»	527
Два стихотворения	
из книги «Ангел чернорабочий» (2007)	
I. «Мечена жижя дорожная палым огнём...»	527
II. «Там, где топор долгожданную жертву настиг...»	528
Дорожка в Семхозе, на которой был убит	
отец Александр Мень	528

Храм преподобного Сергия в Семхозе.....	529
Библиотека.....	530
Дом отца Александра Меня в Семхозе. 2013 год.....	530
Памяти Григория Померанца.....	531
Закат.....	532
Весть.....	532
«На кладбище пойдём.. Отрадные мгновенья...»	533
«Подожди меня. Вместе уйдём...»	533
«В октябре смертоносные дни...»	534
«Да пребудет живущий зрячим!...».....	534
Внукам.....	535
«Показательно суров...»	535
«Кончился год. Чуть заметную тропку...».....	536
«У вечности на пороге...».....	537
«День за днём льёт и льёт без просвета...»	537
«В чистых лесах под Варшавой...»	538
«Прикровенный свет неярк...».....	539
«Естественно, неотвратно...»	540
Элегическое.....	541
После грозы.....	541
«Ржавь шершавая шлаков, прозелень меди...»	541
«Златая Киприда на берег...».....	542
Пелопонесское.....	543
«В вековечном краю заповедном...».....	544
«Когда твоей дражайшей половине...»	545
«Поэт, не ведая тревоги...».....	545
«Дорога — ухаб на ухабе...».....	545
«Вошли в эпоху Третьей мировой...»	546
7 ноября 2013 года.....	547
«Язык наш в мире настоящем...».....	547
«Получим мы все по заслугам...»	547
«Жизнь пронеслась, промелькнула.. У края...»	548

«К тебе, новоявленный Ирод...»	548
«Выходец из народа...».....	549
Пушкинская площадь. День России. 12 июня 2017 года	549
«Чуть живому дыханию внемлю...»	550
Предысходное	551

Из книги
ВОСХОД ВЕНЕРЫ (2022)

«Где ты живёшь? — вы спросите. — В гостях...».....	553
«Тоскую по дому оставленному... Не по стране...».....	553
Русский лес («Пепельный свет от Луны...»).....	554
«Три лилии в гранёном хрустале...».....	555
Сосна.....	556
«Видно, я в своей судьбе...»	556
«Я, эмигрант преклонных лет...».....	557
«Деревце. Саженец, метров пять уже вымахал...»	558
«Таёт свечечка...»	558
«Прощай, Изабелин...».....	559
«Здесь было еврейское кладбище, которого нет сегодня...»	560
«Во мху, мягком и нежном, как лебяжий пух...»	560
«Напрасно я, кажется, вышел...»	561
Письмо («Да никакой я не герой...»)	561
«Жрецы, хулители, друзья!..»	562
«Все сроки кончились! — будила в школу мама...»	563
Монастырь под Варшавой.....	563
«Раньше он прислушивался к миру...».....	563
«Нечего прятаться... из-за угла...».....	564
«Землю колеблют не только тектонические сотрясения...»	565
«Бомба попала в дом...».	565
Обида («Родные или бывшие друзья...»).....	566
«Последними словами поминая...»	566
Бологое	567

Из семейной хроники старшего,
недавно почившего друга

I. «Будто лягушку сунули за воротник...».....	568
II. «Я чувствую, я вам враждебен...».....	568
«Сквозь ветви в синеве раскосой...».....	568
Саул и Давид	569
Вирсавия	570
Авессалом, сын Давида	571
«На финишной прямой попутный ветер гонит...»	571
Сороковины.....	572
«Совдепией родной изрядно покорёжен...».....	573
Ровеснику	574
«Ох, не люблю магазины и рынки...»	575
«Сон приснился: звонок...»	575
Юбилей	
I. «Нужна железная закладка...»	576
II. «Мне восемьдесят лет!..»	576
«Над костром клубится дым...».....	577
«Молодости не завидую...»	578
«Я никогда не носил костюмов...»	578
«А приглядеться попристальной, издали...»	579
«Как полюбить Господа, не видя Его?...»	580
«Суета разрывает на части...»	580
«Не встретились. Прочь улетели...».....	581
Штрихи к портрету отца Александра.....	582
9 сентября 1990 года	582
У Соловецкого камня на Лубянке.....	583
«Отечественному Талибану...»	584
Памятник Калашникову, установленный рядом с редакцией «Радио Свобода»	585
«Владенья княжеские распростёрты...».....	585
Аллах Акбар.....	586
Игумен Сергей Романов в разгар пандемии	587
Игумен Сергей Романов отвечает своим оппонентам.....	588

Храм Вооружённых Сил.....	589
Моим православным соотечественникам, любящим Россию на безопасном расстоянии.....	590
Межконфессиональное.....	591
«Жителя постсоветской эпохи...»	592
Пожар в Кемерово, в торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня»	593
«Всё равно слово правды само...»	593
Корона	
I. «Будто Змей Горыныч, вырос...».....	594
II. «Коронавирусом затрахан...»	594
«У метро три старичка раздают листовки...».....	595
Спасти Россию может только Бог	595
«Рыба гниёт с головы. А царство безбожное с Церкви...»	596
Голос.....	597
Святая Русь	597
«Когда на стол с экрана кровь сочится...»	598
Взгляд.....	599
Пасть порву	600
«Наш лысоватый бен Ладен...».....	600
«Сторона ты моя, сторонushка...»	601
«Матушка, Святая Русь...»	601
«Под цепким приглядом лукавого...»	602
«Там, где народ веками вокруг Евангелия топчется...»	603
«Их царство на грани распада...».....	603
Голос флейты	604
«Разметала нас по свету родимая матушка...»	605
«Бомбят Украину...».....	605
«Отломанный ломоть к буханке не приставишь...»	606
«Когда в 90-х империя зла...».....	606
«С рожденья задвинуты в пасть крокодилью...»	607
«Не спасённый живительным словом...».....	608
«Черёмуха, орешник жалкий...»	608
<i>Книги Александра Зорина.....</i>	<i>610</i>

А. Зорин

ВВЕРХ
ПО ВОДОПАДУ

Собрание стихотворений

Дизайн обложки Н. Макаров
Оригинал-макет Б. Марковский

Формат 60х90 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 40

Подписано в печать 11.04.2025
Печать офсетная

Александр Зорин родился в Москве в 1941 г. Окончил геологический техникум (1962) и Литинститут (1968). Член Союза Писателей Москвы. На жизнь зарабатывал ручным трудом и поэтическими переводами. Печатался в отечественных и зарубежных журналах: «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Грани», «Континент» и др. Главные книги издал в перестроечное время. Активный автор церковной публицистики в интернет-изданиях. Живёт в Дюссельдорфе.

